ЛАУРЕАТ ПРЕМИЙ «HUGO», «NEBULA», «ARTHUR C. CLARKE AWARD»

Энн Леки

СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ

Неожиданно, интересно и очень круто!

Дж. Скальци

Энн Леки

СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ

FANTASTIKA

Слуги правосудия
Энн Леки

Аннотация
Энн Леки. СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20

ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Когда-то она была огромным космическим кораблем и управляла тысячами солдат, которые служили непобедимой Империи Радча, завоевавшей всю галактику. Однако коварное предательство лишило ее всего. Теперь, девятнадцать лет спустя, она просто Брэк, одинокая странница, обладающая хрупким человеческим телом и движимая непреодолимым желанием отомстить. Отправившись на далекую заснеженную планету в поисках орудия для своей мести, Брэк неожиданно встречает человека, которого знала тысячу лет назад. Она спасает его от гибели и берет с собой, но, возможно, это большая ошибка…

ЭНН ЛЕКИ

СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2015

Энн Леки
СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ

Моим родителям, Мэри П. и Дэвиду Н. Дитцлеру, которые так и не увидели эту книгу, но всегда были уверены, что она обретет жизнь.

ГЛАВА 1

Тело, обнаженное, землистого цвета, лежит лицом вниз, снег вокруг забрызган кровью. Минус пятнадцать градусов по Цельсию, и буран прошел лишь несколько часов назад. Снежная гладь уходит вдаль в тусклом утреннем свете, и только несколько следов ведут в ближайшее строение из ледяных блоков. Бар. Или то, что сходит за него в этом городишке.

Есть что-то тревожно знакомое в этой вытянутой руке, в линии тела от плеча к бедру. Но вряд ли я знаю этого человека. Я здесь никого не знаю. Это — ледяная дыра на холодной и удаленной планете, которая вообще не соответствует представлениям радчааи о цивилизации. Я оказалась здесь, на этой планете, в этом городишке, только из-за неотложного личного дела. Тела на улице не имеют ко мне никакого отношения.

Иногда я не знаю, почему делаю то, что делаю. Прошло уже столько времени, а я так и не привыкла, что не получаю приказов, чтобы непрестанно им следовать. Поэтому не могу вам объяснить, почему я остановилась и приподняла ногой обнаженное плечо, чтобы увидеть лицо

этого человека.

Обмороженную, в крови и синяках, я ее узнала. Ее звали Сеиварден Вендааи, и давным-давно она была одним из моих офицеров, молодым лейтенантом, которая со временем получила повышение и стала командовать другим кораблем. Я думала, она мертва уже тысячу лет, но она здесь, и это неоспоримо. Я присела на корточки и попыталась нащупать пульс, уловить малейшие признаки дыхания.

Еще жива.

Сеиварден Вендааи больше не моя забота и не моя ответственность. И она никогда не входила в круг моих любимых офицеров. Разумеется, я повиновалась ее приказам, и она никогда не превышала полномочий с вспомогательными компонентами, не причиняла вреда моим сегментам (как поступали некоторые офицеры). У меня не было повода думать о ней плохо. Напротив, она отличалась прекрасными манерами образованного человека из хорошей семьи. Конечно, не по отношению ко мне — я была не человеком, а единицей оборудования, частью корабля. Но я никогда не испытывала к ней особой привязанности.

Я поднялась и вошла в бар. Здесь темно, белизна

ледяных стен уже давно скрылась под сажей или чем-то похуже. Пахло алкоголем и блевотиной. За высокой стойкой — коротышка из местных: толстая, бледная, с широко расставленными глазами. У грязного стола развалились на стульях три посетителя. Несмотря на холод, на них только брюки и стеганые рубашки: в это полушарие Нильта пришла весна и они наслаждались потеплением. Делают вид, что не видят меня, хотя наверняка заметили еще на улице и понимают, почему я зашла. Вероятно, кто-то из них замешан в случившемся с Сеиварден: она пробыла там недолго — иначе была бы уже мертва.

— Я арендую сани, — сказала я, — и куплю комплект от гипотермии.

Одна из посетителей позади меня усмехнулась и с насмешкой произнесла:

— А ты крута, малышка, как я погляжу.

Я повернулась, чтобы посмотреть на нее, вглядеться в ее лицо. Ростом выше, чем большинство нильтиан, но, как и все они, толстая и бледная. Массой превосходит меня, но я выше, к тому же я значительно сильнее, чем кажусь на вид. Она не осознаёт, с чем играет. Это, вероятно, мужчина, если судить по узору, напоминающему угловатый лабиринт, которым простегана рубашка. Я

не вполне уверена. Это не имело бы значения, будь я в пространстве Радча. Радчааи не слишком озабочены проблемой пола, и в языке, на котором они говорят, — моем первом языке — род вообще не находит отражения. Язык, на котором мы говорили сейчас, имеет категорию рода, и я могу нажить неприятности, используя неверные формы. Делу отнюдь не помогало то, что ориентиры, по которым можно определить пол, от места к месту разнились, подчас кардинально, и очень редко были мне хоть немного понятны.

Я решила промолчать. Через пару секунд она внезапно обнаружила нечто интересное на столешнице. Я могла бы убить ее на месте без особых усилий. Мысль мне понравилась. Но сейчас моя первоочередная задача — Сеиварден. Я вновь повернулась к коротышке за стойкой бара.

Неуклюже сутулясь, она сказала — так, будто нас и не прерывали:

— Что это за место, по-твоему?

— Такое, — ответила я, чувствуя себя в безопасности на языковой территории, которая не требовала обозначения рода, — где мне дадут в аренду сани и продадут комплект от гипотермии. Сколько?

— Две сотни шенов. — По крайней мере, вдвое

больше обычной цены, можно не сомневаться. — За сани. Снаружи, позади дома. Тебе придется взять их самой. И еще сотня за комплект.

— Полный, — уточнила я. — Неиспользованный.

Она вытащила один из-под стойки, упаковка выглядела неповрежденной.

— За твоим приятелем должок, кстати.

Может быть, ложь. А может, и нет. В любом случае сумма будет взята с потолка.

— Сколько?

— Триста пятьдесят.

Можно попробовать избежать указания на пол бармена. Или попытаться отгадать. В худшем случае вероятность была пятьдесят на пятьдесят.

— А ты доверчивый, — сказала я, предположив, что передо мной мужчина, — дал в долг такому бедолаге. — Я знала, что Сеиварден мужского пола, так что это было легко. Бармен промолчал. — Шестьсот пятьдесят покрывают все?

— Да, — ответил бармен. — В значительной степени.

— Нет, все — целиком и полностью. Мы договоримся сейчас. И если кто-то потом пойдет за мной и потребует большего или попытается меня ограбить, то умрет.

Тишина. Затем кто-то у меня за спиной сплюнул.

— Радчаайская мразь.

— Я — не радчааи. — И это правда. Нужно быть человеком, чтобы считаться радчааи.

— *Он* — да, — сказал бармен, слегка поведя плечом в сторону двери. — Акцента у тебя нет, но смердишь ты, как радчааи.

— Смердит пойло, которым ты потчуешь посетителей.

Сзади послышались негодующие возгласы. Я полезла в карман, вытащила несколько банкнот и бросила их на стойку.

— Сдачу оставь себе. — Я повернулась, собираясь уйти.

— Лучше, чтоб твои деньги были настоящими.

— Лучше, чтоб твои сани оказались там, где ты сказал. — И я вышла.

Сначала — комплект от гипотермии. Я перевернула Сеиварден. Затем сорвала печать с упаковки, отсоединила трубку от платы и вставила в окровавленный, полузамерзший рот. Как только индикатор на плате загорелся зеленым, я развернула тонкое одеяло, убедилась в том, что оно заряжено, обернула вокруг нее и включила. Затем отправилась за таверну, чтобы взять сани.

Никто меня не поджидал, повезло. Мне пока еще не хотелось оставлять за собой груду тел, я здесь не для того, чтобы причинять неприятности. Притащив сани, положила на них Сеиварден и подумала, не накрыть ли ее еще своей курткой, но в конце концов решила, что вряд ли так будет сильно теплее, чем с одним гипотермическим одеялом. Включив питание саней, я уехала.

Я сняла комнату на окраине города, одну из дюжины двухметровых клетушек из сборного серо-зеленого пластика. Никакого постельного белья, одеяла — за отдельную плату, так же как и обогрев. Я уплатила — я уже растратила достаточно несуразную сумму, вызволяя Сеиварден из снега.

Я постаралась смыть с нее кровь, проверила пульс (все еще есть) и температуру (поднимается). Когда-то я узнала бы, даже не задумываясь, ее внутреннюю температуру, частоту сердечных сокращений, содержание кислорода в крови, уровень гормонов. Я увидела бы любое повреждение, просто пожелав этого. Сейчас я слепа. Ее явно избили — лицо опухло, туловище в кровоподтеках.

В комплект от гипотермии входил самый простой восстановитель, но всего один и только для оказания первой помощи. У Сеиварден могли

быть внутренние повреждения или серьезная травма головы, а я могу справиться лишь с порезами или растяжением связок. Если повезет, то мне придется иметь дело только с переохлаждением и синяками. Но у меня не слишком много медицинских знаний, теперь — нет. Я могла поставить лишь диагноз самого общего характера.

Я вставила ей в горло другую трубку. Потрогала снова, кожа больше не казалась холодной и влажной. Цвет, если не считать синяков, возвращался к более естественному смуглому. Я принесла контейнер со снегом, чтобы растаял, и поставила в угол, где, я надеялась, она не опрокинет его, если проснется, а затем вышла, заперев дверь.

Солнце поднялось выше, но светлее, пожалуй, не стало. Сейчас на гладком после вчерашнего бурана снегу виднелось больше следов, и вдалеке маячила пара нильтиан. Я отвезла сани назад к бару, припарковала позади. Никто ко мне не приставал, из темного дверного проема не доносилось никаких звуков. Я направилась в центр города.

Повсюду люди шли по своим делам. Толстые, бледные дети в штанах и стеганых рубашках, заметив меня, перестали бросаться снежками, замерли и вытаращились изумленными

глазищами. Взрослые делали вид, что меня не существует, но, проходя мимо, косились. Войдя в магазин, я оставила за спиной то, что считалось здесь дневным светом, и переместилась в полумрак, в прохладу, лишь на пять градусов теплее, чем снаружи.

В магазине стояли и разговаривали люди, человек двенадцать, но, как только я вошла, воцарилась тишина. Осознав, что на лице у меня нет никакого выражения, я с помощью лицевых мышц изобразила нечто неопределенно приятное.

— Чего тебе? — проворчала владелица магазина.

— Я уверена, что эти люди — передо мной, — сказала я, надеясь, что это группа разнополых нильтиан. Ответом была тишина. — Я бы хотела четыре буханки хлеба и кусок жира. А еще два комплекта от гипотермии и два восстановителя общего назначения, если есть такие.

— У меня есть десятки, двадцатки и тридцатки.

— Тридцатки, пожалуйста.

Она сложила мои покупки стопкой на прилавок.

— Триста семьдесят пять. — Откуда-то сзади

раздался кашель — с меня опять запросили слишком дорого.

Я заплатила и ушла. Дети все еще толпились, смеясь, на улице. Взрослые по-прежнему проходили мимо так, словно я пустое место. Я сделала еще одну остановку — Сеиварден нужна одежда. Затем я вернулась в комнату.

Сеиварден все еще без сознания, и по-прежнему, насколько я вижу, нет признаков шока. Почти весь снег в контейнере растаял, и я положила в него полбуханки твердого, как кирпич, хлеба, чтобы тот впитал воду.

Травма головы и повреждение внутренних органов опаснее всего. Я открыла два восстановителя, которые только что купила. Подняла одеяло, положила один на живот Сеиварден и смотрела, как он расплылся лужицей, которая вытянулась и застыла прозрачной раковиной. Другой я приложила к той стороне лица, которая выглядела наиболее пострадавшей. Когда он затвердел, я сняла куртку, легла и заснула.

Немногим больше чем через семь с половиной часов Сеиварден пошевелилась, и я проснулась.

— Очнулась? — спросила я. Восстановитель, который я приложила, закрывал один глаз и половину рта, но кровоподтеки и опухоль на

всем лице значительно уменьшились. Подумав чуть-чуть, каким должно быть правильное выражение лица, я изобразила его. — Я нашла тебя в снегу, перед баром. Похоже, тебе нужна была помощь. — (Она с трудом выдохнула, но не повернула ко мне головы.) — Ты голодна? — (Ответа нет, лишь отрешенный взгляд.) — Ты ударилась головой?

— Нет, — сказала она тихо, с безвольным, поникшим видом.

— Хочешь есть?

— Нет.

— Когда ты ела в последний раз?

— Не знаю. — Голос ровный, без всяких интонаций.

Я приподняла ее и прислонила к серо-зеленой стене, осторожно, чтобы не навредить, и следя за тем, чтобы она не сползла назад. Сеиварден осталась сидеть, и я медленно, тщательно обходя застывший восстановитель, заправила ей ложкой в рот немного кашицы из размокшего в воде хлеба.

— Глотай, — сказала я, и она повиновалась. Таким образом я скормила ей половину того, что было в миске, а остальное доела сама и принесла еще снега.

Она смотрела, как я кладу в миску вторую половину буханки, но ничего не говорила, лицо по-прежнему оставалось безмятежным.

— Как тебя зовут? — спросила я. Ответа не последовало.

Она приняла кеф, догадалась я. Большинство людей скажут, что кеф подавляет чувства, и он действительно это делает, но не только. Когда-то я могла точно объяснить, как действует кеф, но я уже не та, кем была раньше.

Насколько мне известно, люди принимали кеф, чтобы перестать чувствовать. Или потому, что верили: если избавиться от эмоций, восторжествуют высшая рациональность, совершенная логика, истинная просвещенность. Но так не выходит.

Чтобы извлечь Сеиварден из снега, я затратила время и деньги, какие с трудом могла себе позволить, и ради чего? Предоставленная самой себе, она добудет порцию, или три, кефа, а потом снова заберется в какую-нибудь дыру вроде того грязного бара, где найдет верную смерть. Если это было ее желание, я не имела права ей препятствовать. Но если она хотела умереть, почему не сделала этого аккуратно, не зарегистрировала официально своего намерения и не отправилась

к врачу, как сделал бы любой? Я не понимала.

Я очень многого не понимала, и девятнадцать лет, в течение которых я прикидывалась человеком, научили меня не настолько многому, как думалось.

ГЛАВА 2

За девятнадцать лет, три месяца и одну неделю до того, как я обнаружила Сеиварден в снегу, я была десантным кораблем, который вращался на орбите планеты Шиз'урна. Десантные корабли — самые крупные суда в космическом флоте Радча, с шестнадцатью палубами штабелем одна на другой: командная, управленческая, медицинская, гидропонная, инженерная, центрального доступа, и по палубе для каждого подразделения, жилое и рабочее пространство моих офицеров, о которых я знала все, вплоть до каждого вздоха и сокращения каждой мышцы.

Десантные корабли перемещаются редко. Я располагалась на орбите Шиз'урны так же, как большую часть своего двухтысячелетнего существования располагалась в той или иной системе, ощущая снаружи своего корпуса пронизывающий холод вакуума. Шиз'урна напоминала сине-белую стеклянную фишку, ее орбитальная станция приближалась и, вращаясь, удалялась, корабли непрерывным потоком прибывали, пристыковывались, отстыковывались, отправля-

лись к разным шлюзам, окруженным бакенами и маяками. Границы государств и территорий Шиз'урны мне не были видны, хотя на ночной стороне ярко светились города планеты и паутина дорог между ними, там, где их уже восстановили после аннексии.

Я ощущала присутствие кораблей, моих товарищей, слышала, хотя не всегда видела их: тех, что были меньше и быстрее, — «Мечи» и «Милосердия» — и наиболее многочисленных в то время десантных кораблей, таких как я, — «Справедливостей». Старейшей из нас было почти три тысячи лет. Мы знали друг друга довольно долго и сейчас могли мало сказать такого, что не было сказано уже тысячу раз. Мы были в общем и целом дружелюбно молчаливы, не считая рутинного обмена информацией.

У меня пока имелись вспомогательные компоненты, и я могла находиться во многих местах одновременно. Еще я была в командировке в городе Орс, на планете Шиз'урна, под командованием лейтенанта Оун подразделения Эск.

Орс стоял наполовину на заболоченной земле, наполовину — в болотистом озере, его озерная часть была построена на плитах поверх фундаментов, глубоко погруженных в топкую грязь.

В каналах и между плит, вдоль нижних кромок строительных колонн, на любых неподвижных предметах, которых достигала вода (она поднималась на разную высоту в зависимости от времени года), росла зеленая тина. Зловоние сероводорода висело над городом постоянно и пропадало лишь изредка, когда летние шторма приводили озерную часть в трепет и содрогание, а на дорожках стояла доходящая до коленей вода, которую нагоняло ветрами из-за барьерных островов. Изредка. Обычно шторма делали этот смрад еще хуже. После них воздух ненадолго становился прохладнее, но это облегчение длилось всего пару дней. Обычно же было влажно и жарко.

Я не могла видеть Орс с орбиты. Это была скорее деревня, нежели город, хотя некогда Орс располагался в устье реки и являлся столицей страны, которая тянулась вдоль всего побережья. Торговля шла вверх и вниз по реке, и плоскодонные корабли курсировали по прибрежным топям, перевозя людей из одного города в другой. За века река отошла, и теперь Орс наполовину лежал в развалинах. Город, который некогда занимал мили прямоугольных островов внутри сетки каналов, был теперь куда меньшим поселением, окруженным и усеянным поломанными, полуза-

топленными строениями, иногда — с крышами и колоннами, выступавшими в сухой сезон из грязноватой зеленой воды. Некогда он был родным домом для миллионов. Лишь шесть тысяч триста восемнадцать человек проживало здесь, когда радчаайские вооруженные силы аннексировали Шиз'урну пятью годами раньше, и, разумеется, аннексия сократила эту численность. Орс это затронуло меньше, чем некоторые другие места. Как только мы (я в виде отрядов подразделения Эск и их лейтенанты) выстроились на улицах города в броне и с оружием, верховная жрица Иккт приблизилась к самому старшему офицеру — лейтенанту Оун, как я уже говорила, — и объявила о немедленной капитуляции. Верховная жрица рассказала своим последователям, что делать, чтобы пережить аннексию, и по большей части эти последователи действительно выжили. Дело не обычное, как можно подумать, — мы с самого начала давали понять, что даже чихание во время аннексии может означать смерть, и, когда она началась, мы повсеместно демонстрировали, что это значит. Тем не менее всегда находились люди, которые не могли удержаться от того, чтобы нас испытать.

И все же влияние верховной жрицы было поис-

тине впечатляющим. Небольшие размеры города являлись в некоторой степени обманчивыми — в сезон паломничества сотни тысяч посетителей шествовали по площади перед храмом, располагались лагерем на плитах покинутых улиц. Для поклонников Иккт это второе по значимости священное место на планете, а верховная жрица — божественное присутствие.

Обычно гражданская полиция приступала к службе, когда аннексия официально завершалась, что занимало лет пятьдесят или более. Эта аннексия проходила по-другому: гражданство выжившим шиз'урнианам было пожаловано гораздо раньше. В администрации системы никто не верил, что безопасность может быть обеспечена силами местного гражданского населения, и военное присутствие являлось по-прежнему значительным. Итак, когда аннексия Шиз'урны официально завершилась, большая часть подразделения Эск «Справедливости Торена» вернулась на корабль, но лейтенант Оун осталась, и я осталась с ней как отделение из двадцати вспомогательных компонентов Один Эск «Справедливости Торена».

Верховная жрица жила в доме возле храма, в одном из немногих, которые остались невредимы

с тех времен, когда Орс был городом, — четырехэтажном, с односкатной крышей и открытом со всех сторон. Когда хотелось уединиться, можно было поднять перегородки, а во время штормов снаружи опускали заслоны. Верховная жрица приняла лейтенанта Оун в выгороженной комнате метров пяти, куда свет проникал через щель над темными перегородками.

— А вы не находите, — сказала жрица, старая, с седыми волосами и коротко стриженной седой бородой, — службу в Орсе тяжелой? — И она, и лейтенант Оун устроились на подушках — сырых, как все в Орсе, и пахнущих грибком. На жрице — отрез желтой ткани, который она обернула вокруг талии, ее плечи покрыты фигурками, нарисованными тушью, одни — округлые, другие — угловатые, их соотношение менялось в зависимости от литургической значимости дня. Из уважения к радчаайским правилам хорошего тона она была в перчатках.

— Разумеется, нет, — ответила лейтенант Оун учтиво, хотя, подумала я, не вполне правдиво. У нее — темно-карие глаза и коротко стриженные темные волосы. Кожа — достаточно смуглая, чтобы не считаться бледной, но недостаточно темная, чтобы соответствовать моде, она могла

изменить ее, так же как и волосы и глаза, но никогда этого не делала. Вместо формы — длинной коричневой куртки, усеянной мелкими драгоценными камнями, рубашки и брюк, ботинок и перчаток — она надела такую же юбку, как на верховной жрице, тонкую рубашку и легчайшие перчатки. Но все равно вспотела. Я стояла у входа — безмолвно, вытянувшись в струнку, а младший жрец поставил чашки и другую посуду между лейтенантом Оун и Божественной.

Я также стояла метрах в сорока, в самом храме — нетипично замкнутом пространстве, — сорок три с половиной метра в высоту, шестьдесят пять и семь десятых метра в длину и двадцать девять и девять десятых метра в ширину. В одном конце — двери, высотой почти под крышу, а в другом, — возвышаясь над людьми на полу внизу, изображение отвесного горного склона где-то на Шиз'урне, выполненное с мельчайшими подробностями. Внизу было возвышение, широкие ступени которого вели на пол серо-зеленого камня. Сквозь дюжину зеленых потолочных окон свет струился на стены, расписанные сценами из жизни святых культа Иккт. Это здание было не похоже ни на одно другое в Орсе. Эта архитектура, так же как и сам культ Иккт, были

привезены сюда откуда-то из других мест на Шиз'урне. Во время сезона паломничества храм будет до отказа забит верующими. Существовали и другие святые места, но, если орсиане говорили о паломничестве, они имели в виду ежегодное паломничество в этот храм. Но до этого события оставалось еще несколько недель. А сейчас пространство наполнено только тихим шелестом из угла, где молились шепотом человек двенадцать верующих.

Верховная жрица рассмеялась.

— Да вы дипломат, лейтенант Оун.

— Я — солдат, Божественная, — ответила лейтенант. Разговор шел на радчааи, и она говорила медленно и точно, внимательно следя за своим произношением. — Я не считаю свои обязанности тяжелыми.

Верховная жрица не улыбнулась в ответ. В тишине младший жрец поставил перед ними кувшин с тем, что шиз'урниане называют чаем, — вязкой жидкостью, тепловатой и сладкой, которая мало чем похожа на настоящий чай.

За дверями храма я стояла на площади, заляпанной сине-зелеными водорослями, и наблюдала за проходящими мимо людьми. Большинство носили такие же простые, ярко окрашенные юбки, как

и верховная жрица, но только самые маленькие дети и наиболее благочестивые горожане имели на теле росписи, и лишь несколько человек были в перчатках. Некоторые из тех, кто прошел мимо, были переселенцами — радчааи, которым предоставили должности или собственность здесь, в Орсе, после аннексии. Большинство из них переняли простую юбку и добавили к ней светлую свободную рубашку, как лейтенант Оун. Некоторые упрямо держались брюк и пиджака и шествовали через площадь, обливаясь потом. Все носили драгоценности, от которых отказались бы немногие радчааи: подарки друзей или любимых, вещицы в память об умерших, украшения, отражающие фамильную принадлежность или связи с клиентами.

К северу, за прямоугольным водным пространством, именуемым Преддверие Храма, в честь того, чем это место некогда было, Орс лежит несколько выше — в сухой сезон дома даже стоят на настоящей земле, и эту территорию по-прежнему вежливо называют верхним городом. Я патрулировала и там. Когда я подходила к кромке воды, то могла видеть себя стоящей на площади.

Лодки, управляемые шестом, медленно плавали по заболоченному озеру и вверх и вниз по

каналам между скоплениями плит. Вода словно пенилась от водорослей, которые лежали в ней широкими полосами и щетинились острыми кончиками тут и там. В стороне от города, к востоку и западу, бакены обозначали запрещенные водные пространства, густо заросшие элодеей, над которой вились, мерцая радужными крыльями, мухи-собачки. Вокруг плавали лодки покрупнее и большие землечерпалки, ныне — безмолвные и недвижные, которые до аннексии поднимали со дна зловонную жижу.

Вид на юг был почти такой же, за исключением тончайшей ленточки настоящего моря на горизонте за топкой косой, которая обрамляла болото. Я видела все это, стоя на разных постах вокруг храма и расхаживая по улицам самого города. Было двадцать семь градусов по Цельсию и влажно, как всегда.

В городе находилась половина моих двадцати тел. Остальные спали или работали в доме, который занимала лейтенант Оун, — трехэтажный и просторный, он некогда вмещал многочисленную семью и пункт проката лодок. Одной стороной он выходил на широкий, грязноватый зеленый канал, а противоположной стороной — на самую большую улицу города.

Три сегмента в доме бодрствовали, выполняя административные обязанности (я сидела на циновке на низком помосте в центре первого этажа и слушала орсианку, которая жаловалась на распределение прав на рыбную ловлю, и стояла на страже).

— Вам следует представить это на рассмотрение окружного судьи, гражданка, — сказала я орсианке на местном диалекте. Поскольку я знала тут всех, мне было известно, что она — женского пола и бабушка, и это следовало учитывать, чтобы говорить с ней не только правильно с точки зрения грамматики, но и вежливо.

— Я не знаю окружного судью! — с негодованием возразила она. Судья принимал в большом, многолюдном городе далеко вверх по реке от Орса и поблизости от Коулд-Веса. Достаточно далеко, чтобы воздух там бывал сухим и прохладным, а вещи не пахли все время плесенью. — Что окружной судья знает об Орсе? По мне, так окружной судья вообще не существует! — Она продолжила рассказывать мне длинную историю о связи ее дома с закрытой территорией, где нельзя было ловить рыбу еще три года.

И всегда, на подсознательном уровне, я непрестанно осознавала, что нахожусь на орбите,

наверху.

— Да ладно, лейтенант, — сказала верховная жрица. — Никто не любит Орс, кроме тех, кому не повезло настолько, чтобы здесь родиться. Большинство шиз'урниан, которых я знаю, не говоря уж о радчааи, предпочли бы жить в городе, на сухой земле и с настоящими временами года, а не в месте, где либо идет дождь, либо нет.

Лейтенант Оун, по-прежнему обливаясь потом, приняла чашку так называемого чая и выпила, не поморщившись, — вопрос практики и решительности.

— Мое вышестоящее руководство просит меня вернуться.

На относительно сухой северной окраине города два солдата в коричневой форме, проезжая в открытой повозке, подняли руки в приветствии. Я вскинула свою.

— Один Эск! — воскликнул один из них. Это — обычные солдаты из подразделения Семь Исса «Справедливости Энте» под командованием лейтенанта Скаайат. Они патрулировали участок между Орсом и дальней юго-западной окраиной Коулд-Веса, города, который вырос вокруг нового устья реки. Семь Исса — люди, и они знали, что я не человек. Они всегда обращались со мной с

несколько осторожным дружелюбием.

— Я бы предпочла, чтобы вы остались, — сказала верховная жрица лейтенанту Оун. Хотя лейтенант Оун уже знала это. Мы вернулись бы на «Справедливость Торена» два года назад, если бы не беспрестанные просьбы Божественной остаться.

— Видите ли, — сказала лейтенант Оун, — они предпочли бы заменить Один Эск подразделением из людей. Вспомогательные компоненты могут оставаться в состоянии анабиоза бесконечно. Люди… — Она поставила свой чай и взяла плоский желто-коричневый кекс. — У людей есть семьи, которые они хотят видеть, у них есть жизни. Они не могут веками оставаться замороженными, как это происходит иногда со вспомогательными компонентами. Нет никакого смысла извлекать компоненты из хранилищ, когда есть солдаты-люди, которые могут выполнять работу. — Хотя лейтенант Оун была здесь уже пять лет и регулярно встречалась с верховной жрицей, эта тема впервые обсуждалась так откровенно. Вдруг лейтенант нахмурилась, и изменения в ее дыхании и уровне гормонов дали мне понять, что она подумала о чем-то ужасном. — У вас не было проблем с Семь Исса

«Справедливости Энте»?

— Нет, — ответила верховная жрица. Ее лицо исказилось, она посмотрела на лейтенанта Оун. — Я знаю вас. Я знаю Один Эск. Кого бы они мне ни прислали — их я знать не буду. И мои прихожане — тоже.

— Аннексии — дело грязное, — сказала лейтенант Оун. Верховная жрица слегка поморщилась при слове *аннексия,* и мне показалось, что лейтенант Оун это заметила, но она продолжала: — Семь Исса здесь не было. Батальоны Исса «Справедливости Энте» делали тогда то же самое, что и Один Эск.

— Нет, лейтенант. — Жрица поставила свою чашку. Казалось, она взволнована, но я не располагала доступом ни к каким ее внутренним данным и поэтому не была уверена. — Подразделения Исса «Справедливости Энте» делали многое такое, чего не делал Один Эск. Да, Один Эск убили столько же людей, сколько солдаты Исса «Справедливости Энте». Возможно, больше. — Она бросила взгляд на меня — я по-прежнему стояла молча у входа в выгороженное пространство. — Без обид, но я думаю, больше.

— Я не обижаюсь, Божественная, — ответила я. Верховная жрица часто говорила со мной так,

словно я личность. — И вы правы.

— Божественная, — сказала лейтенант Оун, в ее голосе явно слышалась тревога, — если солдаты Семь Исса «Справедливости Энте» — или кто-нибудь еще — жестоко обращались с гражданами…

— Конечно нет! — возразила верховная жрица с горечью в голосе. — С гражданами радчааи обращаются безупречно!

Лицо лейтенанта Оун вспыхнуло, ее душевное страдание и гнев были для меня очевидны. Я не могла читать мысли лейтенанта, но воспринимала конвульсивные подергивания каждой мышцы, поэтому ее чувства были для меня совершенно ясны.

— Простите меня, — сказала верховная жрица, хотя выражение лица лейтенанта Оун не изменилось, а ее кожа была слишком смугла, чтобы на ней проявилась краска гнева. — С тех пор как радчааи пожаловали нам гражданство… — Она остановилась, подбирая слова. — Со времени своего прибытия Семь Исса не давали мне никакого повода для жалоб. Но я видела, что делали ваши солдаты-люди во время того, что вы именуете *аннексией.* Гражданство, которое вы нам предоставили, можно столь же легко отнять и…

— Мы не стали бы… — попыталась возразить

лейтенант Оун.

Верховная жрица прервала ее, подняв руку.

— Я знаю, *что* Семь Исса или, по крайней мере, такие, как они, делают с людьми, которые находятся не на той стороне. Пять лет назад это были неграждане. А в будущем — кто знает? Возможно, граждане-в-недостаточной-степени? — Она показала движением руки, что уступает. — Это не будет иметь значения. Такие границы слишком легко передвинуть.

— Не могу винить вас за такие мысли, — сказала лейтенант Оун. — Это было трудное время.

— А я не могу удержаться от мысли о том, насколько вы необъяснимо, неожиданно наивны, — заявила верховная жрица. — Один Эск застрелят меня на месте, если вы прикажете. Без колебаний. Но Один Эск никогда не станут ни бить, ни унижать, ни насиловать меня с единственной целью продемонстрировать власть надо мной или удовлетворить нездоровое желание. — Она взглянула на меня. — Вы будете?

— Нет, Божественная, — сказала я.

— Солдаты Исса «Справедливости Энте» все это делали. Не со мной, правда, и не со многими в самом Орсе. Но они тем не менее это делали. Вели бы себя солдаты Семь Исса по-другому, если бы

тогда они были здесь?

Лейтенант Оун сидела глубоко расстроенная, опустив взгляд на свой невкусный чай и не находя слов для ответа.

— Странно это. Слышишь истории про вспомогательные компоненты, и это кажется самым ужасным, самым отталкивающим из всего, что сотворили радчааи. Гарседд — ну да, Гарседд, но то было тысячу лет назад. А это — вторгнуться и забрать — сколько, половину взрослого населения? И превратить их в ходячие трупы, порабощенные искусственными интеллектами ваших кораблей. Обращенные против своего народа. Если бы вы спросили меня до того, как вы… *аннексировали* нас, я бы сказала, что такая судьба хуже смерти. — Она повернулась ко мне. — Так ведь?

— Ни одно из моих тел не мертво, Божественная, — ответила я. — И ваша оценка доли аннексированного населения, которую обычно обращают во вспомогательные компоненты, чрезмерна.

— Вы всегда приводили меня в ужас, — сказала мне верховная жрица. — Сама мысль о том, что вы рядом, устрашала, ваши мертвые лица, невыразительные голоса. Но сегодня меня гораздо больше пугает мысль о подразделении живых

людей, которые служат по своему желанию. Потому что я не думаю, что могла бы им доверять.

— Божественная, — произнесла лейтенант Оун, — я служу добровольно. Я не оправдываюсь за это.

— Несмотря на это, я считаю вас хорошим человеком, лейтенант Оун. — Жрица взяла чашку с чаем и стала прихлебывать его как ни в чем ни бывало.

У лейтенанта Оун перехватило в горле, она стиснула губы. Ей хотелось что-то сказать, но она колебалась. Но все же решилась:

— Вы слышали об Айми. — Она по-прежнему была напряжена и настороженна, несмотря на то что решила говорить.

На лице верховной жрицы возникла горькая, безрадостная улыбка.

— Новости с Айми должны внушить доверие к администрации Радча?

Произошло вот что: база Айми и другие базы и луны поменьше в этой системе находились на максимально возможном удалении от периферийного центра, оставаясь при этом в пространстве Радча. Губернатор Айми годами использовала эту удаленность к своей выгоде: присваивала средства, брала взятки и плату за

покровительство, продавала назначения. Тысячи граждан были незаслуженно казнены или (что по сути то же самое) насильственно превращены во вспомогательные компоненты, хотя их производство являлось уже незаконным. Губернатор держала под контролем всю связь и разрешения на поездки, и в обычных условиях искусственный интеллект базы сообщил бы властям о ее деятельности, но базе Айми каким-то образом помешали, и коррупция росла и беспрепятственно распространялась.

Это продолжалось до тех пор, пока в системе не появился некий корабль, который вышел из шлюзового пространства всего лишь в нескольких сотнях километров от патрульного судна «Милосердие Сарсса». Чужой корабль не отвечал на требования назвать себя. Когда команда «Милосердия Сарсса» атаковала и взяла его на абордаж, там обнаружили десятки людей и инопланетян Рррррр. Капитан «Милосердия Сарсса» приказала своим солдатам взять в плен людей, подходящих для использования в качестве вспомогательных компонентов, и убить остальных и всех инопланетян. Корабль должны были передать губернатору системы.

«Милосердие Сарсса» был в той системе не

единственным боевым кораблем с экипажем, состоявшим только из людей. Размещенных там солдат держали под контролем с помощью взяток, лести и, когда это не срабатывало, угроз и даже казней. Это было весьма действенно до той минуты, когда одна из солдат подразделения Один Амаат Один «Милосердия Сарсса» решила, что не желает убивать ни тех людей, ни Рррррр. И убедила остальных из своего подразделения последовать за ней.

Все это случилось пять лет назад. Последствия ощущаются до сих пор.

Лейтенант Оун подвинулась на подушке.

— О происходящем стало известно потому, что один человек отказался выполнять приказ. И возглавил мятеж. Если бы это не было для нее… Ладно. Вспомогательный компонент не сделал бы такого. Они не могут.

— Об этом стало известно потому, — ответила верховная жрица, — что на борту корабля, на который высадился тот солдат вместе со своим подразделением, были инопланетяне. Радчааи без особых колебаний убивают людей, особенно — неграждан, но вы весьма опасаетесь развязывать войны с инопланетянами.

Только потому, что войны с инопланетянами

противоречили условиям договора с пришельцами Пресгер. Нарушение этого соглашения имело бы чрезвычайно серьезные последствия. Но все же многие высокопоставленные радчааи расходились во взглядах на эту проблему. Я видела, что лейтенант Оун хотела возразить. Но она сказала:

— Губернатора Айми это не волновало. Если бы ей не помешал один человек, она бы развязала войну.

— Они уже казнили ее? — спросила верховная жрица с нажимом. Такова была скорая судьба любого солдата, который отказался выполнить приказ, не говоря о бунтовщике.

— Последнее, что я слышала, — произнесла лейтенант Оун, дыхание ее стало затрудненным и неглубоким, — Рррррр согласились выдать ее властям Радча. — Она сглотнула. — Я не знаю, что будет дальше.

Скорее всего, это уже произошло, что бы это ни было. Новости из таких далей, как Айми, могли идти до Шиз'урны целый год, а то и дольше.

Верховная жрица умолкла. Она налила еще чаю и положила ложкой рыбной пасты в маленькую чашку.

— Не доставляют ли вам затруднений мои повторные просьбы о продлении вашего при-

сутствия?

— Нет, — ответила лейтенант Оун. — На самом деле другие лейтенанты подразделения Эск немного завидуют мне. На «Справедливости Торена» нет никаких возможностей для боевых действий. — Она подняла чашку, внешне спокойная, но внутренне раздраженная. Взволнованная. Разговор о новостях с Айми усилил ее беспокойство. — Боевые действия означают получение благодарностей и, возможно, продвижение по службе.

Эта аннексия была последней. Последняя возможность для офицера обогатить свой клан благодаря связям с новыми гражданами или даже посредством откровенного присвоения.

— Вот еще одна причина, почему я предпочла бы вас, — заявила верховная жрица.

Я последовала за лейтенантом Оун домой. И стояла на страже в храме, и смотрела за людьми, снующими по площади туда-сюда, уклоняясь от детей, которые играли в кау в ее центре: пинали мяч взад и вперед, кричали и смеялись. У самой кромки воды Преддверия Храма сидел угрюмый подросток из верхнего города, равнодушно наблюдая, как полдюжины малышей прыгали с камня на камень, напевая:

Раз, два, сказала мне тетя,

Три, четыре, трупосолдат,

Пять, шесть, пальнет тебе в глаз,

Семь, восемь, насмерть уложит,

Девять, десять, на части разобьет и снова соберет.

Когда я шла по улице, люди здоровались со мной, и я приветствовала их в ответ. Лейтенант Оун была напряжена и рассержена и лишь рассеянно кивала, когда люди кланялись ей.

Дама с жалобой о нарушении прав на рыбную ловлю ушла неудовлетворенной. После ее ухода перегородку обогнули двое детей и сели, скрестив ноги, на подушку, которую она освободила. У обоих вокруг талии обернуты отрезы ткани, чистые, пусть и выцветшие, но перчаток нет. Старшему ребенку около девяти лет, а рисунки тушью на груди и плечах младшего — слегка смазанные — указывали, что девочке не больше шести. Она смотрела на меня, хмурясь.

Обращаться на орсианском должным образом к детям проще, чем к взрослым. Использовалась простая форма без указания пола.

— Здравствуйте, граждане, — произнесла я на местном диалекте. Я узнала их обоих — они жи-

ли на южной окраине Орса, и я довольно часто говорила с ними, но в этом доме они никогда не были. — Чем я помогу помочь вам?

— Ты — не Один Эск, — заявил младший ребенок, а старший запоздало взмахнул рукой, словно пытаясь ее остановить.

— Я — Один Эск, — ответила я и показала на эмблему на своей форменной куртке. — Видишь? Только это — мой сегмент номер четырнадцать.

— Я же тебе говорила, — сказала старшая.

Младшая задумалась ненадолго, а потом произнесла:

— У меня есть песня. — Я молча ждала, и она сделала глубокий вдох, собираясь начать, но затем остановилась, сбитая с толку. — А ты хочешь ее услышать? — спросила она, все еще сомневаясь, вероятно, в моей личности.

— Да, гражданин, — ответила я.

Я — то есть я, Один Эск, — впервые спела, чтобы развлечь одного из моих лейтенантов, когда корабль «Справедливость Торена» была в космосе еще около сотни лет. Она любила музыку и взяла с собой инструмент в счет квоты багажа. Ей не удалось заинтересовать своим увлечением никого из офицеров, и поэтому она научила меня партиям к песням, которые играла. Я сохранила

их в памяти и стала искать другие, чтобы сделать ей приятное. К тому времени как она стала командовать собственным кораблем, я собрала большую коллекцию вокальной музыки — никто не собирался давать мне инструмента, но я могла петь в любое время, и поползли слухи, сопровождаемые снисходительными улыбками: мол, «Справедливость Торена» интересуется пением. На самом деле, я — я, «Справедливость Торена», — терпимо относилась к этой привычке, потому что она была безобидной и потому что существовала вероятность, что один из моих капитанов это оценит. В противном случае я бы ее пресекла.

Если бы дети остановили меня на улице, у них не было бы сомнений, но здесь, где они сидели, словно на формальной встрече, все было по-другому. И я подозревала, что это разведка и младший ребенок собирался в конце концов попросить прислуживать во временном храме, расположенном в этом доме. И дело тут не в престиже назначения приносящим цветы Амаату — здесь, в этом оплоте культа Иккт, — а в традиционном дарении фруктов и одежды по окончании определенного периода. А лучший друг этого ребенка был сейчас цветоносом, что, несомненно, делало эту перспективу еще более интересной.

Ни один орсианин не выскажет такой просьбы сразу или прямо, поэтому ребенок и выбрал такой окольный путь, превратив случайную встречу в нечто формальное и пугающее. Я опустила руку в карман, вытащила пригоршню конфет и положила на пол между нами.

Младшая девочка кивнула, словно я разрешила все сомнения, сделала вдох и запела:

Мое сердце — это рыбка,
Скрывается в ежовнике,
В зелени, в зелени.

Мелодия являла собой странную смесь радчаайской песни, которую время от времени передавали по радио, и орсианской, которую я уже знала. Слова были мне незнакомы. Она спела четыре куплета чистым, слегка дрожащим голоском и собиралась начать пятый, но резко оборвала песню, когда за перегородкой послышались шаги лейтенанта Оун.

Наклонившись вперед, младшая девочка подобрала свою награду. Оба ребенка поклонились, все еще полусидя, а затем поднялись и выбежали из приемной, пронеслись по дому мимо лейтенанта Оун, мимо меня, следовавшей за лейтенантом.

— Благодарю вас, граждане, — сказала лейтенант Оун в их удаляющиеся спины, и они вздрогнули, а затем умудрились слегка поклониться в ее сторону, выбегая на улицу. — Что-нибудь новое? — спросила лейтенант Оун, хотя сама не слишком интересовалась музыкой, не больше, чем люди в среднем.

— Вроде того, — ответила я. Дальше по улице я увидела двоих детей, которые продолжали бежать, завернув за угол. Потом они остановились, тяжело дыша. Младшая девочка раскрыла ладонь и показала старшей пригоршню конфет. Удивительно, но она, казалось, не выронила ни одной, как ни мала была ее ладошка, притом что убегали они быстро. Старший ребенок взял конфету и положил в рот.

Пять лет назад я предложила бы что-то более питательное, тогда поставки продовольствия были бессистемными, а инфраструктура планеты еще не восстановлена. Сейчас каждому гражданину гарантировано достаточно еды, но пища не роскошна и почти всегда — непривлекательна.

Изнутри храм залит зеленым светом, и в нем царит тишина. Верховная жрица не появлялась из-за ширм своей резиденции в храме, но младшие жрецы приходили и уходили. Лейтенант Оун

поднялась на второй этаж своего дома и сидела там, сбросив рубашку и погрузившись в раздумья, на подушке в орсианском стиле, скрытая экраном со стороны улицы. Она отказалась от чая (настоящего), который я принесла ей. Я передала обычный поток информации — все нормально, все как всегда — ей и «Справедливости Торена».

— Ей следовало обратиться с этим к окружному судье, — сказала лейтенант с некоторой досадой о гражданке с вопросом о рыбной ловле. Закрыв глаза, она мысленно просматривала дневные рапорты. — Это вне сферы наших полномочий.

Я не ответила. Ответа не требовалось и не ожидалось. Она одобрила послание, которое я составила для окружного судьи, быстрым движением пальцев, а затем открыла самое последнее письмо от своей младшей сестры. Лейтенант Оун отправляла часть своего заработка домой родителям, которые так оплачивали уроки поэзии младшему ребенку. Поэтический дар — высоко ценимое, изысканное достоинство. Я не могла определить, обладает ли сестра лейтенанта Оун особым талантом, но этим могли похвастаться немногие даже в самых высоких кругах. А стихи и письма сестры были в радость лейтенанту и смягчали ее терзания.

Дети на площади со смехом убежали домой. Подросток тяжко, как это свойственно подросткам, вздохнул, швырнул камешек в воду и стал смотреть на круги, которые пошли по воде.

Вспомогательные компоненты, пробуждающиеся только во время аннексий, часто не носили ничего, кроме силового щита, который генерировался имплантатами в их телах; бесчисленные шеренги безликих солдат, словно отлитых из ртути. Но меня никогда не помещали в хранилище, и я носила такую же форму, как и солдаты-люди, и теперь, когда с боями уже покончено. Мои тела покрылись потом под форменными куртками, и, охваченная скукой, я открыла рты трех моих тел, которые стояли рядом на храмовой площади, и запела тремя голосами:

— Мое сердце — это рыбка, скрывается в ежовнике…

Один прохожий, поразившись, уставился на меня, но все остальные не обратили никакого внимания — они уже привыкли.

ГЛАВА 3

На следующее утро восстанавливающие средства отпали и синяки на лице Сеиварден потускнели. Казалось, она по-прежнему под кайфом и чувствует себя неплохо (что неудивительно).

Я развернула сверток и разложила одежду, которую купила для нее: термобелье, стеганые рубашку и штаны, свитер и пальто с капюшоном, перчатки. Затем взяла за подбородок и повернула к себе.

— Ты меня слышишь?

— Да. — Темно-карие глаза глядели куда-то вдаль над моим левым плечом.

— Вставай. — Я потянула ее за руку, Сеиварден лениво моргнула и даже смогла сесть, пока порыв не иссяк. Но я умудрилась ее одеть, вещь за вещью, а затем уложила остальное, взвалила на плечи свой рюкзак, взяла ее за руку и ушла.

Пункт проката флаеров был на окраине города, и, как и следовало ожидать, владелица не хотела сдавать мне машину, пока я не выложила вдвое больше требуемого, согласно рекламе, депозита. Я сказала ей, что собираюсь лететь на северо-за-

пад, посетить лагерь пастухов — неприкрытая ложь, что она, вероятно, поняла.

— Ты — с другой планеты, — сказала она. — Ты не знаешь, каково вдали от городов. Чужаки часто улетают в лагеря пастухов и пропадают. Иногда мы их находим, иногда — нет. — (Я промолчала.) — Ты потеряешь мой флаер, и где я окажусь? В снегу, вместе со своими голодающими детьми, вот где.

Рядом со мной Сеиварден уставилась с отсутствующим видом куда-то вдаль.

Я была вынуждена выложить деньги. У меня было сильное подозрение, что я их больше не увижу. Затем хозяйка потребовала еще денег, потому что я не смогла предъявить местный сертификат пилота — которого, как я знала, вовсе не требовалось. Иначе я бы состряпала себе такой, прежде чем туда заявиться.

Но в конце концов она отдала мне флаер. Двигатель выглядел чистым и, казалось, был в хорошем состоянии. Я проверила топливо и, удовлетворившись, закинула во флаер свой рюкзак, усадила Сеиварден и забралась в кресло пилота.

Два дня спустя после бурана вновь стал виден снежный мох, бледно-зеленые разводы с более темными прожилками тут и там. Еще через два

часа мы оказались над чередой холмов; зеленый цвет внизу резко потемнел и покрылся складками, на нем появились беспорядочные прожилки дюжины оттенков — как на малахите. Кое-где мох был запачкан и истоптан существами, которые на нем паслись, стадами длинношерстных бовов, двигающихся на юг с наступлением весны. Вдоль этих троп, там и сям на склонах, в тщательно выкопанных логовищах, залегли ледяные дьяволы, дожидаясь, когда бов неверно поставит копыто, чтобы утянуть его вниз. Я не видела их следов, но даже пастухи, которые всю жизнь проводили рядом с бовами, не всегда чувствовали присутствие дьяволов неподалеку.

Полет был легким. Сеиварден тихо полулежала рядом со мной. Как она выжила? И как здесь оказалась? Это было совершенно невероятно. Но невозможное случается. Почти за тысячу лет до того, как родилась лейтенант Оун, Сеиварден командовала своим кораблем, «Мечом Настаса», и потеряла его. Большинству людей из команды, включая Сеиварден, удалось выбраться в спасательных шлюпках, но ее так и не нашли, как я слыхала. И тем не менее вот она. Кто-то, должно быть, обнаружил ее относительно недавно. Ей повезло остаться в живых.

Когда Сеиварден потеряла свой корабль, я находилась в четырех миллиардах миль от нее. Я патрулировала город из стекла и отполированного красного камня, в котором царила тишина, не считая звуков моих шагов, и разговоров моих лейтенантов, и иногда звуков моих голосов, эхом разносящихся по пятиугольным площадям. Водопады цветов — красных, желтых и синих — струились по стенам, окружающим дома с пятисторонними дворами. Цветы увядали, никто не осмеливался ходить по улицам за исключением меня и моих офицеров — все знали, какая судьба ожидает любого, помещенного под арест. Вместо этого, они жались друг к другу в домах в ожидании, морщась или вздрагивая при звуках смеха лейтенанта или моего пения.

Я и мои лейтенанты лишь изредка сталкивались с неприятностями. Гарседдиане оказали незначительное сопротивление. Десантные корабли опустели, «Мечи» и «Милосердия» в основном совершали патрульные облеты системы. Представители пяти зон каждого из пяти регионов, общим числом двадцать пять, различных лун, планет и баз в системе Гарседд, объявили о капитуляции от имени своих избирателей и сейчас порознь находились в пути к «Мечу Амаата»,

чтобы встретиться с Анаандер Мианнаи, лордом Радча, и умолять сохранить жизни их народу. Поэтому так перепуган и безмолвен этот город.

В тесном парке ромбовидной формы, у черного гранитного монумента, на котором были начертаны Пять Верных Деяний и имя почтенного гарседдианина, пожелавшего, чтобы они оставили след в сознании местных жителей, один из моих лейтенантов, проходя мимо другого, пожаловался, что эта аннексия оказалась досадно скучной. Тремя секундами позже я получила сообщение от капитана «Меча Настаса» Сеиварден.

Три гарседдианских выборщика, которых перевозило судно, убили двух лейтенантов и двенадцать вспомогательных компонентов «Меча Настаса». Они повредили корабль: порубили трубопроводы, проломили корпус. Рапорт сопровождала запись с корабля: пистолет, который бесспорно видел вспомогательный компонент (согласно другим сенсорам «Меча Настаса», его просто не существовало); гарседдианский выборщик, вопреки ожиданиям окруженный сияющим серебром радчаайской брони, которую видели только глаза вспомогательного компонента, стреляет из пистолета, пуля пробивает броню компонента, убивает его, и вместе с его погас-

шими глазами пистолет и броня пропадают в небытии.

Всех выборщиков обыскивали перед посадкой, и «Меч Настаса» должен был обнаружить любое оружие, или устройство, генерирующее защиту, или имплантат. К тому же радчаайская броня некогда широко применялась в регионах, окружающих Радч, но эти регионы были поглощены тысячу лет назад. Гарседдиане ее не использовали, не знали, как ее сделать, не говоря уже о том, как применять. И даже если бы знали, тот пистолет и его пуля были абсолютно невозможны.

Три человека, вооруженные этими пистолетами и в броне, могли нанести серьезный ущерб такому кораблю, как «Меч Настаса». Особенно если хотя бы один гарседдианин смог добраться до двигателя и если пистолет смог пробить тепловой щит двигателя. Двигатели радчаайских боевых кораблей разогревались до звездных температур, и пробитый тепловой щит означал мгновенное испарение, целый корабль исчезал в короткой яркой вспышке.

Но я ничего не могла сделать, и никто не мог ничего сделать. Сообщение шло почти четыре часа — сигнал из прошлого, призрак. Все закончилось еще до того, как достигло меня.

Раздался резкий звук, и на передней панели рядом с индикатором топлива замигала синяя лампочка. Мгновением раньше индикатор показывал почти полный бак. Теперь он сигнализировал, что бак пуст. Двигатель заглохнет в считаные минуты. Сеиварден растянулась рядом со мной, расслабленная и неподвижная.

Я приземлилась.

Топливный бак был переделан так, что я не заметила. Казалось, он полон на три четверти, но он пуст, и сигнал тревоги, который должен был прозвучать, когда я использовала половину того, с чем отправилась в полет, был отключен.

Я подумала о двойной сумме залога, которую, несомненно, больше не увижу. О владелице, столь озабоченной тем, что может потерять свой драгоценный флаер. Разумеется, наверняка сработает передатчик, вне зависимости от того, сделаю ли я аварийный вызов. Владелица не захочет лишиться флаера, а просто бросит меня одну посреди этой снежной, с прожилками мха, равнины. Я могла позвать на помощь — я отключила свои имплантаты связи, но у меня есть портативный радиопередатчик, который можно использовать. Однако мы находимся очень, очень далеко от любого, кто мог бы послать по-

мощь, тронутый нашим призывом. И даже если бы помощь пришла — пусть раньше хозяйки флаера, которая явно не желала мне добра, — я бы не добралась туда, куда стремилась, — а это важнее всего.

Температура воздуха — минус восемнадцать, ветер южный, приблизительно восемь километров в час, в ближайшее время предполагается снегопад. Ничего серьезного, если утреннему прогнозу погоды можно доверять.

Мое приземление оставило в снегомху белое с зеленой кромкой пятно, весьма заметное с воздуха. Местность умеренно холмиста, хотя тех холмов, над которыми мы пролетали, больше не видно.

Будь это обычная авария, лучше всего было бы оставаться во флаере до подхода помощи. Но это не обычная авария, и я не ожидала спасателей.

Либо они придут сразу, как получат сигнал о нашем приземлении, готовые убивать, либо будут ждать. В прокатной конторе еще несколько аппаратов, и хозяйка, вероятно, не испытает особых неудобств, если подождет даже несколько недель, чтобы забрать флаер. Как она сама выразилась, никого не удивит, если чужак потеряется в снегу.

У меня две возможности. Я могу устроить засаду на тех, кто заявится, чтобы убить и ограбить меня, а потом забрать их транспорт. Провал — если они решат подождать, чтобы холод и голод сделали работу за них. Либо я могла вытащить Сеиварден из флаера, закинуть за плечи рюкзак и пойти пешком. Мой пункт назначения находился километрах в шестидесяти к юго-востоку. При необходимости я могла бы дойти туда за день, если местность, погода — и ледяные дьяволы — позволят, но мне сильно повезет, если Сеиварден одолеет это расстояние даже за два дня. Провал — если владелица решит не ждать и вернуть свой флаер, не откладывая. Она легко пройдет по нашим следам в снегомхе и избавится от нас. Преимущество неожиданности будет потеряно.

И мне сильно повезет, если я что-нибудь найду, когда доберусь до места назначения. Я провела последние девятнадцать лет, следуя малейшим подсказкам, — недели и месяцы поисков или ожидания, которые перемежались такими мгновениями, как сейчас, когда успех или даже жизнь зависели от броска монеты на удачу. Мне повезло, что я добралась сюда. Рассуждая здраво, мне не стоило надеяться, что удастся добиться большего.

Радчааи непременно бросил бы монету. Или, если быть точной, целую пригоршню монет, дюжину дисков, каждый со своим значением и смыслом, — их узор явил бы собой карту вселенной, какой ее возжелал видеть Амаат. Все происходит так, а не иначе, потому что мир таков, как он есть. Или, как выразился бы радчааи, вселенная — это воплощение богов. Амаат представил себе свет, и, представляя свет, он неминуемо представил не-свет, и стали быть свет и тьма. Такова была первая Эманация: ЭтрепаБо (Свет/Тьма). Три другие, подразумеваемые первой и ставшие благодаря ей неизбежными, — это ЭскВар (Начало/Конец), ИссаИну (Движение/Покой) и ВахнИтр (Бытие/Небытие). Эти четыре Эманации по-разному разделялись и вновь соединялись, чтобы создать вселенную. Все сущее исходит от Амаата.

Самое мелкое, совершенно незначительное на первый взгляд, событие — часть сложного целого; и понять, почему крошечная пылинка падает по определенной траектории и опускается в определенном месте, означает понять волю Амаата. Не существует такого понятия, как «случайное стечение обстоятельств». Ничто не происходит случайно, но лишь по замыслу божию.

Или так учит официальное радчаайское богословие. Я никогда особо не разбиралась в религии. Этого от меня никогда не требовалось. И хотя меня изготовили радчааи, я — не радчааи. Я ничего не знала о воле богов, и она меня совершенно не волновала. Я знала лишь, что непременно приземлюсь там, куда меня бросили, где бы то ни было.

Я взяла из флаера рюкзак, открыла и вытащила дополнительный магазин, который положила в куртку рядом с пистолетом. Закинув рюкзак за спину, я обошла флаер с другой стороны и открыла люк.

— Сеиварден, — позвала я.

Она не пошевелилась, только выдохнула спокойное *хммм*. Я взяла ее за руку и потянула, и она полускользнула-полушагнула в снег.

Я добралась так далеко, делая один шаг за другим. Развернувшись на северо-восток, я тронулась в путь и потянула за собой Сеиварден.

Доктор Арилесперас Стриган, к чьему дому, как я очень надеялась, я направлялась, была некогда врачом с частной практикой на базе Драс-Анниа, которая являла собой конгломерат по крайней мере пяти различных станций, построенных одна на другой на перекрестке двух дюжин различных

маршрутов, далеко за пределами территории Радча. Кто там только ни появлялся, и в ходе своей работы она встречала самых разных людей с весьма разнообразным прошлым. Ей платили валютой, услугами, антиквариатом — всем, что могло иметь ценность хотя бы гипотетически.

Я побывала там, видела базу и ее запутанные, взаимопроникающие уровни, видела, где работала и жила Стриган, видела вещи, которые она оставила, когда однажды, без всякой кому бы то ни было известной причины, купила билеты на пять различных кораблей и затем исчезла. Чемодан струнных инструментов, лишь три из которых я могла назвать. Пять полок икон, ошеломительное собрание богов и святых, сработанных из дерева, из раковин, из золота. Дюжина пистолетов, скрупулезно снабженных ярлычками с номерами разрешений, выданных на базе. Все это были коллекции, которые начинались с единственных экземпляров, полученных в уплату и возбудивших ее любопытство. Аренда была оплачена Стриган полностью на сто пятьдесят лет вперед, и администрация базы оставила ее жилище нетронутым.

Я попала внутрь за взятку, чтобы посмотреть на коллекцию, которая привела меня туда: несколь-

ко разноцветных пятисторонних плиток, все еще ярких, как цветы на солнце, несмотря на тысячелетний возраст. Неглубокая чаша с надписью по золоченому краю на языке, которым Стриган не могла владеть. Плоский пластиковый прямоугольник — звукозаписывающий аппарат, как мне было известно. При прикосновении он воспроизводил смех и голоса, говорившие на том самом мертвом языке.

Как ни мала эта коллекция, собрать ее было нелегко. Гарседдианские артефакты редки, потому что, когда Анаандер Мианнаи осознала, что гарседдиане располагают средствами, позволяющими уничтожать радчаайские корабли и пронизывать радчаайскую броню, она приказала полностью уничтожить Гарседд и его народ. Те пятиугольные площади, цветы, все живое на всех планетах, лунах и базах в той системе — все погибло. Никто больше не будет там жить никогда. Никому и никогда не позволят забыть, что значит бросить вызов Радчу.

Не дал ли ей некий пациент, скажем, чашу и не отправилась ли она поэтому в путь за дополнительной информацией? И если в коллекцию попал один гарседдианский предмет, что еще могло попасть? Тот, кто дал ей это, мог и не знать,

чем платит, — или знать и отчаянно желать избавиться от этого. Нечто, склонившее Стриган к бегству, к тому, чтобы исчезнуть, бросив, возможно, почти все, что у нее было. Нечто опасное, то, что она не смогла заставить себя уничтожить, избавиться наиболее эффективным способом.

То, чего я желала так сильно.

Я хотела пройти как можно дальше и как можно быстрее, потому мы шли часами, делая кратчайшие остановки, когда это было абсолютно необходимо. Несмотря на то что стояла безоблачная и ясная погода, как всегда на Нильте, я чувствовала себя слепой, хотя и думала, что уже научилась не придавать этому значения. Когда-то у меня было двадцать тел, двадцать пар глаз и сотни, к которым я могла получить доступ, если понадобится или захочется. Сейчас я способна смотреть только в одном направлении и, если поверну голову, увижу только обширное пространство позади, лишив себя возможности обозревать то, что находится впереди. Обычно я избегала слишком открытых пространств, чтобы быть уверенной в том, что за спиной, но здесь это невозможно.

Мое лицо сперва горело, несмотря на то что ветерок был легким, а затем онемело. Руки и ноги

сначала заболели, поскольку я покупала перчатки и сапоги без намерения преодолеть пешком шестьдесят километров по холоду, а затем стали тяжелеть и цепенеть. Мне еще повезло, что я не приехала сюда зимой, когда температура могла быть значительно ниже.

Сеиварден, должно быть, так же холодно, но она шла равномерно, потому что я тянула ее за собой, она равнодушно делала шаг за шагом, волочила ноги по заснеженному мху, опустив взгляд, не жалуясь и вообще не произнося ни слова. Когда солнце опустилось почти к горизонту, она слегка передернула плечами и подняла голову.

— Я знаю эту песню, — сказала она.

— Что?

— Ту песню, что ты мурлычешь. — Она медленно повернула ко мне голову, на ее лице не отражалось ни беспокойства, ни растерянности. Интересно, подумала я, пыталась ли она скрыть свой акцент. Вероятно, нет — под кефом ей было все равно. В пространстве Радча это произношение показывало ее принадлежность к богатому и влиятельному клану, к тем, кто после прохождения тестов на способности в пятнадцать лет получает престижное назначение. За пределами этих территорий ее произношение легко

подсказывало злодею — богатому, порочному и бесчувственному — тысячу развлечений.

До нас донесся слабый звук флаера. Я повернула голову на ходу, окинула взглядом горизонт и увидела его, маленького и далекого. Он летел низко и медленно, словно тащился по нашему следу. Это не спасатели, я уверена. Монета упала не той стороной, и теперь мы на виду и беззащитны.

Мы шли, а звук флаера становился все ближе. Мы не могли оторваться от него, даже если бы Сеиварден не начала спотыкаться, — пока она еще удерживалась от падения, но силы были явно на исходе. Она начала говорить сама с собой, словно видела вокруг нечто, значит, действие кефа заканчивалось. Я остановилась, отпустила ее руку, и она застыла рядом со мной.

Флаер проплыл над нами, заложил вираж и приземлился на нашем пути, метрах в тридцати. Либо они не могли подстрелить нас с воздуха, либо не хотели. Я сбросила рюкзак и ослабила застежку куртки, чтобы легче было добраться до пистолета.

Из флаера вылезли четверо: владелица прокатной конторы, двое, кого я не узнала, и посетительница бара, которая назвала меня «крутой малышкой» и которую я хотела убить, но воздер-

жалась. Я запустила руку под куртку и взялась за пистолет. Выбор у меня ограничен.

— Где твой здравый смысл? — воскликнула хозяйка конторы, когда им осталось до нас пятнадцать метров. Все четверо остановились. — Нужно оставаться рядом с флаером, когда он садится, чтобы тебя могли найти.

Я посмотрела на особу из бара — она явно меня узнала и поняла, что я узнала ее.

— В баре я сказала, что любой, кто попытается ограбить меня, умрет, — напомнила я ей. Она ухмыльнулась.

Одна из тех, кого я не знала, извлекла откуда-то пистолет.

— Мы не просто *попытаемся*, — сказала она.

Я достала оружие и выстрелила ей в лицо. Она рухнула в снег. Прежде чем остальные успели отреагировать, я застрелила особу из бара, а затем ту, что стояла рядом; всех троих — очень быстро, одну за другой; что заняло меньше секунды.

Владелица конторы, выругавшись, повернулась, чтобы удрать. Я выпустила пулю ей в спину, она сделала три шага и упала.

— Мне холодно, — произнесла Сеиварден рядом со мной, тихо, не глядя на меня.

Они оставили свой флаер без охраны и вчетве-

ром направились ко мне. Глупо. Вся затея глупая; казалось, они не дали себе труда как следует спланировать ее. Мне оставалось только загрузить Сеиварден и свой рюкзак во флаер и улететь.

Жилье Арилесперас Стриган было едва заметно с воздуха — всего лишь круг чуть больше тридцати пяти метров в диаметре, внутри которого снегомох был ощутимо светлее и реже. Посадив флаер вне круга, я оценила положение. Отсюда очевидно, что там два здания — засыпанные снегом холмики. Возможно, это необитаемое становище пастухов, но если имевшейся у меня информации можно доверять, то это не так. Никаких признаков стены или забора, но я бы не стала делать никаких предположений о системе безопасности.

Поразмыслив, я открыла люк флаера и вылезла, а затем вытащила Сеиварден. Мы медленно направились к той черте, за которой менялся снег, и Сеиварден перестала идти, как только остановилась я. Она стояла с безразличным видом, глядя прямо перед собой.

Дальше плана у меня не было.

— Стриган! — позвала я и подождала, но ответа не последовало. Я оставила Сеиварден стоять на месте и обошла участок по окружности. Вхо-

ды обоих занесенных снегом домов показались странно затененными, и я остановилась и стала всматриваться.

Оба открыты нараспашку, внутри — темно. У таких домов, вероятно, входы с двойными дверями, по принципу шлюзовой камеры, чтобы удерживать тепло внутри, но я не думала, что кому-нибудь придет в голову оставить открытыми обе двери.

Либо у Стриган система безопасности работает, либо нет. Я перешагнула линию, вступив в круг. Ничего не произошло.

Двери открыты, и наружная, и внутренняя, и света внутри нет. В первом доме так же холодно, как снаружи. Я подумала, что когда найду свет, то окажется, что этот дом использовался как хранилище и полон инструментов и запечатанных пакетов с едой и топливом. В другом доме — плюс два градуса по Цельсию — я догадалась, что до недавнего времени он отапливался. Очевидно, это жилое помещение.

— Стриган! — крикнула я в темноту, но, судя по тому, каким эхом вернулся мой голос, дом, вероятно, был пуст.

Снаружи я обнаружила следы ее флаера. Значит, она уехала и открытые двери и темнота

— это послание тому, кто придет. Мне. У меня не было никаких способов выяснить, куда она отправилась. Я посмотрела в пустое небо, а потом вниз, на отпечаток флаера, и постояла там немного, глядя на это место.

Когда я вернулась к Сеиварден, то обнаружила, что она улеглась в снег, покрытый зелеными пятнами, и заснула.

В задней части флаера я нашла фонарь, печку, палатку и пару одеял. Потом зашла в дом, который, по-моему, был жилым, и зажгла там фонарь.

Пол покрывали светлые ковры, а стены — тканые портьеры, синие, оранжевые и ослепительно-зеленого цвета. Вдоль стен стояли низкие скамьи без спинок, с подушками. Помимо скамей и ярких портьер почти ничего и не было, разве что игровая доска с фишками, но принцип расположения лунок на доске я не распознала, и мне не удалось понять, как распределяются фишки по лункам. Интересно, с кем играла Стриган? А может, доска просто украшение, работа очень изящная, а фишки ярко окрашены.

На столе в углу лежал вытянутый овальный инструмент из дерева, крышка резная, с отверстиями — сверху туго натянуты три струны, дерево

цвета бледного золота с волнообразными, закручивающимися волокнами. Отверстия в плоской крышке такие же неровные и замысловатые, как и волокна дерева. Прекрасная вещь. Я тронула струну, и она нежно зазвенела.

Двери вели в кухню, ванную комнату, спальню и, очевидно, крошечный лазарет. Открыв дверцу шкафа, я нашла там аккуратную стопку восстановителей. Во всех выдвижных ящиках — инструменты и лекарства. Она могла полететь в лагерь пастухов в связи с какой-то катастрофой. Но погашенные огни, выключенное отопление и оставленные нараспашку двери говорили об обратном.

Если не произойдет чуда, то это конец девятнадцати лет планирования и непрестанных усилий.

Пульт управления домом находился за панелью в кухне. Я обнаружила, что электроснабжение в порядке, запустила его и включила отопление и свет. Затем вышла, забрала Сеиварден и оттащила ее в дом.

Я соорудила постель из одеял, которые нашла в спальне Стриган, потом раздела Сеиварден и, уложив ее, прикрыла другими одеялами. Она не просыпалась, и я использовала это время, чтобы

более тщательно обыскать дом.

В шкафах полно еды. На столе чашка, дно которой покрывает тонкий слой зеленоватой жидкости. Рядом простая белая тарелка с ломтями твердого хлеба, разлагающимися в подернутой льдом воде. Похоже, Стриган ушла, не убрав за собой после обеда, и оставила почти все: еду, медицинские средства. Я проверила спальню и нашла теплую одежду в хорошем состоянии. Она собралась впопыхах и взяла с собой немногое.

Стриган знала, чем обладает. Разумеется, она знала — и именно поэтому удирала. Если она не глупа — а я вполне уверена, что это так, — она отправилась в путь, как только поняла, что я собой представляю, и будет перемещаться, пока не окажется от меня так далеко, как только сможет забраться.

Но где это будет? Если я представляю власти Радча и нашла ее даже здесь, так далеко и от пространства Радча, и от ее дома, то где ей спрятаться? Наверняка она это поймет. Но что еще ей делать?

Несомненно, Стриган не настолько глупа, чтобы вернуться.

Тем временем Сеиварден скоро станет плохо, если я не найду ей кефа. Делать это я не собира-

лась. Здесь тепло и есть еда, и, возможно, я могла бы найти что-нибудь, какой-нибудь намек, ключ к разгадке, о чем думала Стриган, когда решила, что за ней идут радчааи, и бежала. Что-нибудь, что подскажет мне, куда она отправилась.

ГЛАВА 4

По вечерам в Орсе я ходила по улицам и смотрела на спокойную смердящую воду, темную за пределами отражений нескольких огней самого Орса и мерцания бакенов около запретных зон. Еще я спала и сидела бодрствуя на нижнем уровне дома — на случай, если кому-то понадоблюсь, хотя в те дни это бывало редко. Я завершала всю недоделанную за день работу и охраняла спящую лейтенанта Оун.

По утрам я приносила воду, чтобы лейтенант искупалась, и одевала ее, хотя местное одеяние требовало куда меньше усилий, чем форменная одежда, и она перестала пользоваться всякой косметикой два года назад, поскольку ее трудно было поддерживать в жару.

Затем лейтенант Оун обращалась к своим богам — четырехрукий Амаат с Эманацией в каждой руке стоял на сейфе внизу, но остальные (Торен, которому молились все офицеры на «Справедливости Торена», и несколько богов, имеющих особое значение для семьи лейтенанта Оун) располагались там, где лейтенант спала, в

верхней части дома, им она и возносила утренние молитвы.

— Цветок справедливости — мир, — так начиналась молитва, которую произносил каждый радчаайский солдат, пробуждаясь, каждый день своей жизни в вооруженных силах. — Цветок правильности — красота в мысли и действии. — Остальные мои офицеры, все еще на «Справедливости Торена», жили по другому распорядку. Их утро редко совпадало с утром лейтенанта Оун, поэтому почти всегда голос лейтенанта был одинок в молитве, а голоса остальных офицеров звучали вдали хором. — Цветок пользы — это Амаат, единый и нераздельный. Я — меч правосудия… — Молитва читается антифонально,[1] но в ней — только четыре стиха. Иногда я по-прежнему слышу ее, когда просыпаюсь, будто далекий голос звучит где-то позади меня.

Каждое утро в каждом официальном храме по всему пространству Радча жрец (который выполняет также функции чиновника-регистратора рождений и смертей и всевозможных договоров) проводит ритуал предсказания на день. Семьи и некоторые люди иногда делают то же самое, и

---

[1] Примечания: 1

Антифония — попеременное пение двух хоров.

никто не обязан посещать официальную церемонию, но это повод, ничем не хуже любого другого, показаться в обществе, поговорить с друзьями и соседями и послушать сплетни.

В Орсе пока нет официального храма — все таковые должны быть посвящены главным образом Амаату, другие боги занимают там менее значимые места, а верховная жрица Иккт не нашла возможным понизить статус своего бога в его собственном храме и не нашла близкого сходства Иккт с Амаатом, чтобы добавить радчаайские ритуалы к своим. Поэтому сейчас ритуалы проводились в доме лейтенанта Оун. Каждое утро цветоносы этого импровизированного храма убирали увядшие цветы у иконы Амаата и заменяли их свежими — обычно местными, с маленькими ярко-розовыми трехдольными лепестками; они росли в грязи, которая собиралась на зданиях или в трещинах в плитах, и очень походили на сорняки, но дети их просто обожали. А в последнее время на озере расцветали маленькие чашеобразные сине-белые лилии, особенно поблизости от окруженных бакенами запретных зон.

Затем лейтенант Оун приносила знаки — пригоршню увесистых металлических дисков — и расстилала ткань для ритуала. Все это, а также

иконы, принадлежало ей лично, их подарили родители, когда она прошла испытания и получила назначение.

Иногда на утренний ритуал приходили только лейтенант Оун и дневной обслуживающий персонал, но обычно присутствовали и другие люди. Городской врач, несколько радчааи, которым здесь была пожалована собственность, орсианские дети, которые не желали слышать о школе или о том, чтобы явиться туда вовремя, и обожали блеск и звон падающих дисков. Иногда приходила даже верховная жрица Иккт — ее бог, как и Амаат, не требовал, чтобы последователи отказывались признавать других богов.

Когда знаки падали и замирали на ткани (или, к ужасу зрителей, укатывались с нее куда-нибудь, что затрудняло толкование), жрец, руководящий церемонией, должен был распознать образованный ими рисунок, затем определить соответствующий фрагмент текста священной книги и зачитать присутствующим. Лейтенант Оун не всегда могла с этим справиться. Поэтому она бросала знаки, я смотрела, как они выпали, а затем передавала ей соответствующие слова. «Справедливости Торена», в конце концов, почти две тысячи лет, и я видела почти все возможные

комбинации.

По завершении ритуала она завтракала, обычно — ломтем хлеба из любого доступного местного зерна и настоящим чаем, а затем занимала свое место на циновке на помосте в ожидании просьб и жалоб текущего дня.

— Джен Шиннан приглашает тебя на ужин сегодня вечером, — сказала я ей тем утром. Я также завтракала, чистила оружие, ходила по улицам и приветствовала тех, кто со мной заговаривал.

Джен Шиннан жила в верхнем городе, и до аннексии она была самой богатой в Орсе, уступая по влиятельности только верховной жрице Иккт. Лейтенанту Оун она не нравилась.

— Полагаю, у меня нет хорошего повода отказаться.

— Я такого не нахожу, — ответила я. Я также стояла у внешней границы дома, почти на улице, и наблюдала. Приблизилась орсианка, увидела меня, замедлила шаг. Остановилась метрах в восьми, делая вид, что смотрит куда-то надо мной, на что-то другое.

— Что-нибудь еще? — спросила лейтенант Оун.

— Окружной судья вновь излагает официальную политику в отношении рыбных резервов на орсианских болотах…

Лейтенант Оун вздохнула:

— Еще бы ей не излагать!

— Могу я помочь тебе, гражданин? — спросила я орсианку, которая все еще стояла в нерешительности на улице. О предстоящем появлении на свет ее первого внука еще не было объявлено соседям, поэтому я сделала вид, что тоже ничего не знаю, и использовала простое уважительное обращение к мужчине.

— Хотела бы я, — продолжила лейтенант Оун, — чтобы судья сама приехала сюда и попробовала пожить на черством хлебе и тех отвратительных маринованных овощах, которые они присылают, и посмотреть, как ей понравится запрет ловить рыбу там, где вся рыба на самом деле и находится.

Орсианка на улице вздрогнула, как будто собиралась развернуться и уйти, но передумала.

— Доброе утро, радчааи, — сказала она тихо, подходя ближе. — И лейтенанту тоже. — Орсиане были непонятливы, когда это их устраивало, а в других случаях — странно, раздражающе скрытны.

— Я понимаю, что для этого есть причина, — сказала мне лейтенант Оун. — И она права, но тем не менее. — Она снова вздохнула. — Что-ни-

будь еще?

— Дэнз Ай снаружи и желает поговорить с тобой. — Говоря это, я пригласила Дэнз Ай войти в дом.

— О чем?

— Она не желает об этом сообщить. — Лейтенант Оун знаком выразила согласие, и я проводила Дэнз Ай за ширмы. Она поклонилась и села на циновку перед лейтенантом Оун.

— Доброе утро, гражданин, — сказала лейтенант. Я перевела.

— Доброе утро, лейтенант. — И медленно, постепенно, начав с рассуждений о жаре и безоблачном небе, перейдя к вопросам о здоровье лейтенанта Оун, а затем к незначительным местным слухам, она наконец подошла к намеку на причину своего прихода. — У меня… у меня есть подруга, лейтенант. — Она умолкла.

— Да?

— Вчера вечером моя подруга рыбачила. — Дэнз Ай снова умолкла.

Лейтенант Оун подождала три секунды, и, когда стало ясно, что ничего не последует, она спросила:

— Ваша подруга много поймала? — Когда орсианин не в настроении, никакие прямые вопросы

и просьбы перейти к делу не помогут.

— Н-не много, — сказала Дэнз Ай. И затем ее лицо раздраженно вспыхнуло на мгновение. — Лучшая рыбалка, как вы знаете, — возле нерестилища, а там это запрещено.

— Да, — сказала лейтенант Оун. — Я уверена, что ваша подруга никогда не будет незаконно рыбачить.

— Нет, конечно нет, — запротестовала Дэнз Ай. — Но… Я не желаю ей зла, но, возможно, иногда она выкапывает клубни. *Возле* запретных зон.

На самом деле возле запретных зон не было никаких растений, которые дают съедобные клубни, — все они были выкопаны месяцы назад, если не раньше. Браконьеры строго следили за численностью тех, что росли внутри, — если бы она уменьшалась слишком заметно или растения бы полностью исчезли, мы были бы вынуждены выяснять, кто их собирает, и охранять гораздо тщательнее. Лейтенант Оун это знала. Все в нижнем городе это знали.

Лейтенант дожидалась окончания истории, не впервые досадуя на стремление орсианцев подбираться к теме разговора издалека, но умудряясь по большей части этого не показывать.

— Я слышала, что они очень хороши, — решилась она.

— О да! — согласилась Дэнз Ай. — А лучше всего — прямо из грязи! — (Лейтенант Оун сдержала гримасу.) — Но их также можно нарезать ломтиками и поджарить… — Дэнз Ай умолкла, бросив проницательный взгляд. — Наверное, моя подруга сможет добыть немного для вас.

Я видела неудовлетворенность лейтенанта Оун своей пищей и ее мгновенное желание сказать: «Да, пожалуйста», но вместо этого она произнесла:

— Благодарю вас, нет никакой необходимости. Так вы говорили…

— Говорила?

— Ваша… подруга, — произнося это, лейтенант Оун задавала мне вопросы, шевеля пальцами, — выкапывала клубни *возле* запретных зон. И?

Я показала лейтенанту место, где та, скорее всего, копала клубни, — я патрулировала по всему Орсу, видела, как входят и выходят лодки, видела, где они были ночью, когда гасили свет, и, может быть, даже думали, что становились невидимыми для меня.

— И… — продолжила Дэнз Ай, — они кое-что нашли.

«Кто-нибудь исчез?» — спросила меня безмолвно встревоженная лейтенант Оун. Я ответила отрицательно.

— Что они нашли? — спросила вслух лейтенант у Дэнз Ай.

— Винтовки, — ответила Дэнз Ай так тихо, что лейтенант Оун едва расслышала. — Целую дюжину, с прежних времен. — Она имела в виду до аннексии. Всех шиз'урнианских военных лишили оружия, ни у кого на планете не должно было быть никаких винтовок, о которых бы мы не знали. Этот ответ так поразил лейтенанта Оун, что она никак не реагировала на него целых две секунды.

Затем нахлынули замешательство, тревога и смятение. «Почему она рассказывает мне об этом?» — безмолвно спросила меня лейтенант.

— Кое о чем поговаривают, лейтенант, — сказала Дэнз Ай. — Возможно, вы слышали.

— Все время о чем-то поговаривают, — согласилась лейтенант Оун, и ответ был настолько шаблонным, что мне даже не пришлось переводить, она могла сказать это на местном диалекте. — Как еще людям проводить время?

Дэнз Ай жестом выразила согласие с этим общим местом. Терпение лейтенанта Оун подошло

к концу, и она перешла в прямую атаку.

— Их могли положить туда перед аннексией.

Дэнз Ай отрицательно повела левой рукой.

— Месяц назад их там не было.

«Кто-то нашел спрятанное еще до аннексии оружие и перенес его туда?» — безмолвно спросила меня лейтенант Оун. Вслух она задала вопрос:

— Когда люди беседуют, они упоминают о появлении дюжины винтовок под водой в запретной зоне?

— Такие винтовки бесполезны против *вас*. — Из-за нашей брони, вот что Дэнз Ай имела в виду. Радчаайская броня — это, по существу, непроницаемый силовой щит. Я могла развернуть свой мысленным усилием, как только пожелаю. Устройство, которое его генерирует, имплантировано каждому из моих сегментов, есть оно и у лейтенанта Оун, но внешнее. Оно не делает нас совершенно неуязвимыми, и в бою мы иногда носим под ним настоящую броню, облегченную и на шарнирах, которая прикрывает голову, конечности и торс, но даже без этого пара винтовок не причинит особого вреда никому из нас.

— Тогда для кого предназначены эти винтовки? — спросила лейтенант Оун.

Дэнз Ай задумалась, нахмурившись и покусы-

вая губу, а потом сказала:

— Танмайнды больше походят на радчааи, чем мы.

— Гражданин, — произнесла лейтенант Оун, преднамеренно сделав заметное ударение на этом слове, которое, собственно, является первым значением слова радчааи, — если бы мы собирались кого-нибудь застрелить, мы бы уже это сделали. — «Уже сделали на самом деле». — Нам не нужны тайные запасы оружия.

— Поэтому я и пришла, — сказала Дэнз Ай эмоционально, словно объясняя нечто ребенку в очень простых выражениях. — Когда вы убиваете человека, вы говорите почему и не оправдываетесь. Таковы радчааи. Но когда орсианцев убивали раньше, до того как вы пришли, в верхнем городе всегда заботились об оправдании. Когда там хотели кого-то убить, — стала объяснять она в ответ на непонимание и потрясение лейтенанта Оун, — они не говорили: «Ты доставляешь нам неприятности, и мы хотим, чтобы ты исчез», — а потом стреляли. Они говорили: «Мы всего лишь защищаемся», — а после того как человек умер, обыскивали тело или дом и находили оружие или уличающие послания.

Смысл был ясен, и она говорила искренне.

— Тогда как же получается, что мы похожи?

— У вас те же боги. — (Это не так, не в полной мере, но этот домысел поддерживался и в верхнем городе, и повсюду.) — Вы живете в ограниченном пространстве, вы закутываетесь в одежды. Вы богаты, танмайнды богаты. Если кто-нибудь в верхнем городе, — (и здесь, я полагала, она имеет в виду кого-то определенного), — станет вопить, что некий орсианин им угрожает, большинство радчааи поверят ей, а не какому-то орсианину, который наверняка лжет, чтобы защититься.

Так вот почему она пришла к лейтенанту Оун — чтобы радчаайским властям было совершенно ясно, что она — и другие жители нижнего города — не имеет никакого отношения к тайному складу оружия, если дело дойдет до предъявления обвинения.

— Орсиане, танмайнды, моха, — произнесла лейтенант Оун, — все это теперь ничего не значит. С этим покончено. Все здесь теперь радчааи.

— Как скажете, лейтенант, — ответила Дэнз Ай тихо, почти без выражения.

Лейтенант Оун пробыла в Орсе достаточно долго, чтобы распознать завуалированное несогласие. Она попыталась изменить подход.

— Никто не собирается никого убивать.

— Разумеется нет, лейтенант, — согласилась Дэнз Ай, но тем же тихим голосом. Ей было достаточно лет, чтобы знать по собственному опыту, что мы убивали людей в прошлом. Едва ли можно обвинять ее за опасения, что мы можем поступать так и в будущем.

После того как Дэнз Ай ушла, лейтенант Оун погрузилась в размышления. Никто не мешал им, день был спокойным. В храме, залитом внутри зеленым светом, верховная жрица повернулась ко мне и сказала:

— Некогда здесь было два хора, по сотне голосов в каждом. Тебе бы понравилось.

Я видела записи. Иногда дети приносили мне песни, которые были далекими отголосками той музыки, звучавшей пятьсот и более лет назад.

— Мы уже не те, что были, — сказала верховная жрица. — Все в конце концов проходит.

Я с этим согласилась.

— Возьми вечером лодку, — сказала лейтенант Оун, наконец пошевелившись. — Посмотри, нет ли в том месте каких-нибудь указаний на то, откуда появилось оружие. Я решу, что делать, когда разберусь, что происходит.

— Да, лейтенант, — сказала я.

Джен Шиннан жила в верхнем городе, за Пред-

дверием Храма. Лишь немногие орсиане, которые жили в верхнем городе, не были слугами. Дома там отличались от зданий нижнего города: крыши — с коньком, центральная часть каждого этажа окружена стенами, но окна и двери спокойными ночами оставались открытыми. Весь верхний город был построен на старых развалинах и, соответственно, гораздо позже, чем нижний, в последние лет пятьдесят или около того, и в нем значительно больше применялась система кондиционирования воздуха. Многие жители носили брюки и рубашки и даже куртки. Радчаайские иммигранты, которые жили здесь, предпочитали более традиционную одежду, и лейтенант Оун, нанося визиты, надевала свою форму, не испытывая неловкости.

Но лейтенант всегда чувствовала себя не в своей тарелке, посещая Джен Шиннан. Ей не нравилась Джен Шиннан, и, хотя, разумеется, на это не было и намека, весьма вероятно, что лейтенант Оун тоже не очень нравилась Джен Шиннан. Такое приглашение было сделано только по общественной необходимости, ведь лейтенант Оун — местный представитель радчаайской власти. Застолье этим вечером было необычно скромным: только хозяйка, ее двоюрод-

ная сестра, лейтенант Оун и лейтенант Скаайат.

Лейтенант Скаайат командовала подразделением Семь Исса «Правосудия Энте» и управляла территорией между Орсом и Коулд-Весом — по большей части сельскохозяйственной местностью, где Джен Шиннан и ее кузина владели земельными участками. Лейтенант Скаайат и ее воинская часть помогали нам во время сезона паломничества, поэтому ее знали в Орсе почти так же хорошо, как лейтенанта Оун.

— Они реквизировали весь мой урожай, — заявила кузина Джен Шиннан, владелица нескольких тамариндовых садов неподалеку от верхнего города. Она многозначительно постучала вилкой по своему блюду. — *Вес*ь урожай.

Центральная часть стола была уставлена подносами и блюдами с яйцами, рыбой (не с заболоченного озера, а с моря за ним), цыпленком со специями, хлебом, тушеными овощами и полудюжиной различных закусок.

— Они не заплатили вам, гражданин? — спросила лейтенант Оун, произнося слова медленно и тщательно, как всегда, когда беспокоилась о том, как бы не проявился ее акцент.

Джен Шиннан и ее двоюродная сестра говорили на радчааи, поэтому необходимости в переводе

не было, и можно было не опасаться ошибиться в роде, общественном положении или чем-то еще, имевшем существенное значение на танмайндском или орсианском.

— Верно, но я, безусловно, получила бы больше, если бы могла отвезти его в Коулд-Вес и продать самостоятельно!

Было время, когда собственника имущества вроде нее убили бы сразу, чтобы чей-нибудь клиент мог вступить во владение ее плантацией. Действительно, немало шиз'урниан умерли на начальных стадиях аннексии просто потому, что были препятствием.

— Я уверена, что вы понимаете, гражданин, — сказала лейтенант Оун, — распределение продовольствия — это проблема, которая все еще находится в процессе разрешения, и все мы должны претерпеть некоторые трудности, пока это завершится. — Когда она испытывала неловкость, то выражалась нехарактерно официальными фразами, подчас — угрожающе сложными.

Джен Шиннан указала на полное блюдо из хрупкого бледно-розового стекла.

— Еще одно фаршированное яйцо, лейтенант Оун?

Лейтенант Оун подняла руку в перчатке.

— Они очень вкусны, но нет, благодарю вас, гражданин.

Но кузина, закусив удила, понеслась по прямой, с которой ей было уже не свернуть, несмотря на дипломатичную попытку Джен Шиннан увести разговор в сторону.

— Но ведь фрукты — не такая уж необходимость. Тамаринды, подумать только! И непохоже, что кто-нибудь голодает!

— Разумеется! — охотно согласилась лейтенант Скаайат. Она радостно улыбнулась лейтенанту Оун. Лейтенант Скаайат — смуглокожая, с янтарными глазами, аристократичная, лейтенант Оун совсем не такая. Один из ее солдат из Семь Исса стоял возле меня, у двери столовой, так же безмолвно вытянувшись в струнку, как и я.

Хотя лейтенанту Оун очень нравилась лейтенант Скаайат и она оценила ее сарказм, она не смогла заставить себя улыбнуться в ответ.

— Не в этом году.

— Твой бизнес идет лучше, чем мой, кузина, — сказала Джин Шиннан умиротворяющим тоном. Она тоже владела земельными угодьями неподалеку от верхнего города. Но у нее также были и землечерпалки, безмолвно застывшие в болотистой воде. — Хотя мне не стоит слишком

уж печалиться, ведь хлопот было невпроворот, а отдача просто ничтожна.

Лейтенант Оун открыла было рот, собираясь что-то сказать, но тут же его закрыла. Лейтенант Скаайат увидела это и произнесла, четко, изысканно и легко выпевая гласные:

— Что там, еще три года ограничений на рыбную ловлю?

— Да, — подтвердила лейтенант Оун.

— Глупость, — заявила Джин Шиннан. — Из лучших побуждений, но глупость. Вы видели, как все обстояло, когда прибыли сюда. Как только снимете запрет, всё тут же выловят начисто. Орсиане, возможно, являлись великим народом, но они уже не такие, как их предки. У них нет никакого честолюбия, все мысли — только о краткосрочной выгоде. Если им показать, кто здесь хозяин, то они могут быть вполне покорными, как, я уверена, вы заметили, лейтенант Оун, но в своем естественном состоянии они, за немногими исключениями, инертны и суеверны. Хотя, я полагаю, это и есть результат жизни в Преисподней. — Она улыбнулась собственной шутке. Ее кузина откровенно расхохоталась.

Живущие в космическом пространстве народы Шиз'урны делят вселенную на три части. В

середине располагается обычная среда обитания людей: космические базы, корабли, жилища. Вне этого Чернота: небеса, дом бога и всего святого. А внутри гравитационного колодца самой планеты Шиз'урна — или, в сущности, любой планеты — лежит Преисподняя, страна мертвых, из которой человечеству нужно было бежать, чтобы полностью освободиться от ее демонического влияния.

Вы можете увидеть, что радчаайская концепция вселенной как самого бога может показаться похожей на представление танмайндов о Черноте. Но для радчааи немного странно слышать, как те, кто верит, что гравитационные колодцы — это царство мертвых, называют людей суеверными за поклонение ящерице.

Лейтенант Оун выдавила вежливую улыбку, а лейтенант Скаайат сказала:

— И тем не менее вы тоже живете здесь.

— Я не путаю абстрактные философские концепции с реальностью, — заявила Джен Шиннан. Хотя это тоже прозвучало странно для радчааи, которые понимали, что значило для торговца-танмайнда спуститься в Преисподнюю и вернуться. — Серьезно, у меня есть теория.

Лицо лейтенанта Оун, знакомой с несколькими танмайндскими теориями об орсианах, приняло

нейтральное, почти любознательное выражение, и она вежливо произнесла:

— Да?

— Поделитесь! — поощрила лейтенант Скаайат. Кузина, которая мгновением раньше отправила в рот добрую порцию цыпленка со специями, одобрительно махнула вилкой.

— Все дело в том, как они живут: совершенно открыто, без ничего, кроме крыши, — сказала Джен Шиннан. — У них нет никакой частной жизни, никакого ощущения своей индивидуальности, вы понимаете — никакого чувства обособленной личности.

— Не говоря уже о частной собственности, — подхватила Джен Таа, проглотив своего цыпленка. — Они думают, что можно просто войти и взять, что захочется.

На самом деле, существовали правила — пусть и негласные — о входе в дом без приглашения, и воровство в нижнем городе случалось редко. Лишь изредка в сезон паломничества, в другое время — почти никогда.

Джен Шиннан жестом подтвердила свое согласие.

— И никто *здес*ь никогда не голодает на самом деле. Никто не должен работать, они просто

ловят рыбу в болоте. Или обирают приезжих во время сезона паломничества. У них нет никакой возможности развить в себе честолюбие или желание совершенствоваться. И они не развивают в себе — не могут на самом деле развить никакой изысканности, никакого… — Она остановилась в поисках подходящего слова.

— Внутреннего мира? — предложила лейтенант Скаайат, которая наслаждалась происходящим куда больше, чем лейтенант Оун.

— Точно! — согласилась Джен Шиннан. — Внутреннего мира, да.

— Итак, ваша теория, — сказала лейтенант Оун угрожающе спокойным тоном, — заключается в том, что орсиане на самом деле — не *люди.*

— Ну, не *личности*, — Джен Шиннан, казалось, почувствовала, что сказанное ею разозлило лейтенанта Оун, но не была в этом полностью уверена, — как таковые.

— И конечно, — вставила Джен Таа, ничего не заметив, — они видят, чем мы обладаем, и не понимают, что нужно *работать*, чтобы вести такой образ жизни, и завидуют, и возмущаются, и обвиняют *нас* за то, что мы не позволяем им иметь этого, тогда как если бы они только *работали*…

— Они посылают все свои деньги на поддержку

того полуразрушенного храма, а потом жалуются на свою бедность, — продолжала Джен Шиннан. — И они выудили всю рыбу из болота, а потом обвиняют нас. Они и вас, лейтенант, обвинят, когда вы вновь откроете запретные зоны.

— А то, что вы тоннами вынимали ил, чтобы продавать его как удобрение, не имело никакого отношения к исчезновению рыбы? — спросила лейтенант Оун, и ее голос прозвучал резко. На самом деле удобрение было побочным бизнесом от основного по продаже ила для религиозных целей танмайндам, обитавшим в космосе. — Это произошло из-за безответственного рыболовства со стороны орсиан?

— Ну конечно, *немного* это повлияло, — сказала Джен Таа, — но вот если бы они управляли своими ресурсами должным образом…

— Совершенно верно, — согласилась Джен Шиннан. — Вы обвиняете меня в том, что я погубила рыбную ловлю. Но я дала тем людям работу. Возможность сделать свою жизнь лучше.

Лейтенант Скаайат, должно быть, почувствовала, что лейтенант Оун находится на опасной грани.

— Знаете, система обеспечения безопасности на планете очень отличается от той, что исполь-

зуется на базе, — произнесла она весело. — На планете всегда будет некоторое… проскальзывание. Нечто, чего не видно.

— А, — сказала Джен Шиннан, — но вы всех нас пометили, так что вы всегда знаете, где мы.

— Да, — согласилась лейтенант Скаайат. — Но мы не всегда *наблюдаем*. Полагаю, можно создать достаточно большой искусственный интеллект, чтобы держать под наблюдением целую планету, но не думаю, чтобы кто-то пытался это сделать. Хотя база…

Я наблюдала за лейтенантом Оун, которая видела, как лейтенант Скаайат захлопывает капкан, в который Джен Шиннан влезла несколько ранее.

— На базе, — сказала лейтенант Оун, — ИИ видит все.

— Гораздо легче управлять, — радостно согласилась лейтенант Скаайат. — Система безопасности почти не нужна. — Это было не вполне верно, но момент был неподходящий, чтобы на это указывать.

Джен Таа опустила свою вилку.

— Наверняка ИИ не *все* видит. — (Оба лейтенанта промолчали.) — Даже когда вы?..

— Всё, — ответила лейтенант Оун. — Я вас заверяю, гражданин.

Воцарилась тишина почти на две секунды. Губы стоящего рядом со мной стража из подразделения Семь Исса лейтенанта Скаайат чуть дернулись. Быть может, это конвульсивное сокращение мышц, но я подозревала: это внешнее проявление того, что услышанное ее позабавило. Военные корабли были оснащены ИИ, как и базы, так что в жизни радчаайских солдат уединения не бывало никогда.

Лейтенант Скаайат прервала молчание:

— Ваша племянница, гражданин, проходит в этом году испытания?

Кузина сделала утвердительный жест. Пока ее земельные угодья обеспечивают доход, ни ей, ни ее наследнику назначение не понадобится, и эта земля могла поддерживать немало наследников. Племянница, однако, потеряла родителей во время аннексии.

— Эти испытания… — сказала Джен Шиннан. — Вы их проходили, лейтенанты?

Обе ответили утвердительно. Испытания — единственный путь стать военным или получить любую правительственную должность, хотя ко всем назначениям дорогу они не открывали.

— Несомненно, — сказала Джен Шиннан, — испытания хороши для вас, но я вот думаю:

подходят ли они для нас, шиз'урниан?

— Отчего же? — спросила лейтенант Скаайат, слегка нахмурившись.

— Были какие-то трудности? — спросила лейтенант Оун, все еще натянуто, досадуя на Джен Шиннан.

— Ну, — Джен Шиннан взяла салфетку, мягкую и отбеленную до снежной белизны, и утерла рот, — говорят, в прошлом месяце в Коулд-Весе все кандидаты на государственную гражданскую службу были этническими орсианами.

Лейтенант Оун моргнула в замешательстве. Лейтенант Скаайат улыбнулась.

— Вы хотите сказать, — начала она, глядя на Джен Шиннан, но обращаясь также к лейтенанту Оун, — что тестирование проводится необъективно?

Джен Шиннан свернула свою салфетку и положила на стол рядом с тарелкой.

— Да ладно, лейтенант. Давайте по-честному. Есть определенная причина, почему немногие орсиане занимали такие посты до вашего появления. Время от времени бывают исключения: Божественная — весьма уважаемая личность, я с вами согласна. Но она — исключение. Поэтому когда я вижу, что на посты госслужбы предпола-

гается назначить двадцать орсиан и ни единого танмайнда, то не могу не думать, что либо испытания некорректны, либо… Ладно. Я не могу не вспомнить о том, что, когда вы прибыли, первыми сдались именно орсиане. Не могу винить вас за то, что вы это цените, за то, что хотите… выразить за это признательность. Но это ошибка.

Лейтенант Оун промолчала. Лейтенант Скаайат спросила:

— Предположим, вы правы, но почему это ошибка?

— Я уже говорила об этом. Они просто не подходят для высоких должностей. Некоторые исключения, да, имеются, но… — Она помахала рукой в перчатке. — И когда предвзятость в назначениях столь очевидна, люди не будут иметь к ним доверия.

Улыбка лейтенанта Скаайат расползалась все шире, и в то же время нарастали безмолвное возмущение и злость лейтенанта Оун.

— Ваша племянница волнуется?

— Немного, — признала кузина.

— Ясное дело, — протянула лейтенант Скаайат. — Это важное событие в жизни любого гражданина. Но ей не нужно бояться.

Джен Шиннан язвительно рассмеялась.

— Не нужно бояться? Нижний город возмущается нами, и так было всегда, а теперь, чтобы заключить любую законную сделку, мы должны либо ехать в Коулд-Вес, либо пройти через весь нижний город до вашего дома, лейтенант.

Любой юридически обязательный договор должен быть оформлен в храме Амаата. Или, согласно недавней (и чрезвычайно сомнительной) уступке, на его ступенях, если одна из сторон — исключительный монотеист.

— Во время сезона паломничества это почти невозможно. Мы либо теряем целый день на путешествие в Коулд-Вес, либо подвергаем себя опасности.

Джен Шиннан довольно часто посещала Коулд-Вес, просто навещая друзей или за покупками. Как все танмайнды в верхнем городе и делали это до аннексии.

— Случались ли какие-то затруднения, о которых не сообщалось? — спросила лейтенант Оун натянуто, с досадой, крайне вежливо.

— Ну, — начала Джен Таа, — на самом деле, лейтенант, я хотела упомянуть об этом. Мы были здесь несколько дней, и у моей племянницы, кажется, возникли некоторые неприятности в нижнем городе. Я говорила ей, что лучше туда не

ходить, но вы знаете, как ведут себя подростки, когда им говорят что-нибудь не делать.

— Что за неприятности? — спросила лейтенант Оун.

— О, — сказала Джен Шиннан, — вы же знаете, как это бывает. Грубости, угрозы, несомненно пустые, и, конечно, ничего и близко к тому, что будет через неделю или две, но ребенок разволновался.

Племянница, о которой шла речь, провела два последних дня уставившись в воду Преддверия Храма и вздыхая. Я заговорила с ней однажды, и она отвернулась, не ответив. После этого я оставила ее в покое. Никто ее не беспокоил. *«Никаких проблем я не замечала»*, — сообщила я лейтенанту Оун.

— Я за ней присмотрю, — сказала лейтенант, безмолвно подтвердив получение моей информации быстрым движением пальцев.

— Благодарю вас, лейтенант, — проговорила Джен Шиннан. — Я знаю, что мы можем на вас рассчитывать.

— Ты думаешь, это смешно? — Лейтенант Оун пыталась расслабить мышцы челюсти. Ее лицо все больше напрягалось, и я понимала, что без вмешательства у нее скоро заболит голова.

Лейтенант Скаайат, шагая рядом, расхохоталась.

— Это чистая комедия. Прости меня, дорогая, но чем больше ты злишься, тем более безукоризненной становится твоя речь и тем сильнее Джен Шиннан заблуждается на твой счет.

— Конечно же нет. Несомненно, она спрашивала обо мне.

— Ты все еще злишься. Хуже того, — сказала лейтенант Скаайат, беря лейтенанта Оун под руку, — ты злишься на *меня*. Мне жаль. И она *в самом деле* спрашивала. Не напрямую, просто *интересовалась* тобой, совершенно естественно, разумеется.

— И ты отвечала, — предположила лейтенант Оун, — в равной степени не прямо.

Я шла за ними с солдатом Семь Исса, с которым мы стояли в столовой Джен Шиннан. Прямо впереди, за Преддверием Храма, я видела себя, стоящую на площади.

Лейтенант Скаайат заявила:

— Я сказала только правду. Я сказала ей, что лейтенанты на кораблях со вспомогательными компонентами, как правило, из старых, высокопоставленных семей с большими деньгами и обширной клиентурой. Ее знакомцы в Коулд-Весе

могли сказать несколько больше, но не намного. С одной стороны, поскольку ты не из такой семьи, они тебя не любят. С другой стороны, ты *действительно* командуешь вспомогательными компонентами, а не заурядными людьми, которых те, кто придерживается старомодных воззрений, осуждают так же, как осуждают потомков малоизвестных, незначительных семейств, произведенных в офицеры. Они одобряют твоих вспомогательных компонентов и относятся неодобрительно к твоему происхождению. Джен Шиннан весьма противоречиво тебя воспринимает.

Она говорила очень тихо, расслышать ее можно было только находясь совсем рядом, хотя дома, мимо которых мы проходили, были закрыты, света на нижних этажах не было. Жители же нижнего города, включая малышей, даже поздно ночью сидели почти на улице.

— Кроме того, — продолжала лейтенант Скайат, — она права. О нет, не с той глупостью про орсиан, но она права в своих подозрениях об испытаниях. Ты же сама знаешь, что тесты допускают подтасовки. — При этих словах лейтенанта Оун охватило болезненное негодование, которое она не в силах была скрыть, но промолчала,

а лейтенант Скаайат продолжала: — Веками только состоятельные кандидаты с хорошими связями успешно проходили испытания, чтобы получить определенные должности. Стать, к примеру, офицерами вооруженных сил. В последние — сколько? — пятьдесят, семьдесят пять лет это изменилось. Означает ли это, что не самые богатые и знаменитые семейства внезапно стали поставлять обществу достойных кандидатов в офицеры?

— Мне не нравится, куда ты клонишь, — резко ответила лейтенант Оун и попыталась расцепить руки со Скаайат. — Я не ожидала от тебя такого.

— Нет-нет, — запротестовала лейтенант Скаайат, не поддаваясь, и привлекла ее ближе. — Вопрос правильный, и ответ — тот же самый. Ответ — нет, разумеется. Но означает ли это, что результаты испытаний подтасовывались раньше, или это делается теперь?

— А твое мнение?

— И то и другое. И тогда, и сейчас. А наша подруга Джен Шиннан не вполне отдает себе отчет в том, что этот вопрос даже задавать нельзя, — она просто понимает, что, если собираешься преуспеть в жизни, тебе нужны правильные связи, и она знает, что испытания на должно-

сти — часть этой системы. И она совершенно не стесняется — ты же слышала, как она намекнула, что орсиан вознаграждают за сотрудничество с оккупантами, и почти тут же дала понять, что у представителей ее народа это вышло бы куда лучше! А ты заметила, что ни она, ни ее кузина не посылают *своих* детей на испытания, а только эту осиротевшую племянницу. Тем не менее они вкладываются в ее будущее. Если бы мы попросили взятку за то, чтобы это обеспечить, она бы дала ее без всяких. На самом деле я удивлена, что она не предложила.

— Ты не стала бы, — возразила лейтенант Оун. — И не станешь. У тебя нет таких возможностей.

— Мне и не понадобится. Ребенок хорошо справится с тестами; вероятно, ее пошлют в столицу региона для обучения на прекрасный пост госслужбы. Если хочешь знать мое мнение, орсиан *действительно* вознаграждают за сотрудничество, но они — меньшинство в этой системе. И теперь, когда неизбежные неприятности аннексии позади, мы хотим, чтобы люди начали осознавать, что быть радчааи для них весьма выгодно. А если наказывать местные семейства за то, что не слишком быстро сдались, это делу

не поможет.

Они прошли еще немного в молчании и остановились на берегу у самой воды, все еще держась за руки.

— Проводить тебя домой? — спросила лейтенант Скаайат. Лейтенант Оун не ответила, она смотрела на воду, все еще досадуя. Зеленые световые люки в наклонной крыше храма светились, и свет струился из открытых дверей на площадь — это был период ночных служб. Лейтенант Скаайат сказала с примирительной полуулыбкой: — Я тебя расстроила, ну давай помиримся.

— Конечно, — ответила лейтенант Оун, тихонько вздохнув. Она никогда не могла противиться лейтенанту Скаайат, да и серьезной причины для этого не было. Они пошли вдоль водной кромки.

— В чем разница, — спросила лейтенант Оун настолько понизив голос, что почти не нарушила установившейся тишины, — между гражданами и негражданами?

— Одни — цивилизованны, — со смехом ответила лейтенант Скаайат, — другие — нет. — Эта шутка имела смысл только на радчааи: *гражданин и цивилизованный* — одно и то же слово на этом языке. Быть радчааи означает быть благовоспитанным, культурным, приобщенным к

цивилизации.

— Итак, в то мгновение когда лорд Мианнаи даровала шиз'урнианам гражданство, в тот самый миг они стали цивилизованными. — Это примерный смысл того, что сказала лейтенант, — вопрос, который она задала, был на этом языке весьма непрост. — Я вот что имею в виду: некогда твои солдаты из Исса стреляли в людей за то, что они разговаривали недостаточно почтительно, — не говори мне, что этого не случалось, потому что я знаю, что это бывало, и даже хуже того, — и это не имело значения, потому что они — не радчааи, не цивилизованные. — Лейтенант Оун поминутно переходила на местный орсианский язык, который она немного знала, потому что на радчааи слова не давали ей выразить то, что она желала сказать. — И во имя цивилизации оправданы любые меры.

— Ну, — сказала лейтенант Скаайат, — это было эффективно, ты должна это признать. Сейчас все говорят с нами весьма почтительно. — (Лейтенант Оун молчала. Услышанное ее нисколько не позабавило.) — Откуда это все взялось?

Оун рассказала ей о разговоре с верховной жрицей.

— А! Ладно. В то время ты не возражала.

— А что хорошего из этого вышло бы?

— Абсолютно ничего, — ответила Скаайат. — Но не поэтому ты не протестовала. Кроме того, даже если компоненты не избивают людей, не берут взяток, не насилуют, не убивают людей с досады — те люди, которых застрелили люди-солдаты… сотню лет назад их бы заморозили, чтобы потом использовать как вспомогательные сегменты. Ты знаешь, сколько у нас еще есть в запасе? Хранилища «Справедливости Торена» забиты телами на миллион лет вперед. Если не больше. Те люди фактически мертвы. Тогда в чем разница? Тебе это не нравится, но вот правда: роскошь всегда появляется за чей-то счет. Одно из многих преимуществ цивилизации в том, что человек в общем не обязан этого видеть, если не желает. Ты волен наслаждаться ее выгодами, не отягчая совести.

— А твою это не беспокоит?

Лейтенант Скаайат весело рассмеялась, словно они обсуждали нечто совершенно другое: игру в шашки или хороший чайный магазин.

— Когда растешь, зная, что заслуживаешь быть на самом верху, что мелкие семейства существуют для того, чтобы служить во благо славной судьбы твоего клана, то воспринимаешь все это

как само собой разумеющееся. Ты появляешься на свет с пониманием, что кто-то другой оплачивает издержки твоей жизни. Просто так устроено. В том, что происходит во время аннексии, — есть количественное, а не качественное различие.

— Мне так не кажется, — ответила лейтенант Оун коротко и с горечью.

— Конечно. — Голос Скаайат потеплел. Я вполне уверена в том, что ей искренне нравилась лейтенант Оун. Я знаю, что и она нравилась лейтенанту, хотя иногда высказывания Скаайат ее расстраивали, как этим вечером. — Твоя семья оплачивала часть этих издержек, пусть и небольшую. Быть может, от этого становится легче сочувствовать тем, кто платит за тебя. И я уверена, что трудно не думать о том, через что прошли твои собственные предки, когда аннексировали их.

— *Твоих-то* предков никогда не аннексировали. — Это прозвучало едко.

— Ну, кого-то из них, вероятно, аннексировали, — призналась лейтенант Скаайат. — Но они не входят в официальную генеалогию. — Она остановилась и потянула лейтенанта Оун за руку. — Оун, мой дорогой друг! Не мучай себя из-за того, чему ты не можешь помочь. Все вокруг тако-

во, каково оно есть. Тебе не в чем себя упрекать.

— Ты только что сказала, что всем нам есть за что корить себя.

— Я этого не говорила. — Голос Скаайат звучал нежно. — Но ты все равно будешь считать именно так, правда? Послушай, жизнь тут станет лучше, потому что мы здесь. Это уже так, и не только для местных, но и для тех, кого сюда перевезли. И даже для Джен Шиннан, хотя сейчас ее душит обида — ведь она больше не самая большая шишка в Орсе. Со временем она успокоится. Они все успокоятся.

— А мертвые?

— Мертвы. И волноваться из-за них — пустое.

ГЛАВА 5

Когда Сеиварден проснулась, она была суетлива и раздражительна. Дважды спросила меня, кто я такая, и трижды пожаловалась на то, что мой ответ, который был заведомой ложью, не сообщил ей никакой значимой информации.

— Я не знаю никого по имени Брэк. Прежде я никогда тебя не видел. Где я?

В дыре, у которой есть имя.

— Ты на Нильте.

Она натянула на голые плечи одеяло, но потом нахмурилась, сбросила его и сложила руки на груди.

— Я никогда даже не слышал о Нильте. Как я здесь оказался?

— Понятия не имею. — Я поставила еду, которую держала в руках, на пол перед ней.

Она снова потянулась за одеялом.

— Не хочу.

Движением руки я выразила безразличие. Я поела и отдохнула, пока она спала.

— Это с тобой часто случается?

— Что?

— Проснуться и не знать, где ты, с кем и как туда попала?

Она натянула на себя одеяло и тут же сбросила его опять, потом потерла руки.

— Пару раз.

— Я — Брэк из Джерентэйта. — Я это уже говорила, но знала, что она снова спросит. — Я нашла тебя два дня назад перед баром. Не знаю, как ты туда попала. Ты бы умерла, если бы я оставила тебя там. Мне жаль, если ты хотела именно этого.

Отчего-то это ее разозлило.

— Да ты прелесть, Брэк из Джерентэйта! — Она презрительно усмехнулась. Таким тоном она говорила, когда носила форму, — удивительно было услышать его от голой и растрепанной Сеиварден.

Этот тон меня обозлил. Я точно знала, почему рассердилась, и знала, что, если бы отважилась объяснить это Сеиварден, она ответила бы не чем иным, как презрением, и это бесило меня еще сильнее. Я удержала на лице безразличное, чуточку заинтересованное выражение, которое использовала, общаясь с ней, с того мгновения, как она очнулась, и снова равнодушно махнула рукой.

Я была самым первым кораблем, на котором

служила Сеиварден. Она прибыла сразу после подготовки, семнадцати лет от роду, и угодила в заключительную часть аннексии. Дело было в туннеле, высеченном в красно-коричневом камне под поверхностью небольшой луны. Она получила приказ караулить пленных, девятнадцать человек, которые лежали нагими на земле и тряслись от холода, дожидаясь, пока их оценят.

На самом деле это я сторожила пленных, расположившись всемером вдоль коридора с оружием на изготовку. Сеиварден — такая молодая, еще худощавая, темные волосы, смуглая кожа, карие глаза ничем не примечательны в отличие от аристократичных черт лица, включая нос, который тогда, впрочем, еще не обрел своей значительности. Она волновалась, да, оставшись здесь ответственной всего лишь через пару дней после прибытия, но в то же время гордилась собой и своей неожиданной, пусть и незначительной, властью. Гордилась темно-коричневой формой: курткой, брюками и перчатками, лейтенантскими знаками отличия. И, подумала я, чуть сильнее, чем надо, возбуждена тем, что держит в руке настоящий пистолет, выполняя определенно не тренировочное задание.

Одна из пленных у стены, широкоплечая, му-

скулистая, бережно прижимала к туловищу сломанную руку и шумно рыдала, сопровождая стоном каждый выдох, взахлеб глотая воздух при каждом вдохе. Она знала, каждый в этой очереди знал, что их либо складируют, чтобы в будущем использовать как вспомогательные компоненты — подобные моим сегментам, которые стояли сейчас перед ними, утратив всякую индивидуальность, став телесными придатками радчаайского боевого корабля, — либо просто ликвидируют.

Сеиварден, которая расхаживала с важным видом вдоль очереди, все больше и больше досаждало судорожное дыхание этой жалкой пленницы, пока в конце концов она не остановилась перед ней.

— Буфера Аатр! Прекрати этот *шум*! — По тому, как подергивались мышцы руки Сеиварден, я поняла, что она вот-вот поднимет свое оружие.

Никого бы не взволновало, если б она отколотила пленного до бесчувствия рукояткой пистолета. Никого бы не обеспокоило, если б она уложила пленного выстрелом в голову, — главное, чтобы в процессе не пострадало жизненно важное оборудование. Человеческие тела, подходящие для превращения во вспомогательные компоненты, отнюдь не относились к дефицитным ресурсам.

Я встала перед ней.

— Лейтенант, — произнесла я ровно и невыразительно, — чай, который вы просили, готов. — На самом деле он был готов пять минут назад, но я ничего не сказала, оставила его про запас.

В данных, которые поступали от этого жутко молодого лейтенанта Сеиварден, я увидела изумление, неудовлетворенность, ярость. Раздражение.

— Это было пятнадцать минут назад, — выпалила она. Я не ответила. Позади меня пленная все еще всхлипывала и стонала. — Можешь ее заткнуть?

— Сделаю все, что могу, лейтенант, — сказала я, хотя понимала, что есть лишь один способ, только одно уняло бы горе пленной. Свежеиспеченная лейтенант Сеиварден, казалось, понятия не имела что.

Через двадцать один год после прибытия на «Справедливость Торена» — чуть больше чем за тысячу лет до того, как я нашла ее в снегу, — Сеиварден являлась старшим лейтенантом подразделения Эск. Ей было тридцать восемь, еще вполне молода по радчаайским стандартам. Гражданин мог жить лет двести.

В последний день она пила чай, сидя на койке

в собственной каюте три на два на два метра с белыми стенами, очень опрятной. Ее нос уже был аристократичным, она стала собой. Никакой неуклюжести или неуверенности.

Рядом с ней на аккуратно застеленной койке сидела самый юный лейтенант подразделения Эск, состоящая с ней в родстве, но из другого семейства; она прибыла лишь несколько недель назад. Выше, чем Сеиварден в этом возрасте, шире в плечах, несколько изящнее. По большей части. Взволнованная приглашением на аудиенцию с глазу на глаз со старшим лейтенантом — пусть родственником, — но скрывающая это. Сеиварден сказала ей:

— Тебе, лейтенант, нужно быть осторожной в выборе тех, кому ты оказываешь честь своими… ухаживаниями.

Очень юный лейтенант нахмурилась, сконфуженная, осознав внезапно, о чем идет речь.

— Ты знаешь, кого я имею в виду, — продолжила Сеиварден, и я тоже это знала. Один из офицеров подразделения Эск определенно заметила появление на борту очень юного лейтенанта и медленно, сдержанно выясняла, возможно ли, чтобы очень юный лейтенант также заметила ее. Но не настолько сдержанно, чтобы Сеиварден

этого не увидела. На самом деле это видела вся кают-компания подразделения, и заинтересованный отклик очень юного лейтенанта также не остался незамеченным.

— Я знаю, кого ты имеешь в виду, — сказала очень юный лейтенант с негодованием. — Но я не понимаю почему…

— А! — воскликнула Сеиварден резко и властно. — Ты думаешь, это безобидная забава. Ладно, скорее всего, это было бы забавно. — Сеиварден как-то сама спала с лейтенантом, о которой шла речь, и знала, о чем говорит. — Но точно не безобидно. Она — довольно хороший офицер, но ее клан весьма провинциален. Не будь она старше тебя, проблемы бы не было.

Клан очень молодого лейтенанта определенно *не* относился к «весьма провинциальным». При всей своей наивности она сразу поняла, что имеет в виду Сеиварден. И разозлилась настолько, чтобы обратиться к Сеиварден менее официально, чем требовали нормы поведения:

— Буфера Аатр, кузина, никто и слова не сказал о клиентских отношениях. Никто и не стал бы: мы же не можем заключать сделки, пока не уйдем со службы.

В состоятельных кругах отношения патрон

— клиент строго иерархичны: патрон обещал своему клиенту определенную помощь, финансовую и социальную, а клиент обеспечивал патрону поддержку и оказывал услуги. Эти взаимные обязательства могли длиться поколениями. К примеру, в старейших, самых влиятельных кланах почти все слуги были потомками клиентов, и штаты многих компаний, которыми владели состоятельные семейства, были укомплектованы выходцами из семей клиентов мелких кланов.

— Людям из провинциальных кланов присуще честолюбие, — объяснила Сеиварден, в голосе зазвучала едва уловимая снисходительность. — К тому же они умны, в противном случае не добились бы таких успехов. Она старше тебя, и вам обеим еще служить и служить. Если ты удостоишь ее близости, позволишь этой связи длиться и впадешь в зависимость, то однажды окажешься ее клиентом, а должно быть наоборот. Не думаю, что твоя мать будет благодарна, если ты подвергнешь клан такому оскорблению.

Лицо молоденького лейтенанта горело от ярости и досады, блеск ее первого взрослого увлечения внезапно потускнел, и вся эта история оказалась постыдной и хладнокровно рассчитанной.

Сеиварден, наклонившись вперед, протянула руку за флягой с чаем и вдруг остановилась, ощутив резкое раздражение. Безмолвно обратилась ко мне, подергивая пальцами свободной руки: «Эта манжета порвана уже три дня».

Я сказала в ее ухе: «Извините, лейтенант».

Я должна была предложить тут же привести манжету в порядок и послать Один Эск, чтобы убрать рубашку с глаз долой. Я должна была на самом деле починить ее три дня назад. Вообще не надевать на Сеиварден эту рубашку в тот день.

В тесной каюте воцарилась тишина, молоденькая лейтенант все еще была поглощена крушением своих надежд. Затем я сказала в ухе Сеиварден: «Лейтенант, командир подразделения желает видеть вас как можно скорее».

Я знала о предстоящем повышении. Испытала капельку удовлетворения от того, что, даже если бы она приказала мне починить рукав в тот же миг, мне не хватило бы времени на это. Как только она вышла из каюты, я стала укладывать ее вещи, и три часа спустя она была уже в пути к новой должности капитана «Меча Настаса». Я не особо жалела, что она уходит.

Такие мелкие детали. Не ее вина, что она неважно повела себя в ситуации, с которой мало кто из

семнадцатилетних смог бы уверенно справиться. Едва ли стоило удивляться тому, что она была именно таким снобом, каким ее воспитали. Не ее вина, что за свое тысячелетнее (на тот период) существование я стала ценить одаренность выше, чем происхождение, и видела возвышение не одного «очень провинциального» клана, которые оставляли этот ярлык в прошлом и выпускали в свет своих Сеиварден.

Все эти годы, разделявшие юного лейтенанта Сеиварден и капитана Сеиварден, состояли из кратких мгновений. Всяких мелочей. Я никогда не испытывала неприязни к ней. Просто она никогда мне особо не нравилась. Но, глядя на нее сейчас, я не могла не думать кое о ком еще.

Следующая неделя в доме Стриган была неприятной. За Сеиварден требовалось постоянно присматривать и часто приводить ее в порядок. Ела она очень мало (что в некоторых отношениях было весьма удачно), и мне приходилось прилагать усилия, чтобы ее организм не оказался обезвоженным. К концу недели рвота прекратилась и, по крайней мере время от времени, Сеиварден стала спать. Спала она некрепко, дергалась и вертелась, часто вздрагивала, тяжело дышала и внезапно просыпалась. Когда она

бодрствовала и не рыдала, то жаловалась, что все вокруг слишком жесткое, грубое, громкое и яркое.

Через несколько дней, решив, что я сплю, она подошла к внешней двери, выглянула наружу и посмотрела на снег, затем оделась и потащилась ко второму дому, а потом — к флаеру. Она попыталась завести его, но я вытащила одну существенную деталь и держала возле себя. Когда Сеиварден вернулась в дом, у нее хватило, по крайней мере, самообладания, чтобы закрыть обе двери, прежде чем ввалиться со снегом на ногах в главную комнату, где я сидела на скамье со струнным инструментом Стриган в руках. Она уставилась на меня с нескрываемым изумлением, то и дело слегка пожимая плечами, чувствуя себя неловко в тяжелой куртке и испытывая зуд.

— Я хочу уехать, — сказала она, и в ее голосе странным образом прозвучали и страх, и надменность, присущая радчаайскому командиру.

— Мы уедем, когда я буду готова, — заявила я и взяла несколько нот на инструменте. На нее нахлынули такие сильные чувства, что скрыть их не удалось, и гнев с отчаянием отразились на ее лице. — Ты там, где ты есть, — заметила я ровным тоном, — из-за решений, которые приняла сама.

Ее спина выпрямилась, плечи развернулись.

— Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моих решениях, принимал я их или нет.

Этого оказалось довольно, чтобы я снова разозлилась. Я кое-что знала о принятых решениях, и о непринятых — тоже.

— Ах да, я позабыла. Все происходит по воле Амаата, *твоих* ошибок не существует.

Глаза Сеиварден округлились. Она открыла рот, чтобы заговорить, втянула воздух, но выдох вышел шумным и прерывистым. Она повернулась ко мне спиной, якобы для того, чтобы раздеться, и уронила куртку на скамью рядом.

— Ты не понимаешь, — проговорила она высокомерно, но голос дрожал от едва сдерживаемых слез. — Ты не радчааи.

Не благовоспитанная.

— Ты начала принимать кеф до того, как покинула Радч, или после? — На радчаайской территории его не должно быть, но местные власти на базах обычно закрывали глаза на мелкую контрабанду.

Она рухнула на скамью рядом со своей небрежно брошенной курткой.

— Я хочу чаю.

— Здесь нет чая. — Я отложила инструмент в

сторону. — Есть молоко. — Точнее, сброженное молоко бовов, которое местные жители разводили водой и пили теплым. Запах, да и вкус тоже, напоминал о пропотевших сапогах. От большого количества Сеиварден наверняка почувствует недомогание.

— Что за место, где нет чая? — возмутилась она. Потом положила локти на колени и опустила лоб на запястья обнаженных рук с вытянутыми пальцами.

— Вот такое вот место, — ответила я. — Почему ты принимала кеф?

— Ты не поймешь. — На колени закапали слезы.

— А ты проверь. — Я снова взяла инструмент, выбрала мелодию.

Через шесть секунд безмолвных рыданий Сеиварден проговорила:

— Она сказала, что он сделает все более ясным.

— Кеф? — (Ответа не последовало.) — Что стало бы ясным?

— Я знаю эту песню, — сказала она, по-прежнему не отнимая лица от запястий. Я поняла, что если она узнает меня, то только по этой мелодии, и перешла на другую. В одном из регионов Вальскаай пение было благородным времяпре-

провождением, а местные хоровые общества — центром общественной деятельности. Та аннексия принесла много красивых песен, которые особенно нравились мне, когда моих голосов было больше одного. Выбрала одну из тех. Сеиварден ее не узнает. Вальскаай был и до, и после нее.

— Она сказала, — ответила наконец Сеиварден, подняв лицо, — что чувства затуманивают восприятие. Что самое четкое зрение — это чистый разум, не искаженный чувством.

— Это неправда.

У меня была целая неделя на этот инструмент и очень мало других занятий. Мне удалось сыграть две строчки сразу же.

— Поначалу это казалось правдой. Сначала было *чудесно.* Все отступало. Но когда действие заканчивалось, все становилось как прежде. Даже хуже. А потом, через некоторое время, оказалось, что не чувствовать — фигово. Я не знаю. Я не могу этого описать. Но если я принимал больше, это отступало.

— А отходняк становился все более невыносимым. — Я слышала эту историю несколько раз за последние двадцать лет.

— О, милость Амаата!.. — простонала она. — Я хочу умереть.

— Почему бы и нет? — Я перешла на другую песню.

Мое сердце — это рыбка,
Скрывается в ежовнике,
В зелени, в зелени…

Она посмотрела на меня, будто я была скалой, которая только что заговорила.

— Ты потеряла свой корабль, — сказала я. — Ты была заморожена на тысячу лет. Очнулась, а Радч изменился: никаких вторжений, унизительный договор с Пресгер, твой клан потерял финансовое и социальное положение. Никто тебя не знает и не помнит, всем плевать, жива ли ты. Это не то, к чему ты привыкла, не то, чего ожидала от жизни, так?

Потребовалось три секунды полной растерянности, чтобы факт осел в сознании.

— Ты знаешь, кто я.

— Разумеется, я знаю, кто ты. Ты мне сказала, — солгала я.

Она моргнула, скорее всего мучительно пытаясь вспомнить, было это или нет. Разумеется, у нее имелись провалы в памяти.

— Иди спать, — сказала я и положила пальцы поперек струн, заставив их умолкнуть.

— Я хочу уехать, — возразила она, не трогаясь с места, все так же сидя на скамье, облокотившись на колени. — Почему я не могу уехать?

— У меня здесь дело, — ответила я.

Поджав губы, она усмехнулась. Она, конечно, права: ждать здесь — глупо. После стольких лет планирования и усилий я потерпела неудачу.

Но тем не менее.

— Возвращайся в постель.

Постелью было ложе из подушек и одеял рядом со скамьей, где она сидела. Она посмотрела на меня с прежней полуусмешкой и пренебрежением в глазах, соскользнула на пол и улеглась, натянув одеяло. Заснет она не сразу, я уверена. Она попытается придумать, как бы удрать отсюда, взять надо мной верх или убедить меня сделать то, что она хочет. Все это совершенно бессмысленно, пока она не поймет, *чего* хочет, конечно же, но я этого не сказала.

Через час ее мышцы расслабились и дыхание замедлилось. Была бы она моим лейтенантом, я бы наверняка знала, спит ли она, знала, в какой фазе сна находится, видит или не видит снов. Сейчас я могла наблюдать только внешние проявления.

Все еще настороже, я сидела на полу, опираясь

спиной на другую скамью, а одеяло натянула на ноги. Как всегда здесь, я расстегнула куртку и положила руку на пистолет, откинулась назад и закрыла глаза.

Через два часа меня разбудил слабый звук. Я лежала не двигаясь, рука — по-прежнему на пистолете. Слабый звук повторился, чуть погромче, — это закрылась вторая дверь. Я приоткрыла глаза. Сеиварден лежала на своей постели слишком спокойно — наверняка тоже услышала.

Сквозь ресницы я видела кого-то в уличной одежде. Под два метра ростом, худощавая под массой двухслойной куртки, кожа серо-стальная. Определенно не нильтианка.

Она стояла, наблюдая за мной и Сеиварден семь секунд, а затем тихо шагнула туда, где лежала я, и наклонилась, чтобы подтянуть к себе одной рукой мой рюкзак. В другой руке она держала пистолет, постоянно направленный на меня, хотя, казалось, не знала, что я проснулась.

Замок на несколько мгновений поставил ее в тупик, а затем она вытащила из кармана некий инструмент, который использовала для того, чтобы обойти мой замок, — несколько быстрее, чем я предполагала. Не отводя от меня пистолета и время от времени поглядывая на все еще непо-

движную Сеиварден, она опорожнила рюкзак.

Запасная одежда. Боеприпасы, но пистолета нет, поэтому она поймет или заподозрит, что я вооружена. Три завернутых в фольгу пакета с пищевыми концентратами. Приборы для еды и бутылка для воды. Золотой диск пяти сантиметров в диаметре и полутора сантиметров толщиной, над которым она, нахмурившись, поломала голову, а потом отложила в сторону. Коробка, открыв которую она обнаружила деньги и изумленно охнула, осознав, сколько их там, а потом посмотрела на меня. Я не двигалась. Не знаю, что она предполагала там найти, но, казалось, этого она не обнаружила, чем бы оно ни было.

Она взяла диск, который ее озадачил, и села на скамью, откуда хорошо видела и меня, и Сеиварден. Перевернув диск, она нашла защелку. Боковые стороны опустились, раскрывшись, как цветок, и механизм выпустил фигурку, почти обнаженную, не считая коротких штанов и крошечных цветов из драгоценных камней и эмали. Она безмятежно улыбалась. У нее четыре руки. Одна держит шар, вторую обхватывал наруч. В других руках — нож и отрезанная голова, с которой на босые ноги падают капельки крови из драгоценных камней. Голова улыбалась той же

улыбкой праведного, абсолютного спокойствия, как и сама фигурка.

Стриган — это, должно быть, Стриган — нахмурилась. Эта икона оказалась неожиданной. Она еще больше возбудила ее любопытство.

Я открыла глаза. Она сжала пистолет сильнее — оружие, с которого я не сводила глаз теперь, когда они были полностью открыты и я могла поворачивать голову вслед за ним.

Держа икону в руке, она вопросительно приподняла серо-стальную бровь.

— Родственник? — спросила она на радчааи.

Я удерживала на лице нейтрально-приятное выражение.

— Не совсем, — ответила я на ее языке.

— Я думала, что знаю, кто ты, когда ты пришла, — сказала она после продолжительного молчания, к счастью перейдя вслед за мной на другой язык. — Я думала, что знаю, что ты здесь делаешь. Теперь я уже не так уверена. — Она бросила взгляд на Сеиварден, которую, судя по всему, нисколько не потревожил наш разговор. — *Я думаю*, что знаю, кто *он* такой. Но кто *ты*? Что ты такое? Не говори мне: *Брэк из Джерентэйта*. Ты тоже радчааи, как и он. — Она слегка двинула локтем в сторону Сеиварден.

— Я пришла сюда, чтобы кое-что купить, — сказала я, решив не смотреть на пистолет, который она держала. — Он — случайность. — Поскольку мы говорили не на радчааи, мне приходилось принимать в расчет род — язык Стриган требовал этого. В то же время общество, в котором она жила, утверждало, что пол несущественен. Мужчины и женщины одевались, говорили и действовали неотличимо. И тем не менее все, с кем я встречалась, определяли пол друг друга сразу и безошибочно. И их неизменно раздражало, когда я колебалась или угадывала неверно. Я так и не поняла, в чем тут секрет. Я была в доме Стриган, видела ее вещи и тем не менее не испытывала уверенности в том, какие грамматические формы использовать в разговоре с ней.

— Случайность? — с недоверием спросила Стриган. Я ее понимала. Я бы и сама не поверила на ее месте. Она больше ничего не сказала, вероятно поняв, что говорить еще что-нибудь неразумно, если я именно то, чего она опасалась.

— Совпадение, — ответила я, довольная хотя бы тем, что мы говорим не на радчааи, где это слово имело серьезную значимость. — Я нашла его без сознания. Если бы оставила, он умер бы. — (Стриган не поверила и этому, судя по ее

взгляду.) — Почему ты здесь?

Она рассмеялась — коротко и с горечью, — то ли потому, что я использовала неверный род для местоимения, то ли отчего-то еще, я была не уверена.

— Я думаю, это я должна задать такой вопрос.

По крайней мере, она не исправила мою грамматику.

— Я пришла, чтобы с тобой поговорить. Купить кое-что. Сеиварден был болен. Тебя здесь не было. Разумеется, я заплачу за все, что мы съели.

Казалось, она нашла это забавным.

— Зачем вы здесь? — спросила она.

— Я одна, — сказала я, отвечая на невысказанный вопрос. — Не считая его. — Я кивнула на Сеиварден. Моя рука все еще лежала на пистолете, и Стриган, вероятно, знала, почему я держу руку под курткой так неподвижно. Сеиварден все еще притворялась, что спит.

Стриган слегка покачала головой с недоверием.

— Я поклялась бы, что ты — трупосолдат. — Она имела в виду — вспомогательный компонент. — Когда ты появилась, я была в этом уверена. — Значит, она пряталась поблизости, ожидая, когда мы уйдем, и все было у нее под наблюдением.

Вероятно, она не сомневалась в своем укрытии: если бы я оказалась тем, чего она опасалась, оставаться поблизости было бы крайне глупо. Я бы ее нашла. — Но когда ты увидела, что здесь никого нет, ты заплакала. А он… — Она посмотрела на Сеиварден, вялую и неподвижную на постели, и пожала плечами.

— Сядь, гражданин, — сказала я Сеиварден на радчааи. — Ты никого не вводишь в заблуждение.

— Отвали! — ответила она и натянула одеяло на голову. Затем опять сбросила его, поднялась и, слегка покачиваясь, пошла в гигиеническую комнату.

Я снова повернулась к Стриган.

— А то дело с арендой флаера. Это была ты?

Она безучастно пожала плечами:

— Он сказал мне, что пара радчааи направляются сюда. Либо он сильно тебя недооценил, либо ты еще более опасна, чем я думала.

Что означало: очень опасна.

— Я привыкла к тому, что меня недооценивают. И ты не сказала ей… ему, зачем, по-твоему, я иду.

Ее пистолет не дрогнул.

— Зачем ты здесь?

— Ты знаешь, зачем я здесь. — Выражение ее

лица изменилось на долю мгновения. Я продолжила: — Не для того, чтобы убить тебя. Убийство бы все обессмыслило.

Она приподняла бровь и слегка наклонила голову.

— Неужели?

Словесная пикировка, все эти уловки — для меня сущее мучение.

— Я хочу пистолет.

— Какой пистолет? — Стриган не так глупа, чтобы признать, что вещь существует, что она знает, о каком пистолете я говорю. Но ее лицемерное незнание не убеждало. Она знала. Если у нее есть то, что я думала (и я готова была прозакладывать свою жизнь, что у нее это есть), дальнейшее уточнение не нужно. Она *знала*.

Отдаст ли она это — уже другой вопрос.

— Я заплачу тебе за него.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Гарседдиане делали все по пять. Пять верных деяний, пять главных грехов, пять зон по пять регионов. Двадцать пять представителей, чтобы капитулировать перед лордом Радча.

На три секунды Стриган замерла. Казалось, она даже перестала дышать. Затем она заговорила:

— Гарседд, так? Какое это имеет отношение

ко мне?

— Я бы ни за что не догадалась, если бы ты оставалась на месте.

— Гарседд был тысячу лет назад и очень, очень далеко отсюда.

— Двадцать пять представителей, чтобы капитулировать перед лордом Радча, — повторила я. — И двадцать четыре пистолета, о местонахождении которых известно.

Она моргнула, втянула в себя воздух.

— Кто ты?

— Кто-то удрал. Кто-то бежал из системы до того, как прибыли радчааи. Может быть, он опасался, что пистолеты не будут действовать так, как об этом сообщалось. А может, понимал, что, даже если они действуют, это не поможет.

— А не наоборот? Не в том ли было дело? Никто не бросит вызова Анаандер Мианнаи. — В ее словах прозвучала горечь. — Если хочет жить.

Я промолчала.

Стриган все так же сжимала пистолет. Но безопасности он не гарантировал, реши я причинить ей вред, — думаю, она это понимала.

— Не знаю, почему ты думаешь, что у меня есть этот пистолет. Откуда?

— Ты собирала старинные вещи, диковины. У

тебя уже была маленькая коллекция гарседдианских артефактов. Они каким-то образом попали на базу Драс-Анниа. И другие могли попасть туда точно так же. А однажды ты исчезла. Ты приняла меры, чтобы за тобой не проследили.

— Это слишком хилая основа для такого большого допущения.

— Тогда зачем все это? — Я осторожно махнула свободной рукой, другая по-прежнему оставалась под курткой, держа пистолет. — У тебя было прекрасное положение на Драс-Анниа, пациенты, куча денег, связи и репутация. Теперь ты в ледяной дыре, оказываешь первую помощь пастухам бовов.

— Личностный кризис, — сказала она, произнося слова тщательно и медленно.

— Конечно, — согласилась я. — Ты не смогла заставить себя уничтожить его или передать кому-то, кто не понял бы, какую опасность он представляет. Ты же, как только осознала, чем обладаешь, не сомневалась, что, если бы властям Радча даже просто померещилось, что он существует, они бы выследили и убили тебя и любого другого, кто мог его видеть.

В то время как власти Радча желали, чтобы все запомнили, что случилось с гарседдианами, они

не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как именно гарседдианам удалось сделать то, что они сделали, — то, что никому не удавалось осуществить ни за тысячу лет до, ни еще за тысячу лет после этого, — уничтожить радчаайский корабль. Почти никто из живых этого не помнил. Я знала это, так же как и любой из кораблей, которые были там и существуют сейчас. Анаандер Мианнаи, безусловно, знала. И Сеиварден, сама видевшая ту невидимую броню и пистолет, пули которого без усилий пробили радчаайскую броню и тепловой щит ее корабля. А лорд Радча хотела, чтобы никто даже не думал, что такое возможно.

— Я хочу его, — сказала я Стриган. — Я заплачу тебе за него.

— *Если бы* у меня была такая вещь… *если бы*! Вполне возможно, что всех денег в мире не хватило бы.

— Все возможно, — согласилась я.

— Ты — радчааи. И ты военнослужащая.

— Была, — исправила я. А когда она усмехнулась, я добавила: — Иначе меня бы здесь не было. Или ты бы уже выдала мне всю нужную информацию и была бы мертва.

— Убирайся отсюда. — Голос Стриган был тихим, но яростным. — И забирай своего бродягу.

— Я не уйду, пока не получу то, за чем пришла. — В этом было бы мало смысла. — Тебе придется отдать его мне или застрелить меня из него.

Я все равно что признала, что у меня еще есть броня. Намекнула, что я — именно тот, кого она опасалась, радчаайский агент, явившийся, чтобы убить ее и забрать пистолет.

Несмотря на страх, который Стриган должна была испытывать, она не удержалась от любопытства:

— Почему ты так сильно его хочешь?

— Я хочу, — ответила я, — убить Анаандер Мианнаи.

— Что? — Пистолет в руке задрожал, слегка пошел в сторону, но затем снова застыл. Она подалась вперед на три миллиметра и наклонила голову, как будто не была уверена, что правильно меня расслышала.

— Я хочу убить Анаандер Мианнаи, — повторила я.

— Анаандер Мианнаи, — сказала она едко, — обладает тысячами тел в сотнях мест. Ты не сможешь убить всех. Точно не сможешь с одним пистолетом.

— Я все-таки хочу попытаться.

— Ты безумна. Да разве это вообще возможно? Разве не у всех радчааи промыты мозги?

Распространенное заблуждение.

— Перевоспитывают только преступников или людей, которые плохо функционируют. Никого на самом деле не заботит, что ты думаешь, пока делаешь то, что требуется.

Она смотрела на меня с сомнением.

— Что значит «плохо функционируют»?

Свободной рукой я сделала неопределенный жест, который должен был обозначать «не моя проблема». Хотя, возможно, это было моей проблемой. Наверное, этот вопрос действительно теперь касался меня в той же мере, как он мог очень даже касаться Сеиварден.

— Я собираюсь вытащить руку из-под куртки, — сказала я. — А потом я собираюсь поспать.

Стриган промолчала, только одна седая бровь дернулась.

— Если я нашла тебя, Анаандер Мианнаи, безусловно, сможет, — заявила я. Мы говорили на языке Стриган. Какой пол она определила лорду Радча? — Пока он этого не сделал — возможно, потому что занят другими вещами. По причинам, которые должны быть тебе ясны, он, скорее всего, не решается передать полномочия в этом

вопросе.

— Тогда я в безопасности. — В этом заявлении прозвучало куда больше убежденности, чем она могла испытывать.

Сеиварден с шумом вышла из ванной комнаты и упала обратно на постель, руки дрожали, дыхание было учащенным и неглубоким.

— Я вытаскиваю руку из-под куртки, — сказала я и сделала это. Медленно. Пустую.

Стриган вздохнула и опустила свой пистолет.

— Я, наверное, все равно не смогла бы тебя застрелить.

Потому что она была уверена, что я радчаайская военнослужащая и потому — в броне. Конечно, если бы она застала меня врасплох или выстрелила прежде, чем я развернула броню, она действительно могла бы меня убить.

И конечно, у нее есть тот пистолет. Хотя он мог быть и не под рукой.

— Могу я получить назад свою икону?

Она нахмурилась, а затем вспомнила, что все еще держит ее.

— *Твою* икону.

— Она принадлежит мне, — прояснила я.

— А сходство есть, — отметила она, вновь посмотрев на нее. — Откуда она?

— Издалека. — Я протянула руку. Она вернула ее, я тронула пальцем той же руки защелку, фигурка опустилась, и основание ушло в золотой диск.

Стриган пристально посмотрела на Сеиварден и нахмурилась.

— Твой бродяга беспокоится.

— Да.

Стриган покачала головой, то ли с досадой, то ли с раздражением, и направилась в свой лазарет. Вернувшись, она подошла к Сеиварден, наклонилась и протянула к ней руку.

Сеиварден вздрогнула, откинулась и схватила Стриган за запястье с явным намерением его сломать. Но Сеиварден уже не та, какой была когда-то. Разгульный образ жизни и, как я подозревала, недостаточное питание сделали свое дело. Оставив руку в тисках ее хватки, Стриган другой рукой выхватила из своих пальцев белый ярлычок и прилепила на лоб Сеиварден.

— Мне не жаль тебя, — произнесла она на радчааи. — Просто я врач. — (Сеиварден смотрела на нее с необъяснимым ужасом.) — Отпусти меня.

— Отпусти ее, Сеиварден, и ляг, — резко сказала я. Она еще две секунды таращилась на Стриган, а затем сделала, как ей велели.

— Я не буду его лечить, — сказала мне Стриган, когда дыхание Сеиварден замедлилось и мышцы обмякли. — Это просто первая помощь. И я не хочу, чтобы он впал в панику и расколотил мои вещи.

— Я иду спать, — ответила я. — Мы можем продолжить разговор утром.

— Уже утро. — Но она больше не спорила.

Она не настолько глупа, чтобы обыскивать меня во сне. Она понимает, как это опасно.

И она не застрелит меня, пока я сплю, хотя это простой и действенный способ избавиться от меня. Во сне я была бы легкой мишенью для пули, если бы не развернула свою броню сейчас и не оставила ее в таком положении.

Но в этом не было необходимости. Стриган не станет в меня стрелять, по крайней мере пока не получит ответы на множество своих вопросов. Даже после этого не станет. Я — слишком хорошая загадка.

Когда я проснулась, Стриган не было в главной комнате, но дверь в ее спальню была закрыта, и я предположила, что она либо спит, либо пожелала уединиться. Сеиварден бодрствовала, уставившись на меня, ерзая, потирая руки и плечи. Неделей раньше мне приходилось силой

удерживать ее, чтобы она не расцарапала себя до крови. Ей стало гораздо лучше.

Коробка с деньгами лежала там, где ее оставила Стриган. Я проверила (осталась нетронутой) и убрала ее, а потом защелкнула рюкзак, размышляя о том, что делать дальше.

— Гражданин, — сказала я Сеиварден, отрывисто и властно. — Завтрак.

— Что? — Она так удивилась, что на мгновение перестала шевелиться.

Я приподняла уголок губы, самую малость.

— Попросить доктора проверить твой слух? — Струнный инструмент лежал рядом со мной, там, где я положила его вечером накануне. Я взяла его и прикоснулась к пятой струне. — Завтрак.

— Я не слуга тебе, — возразила она. С возмущением.

Моя презрительная усмешка стала чуть-чуть шире.

— А кто ты?

Она замерла, лицо исказилось от гнева, а затем стало ясно, что она судорожно ищет ответ. Но этот вопрос оказался очень трудным для нее. Ее уверенность в собственном превосходстве, очевидно, получила слишком серьезный удар, чтобы разобраться с этим прямо сейчас. Казалось, она

не в состоянии найти ответ.

Я склонилась над инструментом и стала подбирать мелодию. Я ожидала, что она так и будет сидеть на месте, насупившись, пока голод не заставит ее приготовить еду себе. Или может быть, с большой задержкой найдет что мне ответить. Я почти надеялась, что она на меня замахнется, чтобы ответить ей, но, возможно, она все еще была под воздействием того, что Стриган дала ей прошлой ночью, пусть и незначительным.

Дверь спальни Стриган отворилась, и она вошла в главную комнату, остановилась, сложив на груди руки, и приподняла бровь. Сеиварден не обращала на нее внимания. Никто из нас не произнес ни слова, и через пять секунд Стриган повернулась и пошла в кухню, где открыла шкаф.

Он был пуст. О чем я знала еще накануне вечером.

— Ты меня подчистила, Брэк из Джерентэйта, — сказала Стриган без всякого возмущения. Словно это показалось ей почти забавным. Голод нам практически не грозил: здесь даже летом снаружи будто в хорошем холодильнике и в неотапливаемом хранилище полным-полно еды. Нужно было лишь принести что-нибудь и

разморозить.

— Сеиварден. — Я говорила небрежно-высокомерным тоном, который слышала от самой Сеиварден в далеком прошлом. — Принеси еды из хранилища.

Она застыла, а затем, пораженная, прищурилась.

— Да кого ты, блин, из себя корчишь?

— Следи за своей речью, гражданин, — осадила ее я. — Могу задать тебе тот же вопрос.

— Ты… ты невежественное *ничтожество*! — Вспышка ярости едва не заставила ее вновь разрыдаться. — Ты думаешь, что лучше меня? Да тебя едва ли можно считать человеком. — Она сказала это не потому, что я — вспомогательный компонент. Я совершенно уверена, что она еще не поняла. Она сказала это потому, что я не радчааи, и еще потому, что некоторые мои имплантаты, общепринятые кое-где за пределами пространства Радча, в глазах радчааи ставили под сомнение мою принадлежность к людям. — Меня не воспитывали как твоего слугу.

Я могу двигаться очень, очень быстро. Моя рука пролетела половину расстояния, прежде чем я осознала свое намерение тронуться с места. Ничтожная доля секунды, когда я, возможно, могла

сдержаться, миновала, и мой кулак врезался в лицо Сеиварден слишком быстро, чтобы на нем успело отразиться удивление.

Она упала спиной на свою постель и лежала без движения, из носа хлынула кровь.

— Он мертв? — спросила Стриган с умеренным любопытством, все еще стоя на кухне.

Я сделала неопределенный жест.

— Ты доктор.

Она подошла к лежащей без сознания, истекающей кровью Сеиварден. Посмотрела на нее.

— Не мертв, — объявила она. — Но мне бы хотелось убедиться, что сотрясение не обернется чем-нибудь похуже.

Я смиренно пожала плечами.

— Как пожелает Амаат, — сказала я, надела куртку и вышла из дома, чтобы принести еды.

ГЛАВА 6

На Шиз'урне, в Орсе, Семь Исса «Справедливости Энте», которая сопровождала лейтенанта Скаайат к Джен Шиннан, сидела со мной на нижнем уровне дома. Помимо указания принадлежности к подразделению у нее есть имя — но я им никогда не пользовалась, хотя и знала его. Даже лейтенант Скаайат обращалась к отдельным людям-солдатам, находящимся под ее командованием, просто «Семь Исса». Или по индивидуальным номерам.

Я вынесла доску и шашки, и мы сыграли молча две партии.

— Неужели ты не позволишь мне выиграть один-два раза? — спросила она, когда вторая партия закончилась. Прежде чем я успела ответить, с верхнего этажа донесся глухой стук, и она усмехнулась. — Похоже, чопорный лейтенант может в конце концов расслабиться! — Она бросила на меня взгляд, призывая улыбнуться шутке, разделить ее изумление контрастом между обычным для Оун тщательным соблюдением установленных норм и правил и тем, что, очевидно,

происходило наверху между ней и лейтенантом Скаайат. Но не успела Семь Исса договорить, как ее улыбка увяла. — Извини. Я ничего такого не имела в виду, просто мы…

— Я знаю, — сказала я. — Я не обиделась.

Семь Исса нахмурилась и нерешительно махнула левой рукой в перчатке, пальцы которой по-прежнему неловко сжимали полдюжины шашек.

— У кораблей есть чувства.

— Да, конечно. — Без чувств попытка принять мелкое решение приводила к мучительному сравнению бесконечной совокупности незначительных вещей. Гораздо легче справляться с ними, чувствуя. — Но я не обиделась.

Семь Исса опустила взгляд на доску и сбросила шашки, которые держала, в одно из ее углублений. Посмотрев на них немного, она подняла глаза.

— Ходят слухи. О кораблях и людях, которые им нравятся. И я бы поклялась, что твое лицо никогда не меняется, но…

Я привела в действие мимические мышцы и улыбнулась, это выражение лица я видела много раз.

Семь Исса вздрогнула.

— Не *делай* так! — сказала она с негодованием, но тихо, чтобы нас не услышали лейтенанты.

Дело не в том, что я изобразила улыбку неверно, — я знала, что это не так. Дело во внезапной перемене от обычного для меня отсутствия выражения к чему-то человеческому, что тревожило некоторых из Семь Исса. Я сбросила улыбку.

— Буфера Аатр! — выругалась Семь Исса. — Когда ты так делаешь, ты словно одержимая или что-то такое. — Она покачала головой, зачерпнула шашки и стала расставлять их на доске. — Ладно, раз не хочешь об этом говорить. Еще одну партию.

Близилась ночь. Разговоры соседей становились все более ленивыми и бесцельными и наконец совсем стихли — люди брали спящих детей и отправлялись спать.

Дэнз Ай прибыла за четыре часа до рассвета, и я безмолвно шагнула в ее лодку. Ни она, ни ее дочь, сидевшая на корме, никак не отреагировали на мое появление. Медленно, почти бесшумно мы заскользили прочь от дома.

Ночная служба в храме продолжалась, молитвы жрецов разносились по площади прерывистым умиротворяющим шепотом. Улицы верхнего и нижнего города были безмолвны (не считая зву-

ков моих шагов и плеска воды) и темны — только звезды блистали наверху, мерцали бакены на краю запретных зон, да светился храм Иккт. Семь Исса, которая сопровождала нас назад, к дому лейтенанта Оун, спала на ложе на первом этаже.

Лейтенант Оун и лейтенант Скаайат лежали вместе на верхнем этаже, неподвижно и на грани сна.

На воде никого, кроме нас, не было. На дне лодки я увидела канат, сети, дыхательные трубки и круглую корзину с крышкой, привязанную к якорю. Заметив, что я смотрю на корзину, дочь с напускным безразличием затолкнула ее ногой под свое сиденье. Я стала глядеть в сторону на мерцающие бакены, и ничего не сказала. Байка о том, что они могут скрывать или изменять информацию, идущую от следящих систем, была полезной, даже если никто в нее по-настоящему не верил.

Сразу за бакенами дочь Дэнз Ай вставила в рот трубку и скользнула за борт с канатом в руке. Это озеро не очень глубокое, особенно в это время года. Через несколько мгновений она вынырнула и взобралась на борт, и мы вытянули ящик наверх — это было довольно легко, пока он не достиг поверхности, но нам втроем удалось втащить его

в лодку, зачерпнув не слишком много воды.

Я стерла грязь с крышки. Ящик оказался радчаайского производства, но это само по себе не внушало особой тревоги. Отыскав задвижку, я с треском открыла крышку.

Винтовки внутри — длинные, лоснящиеся и смертоносные — были того типа, который находился на вооружении у танмайндских войск до аннексии. Я знала, что на каждой должна быть маркировка и все конфискованное нами оружие должно быть учтено и описано, так что я могла справиться в реестре и довольно быстро определить, было это оружие у нас в руках или мы его упустили.

Если оружие конфискованное, то внезапно оказалось бы, что ситуация гораздо сложнее, чем представляется сейчас, — а она уже непроста.

Лейтенант Оун находилась в первой фазе медленного сна. Лейтенант Скаайат, казалось, тоже. Я могла запросить реестр по собственной инициативе. Несомненно, мне *следовало* это сделать. Но я не сделала — отчасти потому, что мне только вчера напомнили о коррумпированных властях на Айми, злоупотреблении кодами доступа, о вопиющем превышении служебных полномочий — о том, что любой гражданин посчитал бы

невозможным. Самого этого напоминания мне было достаточно, чтобы стать осмотрительной. Но не только — после рассказа Дэнз Ай о том, что жители верхнего города в прошлом подбрасывали улики, и после беседы у Джен Шиннан, где явно прозвучала обида, владевшая верхним городом, мне стало казаться, что здесь что-то не так. Никто в верхнем городе не узнал бы, что я запросила информацию о конфискованном оружии, но что, если вовлечен кто-то еще? Некто, имевший возможность подать сигнал тревоги, если в определенных местах станут задавать определенные вопросы. Дэнз Ай и ее дочь спокойно сидели в лодке, словно их это не касалось, и непохоже, что они испытывали желание оказаться где-то в другом месте или заняться чем-то еще.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы привлечь внимание «Справедливости Торена». Я повидала немало этого конфискованного оружия — не я, Один Эск, а я, «Справедливость Торена», тысячи вспомогательных компонентов которой находились на этой планете во время аннексии. Я не могла сделать запрос в официальный реестр, не оповестив власти о том, что обнаружила этот тайник; другое дело — обратиться к собственной памяти, чтобы посмотреть,

не проходило ли какое-нибудь из этого оружия перед моими глазами.

И оно проходило.

Я вошла в комнату, где спала лейтенант Оун, и положила руку на ее обнаженное плечо.

— Лейтенант, — негромко позвала я.

В лодке я с тихим щелчком закрыла ящик и сказала:

— Назад в город.

Лейтенант Оун, дернувшись, проснулась.

— Я не сплю, — неотчетливо проговорила она.

В лодке Дэнз Ай и ее дочь молча взялись за весла и пустились в обратный путь.

— Это оружие было конфисковано, — сообщила я лейтенанту Оун по-прежнему тихо. Не желая разбудить лейтенанта Скаайат, не желая, чтобы кто-нибудь еще услышал, что я говорю. — Я узнала серийные номера.

Несколько мгновений лейтенант Оун изумленно смотрела на меня непонимающим взглядом. Затем я увидела, что она поняла.

— Но… — И тут она полностью проснулась и повернулась к лейтенанту Скаайат. — Скаайат, просыпайся. У меня проблема.

Я принесла винтовки на верхний уровень дома лейтенанта Оун. Семь Исса даже не пошевели-

лась, когда я прошла мимо.

— Ты уверена? — спросила лейтенант Скаайат, опустившись на колени перед открытым ящиком, обнаженная, не считая перчаток, с чашкой чая в руке.

— Я сама конфисковывала эти, — ответила я. — Я их помню.

Мы говорили очень тихо, так что никто снаружи не мог нас услышать.

— Тогда их должны были уничтожить, — возразила лейтенант Скаайат.

— Очевидно, этого не произошло, — сказала лейтенант Оун. И тут же, после короткой паузы: — Вот дерьмо! Это плохо.

Я отправила ей беззвучное послание: «Следите за своей речью, лейтенант».

Лейтенант Скаайат издала короткий, хриплый звук — безрадостный смешок.

— Мягко говоря. — Она нахмурилась. — Но зачем? Зачем кому-то неприятности?

— И *как*? — спросила лейтенант Оун. Она, казалось, забыла про свой чай в чашке на полу рядом. — Они положили их туда, а мы не видели. — Я просмотрела все записи за последние тридцать дней и не увидела ничего такого, о чем не знала раньше. Никого там не было за исклю-

чением Дэнз Ай и ее дочери тридцать дней назад и прошлой ночью.

— Как — это легкая часть, если есть верные коды доступа, — заметила лейтенант Скаайат. — Это нам кое о чем говорит. Это не те, у кого есть доступ высокого уровня к «Справедливости Торена», в противном случае они позаботились бы о том, чтобы корабль не помнил о винтовках. Или по крайней мере, не мог сообщить о том, что помнит.

— Или они не думали об этой стороне дела, — предположила лейтенант Оун. Она была озадачена. И только начала бояться. — Может, это только часть плана, начало? Но мы снова возвращаемся к *зачем*, не так ли? Не так уж важно *как*, не сейчас по крайней мере.

Лейтенант Скаайат подняла взгляд на меня.

— Расскажи мне, что там за неприятности были у племянницы Джен Таа в нижнем городе.

Лейтенант Оун, нахмурившись, посмотрела на нее.

— Но…

Скаайат жестом заставила ее умолкнуть.

— Ничего там не было, — ответила я. — Она сидела в одиночестве и бросала камешки в воду Преддверия Храма. Купила чаю в магазине за

храмом. Больше с ней никто не говорил.

— Ты уверена? — спросила лейтенант Оун.

— Она была в поле моего зрения все время. — И я прослежу, чтобы так было и дальше, но это ясно и без слов.

Оба лейтенанта немного помолчали. Лейтенант Оун закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она по-настоящему испугалась.

— Они лгут, — произнесла она, не открывая глаз. — Они хотят иметь некое оправдание, чтобы обвинить кого-нибудь в нижнем городе в… чем-то.

— Мятеж, — сказала лейтенант Скаайат. Вспомнив о своем чае, она сделала глоток. — Они так высокомерны! Это легко заметить.

— Да, — согласилась лейтенант Оун. Ее акцент стал очень явным, но она не замечала. — Но какого же черта кто-то с доступом такого уровня, — она махнула рукой в сторону ящика с винтовками, — стал бы им помогать?

— В этом, кажется, и весь вопрос, — ответила лейтенант Скаайат. Несколько секунд они молчали. — Что ты собираешься делать?

Этот вопрос расстроил лейтенанта Оун, которая, по-видимому, над этим и ломала голову. Она посмотрела на меня:

— Интересно, все ли это?

— Я могу попросить Дэнз Ай отвезти меня еще раз.

Лейтенант Оун утвердительно махнула рукой.

— Я напишу рапорт, но пока не отправлю. Пока не выясним еще чего-нибудь.

За всем, что делала и говорила лейтенант Оун, велось наблюдение, и все записывалось, но, как и с системами слежения, которые носили все в Орсе, записи проверяли не постоянно.

Лейтенант Скаайат тихо присвистнула.

— А тебя, дорогая, никто не подставляет? — (Лейтенант Оун с непониманием уставилась на нее.) — Джен Шиннан, например? — продолжила Скаайат. — Я могла ее недооценить. Ты можешь доверять Дэнз Ай?

— Если кто-нибудь и хочет, чтобы я ушла, то он из верхнего города, — сказала лейтенант Оун, и про себя я с ней согласилась, но промолчала. — Но дело не в этом. Если бы тот, кто может сделать такое, — она указала на ящик с оружием, — захотел убрать меня отсюда, это было бы легко — просто отдать приказ. А Джен Шиннан это не по силам. — За каждым ее словом, оставаясь невысказанным, стояло воспоминание о новости с Айми. О том, что человек, который разоблачил

там коррупцию, был осужден на смерть и, вероятно, уже мертв. — Никто в Орсе не смог бы без… — Без помощи на очень высоком уровне, вот что она, скорее всего, хотела сказать, но оставила фразу незаконченной.

— Верно, — задумчиво произнесла лейтенант Скаайат. Она поняла. — Итак, это кто-то наверху А кто извлечет из этого выгоду?

— Племянница, — произнесла расстроенная лейтенант Оун.

— Племянница Джен Таа извлечет из этого выгоду? — спросила озадаченная лейтенант Скаайат.

— Нет-нет. Племянницу обидят или набросятся на нее — так скажут. А я ничего не сделаю, я заявлю, что ничего не случилось.

— Потому что ничего не случилось, — подхватила Скаайат, до которой стало доходить.

— Они не смогут добиться от меня справедливости, поэтому спустятся в нижний город, чтобы восстановить ее своими силами. Так здесь бывало раньше, до того как пришли мы.

— А потом, — подхватила лейтенант Скаайат, — они найдут винтовки. Или даже в процессе. Или… — Она покачала головой. — Не все сходится. Скажем, ты права. Тем не менее. Кому это

выгодно? Не танмайндам, нет, если они станут причиной неприятностей. Они могут оправдываться как угодно, но, даже если в озере что-то найдут, их отправят на перевоспитание из-за мятежа.

Лейтенант Оун выразила жестом сомнение.

— Тот, кто смог доставить сюда эти винтовки так, что мы не заметили, сможет и уберечь танмайндов от неприятностей. Или убедительно сказать, что сможет.

— А! — Лейтенант Скаайат сразу ухватила суть. — Отделаетесь, дескать, мелким штрафом, смягчающие обстоятельства… Не сомневайтесь. Кто-то очень высоко. Очень опасный. Но зачем?

Лейтенант Оун посмотрела на меня:

— Иди к верховной жрице и попроси ее об одолжении от моего имени. Скажи ей, хоть сейчас не сезон дождей, постоянно держать кого-то возле штормового сигнала.

Этот сигнал, оглушительная сирена, находится на крыше храмовой резиденции. Его звук заставит опуститься штормовые заслоны большинства зданий в нижнем городе и наверняка разбудит обитателей любого дома, не оборудованного такой автоматизированной системой.

— Пусть она будет готова дать его по моей

просьбе.

— Великолепно, — сказала лейтенант Скаайат. — Любой толпе придется поднапрячься, чтобы пробиться за заслоны. А потом?

— Может, ничего не случится, — ответила лейтенант Оун. — Будет, как будет.

И на следующее утро было вот что: сообщение о том, что Анаандер Мианнаи, лорд Радча, вскоре нанесет нам визит.

Три тысячи лет Анаандер Мианнаи являлась абсолютным правителем пространства Радча. Она пребывала в каждом из тринадцати провинциальных дворцов и присутствовала на каждой аннексии. У нее была тысяча тел, все генетически идентичны, все связаны друг с другом. Она все еще находилась в системе Шиз'урны, в том числе на «Мече Амаата» — флагманском корабле этой аннексии, и на Базе Шиз'урны. Именно она создала законы Радча, и она принимала решения о любых исключениях из этих законов. Она — верховный главнокомандующий вооруженных сил, высший первосвященник Амаата, та, чьими клиентами в конечном счете были все радчаайские кланы.

И она собиралась в Орс, в одну из неустановленных дат в течение нескольких следующих

дней. Удивительно, что она не посетила Орс раньше, — как он ни мал, как ни далеко в прошлом осталась прежняя слава орсиан, но ежегодное паломничество делало Орс довольно важным местом. Достаточно важным, чтобы офицеры из более родовитых кланов и с большим влиянием, чем лейтенант Оун, желали занять этот пост и непрерывно старались выдавить ее оттуда, несмотря на непреклонное сопротивление Божественной Иккт.

Так что сам визит не был неожиданным. Однако выбор времени казался странным. Оставалось две недели до начала паломничества, когда сотни тысяч орсиан и туристов пройдут через город. Во время паломничества присутствие Анаандер Мианнаи оказалось бы весьма заметным, огромное число верующих в Иккт были бы впечатлены. Но она собиралась приехать сразу перед паломничеством. И конечно же, невозможно не заметить разительного совпадения по времени ее прибытия с находкой в озере.

Кто бы ни поместил туда винтовки, он действовал либо в интересах лорда Радча, либо против. И разъяснить это могла только она, так же как и дать дальнейшие инструкции. Ее личное присутствие в Орсе позволяло сообщить ей о сло-

жившемся положении так, чтобы никто другой не перехватил послания и не нанес вреда либо не предупредил злоумышленников, затруднив их поимку.

Только поэтому лейтенант Оун испытала облегчение, услышав о ее визите. Даже несмотря на то что с сегодняшнего дня и до конца визита лейтенанту придется носить полный комплект формы.

Тем временем я тщательно прислушивалась к разговорам в верхнем городе — это было сложнее, чем в нижнем, потому что дома были закрыты со всех сторон и, разумеется, любой вовлеченный в это дело танмайнд вел бы себя сдержанно, заметь он, что я нахожусь в пределах слышимости. И там не было глупцов, чтобы вести беседы, которые меня интересовали, иначе как с глазу на глаз. Я также вела наблюдение за племянницей Джен Таа всеми способами. После того обеда она не покидала дома Джен Шиннан, но я просматривала данные ее системы слежения.

Две ночи я отправлялась на болото с Дэнз Ай и ее дочерью, и мы нашли еще два ящика винтовок. И опять я не могла определить ни кто их оставил, ни когда это произошло, хотя Дэнз Ай, стараясь не впутать в это дело известных мне рыбаков,

которые незаконно рыбачили в этих местах, дала понять, что ящики, должно быть, появились в последние месяц-два.

— Я буду рада, когда лорд Мианнаи прибудет сюда, — тихо сказала мне лейтенант Оун как-то поздно ночью. — Не думаю, что мне следует заниматься делом вроде этого.

Тем временем я заметила, что никто, кроме Дэнз Ай, не выходит на воду по ночам и в нижнем городе никто не сидит и не лежит там, где могут опуститься заслоны. Предохранители могли остановить их, но в сезон дождей это была обычная предосторожность, в сухой же сезон ею, как правило, пренебрегали.

Лорд Радча прибыла в середине дня, пешком и в единственном числе, прошла через верхний город, не оставив никаких следов в записях системы слежения, и направилась прямиком в храм Иккт. Старая, седая, широкоплечая и слегка сутулая, почти черная кожа лица покрыта морщинами — поэтому и телохранителей не было. Утрата одного тела, которому оставалось жить недолго, не слишком великая потеря. Лорд Радча использовала такие старые тела, когда не хотела обременять себя охраной и свитой.

А носила она не радчаайские куртку и брюки,

украшенные драгоценными камнями, не танмайндские комбинезон или брюки с рубашкой, а орсианский лунги — и была обнажена по пояс.

Увидев ее, я сообщила лейтенанту Оун, которая сразу помчалась к храму и появилась там, когда верховная жрица пала ниц на площади перед лордом Радча.

Лейтенант Оун пребывала в нерешительности. Большинству радчааи никогда не доводилось находиться в присутствии Анаандер Мианнаи в таких обстоятельствах. Разумеется, она всегда наблюдала аннексии, но, учитывая соотношение численности войск и количества тел лорда Радча, случайное столкновение с ней было маловероятным. Любой гражданин может съездить в один из периферийных дворцов и попросить об аудиенции — чтобы изложить просьбу, подать апелляцию в судебном деле или по другому поводу, — но рядового гражданина предварительно инструктируют, как себя вести. Возможно, кто-нибудь вроде лейтенанта Скаайат знал бы, как привлечь внимание Анаандер Мианнаи, не нарушая этикета, но лейтенант Оун не знала.

— Мой лорд, — сказала лейтенант Оун (сердце колотилось от страха) и преклонила колени.

Анаандер Мианнаи повернулась к ней и при-

подняла бровь.

— Прошу прощения у моего лорда, — проговорила лейтенант Оун. У нее немного кружилась голова — то ли от того, что она была в тяжеленной полной форме на жаре, то ли от волнения. — Я должна с вами поговорить.

Бровь поднялась еще выше.

— Лейтенант Оун, — сказала она, — да?

— Да, мой лорд.

— Вечером я присутствую на службе в храме Иккт. Я поговорю с тобой утром.

Лейтенанту Оун понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать это.

— Мой лорд, только минуту. Я не думаю, что это хорошая мысль.

Лорд Радча, наклонив голову, с любопытством взглянула на нее.

— Я полагала, что ты держишь эту территорию под контролем.

— Да, лорд, просто… — Лейтенант Оун запнулась, сильно волнуясь, и секунду не могла подобрать слова. — Отношения между верхним и нижним городом именно сейчас… — Она снова умолкла.

— Займись своей работой, — сказала Анаандер Мианнаи. — А я займусь своей. — Она отверну-

лась от лейтенанта Оун.

Открытое проявление пренебрежительного равнодушия. Необъяснимое: почему бы лорду Радча не отойти в сторону на несколько слов с офицером — главой местной службы безопасности. И лейтенант Оун ничем не заслужила такого пренебрежения. Сначала я подумала, что это единственная причина расстройства, которое, как я ощутила, испытывает лейтенант Оун. Проблему с винтовками вполне можно было изложить утром, и казалось, других трудностей нет. Но пока лорд Радча проходила через верхний город, весть о присутствии Анаандер Мианнаи разошлась широко, как, разумеется, и следовало ожидать. Жители верхнего города стали собираться на северном берегу Преддверия Храма, чтобы посмотреть, как лорд Радча, одетая по-орсиански, стоит перед храмом Иккт с Божественной. И, прислушиваясь к ворчанию глазеющих танмайндов, я осознала, что именно сейчас винтовки — вопрос второстепенной важности.

Танмайнды — жители верхнего города — богатые, откормленные владельцы магазинов, ферм и тамариндовых садов. Даже в полные тревог и неуверенности месяцы после аннексии, когда

запасы были скудны и пища дорога, им удавалось обеспечивать пропитание своим семьям. Когда Джен Шиннан сказала несколько дней назад, что здесь никто не голодал, она, вероятно, верила, что это именно так. Она-то уж точно, так же как и те, кого она хорошо знала, а почти все эти люди — состоятельные танмайнды. Как бы они ни жаловались, они пережили аннексию относительно благополучно. И их дети хорошо справлялись с испытаниями на должности, и так будет и дальше, как отметила лейтенант Скаайат.

И все же эти самые люди, увидев, как лорд Радча прошла через верхний город сразу к храму Иккт, сделали вывод, что этот знак уважения орсианам — намеренное оскорбление им. Это было ясно по выражениям их лиц, по возмущенным восклицаниям. Я этого не предвидела. Возможно, и лорд Радча этого не предвидела. Но лейтенант Оун осознала, что это произойдет, когда увидела Божественную, распростертую на земле перед лордом Радча. Я покинула площадь и некоторые улицы верхнего города и вшестером направилась туда, где стояли танмайнды. Я не доставала оружия, не угрожала. Я просто говорила тем, кто оказывался рядом:

— Идите домой, граждане.

Большинство отворачивались и уходили, и, пусть выражения их лиц были не самыми приветливыми, они не высказывали никаких возражений. Другие мешкали, проверяя, возможно, мои полномочия, но не заходя далеко, — все склонные к подобному были застрелены в течение последних пяти лет или, по крайней мере, научились воздерживаться от таких почти самоубийственных побуждений.

Божественная, поднимаясь, чтобы сопроводить Анаандер Мианнаи в храм, бросила непроницаемый взгляд на лейтенанта Оун, которая все еще стояла коленопреклоненной на камнях площади. Лорд Радча даже не посмотрела на нее.

ГЛАВА 7

И потом, — сказала Стриган, пока мы ели, и это был последний пункт в длинном перечне ее жалоб на радчааи, — есть договор с Прескер.

Сеиварден лежала неподвижно, с закрытыми глазами и ровно дыша, кровь запеклась на губах и подбородке, забрызгала спереди куртку На носу и лбу находился восстановитель.

— Тебя возмущает договор? — спросила я. — Неужели ты предпочла бы, чтобы Прескер творили, что хотели, как они это делали всегда? — Прескер было все равно — разумный вид или нет, осознает себя или нет, умный или нет. Слово, которое они использовали, или, во всяком случае, понятие — как я догадалась, они не говорили словами — обычно переводилось как «существенность». И только Прескер были существенны. Все остальные создания были их законной добычей, собственностью или игрушками. По большей части Прескер не обращали внимания на людей, но некоторые любили останавливать корабли и раздирать их — вместе со всем содержимым — на части.

— Я бы предпочла, чтобы Радч не давал обязывающих обещаний от имени всего человечества, — ответила Стриган. — Чтобы не навязывал политику каждому человеческому правительству, говоря, что мы должны быть благодарны за это.

— Прескер не признает делений на государства. Только все или ничего.

— Это было расширение власти Радча еще одним способом, более дешевым и легким, чем прямое завоевание.

— Возможно, ты удивишься, узнав, что некоторые высокопоставленные радчааи испытывают к этому договору столь же сильную неприязнь, как и ты.

Стриган приподняла бровь и поставила на стол чашку с вонючим сброженным молоком.

— Так или иначе, я сомневаюсь, что нашла бы этих высокопоставленных радчааи приятными, — сказала она горько и слегка саркастично.

— Да, скорее всего, они бы тебе не понравились. От них тебе, безусловно, было бы мало толку.

Она прищурилась и пристально вгляделась в мое лицо, словно пытаясь что-то прочесть в его выражении. Затем покачала головой и махнула рукой:

— Говори.

— Если ты представитель порядка и цивилизации во вселенной, ты не снисходишь до переговоров. Особенно с теми, кто не принадлежит к роду человеческому. — Немало народов, которых радчаи не признавали таковыми, тем не менее считали себя людьми, но эту тему лучше сейчас не обсуждать. — Зачем заключать договор с заклятым врагом? Уничтожь его, и дело с концом.

— Так вы могли? — спросила Стриган с недоверием. — Вы могли уничтожить Прескер?

— Нет.

Сложив руки на груди, она откинулась в кресле.

— Тогда зачем вообще об этом говорить?

— По-моему, это очевидно, — ответила я. — Некоторым трудно признать, что Радч может совершать ошибки или что его власть может иметь пределы.

Стриган бросила взгляд в другую сторону, на Сеиварден.

— Но это бессмысленно. Ты говоришь о спорах. Но подлинная дискуссия с радчаи невозможна.

— Конечно, — согласилась я. — Ты у нас знаток.

— Прекрасно! — воскликнула она, выпрямившись на скамье. — Я тебя разозлила.

Я уверена, что не меняла выражение лица.

— Я не думаю, что ты когда-нибудь бывала в Радче. Не думаю, что ты знаешь многих радчааи лично и хорошо. Ты смотришь извне и видишь подчинение и промывание мозгов, — сказала я и подумала о бесконечных шеренгах одинаковых солдат в серебристой броне, у которых нет ни воли, ни своего разума. — И это верно, что даже радчааи, занимающий низшую ступень в общественной иерархии, считает себя неизмеримо выше любого негражданина. А что думают о себе такие люди, как Сеиварден, — просто невыносимо. — (Стриган усмехнулась.) — Но это люди, и у каждого свое мнение обо всем.

— Мнения, которые не имеют значения. Анаандер Мианнаи провозглашает, как будет, — и так и происходит, — возразила она.

Стриган даже не понимала, что это более сложная тема, чем ей казалось.

— И это лишь усиливает их разочарование, — парировала я. — Только представь себе. Представь, что вся твоя жизнь нацелена на завоевание, на расширение радчаайского пространства. *Ты* видишь убийства и разрушения в невообрази-

мых масштабах, но *они* видят распространение цивилизации, справедливости и правильности, пользы для вселенной. Смерть и разрушение — неизбежные побочные эффекты этого единственного, высшего блага.

— Не думаю, что смогу особо посочувствовать тому, что их ожидает.

— Я и не прошу об этом. Просто ненадолго поставь себя на их место и подумай. Не только твоя жизнь, но жизни всего твоего клана и твоих предков за тысячу и более лет до тебя служат этой идее, этому образу действий. Амаат желает этого. Бог желает этого, сама вселенная желает этого. А потом однажды кто-то говорит тебе, что ты ошибся. И твоя жизнь не будет такой, как тебе представлялось.

— Это происходит с людьми постоянно, — сказала Стриган, вставая с места. — За исключением того, что большинство из нас не вводит себя в заблуждение байками о собственном великом предназначении.

— Это исключение отнюдь не малозначительно, — заметила я.

— А ты? — Она стояла за стулом с чашкой и тарелкой в руках. — Ты, несомненно, радчааи. Твое произношение, когда ты говоришь на радчааи, —

(мы общались на ее родном языке), — звучит так, будто ты из Джерентэйта. Но сейчас у тебя почти нет акцента. Может, ты просто очень талантлива к языкам — нечеловечески, я бы даже сказала, талантлива. — Она умолкла. — И отношение к полу тебя выдает. Только радчааи ошибся бы с полом так, как ты.

Значит, я угадала неверно.

— Я не вижу, что у тебя под одеждой. И даже если бы могла, это не всегда надежный признак.

Она прищурилась и помедлила мгновение, будто сказанное мной было лишено смысла.

— Я все думала, как радчааи размножаются, не одного ли они пола?

— Нет. И они размножаются, как все остальные. — (Стриган скептически приподняла бровь.) — Они идут к врачу, — продолжала я, — и деактивируют свои противозачаточные имплантаты. Или пользуются хранилищем. Или подвергаются хирургическому вмешательству, чтобы суметь перенести беременность. Или нанимают кого-нибудь, чтобы выносить ребенка.

Все это не слишком отличалось от того, что делали люди других народов, но Стриган, казалось, была несколько шокирована.

— Ты, *безусловно,* радчааи. И, несомненно,

близко знакома с капитаном Сеиварденом, но ты не такая, как он. Сначала я думала, не вспомогательный ли ты компонент, но что-то не вижу имплантатов. Кто ты?

Ей придется всмотреться пристальнее, чтобы понять, что я такое; случайный наблюдатель заметил бы у меня один-два имплантата — для связи и оптический, такие есть у миллионов людей, радчааи они или нет. А за последние двадцать лет я нашла способы скрывать свои особенности.

Взяв свои тарелки, я поднялась.

— Я — Брэк из Джерентэйта.

Стриган с недоверием фыркнула. Джерентэйт находился достаточно далеко от тех мест, где я была последние девятнадцать лет, чтобы замаскировать те небольшие ошибки, которые я могла делать.

— Просто турист, — заметила Стриган таким тоном, что было ясно: она мне вообще не верит.

— Да, — согласилась я.

— Тогда что за интерес к… — Она махнула в сторону Сеиварден, которая все еще спала, дыша медленно и ровно. — Просто бродячее животное, которое надо было спасти?

Я не ответила. По правде говоря, я не знала

ответа.

— Я встречала людей, которые собирают бродяг. Не думаю, что ты одна из них. Есть в тебе что-то… что-то холодное. Что-то резкое. У тебя гораздо больше самообладания, чем у любого туриста, которого я встречала.

И конечно, я знала, что у нее есть пистолет, который для всех, кроме нее самой и Анаандер Мианнаи, не должен был существовать. Но она не могла упомянуть об этом, не признавая, что он у нее есть.

— Да ни в жизнь не поверю, быть такого не может, что ты туристка из Джерентэйта. Кто же ты?

— Если скажу, испорчу тебе все удовольствие.

Стриган открыла рот, чтобы что-то произнести — судя по выражению лица, что-то резкое, когда зазвучал сигнал тревоги.

— Посетители, — сказала она вместо того, что собиралась.

Когда мы надели куртки и вышли через двойные двери, к дому подъехал гусеничный вездеход, оставив за собой неровную белую борозду во мхе, засыпанном снегом. Остановившись, он развернулся на месте, едва не задев мой флаер.

Дверь с треском открылась, и оттуда выскользнула нильтианка, ниже многих, что мне попа-

дались. На ее накинутой алой куртке, вышитой ярко-синим и кричаще-желтым, были темные пятна — снегомох и кровь. Она на мгновение остановилась, а затем увидела нас у входа в дом.

— Доктор! — позвала она. — Помогите!

Не успела она закрыть рот, а Стриган уже шагала по снегу. Я последовала за ней.

Рассмотрев водителя снегохода поближе, я увидела, что это ребенок едва ли лет четырнадцати. На пассажирском сиденье снегохода неуклюже развалилась взрослая без сознания, в изодранной одежде, местами — до самой кожи. Кровь пропитала одежду и сиденье. У нее не хватало правой ноги ниже колена и левой ступни.

Втроем мы отнесли раненую в дом, в лазарет.

— Что случилось? — спросила Стриган, удаляя окровавленные куски куртки.

— Ледяной дьявол, — ответила девочка. — Мы его не видели! — В ее глазах стояли слезы. Она с трудом сглотнула.

Стриган оценила самодельные жгуты, которые, очевидно, наложила девочка, и сказала ей:

— Ты сделала все, что могла. — Потом кивнула в сторону двери в главную комнату. — Теперь я им займусь.

Мы вышли из лазарета, девочка, по всей види-

мости, даже не замечала ни моего присутствия, ни Сеиварден, которая по-прежнему лежала на своей постели. На несколько секунд она нерешительно застыла посреди комнаты, словно утратила способность двигаться, а затем опустилась на скамью.

Я принесла ей чашку сброженного молока, и она вздрогнула, будто я внезапно возникла ниоткуда.

— Ты ранена? — спросила я. На сей раз никакой ошибки в роде — я уже слышала, как Стриган использовала местоимение женского рода.

— Я… — Она умолкла, глядя на чашку с молоком, словно та могла ее укусить. — Не, нет… немного. — Казалось, она вот-вот потеряет сознание. Возможно, так и было. По стандартам радчааи она еще ребенок, но она видела, как этот взрослый человек получил ранения, — кто это: родитель, кузина, соседка? — и проявила присутствие духа, чтобы оказать посильную первую помощь, уложить ее в вездеход и привезти сюда. Неудивительно, если она сейчас рухнет без сил.

— Что произошло с ледяным дьяволом? — спросила я.

— Я не знаю. — Она подняла взгляд от молока, которое так и не пригубила, на меня. — Я ударила

его ногой. Пырнула ножом. Он ушел. Я не знаю.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы узнать, что она отправила сообщение в лагерь своей семьи, но никого не оказалось рядом, чтобы помочь ей, и никто не мог быстро приехать. Пока мы говорили, она как будто взяла себя в руки, по крайней мере настолько, чтобы выпить молоко, которое я ей принесла.

Через несколько минут она вспотела, сняла обе куртки и положила на скамью рядом с собой, а потом просто сидела в неловком молчании. Я понятия не имела, как помочь ей.

— Ты знаешь какие-нибудь песни? — спросила я.

Удивившись, она заморгала, а потом ответила:

— Я не певица.

Это могла быть чисто языковая проблема. Я не уделяла особого внимания обычаям этой части планеты, но не сомневалась, что здесь нет никакого разделения между песнями, которые мог петь кто угодно, и песнями, которые, обычно по религиозным причинам, пели только знатоки, — так было в городах поблизости от экватора. Возможно, здесь, далеко на юге, все по-другому.

— Извини, — сказала я, — должно быть, я использовала неверное слово. Как вы это называете,

когда работаете, или играете, или стараетесь укачать малыша? Или просто…

— О! — Понимание ее оживило, но только на мгновение. — Ты имеешь в виду *песни!*

Я ободряюще улыбнулась, но она опять умолкла.

— Не волнуйся так, — сказала я. — Этот доктор очень хорош в своем деле. И иногда нужно просто оставить все на волю богов.

Она прикусила нижнюю губу.

— Я не верю ни в какого бога, — сказала она с некоторой горячностью.

— Тем не менее. Все произойдет так, как произойдет.

Она небрежно махнула рукой в знак согласия.

— Ты играешь в шашки? — спросила я.

Может, она покажет мне игру, для которой предназначена доска Стриган, хотя я сомневалась, что она нильтская.

— Нет.

На этом я исчерпала тот незначительный запас средств, чтобы развлечь или отвлечь ее.

Через десять минут молчания она сказала:

— У меня есть Тиктик.

— Что такое Тиктик?

Ее глаза расширились, став совсем круглыми

на круглом бледном лице.

— Как можно не знать, что такое Тиктик? Должно быть, ты издалека! — Я признала, что это так, и она ответила: — Это игра. Главным образом для детей. — Ее тон намекал, что она не ребенок, но лучше не спрашивать, почему у нее с собой детская игра. — Ты и в самом деле никогда не играла в Тиктик?

— Никогда. Там, откуда я приехала, мы обычно играем в шашки, и карты, и кости. Но даже эти игры в разных местах очень разные.

Она поразмыслила над этим немного.

— Я могу тебя научить. Это легко.

Через два часа, когда я бросала пригоршню крошечных игральных костей из кости бова, зазвучал сигнал оповещения о посетителе. Девочка подняла испуганный взгляд.

— Кто-то приехал, — сказала я. Дверь лазарета оставалась закрытой, Стриган не появлялась.

— Мама, — предположила девочка, и ее голос слегка задрожал от надежды и облегчения.

— Надеюсь, что так. Что это не очередной пациент. — Я тут же поняла, что зря сказала это вслух. — Пойду посмотрю.

Это, бесспорно, была мама. Она выпрыгнула из флаера и пошла к дому со скоростью, какой я ни-

как не ожидала по такому снегу. Она прошагала мимо, вчистую проигнорировав мое существование, высокая для нильтианки и широкая, как все они, закутанная в куртки. В чертах ее лица было заметно сходство с девочкой в доме. Я вошла следом.

Увидев девочку, которая стояла возле брошенной доски для Тиктика, она сказала:

— Ну так что?

Радчаайская мать обняла бы свою дочь, поцеловала, сказала бы, с каким облегчением узнала, что с ней все в порядке; быть может, даже разрыдалась. Некоторые радчааи посчитали бы, что эта родительница холодна и бесчувственна. Но я уверена, что это было бы ошибкой. Они сели рядом на скамью, бок о бок, и дочь рассказала, что знала, о состоянии пациента, и о том, что произошло в снегу со стадом, и о ледяном дьяволе. Когда она закончила, мать быстро похлопала ее по колену, и та сразу будто стала другой девочкой, выше, сильнее, — теперь она, казалось, получила не только сильное, утешительное присутствие своей матери, но и ее одобрение.

Я принесла им две чашки сброженного молока, и мама переключила внимание на меня, но не потому, подумала я, что заинтересовалась.

— Ты не доктор, — сказала она, констатируя факт.

Я видела, что все ее внимание по-прежнему сосредоточено на дочери и она просто хочет понять, представляю я угрозу или могу помочь.

— Я здесь гость, — ответила я. — Но доктор занят, и я думала, вам захочется чего-нибудь попить.

Ее взгляд упал на Сеиварден, которая все еще спала, вот уже несколько часов, на восстановитель на ее лбу, черный и подрагивающий, на следы синяков вокруг рта и носа.

— Она издалека, — сказала девочка. — Она не знала, как играть в Тиктик! — Взгляд ее матери пробежал по игре на полу: костям, доске и плоским камешкам, застывшим посередине. Она ничего не сказала, но выражение ее лица слегка изменилось. Почти незаметно кивнув, она взяла молоко, которое я предложила.

Через двадцать минут Сеиварден проснулась, стерла черное восстанавливающее средство со лба и с раздражением стала оттирать верхнюю губу от чешуек засохшей крови. Она посмотрела на двух нильтианок, которые молча бок о бок сидели на скамье, намеренно не обращая внимания ни на нее, ни на меня. Никто из них,

казалось, не нашел ничего странного в том, что я не подошла к Сеиварден и ничего ей не сказала. Не знаю, помнит ли она, почему я ударила ее или что я вообще ее била. Иногда удар по голове оказывает воздействие на воспоминания о мгновениях, ему предшествующих. Но она, должно быть, либо что-то помнила, либо подозревала, потому что вообще не смотрела на меня. Повозившись несколько минут, она поднялась и пошла в кухню, открыла шкаф. Тридцать секунд она смотрела в него, затем взяла тарелку, положила в нее твердый хлеб, полила сверху водой, а затем стояла и ждала, пока он размякнет, молча и ни на кого не глядя.

ГЛАВА 8

Сначала люди, которых я отослала от Преддверия Храма, стояли, перешептываясь, маленькими группами на улице, а когда я приближалась к ним, делая свой обычный обход, — расходились. Но вскоре после этого они собрались в домах. Следующие несколько часов в верхнем городе было тихо. Зловеще тихо, и делу вовсе не помогало то, что лейтенант Оун все время спрашивала меня, что там происходит.

Лейтенант Оун была уверена, что, если увеличить мое присутствие в верхнем городе, положение станет только хуже, и приказала мне оставаться поблизости от площади. Если что-нибудь случится, я буду там, между верхним и нижним городом. Главным образом поэтому я смогла действовать более или менее эффективно, когда все пошло кувырком.

Шел час за часом, и ничего не происходило. Лорд Радча читала молитвы рядом со жрецами Иккт. В нижнем городе я передала сообщение, что сегодня лучше оставаться по домам, и в этот день не было ни разговоров на улицах, ни кучек

соседей, столпившихся у кого-то на первом этаже, чтобы наблюдать увлекательное зрелище. К наступлению темноты почти все поднялись на верхние этажи и потихоньку там разговаривали либо молча стояли у перил и смотрели.

А за четыре часа до рассвета все развалилось на куски. Или, точнее, я развалилась на куски. Системы слежения, данные которых я просматривала, отключились, и внезапно все двадцать я оказались слепы, глухи и неподвижны. Каждая часть могла видеть только одной парой глаз, слышать только одной парой ушей, двигаться только одним телом. Потребовалось несколько полных замешательства, панических мгновений, чтобы мои сегменты осознали, что каждый из них отрезан от остальных, каждый экземпляр меня остался в одиночестве в единственном теле. Что оказалось хуже всего, в тот же миг перестали поступать все данные от лейтенанта Оун.

С той минуты я была двадцатью разными людьми, с двадцатью комплектами наблюдений и воспоминаний, и я могу вспомнить, что произошло, только сводя их вместе.

В тот миг когда обрушился удар, все двадцать сегментов немедленно, не задумываясь, развернули броню — те, что были одеты, не сделали

ни малейшей попытки подправить ее, чтобы прикрыть все элементы моей формы. Восемь спавших в доме сегментов тут же проснулись и, стоило мне восстановить самообладание, бросились туда, где лежала лейтенант Оун, пытаясь заснуть. Двое, Семнадцать и Четыре, увидев, что лейтенант Оун в порядке и несколько других сегментов находятся вокруг нее, направились к главному пульту дома, чтобы проверить состояние связи, — пульт не работал.

— Связи нет, — объявила Семнадцать, голос был искажен гладкой серебристой броней.

— Невозможно, — сказала Четыре, и Семнадцать не ответила, да ответа и не требовалось.

Некоторые из моих сегментов в верхнем городе повернули к Преддверию Храма, прежде чем поняли, что лучше всего остаться на месте. Все сегменты на площади и в храме повернули к дому. Один бросился бежать, чтобы увериться, что лейтенант Оун в порядке, а два сказали одновременно:

— Верхний город!

Двое других:

— Сигнал штормового предупреждения! — и в течение двух полных неразберихи секунд пытались решить, что делать дальше. Девять

побежала в храмовую резиденцию и разбудила жреца, спящего возле штормовой сирены, и тот включил ее.

Перед тем как завыла сирена, Джен Шиннан выбежала из своего дома в верхнем городе с криками:

— Убийство! Убийство!

В домах вокруг зажглись огни, но дальнейший шум заглушил визг сирены. Мой ближайший сегмент находился в четырех улицах оттуда.

По всему нижнему городу загрохотали, опускаясь, заслоны. Жрецы в храме перестали читать молитвы, а верховная жрица посмотрела на меня, но информации не было, и я движением руки продемонстрировала свою беспомощность.

— Мои средства связи отключены, Божественная, — сказал тот сегмент. Верховная жрица моргнула, не понимая. Говорить было бесполезно, пока выла сирена.

В то мгновение когда я распалась, лорд Радча никак не отреагировала, хотя была связана с другими своими телами во многом так же, как я. То, что она совершенно не удивилась происходящему, показалось довольно странным ближайшему к ней сегменту. Возможно, она просто хорошо владела собой, — услышав вой сирены, она толь-

ко посмотрела вверх и приподняла бровь. Затем встала и вышла на площадь.

Это была третья наихудшая вещь, что когда-либо случалась со мной. Я полностью утратила ощущение «Справедливости Торена» над головой, все самоощущение. Я распалась на двадцать фрагментов, которые с трудом могли общаться друг с другом.

Прямо перед тем как завыла сирена, лейтенант Оун послала мой сегмент в храм с приказом включить сирену. Он выбежал на площадь и стоял там, колеблясь, глядя на остальных себя, которых, по моему самоощущению, здесь не было.

Сирена умолкла. В нижнем городе воцарилась тишина, которую нарушали лишь мои шаги и мои измененные броней голоса, которые пытались говорить со мной, организоваться, чтобы я смогла функционировать хоть как-то.

Лорд Радча приподняла седеющую бровь.

— Где лейтенант Оун?

Сейчас это был главный вопрос для всех моих сегментов, которые этого еще не знали, но теперь у того из них, что прибыл с приказом от лейтенанта Оун, появилось дело, которое он мог выполнить.

— Лейтенант Оун идет сюда, мой лорд, — про-

изнес он, и через десять секунд лейтенант Оун и почти все мои сегменты, которые были в доме, вбежали в храм с площади.

— Я думала, что эта территория у вас под контролем. — Анаандер Мианнаи, говоря это, не смотрела на лейтенанта Оун, но было ясно, кому адресованы ее слова.

— Я тоже так думала. — И тут лейтенант Оун вспомнила, где находится и с кем говорит. — Мой лорд. Прошу прощения. — Каждый мой сегмент был вынужден сдерживаться, чтобы не развернуться полностью к лейтенанту Оун, дабы следить за ней, быть уверенным, что она действительно там, потому что иначе я ее не чувствовала. Несколько фраз, сказанных шепотом, определили, кто будет держаться возле нее, остальным придется положиться на них.

С другой стороны Преддверия Храма примчалась Десять.

— В верхнем городе беспорядки! — воскликнула она и замерла перед лейтенантом Оун, где я расчистила для себя место. — Люди собираются у дома Джен Шиннан, они разъярены, говорят об убийстве и правосудии.

— *Убийство.* Во блин!

Все сегменты возле лейтенанта Оун произнес-

ли одновременно:

— Следите за выражениями, лейтенант!

Анаандер Мианнаи удивленно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Во блин! — повторила лейтенант Оун.

— Вы собираетесь, — спросила Анаандер Мианнаи спокойно и взвешенно, — что-нибудь предпринять помимо сквернословия?

Лейтенант Оун застыла на полсекунды, затем огляделась по сторонам, бросила взгляд через воду, на нижний город, на храм.

— Кто здесь? Рассчитайсь! — И когда мы выполнили эту команду: — Один — Семь, остаться на месте. Остальные со мной.

Я последовала за ней в храм, оставив Анаандер Мианнаи на площади.

Стоя возле кафедры, жрецы смотрели, как мы подходим.

— Божественная, — произнесла лейтенант Оун.

— Лейтенант, — сказала верховная жрица.

— Толпа, настроенная на насилие, направляется сюда из верхнего города. Полагаю, у нас есть пять минут. Они не смогут причинить значительного ущерба при опущенных штормовых заслонах, но я бы хотела привести их сюда, чтобы

удержать от каких-нибудь радикальных поступков.

— Привести сюда? — с сомнением в голосе повторила верховная жрица.

— Все остальные дома темные и закрыты. Храмовые двери распахнуты, и это самое очевидное место, куда можно прийти. Когда большинство окажется внутри, мы закроем двери, и Один Эск окружит их. Мы можем просто запереть храм, и пусть попытают удачу с заслонами на домах, но на самом деле я не хочу выяснять, насколько трудно их проломить. Если, — добавила она, увидев, как Анаандер Мианнаи входит в храм, шествуя медленно, словно не происходит ничего особенного, — позволит мой лорд.

Лорд Радча жестом выразила одобрение.

Верховной жрице явно не понравилось предложение, но она согласилась. А мои сегменты на площади заметили огни ручных фонарей, которые то появлялись, то исчезали из вида.

В считаные мгновения лейтенант Оун поставила меня за большими дверями храма, чтобы я закрыла их по сигналу, и послала несколько моих сегментов на улицы вокруг площади, чтобы помочь направить танмайндов к храму. Остальные стояли в тенях по периметру в самом храме,

а жрецы вернулись к своим молитвам, обратив спины к широкому и приглашающему входу.

Более сотни танмайндов пришли из верхнего города. Большинство, именно так, как мы желали, ворвались бурлящей, вопящей массой в храм, за исключением двадцати трех человек, дюжина из которых повернула на темный, безлюдный проспект. Другие одиннадцать, шедшие за большей группой, заметили один из моих сегментов, который спокойно стоял поблизости, и решили обсудить, что делать дальше. Они остановились и стали переговариваться друг с другом, наблюдая за тем, как толпа танмайндов влетела в храм, а остальные с криками понеслись по улице. Они видели, как я закрывала двери храма и меня внутри, — я была без формы, только в собственной генерированной броне, и, возможно, это напомнило им об аннексии. Несколько из них выругались и, развернувшись, бросились назад, в верхний город.

Восемьдесят три танмайнда вбежали в храм, где их разгневанные голоса, усиленные акустикой храма, стали гулять эхом под сводами. Когда дверь захлопнулась, они повернулись, чтобы броситься назад тем же путем, что вошли, но я окружила их с винтовками на изготовку, напра-

вив оружие на ближайших к каждому сегменту людей.

— Граждане! — крикнула лейтенант Оун, но ее не услышали.

— Граждане! — гаркнула я, и мои голоса эхом покатились под сводами и угасли. Вместе с шумом и криками танмайндов: Джен Шиннан, Джен Таа и несколько других, кого я знала как их друзей или родственников, заставили замолчать тех, кто находился рядом с ними, убеждая их успокоиться, принять во внимание, что здесь сама лорд Радча и они могут поговорить непосредственно с ней.

— Граждане! — снова крикнула лейтенант Оун. — Вы что, с ума посходили? Что вы творите?

— Убийство! — крикнула Джен Шиннан. Она стояла перед толпой и смотрела на лейтенанта Оун через мою голову — та была за мной, рядом с лордом Радча и Божественной. Младшие жрецы сбились в кучку и словно застыли. Голоса танмайндов загрохотали, отдаваясь эхом, в поддержку Джен Шиннан. — Нам не добиться правосудия от вас, поэтому мы возьмем его в свои руки! — прокричала Джен Шиннан. Рокот толпы прокатился вдоль каменных стен храма.

— Объяснитесь, гражданин! — предложила Анаандер Мианнаи, повысив голос, чтобы пере-

крыть шум.

Танмайнды зашикали друг на друга, и через пять секунд Джен Шиннан произнесла:

— Мой лорд. — В ее голосе прозвучало почти искреннее уважение. — Моя юная племянница жила в моем доме пять недель. В нижнем городе орсиане изводили ее и угрожали, я сообщила об этом лейтенанту Оун, но ничего не было сделано. Сегодня вечером я обнаружила ее комнату пустой, окно разбитым, повсюду кровь! Что я могу подумать? Мы всегда вызывали недовольство у орсиан! А теперь они хотят всех нас поубивать, так что удивительного в том, что нам следует себя защитить?

Анаандер Мианнаи повернулась к лейтенанту Оун:

— Об этом сообщали?

— Да, мой лорд, — сказала лейтенант Оун. — Я провела расследование и выяснила, что молодая особа, о которой идет речь, никогда не покидала поля зрения отряда Один Эск «Справедливости Торена», сообщившего, что она провела все время в нижнем городе в одиночестве. Единственные слова, которыми она обменивалась с кем-то, сопровождали обычные деловые операции. За все время ей никто не надоедал и никто не угрожал.

— Вы видите! — воскликнула Джен Шиннан. — Вы видите, почему мы вынуждены взять правосудие в собственные руки!

— Что заставляет вас считать, что ваши жизни в опасности? — спросила Анаандер Мианнаи.

— Мой лорд, — сказала Джен Шиннан, — лейтенант Оун будет убеждать вас, что в нижнем городе живут сплошь верноподданные и законопослушные граждане, но мы знаем по собственному опыту, что орсиане — это все что угодно, но только не образцы добродетели. Рыбаки по ночам незаметно выходят на воду. Источники… — Она заколебалась всего лишь на мгновение — то ли из-за винтовки, направленной прямо на нее, то ли из-за непоколебимой невозмутимости Анаандер Мианнаи, то ли еще из-за чего, трудно сказать. Как будто ей пришла неожиданная мысль. Затем она вновь обрела самообладание. — Источники, которые я предпочитаю не называть, видели, как лодочники из нижнего города укладывали оружие в тайники на озере. Зачем, как не для того, чтобы наконец отомстить нам, тем, кто, по их словам, плохо обращался с ними? И как могли эти винтовки появиться здесь без сговора с лейтенантом Оун?

Повернув темное лицо к лейтенанту Оун, Ана-

андер Мианнаи приподняла седую бровь.

— У вас есть на это ответ, лейтенант Оун?

Что-то в этом вопросе, либо в том, как он был задан, встревожило все сегменты, которые его услышали. А Джен Шиннан, как ни странно, улыбнулась. Она *ожидала,* что лорд Радча накинется на лейтенанта Оун, и была этим довольна.

— У меня есть ответ, мой лорд, — сказала лейтенант Оун. — Несколько ночей назад местная рыбачка сообщила мне, что обнаружила под озером тайник с оружием. Я извлекла оружие и принесла в свой дом, а потом обнаружила еще два тайника, которые также удалила. Я намеревалась продолжить поиски сегодня ночью, но события, как видите, мне воспрепятствовали. Рапорт написан, но еще не отослан, поскольку я тоже недоумевала, как винтовки могли появиться здесь без моего ведома.

Может, из-за улыбки Джен Шиннан и странных вопросов Анаандер Мианнаи, похожих на обвинения, а также ее пренебрежения на площади, — в раскаленной атмосфере храма отголоски слов лейтенанта Оун сами прозвучали как обвинение.

— Меня также интересовало, — продолжила лейтенант Оун в тишине, наступившей после

того, как замерло эхо ее слов, — зачем юная особа, о которой идет речь, стала ложно обвинять жителей нижнего города в том, что ее запугивали, когда они, несомненно, этого не делали. Я совершенно уверена, что никто из нижнего города не причинил ей вреда.

— Кто-то сделал это! — крикнул голос из толпы, и по обширному каменному пространству храма прокатился рокот одобрительных возгласов.

— Когда вы видели свою племянницу последний раз? — спросила лейтенант Оун.

— Три часа назад, — ответила Джен Шиннан. — Она пожелала нам спокойной ночи и пошла в свою комнату.

Лейтенант обратилась к моему сегменту, который стоял ближе всех:

— Один Эск, кто-нибудь переходил из нижнего города в верхний за последние три часа?

Отвечавшая — Тринадцать — понимала, что я должна быть осторожна в ответе, который неизбежно услышат все.

— Нет. Никто не переходил ни туда, ни обратно. Хотя я не могу быть уверена в последних пятнадцати минутах.

— Кто-то мог прийти раньше, — указала Джен Шиннан.

— В этом случае, — ответила лейтенант Оун, — они все еще в верхнем городе, и вам следовало бы искать их там.

— Винтовки… — начала Джен Шиннан.

— Не представляют для вас никакой опасности. Они заперты на верхнем этаже моего дома, и подразделение Один Эск уже вывело из строя большую их часть.

Джен Шиннан бросила странный, умоляющий взгляд на Анаандер Мианнаи, которая во время этой перепалки стояла безмолвно и невозмутимо.

— Но…

— Лейтенант Оун, — сказала лорд Радча. — На пару слов. — Она показала в сторону, и лейтенант последовала за ней, отойдя метров на пятнадцать. За ней последовал один из моих сегментов, на которого Мианнаи не обратила внимания. — Лейтенант, — сказала она тихо. — Скажи, что, по-твоему, здесь происходит?

Лейтенант Оун сглотнула, сделала вдох.

— Мой лорд. Я уверена, что никто из нижнего города не причинил вреда юной особе, о которой идет речь. Я также уверена, что никто из нижнего города не прятал винтовки. Все это оружие было конфисковано во время аннексии. Только кто-то

на очень высоком уровне мог организовать такое. Именно поэтому я не отправила рапорт. Я надеялась поговорить об этом с вами напрямую, когда вы прибыли, но у меня так и не появилось возможности.

— Ты опасалась, что, если отрапортуешь по обычным каналам, тот, кто это сделал, поймет, что их план раскрыт, и заметет следы?

— Да, мой лорд. Когда я услышала, что вы приезжаете, мой лорд, я планировала поговорить с вами об этом незамедлительно.

— «Справедливость Торена», — обратилась к моему сегменту лорд Радча, не глядя на меня. — Это правда?

— Целиком и полностью, мой лорд, — ответила я.

Младшие жрецы по-прежнему жались друг к другу, верховная жрица стояла в стороне от них, глядя на совещавшихся лейтенанта Оун и лорда Радча с непроницаемым выражением на лице.

— Итак, — сказала Анаандер Мианнаи. — Какова твоя оценка этой ситуации?

Лейтенант Оун изумленно моргнула.

— Я… по мне, очень похоже на то, что Джен Шиннан связана с этим оружием. Иначе как бы она узнала о нем?

— А девочка, которую убили?

— Если ее *действительно* убили, никто из нижнего города этого не делал. Не могли ли они сами убить ее, чтобы получить предлог для?.. — Лейтенант Оун потрясенно умолкла.

— Предлог, чтобы прийти в нижний город и поубивать мирных жителей в постелях. А потом доказать с помощью тайников с оружием, что они всего лишь действовали в рамках самообороны, а ты отказалась выполнять свой долг и защищать их. — Лорд Радча бросила взгляд на танмайндов, окруженных моими вооруженными сегментами в серебристой броне. — Ладно. Разберемся с деталями позже. Сейчас нужно заняться этими людьми.

— Мой лорд, — ответила лейтенант Оун с легким поклоном.

— Застрели их.

Неграждане, которые видят радчааи только в мелодрамах, которые не знают о Радче ничего, кроме вспомогательных компонентов, аннексий и того, что понимают как промывку мозгов, восприняли бы такой приказ как ужасный, но едва ли поразились бы ему. Но мысль застрелить граждан была на самом деле совершенно отвратительной и удручающей. Какова в конечном

счете цель цивилизации, если не благоденствие граждан? А эти люди являлись теперь гражданами.

Лейтенант Оун застыла на две секунды.

— М… мой лорд?

Голос Анаандер Мианнаи, ранее бесстрастный, быть может слегка суровый, стал холодным и резким:

— Ты отказываешься выполнять приказ, лейтенант?

— Нет, мой лорд, только… они *граждане.* И мы в храме. И они у нас под контролем, и я послала Один Эск «Справедливости Торена» в соседний округ с запросом о подкреплении. Семь Исса «Справедливости Энте» будет здесь в течение часа, может быть, двух, и мы сможем арестовать танмайндов и без затруднений отправить их на перевоспитание, поскольку вы здесь.

— Так ты отказываешься выполнять приказ? — медленно и четко спросила Анаандер Мианнаи.

То, что Джен Шиннан явно находила происходящее занятным, ее готовность, даже стремление говорить с лордом Радча, — все это укладывалось в определенную схему для моего сегмента, который стоял рядом с лейтенантом. Некто на очень высоком уровне предоставил доступ к этим вин-

товкам, знал, как отключить связь. Нет никого выше Анаандер Мианнаи. Но это бессмысленно. Мотивация Джен Шиннан очевидна, но какую пользу могла извлечь из этого лорд Радча?

Лейтенанта Оун, вероятно, посетили такие же мысли. Я видела, как она страдает, по тому, как она стиснула челюсти и напрягла плечи. Тем не менее это казалось нереальным, поскольку я могла воспринимать только внешние признаки.

— Я не стану отказываться выполнять приказ, мой лорд, — ответила она через пять секунд. — Могу я выразить несогласие с ним?

— Я полагаю, ты уже это сделала, — холодно заявила Анаандер Мианнаи. — А теперь застрели их.

Лейтенант Оун повернулась. Мне показалось, она чуть-чуть пошатывается, шагая к окруженным танмайндам.

— «Справедливость Торена», — сказала Мианнаи, и мой сегмент, который собирался последовать за лейтенантом Оун, остановился, — когда я в последний раз посещала тебя?

Я очень ясно помнила, когда лорд Радча в последний раз поднималась на борт «Справедливости Торена». Это был необычный визит — без оповещения, четыре старых тела без вся-

кой свиты. Она главным образом оставалась в своей каюте, разговаривая со мной — «Справедливостью Торена», а не мной — Один Эск, но она попросила Один Эск спеть для нее. Я повиновалась, исполнив вальскаайскую песню. Это было девяносто четыре года, два месяца, две недели и шесть дней назад, вскоре после аннексии Вальскаая. Я открыла рот, чтобы сказать это, но, вместо этого, услышала, как говорю:

— Двести три года, четыре месяца, одну неделю и один день назад, мой лорд.

— Хмм, — произнесла Анаандер Мианнаи, но больше ничего не сказала.

Лейтенант Оун подошла ко мне, туда, где я окружила танмайндов. Она стояла там, за сегментом, ничего не говоря, три с половиной секунды.

Ее терзания были очевидны не только мне. Увидев, как она стоит там, безмолвно мучаясь, Джен Шиннан улыбнулась. Почти торжествуя.

— Ну?

— Один Эск, — сказала лейтенант Оун, очевидно в ужасе от того, как закончится ее фраза. Улыбка Джен Шиннан расплылась еще шире. Она, несомненно, ожидала, что лейтенант Оун отправит танмайндов по домам. Ожидала, что со временем лейтенанта Оун уволят и влиянию

нижнего города наступит конец.

— Я этого не хотела, — тихо сказала ей лейтенант Оун, — но у меня прямой приказ. — Она повысила голос: — Один Эск! Застрелить их!

Улыбку Джен Шиннан смыло выражением ужаса и, подумала я, понимания, что ее предали, и она посмотрела открыто, в упор, на Анаандер Мианнаи, которая стояла совершенно бесстрастно. Другие танмайнды зашумели, раздались возгласы страха и протеста.

Все мои сегменты находились в нерешительности. Этот приказ был бессмысленным. Что бы танмайнды ни сделали, они граждане, и они у меня под контролем. Но лейтенант Оун скомандовала, громко и резко: «Огонь!» — и я выполнила приказ. Через три секунды все танмайнды были мертвы.

В храме не было никого достаточно юного, чтобы удивиться произошедшему, хотя несколько лет, когда я никого не казнила, могли отдалить эти воспоминания, может, даже породить некоторую уверенность, что обретение гражданства положило конец этому. Младшие жрецы стояли на тех же местах, не двигаясь и ничего не говоря. Верховная жрица беззвучно рыдала, не скрываясь.

— Я думаю, — сказала Анаандер Мианнаи в бескрайнюю тишину, которая окружила нас, как только замерли отголоски выстрелов, — здесь больше не будет никаких неприятностей от танмайндов.

Губы и горло лейтенанта Оун чуть дернулись, будто она собиралась заговорить, но она не стала. Вместо этого, она пошла вперед, обогнула тела и, хлопнув по плечам четверых моих сегментов, жестом велела следовать за собой. Я осознала, что она просто не могла заставить себя говорить. Или, возможно, опасалась того, что прозвучит из ее рта, если она попытается это сделать. Получать от нее только визуальную информацию — это удручало.

— Куда вы идете, лейтенант? — спросила лорд Радча.

Оставаясь спиной к Мианнаи, лейтенант Оун открыла рот и тут же закрыла его опять. Закрыла глаза, сделала вдох.

— С разрешения моего лорда, я намереваюсь выяснить, что блокирует связь.

Анаандер Мианнаи не ответила, и лейтенант Оун повернулась к моему ближайшему сегменту.

— Дом Джен Шиннан, — сказал этот сегмент,

поскольку было ясно, что лейтенант Оун все еще в шоке, — я поищу ту юную особу.

Прямо перед восходом солнца я обнаружила устройство. Как только я вывела его из строя, я снова стала сама собой — за исключением одной недостающей части. Я видела безмолвные, тускло освещенные предрассветным небом улицы верхнего и нижнего городов, храм, в котором не было никого, кроме меня и восьмидесяти трех безгласных трупов с широко раскрытыми глазами. Охватившие лейтенанта Оун горе, страдание и стыд внезапно стали очевидны и явственны, и от этого я испытала одновременно и облегчение, и неловкость. Как только я пожелала этого, в поле моего зрения вспыхнули сигналы системы, следящей за всеми людьми в Орсе, включая тех, кто умер и все еще лежал в храме Иккт, моего недостающего сегмента со сломанной шеей на улице верхнего города и племянницу Джен Шиннан — в иле, на дне северной части Преддверия Храма.

ГЛАВА 9

Стриган вышла из лазарета в забрызганном кровью халате, и девочка с матерью, тихо говорившие на языке, которого я не понимала, умолкли и выжидающе посмотрели на нее.

— Я сделала, что смогла, — сказала Стриган без всякого вступления. — Он вне опасности. Отвезите его в Террод, чтобы восстановить конечности, — я сделала кое-какую подготовительную работу, они должны вырасти довольно легко.

— Две недели, — бесстрастно сказала женщина-нильтианка. Словно такое случилось не впервые.

— Ничего не поделаешь, — произнесла Стриган, будто отвечая на вопрос, которого я не услышала либо не поняла. — Может, у кого-нибудь найдутся несколько лишних рук, без которых они смогут обойтись.

— Я позвоню родственникам.

— Хорошая идея, — сказала Стриган. — Зайдите к нему, если хотите, но он спит.

— Когда мы сможем его перевезти? — спросила женщина.

— Хоть сейчас, — ответила Стриган. — Чем скорее, тем лучше.

Женщина утвердительно махнула рукой, они поднялись и вошли в лазарет, больше не говоря ни слова.

Вскоре мы отнесли раненую во флаер девочки и проводили их, а затем пробрались обратно в дом и сняли куртки. Сеиварден уже вернулась на свою постель на полу и сидела, крепко обхватив колени руками, будто иначе они бы не удержались в таком положении.

Стриган посмотрела на меня со странным выражением, которого я не поняла.

— Она — хороший ребенок.

— Да.

— Это сделает ей доброе имя. Хорошая история, чтобы идти с ней по жизни.

Я выучила лингва франка, который, как я думала, будет здесь наиболее полезен, и провела беглое исследование, чтобы ориентироваться в незнакомом месте, но почти ничего не знала о людях, которые пасли бовов в этой части планеты.

— Это связано со взрослением? — попыталась угадать я.

— Вроде того. Да. — Она подошла к шкафу и достала чашку и тарелку. Ее движения были

быстрыми и равномерными, но у меня отчего-то возникло ощущение, что она на грани изнеможения. Возможно, оттого, как она держала плечи. — Я не думала, что тебя интересуют дети. Когда ты их не убиваешь, конечно.

Я не клюнула на приманку.

— Она дала мне понять, что уже не ребенок. Даже если у нее с собой Тиктик.

Стриган села за свой столик.

— Вы играли два часа кряду.

— Больше нечего было делать.

Стриган рассмеялась, коротко и с горечью. Затем она махнула рукой в сторону Сеиварден, которая, казалось, нас игнорировала. В любом случае она не могла нас понять, мы говорили не на радчааи.

— Мне его не жаль. Просто я врач.

— Ты это говорила.

— Я думаю, что и тебе его тоже не жаль.

— Да.

— Ты не стремишься ничего облегчить, так?

— Зависит от обстоятельств.

Она слегка покачала головой, словно не вполне расслышала.

— Я видела и похуже. Но ему нужен медицинский уход.

— Ты не будешь его лечить, — сказала я. Это был не вопрос.

— Я все еще разгадываю тебя, — произнесла Стриган так, будто ее утверждение было связано с моим, хотя я совершенно уверена, что это не так. — На самом деле, я думаю о том, чтобы дать ему кое-что еще, чтобы успокоить. — (Я не ответила.) — Ты этого не одобряешь. — Это был не вопрос. — Мне не жаль его.

— Ты повторяешься.

— Он потерял свой корабль. — Весьма вероятно, что интерес к гарседдианским артефактам заставил ее изучить события, которые привели к уничтожению Гарседда. — Это несчастье, — продолжала Стриган, — но радчаайские корабли — это ведь не просто корабли, так ведь? И его команда. Для нас это было тысячу лет назад, но для него — все шло своим чередом, а в следующее мгновение *все* исчезло. — Движение ее руки выразило досаду, но не только — я не разобралась. — Ему нужен медицинский уход.

— Если бы он не бежал из Радча, он бы его получил.

Стриган приподняла седую бровь, села на скамью.

— Переводи для меня. Мой радчааи недоста-

точно хорош.

Вспомогательный компонент запихнул Сеиварден в отсек временной приостановки жизнедеятельности, она почувствовала, что мерзнет и задыхается, — газы отсека заполнили рот и нос, силы покинули ее, а очнулась она уже в изоляторе патрульного корабля. Сеиварден рассказывала, с трудом скрывая волнение и гнев.

— Какое-то потрепанное, крошечное «Милосердие» с жалким капитаном-провинциалом.

— Твое лицо почти бесстрастно, — сказала мне Стриган. Не на радчааи, чтобы Сеиварден не поняла. — Но я вижу твою температуру и частоту сердечных сокращений.

И наверное, несколько других показателей — с медицинскими имплантатами, которыми она, вероятно, обладает.

— Этот корабль управлялся людьми, — сказала я Сеиварден.

Это расстроило ее еще больше — были это злость, стыд или что-то еще, не знаю.

— Я не понял этого. Не сразу. Капитан отвел меня в сторону и объяснил.

Я перевела это Стриган, и она с недоверием посмотрела на Сеиварден, а затем вопросительно — на меня.

— Эту ошибку легко допустить?

— Нет, — ответила я коротко.

— И вот тогда-то она наконец должна была сказать мне, сколько это длилось, — произнесла Сеиварден, погруженная в собственную историю.

— И что случилось после, — предположила Стриган.

Я перевела, но Сеиварден не обратила внимания и продолжала, будто никто из нас не произнес ни слова:

— В конце концов мы зашли на крошечную пограничную базу. Вы знаете такие: управляющий — либо в опале, либо быстро сделавшее карьеру ничтожество; назойливый инспектор-контролер, который строит из себя тирана в доках, и полдюжины сотрудников службы безопасности, для которых самый серьезный вызов — выставить юнцов из чайного магазина.

Я-то думал, что у капитана «Милосердия» кошмарный акцент, но на базе я вообще никого не мог понять. ИИ базы вынужден был мне переводить, но мои имплантаты не работали. Слишком устарели. Поэтому мне пришлось говорить, используя настенные пульты управления. — (Что делало любой разговор чрезвычайно трудным.) — И да-

же когда объясняла База, то, что говорили люди, было лишено смысла.

Они поселили меня в комнату с койкой, в которой едва хватало места, чтобы встать. Да, они знали с моих слов, кто я, но у них не было сведений о моем финансовом положении, и могли пройти недели, пока они поступят. А может, и больше. А пока я получал еду и кров, гарантированные любому радчааи. Если, разумеется, не пожелаю вновь пройти испытания, чтобы получить новое назначение. У них не было данных о результатах моих испытаний, а если бы и были, они, безусловно, устарели бы. *Устарели*, — повторила она с горечью.

— А ты был у врача? — спросила Стриган. По лицу Сеиварден я догадалась, что в конце концов заставило ее уйти из пространства Радча. Вероятно, она показалась врачу, который предпочел выждать и понаблюдать. Дело было не в телесных повреждениях — какое бы «Милосердие» ее ни подобрало, корабельный медик вполне справился бы с ними, — но психологические или эмоциональные травмы могли излечиться сами собой, а если этого не произошло, врачу нужны были данные испытаний, чтобы действовать эффективно.

— Они сказали, что я могу направить сообщение с просьбой о помощи главе моего клана. Но они не знали, кто это. — Сеиварден явно не желала говорить о враче с базы.

— Главе клана? — спросила Стриган.

— Главе ее семейства, — объяснила я. — В переводе звучит очень впечатляюще, но на деле это так, только если твой клан очень богат или уважаем.

— А ее клан?

— Был и тем и другим.

Это не ускользнуло от внимания Стриган.

— Был.

Сеиварден продолжила, словно мы и не вмешивались:

— Но как оказалось, Вендааи исчезли. Мой клан *исчез.* Всё: и активы, и контракты — совершенно всё поглотил *Гейр!*

Тогда, лет пятьсот назад, это поразило всех. Два клана, Гейр и Вендааи, ненавидели друг друга. Глава клана Гейр злонамеренно использовал в своих интересах игорные долги Вендааи и некоторые безрассудные контракты.

— А что сейчас? — спросила я Сеиварден.

Она не обратила внимания на мой вопрос.

— Все *исчезло.* А то, что осталось, было *почти* в

порядке. Но оттенки отличались, все слегка изменилось. Люди говорили, и я не понимал ни слова либо узнавал слова, но не мог понять высказываний. Все казалось каким-то ненастоящим.

Возможно, это и был ответ на мой вопрос.

— Как ты отнеслась к людям-солдатам?

Сеиварден нахмурилась и впервые с того времени, как проснулась, посмотрела прямо на меня. Я пожалела о том, что задала этот вопрос. На самом деле я хотела узнать другое. *Что ты подумала, когда услышала об Айми*? Но возможно, она об этом не слышала. Или, если слышала, это могло оказаться для нее непостижимым. *Кто-нибудь подходил к тебе, нашептывая про восстановление законного порядка вещей*? Наверное, нет, учитывая обстоятельства.

— Как ты покинула Радч без разрешения?

Это явно было нелегко. Как минимум требовались деньги, которых у нее не было.

Сеиварден отвернулась от меня и опустила взгляд. Она не собиралась отвечать.

— Все шло не так, — произнесла она после девяти секунд молчания.

— Кошмары, — проговорила Стриган. — Тревога. Временами дрожь.

— Неустойчивость, — сказала я. В переводе это

звучало довольно мягко, но на радчааи, когда речь шла об офицере, таком как Сеиварден, это значило гораздо больше: слабый, робкий, не соответствующий требованиям своей должности. Болезненный. Если Сеиварден была неустойчива, она никогда на самом деле не заслуживала своего назначения, никогда в действительности не подходила для военной службы, не говоря уже о том, чтобы командовать кораблем. Но Сеиварден, разумеется, успешно прошла испытания, и тесты показали, что она была именно такой, какой ее всегда предполагал видеть клан: уравновешенной, готовой командовать и покорять. Не склонной к сомнениям или беспричинным страхам.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — процедила Сеиварден и презрительно усмехнулась. Ее руки по-прежнему обхватывали колени. — В моем клане нет неустойчивых.

Несомненно, подумала я, родственники, которые служили по году или около того во время какой-нибудь аннексии и вышли в отставку, чтобы стать монахами-отшельниками или расписывать чайные сервизы, поступили так не потому, что были неустойчивы. И родственники, которые не прошли испытаний так, как ожидалось, и

удивили своих родителей, получив назначения во второразрядные священнослужители или деятели искусств, — это отнюдь не указывало на некую врожденную неустойчивость, присущую клану, о нет, никогда. И Сеиварден нисколько не опасалась и совсем не беспокоилась о своем новом назначении, к которому приведут повторные испытания, и о том, что они скажут о ее устойчивости. *Разумеется,* нет.

— Неустойчивость? — спросила Стриган, которая поняла слово, но не все то, что оно означало.

— Неустойчивому человеку, — объяснила я, — недостает силы характера.

— Характера! — Стриган не скрывала своего негодования.

— Разумеется. — Мое выражение лица не изменилось и было таким же мягким и приятным, как и большую часть последних дней. — Менее значительные граждане не могут выдержать серьезных трудностей или напряжения, и иногда из-за этого им требуется медицинский уход. Но некоторые граждане воспитаны лучше. Их так просто не сломить. Хотя они могут уйти в отставку раньше или провести несколько лет, следуя творческим или духовным интересам, — длительные уединения для погружения в медитацию распространены

весьма широко. Именно в этом и заключается разница между семьями, занимающими высокое положение, и менее значительными.

— Но вы, радчааи, так хороши в промывании мозгов. Или так говорят?

— В перевоспитании, — исправила я. — Если бы она осталась, она получила бы помощь.

— Но она не могла вынести самой мысли о том, что ей нужна помощь, вот с чего надо начать.

Я промолчала, не соглашаясь и не возражая, хотя и подумала, что Стриган права.

— А много ли может… сделать перевоспитание?

— Много чего, — ответила я. — Хотя большая часть того, что ты могла слышать, в основном преувеличение. Оно не может превратить тебя в того, кем ты не являешься. Пользы в таком случае не было бы никакой.

— Стирает воспоминания.

— Думаю, подавляет их. Может быть, добавляет новые. Нужно знать, что делаешь, либо можешь изрядно навредить кому-нибудь.

— Несомненно.

Сеиварден, хмурясь, смотрела, как мы разговариваем, не в состоянии понять ни слова.

Стриган чуть улыбнулась.

— *Ты* — не продукт перевоспитания.

— Нет, — признала я.

— Скорее — хирургии. Перерезать некоторые связи, сделать несколько новых. Установить пару имплантатов. — Она умолкла на мгновение, ожидая моего ответа, но я молчала. — Ты неплохо маскируешься. По большей части. Выражение лица, тон голоса всегда подходящие, но всегда… всегда продуманные. Это всегда представление.

— Ты думаешь, что разгадала загадку, — предположила я.

— Разгадала — неверное слово. Но ты — трупосолдат, я уверена. Ты что-нибудь помнишь?

— Много чего, — сказала я по-прежнему вежливо.

— Нет, я имею в виду — из того, что было прежде.

Мне понадобилось почти пять секунд, чтобы понять, что она имеет в виду.

— Та личность мертва.

Сеиварден внезапно вскочила и вышла за внутреннюю дверь и, судя по звуку, за наружную.

Стриган проводила ее взглядом, хмыкнула и снова повернулась ко мне.

— Твое ощущение того, кто ты есть, имеет неврологическое основание. Одно маленькое

изменение — и ты больше не веришь, что существуешь. Но ты здесь. Я думаю, ты все еще здесь. Откуда это странное желание убить Анаандер Мианнаи? И почему ты так злишься на *него*? — Она кивнула в сторону выхода. Сеиварден была снаружи, на холоде, в одной только куртке.

— Она возьмет вездеход, — предостерегла я. Девочка и ее мать взяли флаер и оставили вездеход возле дома Стриган.

— Нет. Я вывела его из строя. — Я одобрительно кивнула, и Стриган продолжила: — И музыка. Я не думаю, что ты была певицей, не с таким голосом, как у тебя. Но ты, вероятно, прежде была музыкантом или любила музыку.

Я подумала, не издать ли горький смешок, к которому призывала догадка Стриган.

— Нет, — сказала я вместо этого. — На самом деле, нет.

— Но ты — трупосолдат, тут я права. — (Я не отвечала.) — Ты каким-то образом сбежала или… ты с *его* корабля? Капитана Сеивардена?

— «Меч Настаса» был уничтожен. — Я была там, неподалеку. Относительно. Видела, как это произошло, достаточно. — И это произошло тысячу лет назад.

Стриган бросила взгляд на дверь, опять на ме-

ня. Затем она нахмурилась.

— Нет. Нет, я думаю, ты с Гаона, а он был аннексирован лишь несколько веков назад, не так ли? Как я могла забыть! Вот почему ты сходишь за человека с Джерентэйта, да? Нет, ты каким-то образом сбежала. *Я могу вернуть тебя назад*. Я уверена, что смогу.

— Ты имеешь в виду, что можешь меня убить. Ты можешь уничтожить мое ощущение своего «я» и заменить тем, которое одобряешь.

Стриган не понравилось то, что она услышала, я это видела. Внешняя дверь открылась, и затем Сеиварден, дрожа, прошла через внутреннюю.

— В следующий раз надевай куртку, — сказала я ей.

— Отстань, блин! — Она схватила с постели одеяло и, накинув его на плечи, стояла, по-прежнему дрожа.

— Весьма неподобающие выражения, гражданин, — отметила я.

На мгновение было похоже, что она выйдет из себя. Затем, казалось, вспомнила, что может произойти в этом случае.

— Отстань! — Она тяжело уселась на ближайшую скамью. — Блин!

— Почему ты не оставила его там, где нашла? —

спросила Стриган.

— Хотела бы я знать. — Еще одна загадка для нее, но заданная неумышленно. Я сама не знала. Не знала, почему тревожилась, чтобы Сеиварден не замерзла до смерти в наметенном пургой снегу; не знала, зачем взяла ее с собой; не знала, почему мне небезразлично, если б она удрала на чьем-то вездеходе или ушла в покрытую зелеными пятнами мерзлую пустошь и умерла.

— А почему ты на него так злишься?

Это я знала. И по правде говоря, то, что я злилась, не было совершенно честно по отношению к Сеиварден. Тем не менее факты оставались фактами и моя злость — тоже.

— Почему ты хочешь убить Анаандер Мианнаи? — Голова Сеиварден слегка повернулась, ее внимание привлекло знакомое имя.

— Это личное.

— *Личное.* — Голос Стриган звучал скептически.

— Да.

— Ты больше не личность. Ты мне сказала именно это. Ты — оборудование. Придаток к корабельному ИИ. — Я промолчала в ожидании, что она поразмыслит над своими словами. — Какой-то корабль сошел с ума? В последнее время,

имею в виду.

Безумные радчаайские корабли были гвоздем мелодрам как в Радче, так и за его пределами, хотя радчаайские зрелища на эту тему обычно являлись историческими. Когда Анаандер Мианнаи завладела сердцевиной пространства Радча, несколько кораблей уничтожили себя после смерти или пленения своих капитанов, и ходили слухи, что несколько по-прежнему бороздили пространство три тысячи лет спустя, полубезумные и отчаявшиеся.

— Не знаю таких.

Скорее всего, она следила за новостями из Радча — от этого зависела ее безопасность, учитывая, что, как я была уверена, она прятала и каковы были бы последствия для нее, если бы Анаандер Мианнаи это обнаружила. У нее, вероятно, имелась вся информация, чтобы установить, кто я. Но через полминуты она с сомнением и разочарованием махнула рукой.

— Ты ведь мне этого не скажешь.

Я улыбнулась спокойно и мило:

— Это испортило бы все веселье.

Она рассмеялась; казалось, ее действительно позабавил мой ответ, что я посчитала обнадеживающим знаком.

— Итак, когда ты уезжаешь?

— Когда ты отдашь мне пистолет.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

Ложь. Очевидная ложь.

— Твоя квартира на базе Драс-Анниа. Она нетронута. Осталась как есть, насколько могу судить.

Все движения Стриган стали очень взвешенными, чуть-чуть замедленными: моргание, дыхание. Рука тщательно стряхнула пыль с рукава куртки.

— Это факт.

— Мне стоило больших денег туда попасть.

— А где же трупосолдат *добыл* столько денег, в конце-то концов? — спросила Стриган, все так же напряженная и по-прежнему это скрывая. Но с искренним любопытством. Оно было всегда.

— Работа, — сказала я.

— Прибыльная работа.

— И опасная. — Я рисковала своей жизнью, чтобы добыть те деньги.

— Икона?

— В том числе. — Но я не хотела говорить об этом. — Что мне нужно сделать, чтобы убедить тебя? Тех денег недостаточно? — У меня было больше, в другом месте, но говорить об этом было бы глупо.

— Что ты видела в моей квартире? — спросила Стриган, и в ее голосе прозвучали любопытство и злость.

— Мозаику. С недостающими фрагментами. — Должно быть, я сделала правильный вывод о существовании и природе этих фрагментов, ведь я здесь, и здесь Арилесперас Стриган.

Стриган снова рассмеялась.

— Такими, как ты. Слушай. — Она наклонилась вперед, уперев руки в бедра. — Ты не сможешь убить Анааидер Мианнаи. Хотела бы я, чтоб это было возможно, но это не так. Даже… с тем, что, как ты думаешь, у меня есть, ты не сможешь этого сделать. Говоришь, что двадцати пяти таких пистолетов оказалось недостаточно…

— Двадцати четырех, — исправила я.

Она отмахнулась от этой поправки:

— Было недостаточно, чтобы удержать радчааи в стороне от Гарседда. Почему ты думаешь, что с *одним* можно добиться большего, чем легкое раздражение?

Она знала, что к чему, иначе не удрала бы. Не просила бы местных бандюганов позаботиться обо мне прежде, чем я до нее доберусь.

— И почему ты так стремишься к совершенно нелепой цели? Вне пространства Радча все

ненавидят Анаандер Мианнаи. Если бы каким-то чудом он умер, празднования продлились бы добрую сотню лет. Но этого *не случится.* Этого точно не произойдет из-за одной дуры с пистолетом. Я уверена, ты это знаешь. Вероятно, ты понимаешь это гораздо лучше, чем я.

— Верно.

— Тогда почему?

Информация — это власть. Информация — это безопасность. Планы, разработанные на основе несовершенной информации, неизбежно дефектны, их фиаско или успех зависят от воли случая. Когда я поняла, что мне придется найти Стриган и добыть у нее пистолет, я знала, что наступит такое мгновение. Если бы я ответила на вопрос Стриган — если бы я действительно ответила на него, как она наверняка потребует, — я бы выдала ей то, что она смогла бы использовать против меня как оружие. Она бы и себе навредила, но это не всегда сдерживает, я это знала.

— Иногда… — начала я, затем исправилась: — Довольно часто, узнав кое-что о религии радчааи, спрашивают: «Если все, что происходит, — это воля Амаата, если не может произойти ничего, что уже не задумано богом, то зачем вообще утруждать себя?»

— Хороший вопрос.

— Не особенно.

— Нет? Зачем тогда утруждаться?

— Я есть, — сказала я, — как меня сотворила Анаандер Мианнаи. Анаандер Мианнаи такова, как ее сотворили. Мы обе сделаем то, для чего были сотворены. То, что нам надлежит сделать.

— Я сильно сомневаюсь в том, что Анаандер Мианнаи сотворил тебя, чтобы ты его убила.

Любой ответ раскрыл бы сейчас больше, чем мне этого хотелось.

— А я, — продолжила через полторы секунды молчания Стриган, — сотворена, чтобы требовать ответов. Это — лишь божья воля. — Она махнула левой рукой — «не моя проблема».

— Ты признаёшь, что у тебя есть пистолет?

— Я ничего не признаю.

Теперь я могла положиться только на случай, шагнуть в невообразимую тьму, ждать, что решит жребий — жизнь или смерть, и шансы мне были неизвестны. Или я могла сдаться, но как сдаться теперь? После стольких лет и стольких усилий? И я рисковала и раньше — даже больше, и добралась так далеко.

У нее должен быть пистолет. *Должен*. Но как мне заставить ее отдать его мне? Что может за-

ставить ее отдать его мне?

— *Расскажи мне,* — проговорила Стриган, пристально глядя на меня и наверняка видя с помощью своих медицинских имплантатов мое разочарование и сомнение, колебания моего кровяного давления, температуры и дыхания. — Расскажи мне почему.

Я закрыла глаза и почувствовала себя слепой из-за того, что не могла видеть другими глазами, которые, как я знала, были у меня когда-то. Открыла вновь, сделала глубокий вдох и рассказала.

ГЛАВА 10

Я думала, что персонал, обслуживающий храм по утрам, предпочтет (что было бы вполне понятно) остаться по домам, но одна малышка-цветонос, проснувшись прежде взрослых, пришла с пучком сорняков с розовыми лепестками и остановилась, пораженная, у порога дома, увидев коленопреклоненную Анаандер Мианнаи перед нашей маленькой иконой Амаата.

Лейтенант Оун одевалась на верхнем этаже.

— Я не могу проводить службу сегодня, — сказала она мне, голос был бесстрастным, что отнюдь не отражало внутреннего состояния. Утром уже было тепло, и она потела.

— Вы не коснулись ни одного тела, — констатировала я факт, поправляя воротник ее куртки. Не это надо было сказать.

Четыре моих сегмента, два на северном берегу Преддверия Храма и два по пояс в тепловатой воде и иле, подняли тело племянницы Джен Таа на плиту и отнесли его в дом врача.

На первом этаже дома лейтенанта Оун я сказала напуганному, застывшему цветоносу:

— Все в порядке.

Водонос не показывался, а я не имела права выполнять эту роль.

— Вам придется, по крайней мере, принести воды, лейтенант, — сказала я наверху лейтенанту Оун. — Цветы доставили, но водонос не пришла.

В течение нескольких мгновений лейтенант хранила молчание, пока я вытирала ей лицо.

— Верно, — сказала она и спустилась вниз, где наполнила вазу, а потом подошла с ней к девочке, которая стояла рядом со мной, все еще напуганная, сжимая пучок розовых цветов. Лейтенант Оун протянула ей вазу, и она поставила в нее цветы и вымыла руки. Она хотела снова взять цветы, но тут Анаандер Мианнаи повернулась и посмотрела на нее — девочка отшатнулась и схватила мою руку в перчатке голой рукой.

— Тебе придется снова вымыть руки, гражданин, — прошептала я, и при некотором содействии с моей стороны она так и сделала, затем снова взяла цветы и выполнила свою часть утреннего ритуала правильно, пусть и нервно. Больше никто не пришел. Меня это не удивило.

Врач, говоря сама с собой, а не со мной, хотя я стояла в трех метрах от нее, констатировала:

— Очевидно, перерезали горло, но сначала отра-

вили. — А затем — с отвращением и презрением: — Ребенок из их семьи. Эти люди нецивилизованны.

Наша единственная маленькая служительница ушла, зажав в руке подарок лорда Радча — значок в форме цветка с четырьмя лепестками, на каждом из которых было покрытое эмалью изображение одной из четырех Эманаций. В любом другом месте радчааи, получивший такой знак — символ служения в храме с самим лордом Радча, — высоко ценил бы его и носил бы почти постоянно. А этот ребенок, наверное, кинет его в коробку и забудет. Когда она оказалась вне поля зрения (лейтенанта Оун и лорда Радча, но не моего), Анаандер Мианнаи повернулась к лейтенанту и спросила:

— А это не сорняки?

Лейтенанта Оун захлестнула волна смущения, к которому мгновением позже добавились досада и такая бешеная ярость, какой я не замечала в ней никогда прежде.

— Не для детей, мой лорд. — Ей не удалось смягчить резкость в голосе.

Выражение лица Анаандер Мианнаи не изменилось.

— Эта икона и комплект знаков для ритуала.

Думаю, это твоя личная собственность. А где же те, что принадлежат храму?

— Прошу прощения у моего лорда, — сказала лейтенант Оун, хотя я знала: она совершенно не имеет этого в виду, что было слышно по ее тону. — Я использовала средства, выделенные для их приобретения, чтобы дополнить подарки к завершению срока службы персонала храма. — Она также потратила и собственные деньги, но не сказала этого.

— Я отсылаю тебя назад на «Справедливость Торена», — изрекла лорд Радча. — Твоя замена будет здесь завтра.

Стыд. Новая вспышка гнева. И отчаяние.

— Да, мой лорд.

Укладывать нужно было немногое. Я могла подготовиться к отъезду менее чем за час. Я провела остаток дня, доставляя подарки служителям нашего храма, которые сидели по домам. Школьные занятия были отменены, и мало кто выходил на улицы.

— Лейтенант Оун не знает, — говорила я каждому, — будет ли новый лейтенант делать другие назначения и даст ли вам подарки по случаю завершения года службы — ведь вы не прослужили года. В первое утро после ее прибытия вы долж-

ны подойти к дому. — Взрослые в каждом доме молча разглядывали меня, не приглашая внутрь, и всякий раз я клала подарок — не обычную пару перчаток, которые здесь еще ничего не значили, но юбку с ярким цветным рисунком и маленькую коробку тамариндовых конфет. Обычно дарили свежие фрукты, но не было времени их добыть. Я оставляла каждую стопочку подарков на улице, у порога дома, и никто не трогался с места, чтобы забрать их, и не говорил мне ни слова.

Божественная провела час или два за ширмами в храмовой резиденции, а потом появилась оттуда с очень утомленным видом и направилась в храм, где посовещалась с младшими жрецами. Тела унесли. Я предложила удалить следы крови, не зная, допустимо ли это для меня, но жрецы отказались от моей помощи.

— Некоторые из нас, — сказала мне Божественная, не отрывая взгляда от того места на полу, где лежали мертвецы, — забыли, кто ты. Теперь им напомнили.

— Я не думаю, что *вы* забыли, Божественная, — ответила я.

— Нет. — Она помолчала две секунды. — Лейтенант собирается повидаться со мной перед отъездом?

— Вероятно, нет, Божественная, — ответила я. В это самое мгновение я делала все, что могла, чтобы убедить лейтенанта Оун поспать, что было ей совершенно необходимо, но никак не удавалось.

— Наверное, лучше, если она не станет этого делать, — с горечью сказала верховная жрица. Тут она взглянула на меня. — Это безрассудно с моей стороны. Я знаю, что это так. Что еще она могла сделать? Легко мне говорить — и я скажу это, — что она могла сделать другой выбор.

— Она могла, Божественная, — признала я.

— Как это вы, радчааи, говорите? — Я не была радчааи, но я не стала ее поправлять, и она продолжила: — Справедливость, правильность и польза, так? Пусть каждое деяние будет справедливым, правильным и полезным.

— Да, Божественная.

— Было это справедливым? — Ее голос задрожал, всего на мгновение, и я услышала, что она вот-вот разрыдается. — Было оно правильным?

— Я не знаю, Божественная.

— И более существенное: кто извлек из этого пользу?

— Никто, Божественная, насколько я вижу.

— Никто? В самом деле? Да ладно, Один Эск, не валяй дурака. — Понимание, что ее предали, на

лице Джен Шиннан и ее взгляд в упор на Анаандер Мианнаи были очевидны для всех, кто там присутствовал.

Тем не менее я не представляла, что лорд Радча выиграет от этих смертей.

— Они убили бы вас, Божественная, — сказала я. — Вас и любого, кого обнаружили бы без защиты. Лейтенант Оун сделала все, что могла, чтобы предотвратить кровопролитие прошлой ночью. Не ее вина, что она потерпела неудачу.

— Ее. — Она по-прежнему стояла спиной ко мне. — Господи, прости ее за это. Боже упаси меня от такого выбора. — Она призывно взмахнула рукой. — А ты? Что бы ты сделала, если бы лейтенант отказалась и лорд Радча приказала тебе застрелить ее? Ты бы смогла? Я думала, что эта ваша броня непроницаема.

— Лорд Радча может деактивировать нашу броню. — Но код, которым Анаандер Мианнаи могла деактивировать броню лейтенанта Оун — или мою, или любого другого радчаайского солдата, — следовало передать по связи, которая была тогда заблокирована. Тем не менее. — Размышления над такими темами не приводят ни к чему хорошему, Божественная, — сказала я. — Этого не произошло.

Верховная жрица повернулась и пристально посмотрела на меня.

— Ты не ответила на вопрос.

Вопрос был для меня нелегким. Я состояла из отдельных частей, и лишь один-единственный сегмент тогда допустил возможность, что жизнь лейтенанта Оун зависит от исхода того мгновения. Я была не уверена в том, что тот сегмент не направил бы свою винтовку на Анаандер Мианнаи.

Возможно, и не направил бы.

— Божественная, я — не личность. — Если бы я застрелила лорда Радча, ничего бы не изменилось, я уверена, — за исключением того, что лейтенант Оун все же была бы мертва, я уничтожена, Два Эск заняла мое место или из сегментов хранилищ «Справедливости Торена» был сформирован новый Один Эск. Некоторые затруднения мог бы испытать корабельный ИИ, хотя мои действия, скорее всего, объяснили бы тем, что я была отключена. — Люди часто думают, что они поступили бы благородно, но когда на самом деле оказываются в подобном положении, то обнаруживают, что все не так просто.

— Как я сказала — боже упаси. Я буду утешаться иллюзией, что ты застрелила бы первой эту

скотину Мианнаи.

— Божественная! — предостерегла я. Все, что она говорила в моем присутствии, могло в конце концов достигнуть ушей лорда Радча.

— Пусть слышит. Скажи ей сама! *Она* спровоцировала то, что случилось прошлой ночью. Кто был мишенью: мы, танмайнды или лейтенант Оун, — я не знаю. У меня есть свои подозрения на этот счет. Я не дура.

— Божественная! — сказала я. — Кто бы ни вызвал события прошлой ночи, я не думаю, что все произошло так, как они планировали. Я думаю, они хотели открытого столкновения между верхним и нижним городами, хотя и не понимаю почему. И я думаю, что это было предотвращено, когда Дэнз Ай сообщила лейтенанту Оун о винтовках.

— Я думаю, как и ты, — согласилась верховная жрица. — И я полагаю, что Джен Шиннан знала больше и именно поэтому она умерла.

— Мне очень жаль, что твой храм осквернен, Божественная, — произнесла я. Мне было не особо жаль, что Джен Шиннан умерла, но я этого не сказала.

Божественная снова отвернулась от меня.

— Я уверена, что у тебя много дел по подготовке

к отъезду. Лейтенанту Оун не стоит утруждать себя визитом ко мне. Ты можешь сама передать ей от меня слова прощания. — Она отошла от меня, не дожидаясь подтверждения.

Лейтенант Скаайат приехала на ужин с бутылкой араки и двумя Семь Исса.

— Твоя смена не доберется даже до Коулд-Веса до полудня, — сообщила она, распечатывая бутылку. Семь Исса стояли на первом этаже, чувствуя себя крайне неловко. Они прибыли прямо перед тем, как я восстановила связь. Они видели мертвых в храме Иккт и догадались, что произошло, хотя им ничего не сказали. А они появились из хранилищ всего два года назад. Они не видели саму аннексию.

По всему Орсу — и в верхнем, и в нижнем городе — царила напряженная тишина. Покидая свои дома, люди избегали смотреть на меня или разговаривать со мной. Они главным образом выходили только для того, чтобы посетить храм, где жрецы возносили молитвы за умерших. Несколько танмайндов даже спустились из верхнего города и тихо стояли по краям небольшой толпы. Я держалась в тени, не желая отвлекать и причинять страдания.

— Скажи мне, ты ведь чуть не отказалась? —

заявила лейтенант Скаайат, которая была с лейтенантом Оун за ширмами на верхнем этаже дома. Они сидели на подушках, пахнущих грибком, лицом друг к другу. — Я знаю тебя, Оун, и клянусь, когда я услышала, что увидели Семь Исса в храме, то испугалась, что вот-вот узнаю, что ты мертва. Скажи мне, что ты не отказалась.

— Я не отказалась, — ответила лейтенант Оун с жалким и виноватым видом. В ее голосе слышалась горечь. — Ты же видишь, что я не отказалась.

— Я этого не вижу. Вообще. — Лейтенант Скаайат налила изрядную порцию напитка в подставленный мною бокал, и я передала его лейтенанту Оун. — И Один Эск этого не видит, иначе она не была бы такой тихой сегодня вечером. — Она посмотрела на ближайший сегмент. — Лорд Радча запретила тебе петь?

— Нет, лейтенант. — Я не хотела беспокоить Анаандер Мианнаи, когда она была здесь, или прервать сон лейтенанта Оун, если бы ей удалось заснуть. И в любом случае мне не очень хотелось.

Лейтенант Скаайат разочарованно хмыкнула и вновь повернулась к лейтенанту Оун.

— Если бы ты отказалась, то ничего бы не изме-

нилось, кроме того, что ты тоже была бы мертва. Ты сделала то, что должна была сделать, а эти идиоты… Хайров елдык, эти *идиоты.* Как только их на это хватило!

Лейтенант Оун уставилась на бокал в руке и не шевелилась.

— Я *знаю* тебя, Оун. Если собираешься выкинуть что-нибудь настолько безумное, дождись, когда это сможет что-то изменить.

— Как Один Амаат Один «Милосердия Сарса»? — Она говорила о событиях на Айми, о солдате, которая отказалась выполнять приказ и возглавила тот мятеж пять лет назад.

— По крайней мере, она здорово на все повлияла. Послушай, Оун, ты и я, мы обе знаем: что-то готовилось. И ты и я, мы обе знаем: то, что произошло прошлой ночью, бессмысленно, если не… — Она умолкла.

Лейтенант Оун шмякнула бокалом с аракой по столу. Жидкость выплеснулась через край бокала.

— Если не — что? В чем смысл?

— Вот. — Лейтенант Скаайат взяла бокал и сунула его в руку лейтенанта Оун. — Выпей это. И я объясню. По крайней мере, как я это понимаю. Ты знаешь, как проходят аннексии. Понятно,

что их производят неумолимые и неодолимые вооруженные силы, но что происходит после? После казней и ссылок, как только территорию зачистят от последних идиотов, которые думают, что в состоянии оказать сопротивление. После того как все это сделано, мы вписываем всех, кто остался, в радчаайское общество — они формируют кланы, набирают клиентов и через одно-два поколения становятся такими же радчааи, как все остальные. И происходит это главным образом потому, что мы отправляемся к верхушке местной иерархии — такая имеется практически всегда — и предлагаем им все возможные привилегии в обмен на то, что они будут вести себя как граждане, предлагаем им клиентские договоры, а они заключают контракты со всеми, кто стоит ниже; и не успеваешь опомниться, как вся местная структура вписана в радчаайское общество с минимальными потерями.

Лейтенант Оун нетерпеливо махнула рукой. Это она знала.

— Какое это имеет отношение к?..

— Ты это расхреначила.

— Я?..

— То, что ты сделала, *сработало.* И местные танмайнды должны были это проглотить. Логично.

Если бы я сделала то, что сделала ты: отправилась прямиком к орсианской жрице, поставила дом в нижнем городе, вместо того чтобы использовать уже готовые полицейский участок и тюрьму в верхнем городе, стала налаживать связи с властями нижнего города и пренебрегать…

— Я никем *не пренебрегала*! — возразила лейтенант Оун.

Лейтенант Скаайат отмахнулась от ее возражения:

— И пренебрегать теми, кого любой другой рассматривал бы как естественную местную верхушку. Твой клан не может себе позволить предлагать клиентские контракты. *Пока.* Ни ты, ни я не можем ни с кем заключать контракты. *Сейчас.* Мы были вынуждены исключить себя из договоров своих кланов и стать клиентами непосредственно Анаандер Мианнаи, пока несем службу. Но мы по-прежнему сохраняем семейные связи, и семьи могут использовать те связи, которые мы заводим сейчас. И мы, безусловно, сможем пользоваться ими, когда выйдем в отставку. Аннексии — это единственный надежный способ улучшить финансовое и социальное положение клана.

И все это прекрасно, пока в систему не попадает

не тот человек. Мы говорим себе, что все идет так, как хочет Амаат, что все существует по воле божьей. Поэтому если мы богаты и уважаемы, то именно так и *должно* быть. Испытания доказывают, что это справедливо, что каждый получает то, что заслуживает, и, когда правильные люди проходят испытания и делают правильные карьеры, это просто показывает, как верно все устроено.

— Я — не из правильных людей. — Лейтенант Оун поставила пустой бокал, и лейтенант Скаай-ат снова наполнила его.

— Ты — лишь одна из тысяч, но ты заметна — для некоторых. И эта аннексия — не такая, как остальные, она — последняя. Последняя возможность захватить собственность, завязать связи такого уровня, к которому привыкли высшие кланы. Им не нравится, что какие-то из этих последних возможностей достаются кланам вроде твоего. И что еще хуже, ты разрушила местную иерархию…

— Я *использовала* местную иерархию!

— Лейтенанты! — предостерегла я. Лейтенант Оун воскликнула так громко, что это могли услышать на улице, если бы там кто-нибудь оказался сегодня вечером.

— Если здесь всем заправляли танмайнды, зна-

чит так замыслил Амаат. Верно?

— Но они… — Лейтенант Оун замолкла. Не знаю, что она собиралась сказать. Возможно, что они установили свою власть над Орсом относительно недавно. Быть может, что они составляли в Орсе численное меньшинство, а лейтенант Оун ставила своей целью установить контакт с возможно большим количеством людей.

— Берегись, — остерегла лейтенант Скаайат, хотя лейтенант Оун не нуждалась в предостережении. Любой радчаайский солдат знает, что нельзя говорить не подумав. — Если бы ты не нашла того оружия, у кого-то появилось бы оправдание не только для того, чтобы вышвырнуть тебя из Орса, но и для того, чтобы сурово наказать орсиан и одарить благосклонностью верхний город. Возвратив вселенную к должному порядку. А затем, разумеется, любой настроенный соответственно мог бы использовать это происшествие в качестве примера того, как мы размякли. Если бы мы придерживались так называемых беспристрастных испытаний, если бы казнили больше людей, если бы продолжали создавать вспомогательные компоненты…

— У меня *есть* вспомогательные компоненты, — отметила лейтенант Оун.

Лейтенант Скаайат пожала плечами:

— Остальное подходит, а на это можно не обращать внимания. Они пренебрегут всем, не приносящим им желаемого. А хотят они всего, что могут ухватить.

Она казалась такой спокойной. Даже почти расслабленной. Я привыкла к тому, что не вижу информации о лейтенанте Скаайат, но из-за этого несоответствия между ее поведением и серьезностью положения — глубоким расстройством лейтенанта Оун и, если честно, моим собственным волнением из-за происшедшего — она казалась мне странно вялой и ненастоящей.

— Я понимаю, какую роль сыграла в этом Джен Шиннан, — сказала лейтенант Оун. — Да, это ясно. Но я не понимаю, чем… чем это выгодно кому-то другому? — Она не могла спросить прямо: почему Анаандер Мианнаи оказалась вовлечена или почему она захотела вернуться к некоему прежнему, должному порядку вещей, если сама непременно одобряла любые перемены? И почему она, захотев чего-то такого, просто не приказала это исполнить? Если бы их спросили, оба лейтенанта могли сказать — и, вероятно, так и сделали бы, — что они говорили не о лорде Радча, а о некоей неизвестной личности, которая, долж-

но быть, вовлечена в эти события, но я уверена, что эта версия не удержалась бы при допросе с применением наркотиков. К счастью, это было маловероятно. — И я не понимаю, почему некто с таким уровнем доступа не мог просто приказать мне убраться отсюда и поставить на мое место кого нужно, если это все, чего они хотели.

— Быть может, это *не все*, чего они хотели, — ответила лейтенант Скаайат. — Очевидно, что кто-то хотел, чтобы все это произошло, и думал, что именно такое развитие событий будет полезно. А ты сделала все, что могла, чтобы избежать убийства людей. Что-нибудь еще ничего бы не изменило. — Она опустошила свой бокал. — Ты будешь поддерживать со мной связь, — сказала она, и это был не вопрос и не просьба. И потом добавила, более нежно: — Мне будет тебя не хватать.

На минуту я подумала, что лейтенант Оун снова заплачет.

— Кто меня заменит?

Лейтенант Скаайат назвала офицера и корабль.

— Значит, люди. — Лейтенанта Оун охватило смятение, но затем она с досадой вздохнула. Думаю, она вспомнила, что Орс больше не ее

проблема.

— Я понимаю, — сказала Скаайат. — Я поговорю с ней. А ты будь начеку. Сейчас, когда аннексии в прошлом, корабли-транспортировщики вспомогательных компонентов битком набиты бесполезными дочерями престижных кланов, которых нельзя назначить на более низкие должности.

Лейтенант Оун нахмурилась, явно желая поспорить, подумав, возможно, о своих товарищах — лейтенантах Эск. Или о самой себе. Лейтенант Скаайат заметила выражение ее лица и печально улыбнулась.

— Ладно. Дариет — нормальная. Но будь настороже с остальными. Самомнение выше некуда на пустом месте. — Скаайат познакомилась с некоторыми из них во время аннексии и всегда была безупречно вежлива с ними.

— Мне этого объяснять не нужно, — сказала Оун.

Скаайат налила еще араки, и на остаток ночи их беседа приняла такой характер, что сообщать об этом не стоит.

В конце концов лейтенант Оун снова уснула, а к тому времени, как она проснулась, я наняла лодки, чтобы добраться до устья реки, к Коулд-

Весу, и погрузила в них наш скудный багаж и своего мертвого сегмента. В Коулд-Весе механизм, который управлял его броней, и кое-какие детали будут отделены для дальнейшего использования.

«Если собираешься выкинуть что-нибудь настолько безумное, дождись, когда это сможет что-то изменить», — сказала лейтенант Скаайат, и я согласилась. Я по-прежнему согласна.

Проблема в том, чтобы понять, когда то, что ты собираешься сделать, может что-то изменить. Я говорю не только о незначительных поступках, которые в совокупности со временем или в больших количествах направляют течение событий беспорядочно или неуловимо. Одно-единственное слово, которое предопределяет судьбу личности и в конечном счете судьбы тех, с кем эта личность сталкивается, — довольно распространенная тема развлекательных зрелищ и поучительных историй, но, если бы всякий человек должен был продумывать все возможные последствия всех своих возможных выборов, никто не двинулся бы и на миллиметр и даже не смел бы дышать из-за страха перед конечным исходом.

Я говорю о более крупных и более очевидных

масштабах. Так, как сама Анаандер Мианнаи определяет судьбы целых народов. Или так, как мои собственные действия могли означать жизнь или смерть для тысяч людей. Или только для восьмидесяти трех, столпившихся в храме Иккт. Я спрашиваю себя — как наверняка спрашивала себя лейтенант Оун, — каковы были бы последствия неподчинения приказу открыть огонь? Очевидно, немедленным следствием была бы ее собственная смерть. А затем, сразу же после нее, умерли бы те восемьдесят три человека, потому что я расстреляла бы их по прямому приказу Анаандер Мианнаи.

Никакой разницы — за исключением того, что лейтенант Оун была бы мертва. Знаки были брошены, и их траектории были простыми, поддающимися расчету, прямыми и ясными.

Но ни лейтенант Оун, ни лорд Радча не знали в ту минуту, что, если бы сместился один диск, самую малость, весь расклад оказался бы другим. Иной раз, когда бросают знаки, один из них отлетает или откатывается туда, где никто не ожидает его увидеть, и искажает весь рисунок.

Если бы лейтенант Оун сделала другой выбор, тот один сегмент, отключенный, дезориентированный и — да, пришедший в ужас при мысли о

том, чтобы застрелить лейтенанта Оун, мог бы направить свою винтовку на Мианнаи. Что тогда?

В конечном счете такой поступок лишь отложил бы смерть лейтенанта Оун и гарантировал бы мое — Один Эск — уничтожение. Что не было для меня огорчительным, поскольку я не существовала как личность.

Но смерть тех восьмидесяти трех человек была бы отсрочена. Лейтенант Скаайат была бы вынуждена арестовать лейтенанта Оун — я убеждена, что она бы не застрелила ее, потому что там не было бы Мианнаи, чтобы отдать такой приказ. И у Джен Шиннан были бы время и возможность сказать то, что лорд Радча, как вышло, помешала ей сказать. Что бы изменилось?

Возможно, очень многое. А может быть, вообще ничего. Тут слишком много неизвестного. Слишком много предположительно предсказуемых людей, которые в действительности балансируют на острие ножа или пути которых можно легко изменить, если бы только знать.

Если собираешься выкинуть что-нибудь настолько безумное, дождись, когда это сможет что-то изменить. Но, не будучи всеведущим, невозможно узнать, когда наступит это мгновение. Можно лишь попытаться вычислить это как

можно точнее. Можно лишь сделать бросок и попытаться разгадать результат.

ГЛАВА 11

Объяснение, зачем мне нужен пистолет и почему я хочу убить Анаандер Мианнаи, заняло много времени. Ответ был непростым, или, точнее, простой ответ лишь вызвал бы дальнейшие вопросы Стриган, поэтому я рассказала всю историю сначала и предоставила ей возможность самой вывести простой ответ из более длинного и сложного. К тому времени как я закончила, стояла глубокая ночь. Сеиварден спала, размеренно дыша, а Стриган была явно измучена.

В течение трех минут было слышно только дыхание Сеиварден, которое ускорилось, поскольку она начала просыпаться или, возможно, ее обеспокоил сон.

— Теперь я знаю, кто ты, — сказала наконец Стриган устало. — Или кем ты себя считаешь. — В ответе не было необходимости, сейчас она поверит только в то, во что захочет поверить, несмотря на все, что я рассказала. — А тебя не беспокоит, — продолжила Стриган, — тебя когда-либо беспокоило, что вы — рабы?

— Кто?

— Корабли. Боевые корабли. Такие могущественные. Вооруженные. Ты в любую минуту можешь сделать все, что захочешь, с офицерами внутри. Что мешает вам убить их всех и провозгласить себя свободными? Я никогда не могла понять, как радчааи могут удерживать корабли порабощенными.

— Если подумаешь об этом, — сказала я, — то поймешь, что уже знаешь ответ на свой вопрос.

Она снова умолкла, погрузившись в себя. Я сидела не шевелясь. Ожидая результатов своего броска.

— Ты была в Гарседде, — сказала она чуть погодя.

— Да.

— Ты знала Сеивардена? Лично, я имею в виду?

— Да.

— А ты… ты принимала участие?

— В уничтожении гарседдиан? — (Она подтвердила жестом.) — Да. Все, кто был там, принимали участие.

Она состроила гримасу; я подумала, что это отвращение.

— Никто не отказался.

— Я этого не говорила. — На самом деле мой

собственный капитан отказался и умер. Ее замена испытывала сомнения — она не могла скрыть этого от своего корабля, — но ничего не сказала и сделала, как велели. — Легко говорить, что если бы ты была там, ты бы отказалась, что ты бы скорее умерла, чем приняла участие в бойне, но все это выглядит по-другому, когда происходит на самом деле, когда приходит миг выбирать.

Она прищурилась (не соглашаясь, подумала я), но я всего лишь сказала правду. Затем выражение ее лица изменилось; возможно, она размышляла о той маленькой коллекции артефактов в своих комнатах на базе Драс-Анниа.

— Ты говоришь на их языке?

— На двух из них. — Там было более дюжины языков.

— И ты, конечно, знаешь их песни. — В ее голосе звучала легкая насмешка.

— У меня не было возможности выучить столько, сколько мне хотелось.

— А если бы ты была вольна выбирать, ты бы отказалась?

— Вопрос не имеет смысла. У меня не было выбора.

— Я позволю себе не согласиться, — сказала она, тихо злясь. — Тебе всегда предоставлялся выбор.

— Гарседд был поворотным пунктом. — Это не было прямым ответом на ее обвинение, но я не могла придумать прямой ответ, который она поняла бы. — Впервые так много радчаайских офицеров уехали после аннексии, не уверенные в том, что поступили правильно. Ты все еще думаешь, что Мианнаи управляет радчааи промыванием мозгов или угрозами казни? Эти методы существуют, да, их используют, но большинство радчааи, как и люди в других местах, где я побывала, делают то, что от них ожидают, потому что считают это правильным. Никто не *любит* убивать людей.

Стриган сардонически хмыкнула:

— Никто?

— Немногие, — исправилась я. — Их недостаточно, чтобы заполнить боевые корабли Радча. Но в конце концов после всей крови и горя все невежественные души, что без нас страдали бы во мраке, становятся довольными гражданами. Они согласятся, если ты спросишь! Это был счастливый день, когда Анаандер Мианнаи принесла им цивилизацию.

— А их родители бы согласились? А дед с бабкой?

Я махнула рукой, изобразив нечто между *это*

не моя проблема и *несущественно*.

— Ты удивилась, когда увидела, что я поладила с ребенком. Это не должно было тебя удивить. Ты думаешь, что у радчааи нет детей или они не любят своих детей? Ты думаешь, они реагируют на детей не так, как почти все люди?

— Как добродетельно!

— Добродетель — вовсе не простая штука, и она не существует сама по себе, совершенно отдельно от всего остального. — Добро неизбежно влечет за собой зло, и две стороны этого диска не всегда четко помечены. — Добродетели можно обратить на службу любой выгодной тебе цели. Тем не менее они существуют и будут влиять на твои действия. Выбор за тобой.

Стриган фыркнула.

— Твои слова пробуждают во мне ностальгическую тоску по пьяным философским разговорам моей юности. Но мы говорим здесь не об абстрактных понятиях, это вопрос жизни и смерти.

Мои шансы получить то, за чем я пришла, таяли на глазах.

— Впервые вооруженные силы Радча сеяли смерть в невообразимых масштабах без последующего возрождения. Безвозвратно отсекали любую возможность, что содеянное ими приве-

дет к добру. Это повлияло на всех, кто там был.

— Даже на корабли?

— На всех. — Я ожидала очередного вопроса или злобно-насмешливого: «Мне не жаль тебя», но она просто сидела и молча смотрела на меня. — Вскоре после этого впервые попытались установить дипломатический контакт с Пресгер. И именно тогда, я думаю, началось движение за замену вспомогательных компонентов солдатами-людьми.

В этом я была уверена лишь до некоторой степени, поскольку большая часть подготовительной работы, должно быть, проводилась скрытно.

— Зачем бы Пресгер связываться с Гарседдом? — спросила Стриган.

Она, безусловно, видела мою реакцию на свой вопрос — почти прямое признание, что у нее есть пистолет; и она должна была понимать, о чем скажет мне это признание. Она не задала бы этого вопроса, если бы не видела пистолета, не изучила его внимательно. Те пистолеты поступили от Пресгер, гарседдиане имели дело с пришельцами, кто бы ни проявил инициативу в установлении контакта. Это-то мы и узнали от пленных представителей. Но я сохраняла невозмутимость.

— Кто знает, почему Пресгер делают то или

иное? Но Анаандер Мианнаи задавала себе тот же вопрос: *почему Пресгер вмешались*? Не потому, что они захотели что-то, что было у гарседдиан, ведь они могли просто взять все, что хотели. — Хотя я знала, что Пресгер заставили гарседдиан заплатить, и преизрядно. — А что, если Пресгер решили уничтожить Радч? Действительно уничтожить его? И Пресгер имели такое оружие?

— Ты говоришь, — сказала пораженная Стриган, не веря тому, что услышала, — что Пресгер снабдили гарседдиан этим оружием, чтобы заставить Анаандер Мианнаи пойти на переговоры?

— Я говорю о реакции Мианнаи, о ее мотивах. Я не знаю и не понимаю Пресгер. Но полагаю, что если бы Пресгер хотели кого-то заставить, то это было бы совершенно очевидно. Без всяких тонкостей. Я думаю, было нечто вроде *предложения.* Если, конечно, вообще было.

— Все это — *предположение*.

— Они ведь пришельцы. Кто их поймет?

— Ничто из того, что ты в состоянии сделать, — сказала она после пяти секунд молчания, — не сможет ничего изменить.

— Это, наверное, правда.

— *Наверное*.

— Если бы каждый, кто… — Я подыскивала

верные слова. — Если бы каждый, кто возражал против уничтожения гарседдиан, отказался выполнять приказ, что бы произошло?

Стриган нахмурилась.

— А сколько отказались?

— Четверо.

— Четверо. Из?..

— Из тысяч. — Только на каждой из «Справедливостей» в те дни были сотни офицеров вместе с их капитанами, и дюжины нас тоже были там. Прибавьте «Милосердия» и «Мечи» с меньшими экипажами. — Преданность, длительная привычка послушания, желание мести — да, даже те четыре смерти удержали всех остальных от такого радикального выбора.

— Там было достаточно таких, как ты, чтобы справиться, даже если отказались бы все.

На это я ничего не ответила, ожидая, пока у нее не изменилось выражение лица, что означало: она дважды подумала над тем, что сказала. Потом я произнесла:

— Думаю, это могло закончиться по-другому.

— Ты не одна из тысяч! — неожиданно яростно выпалила Стриган, подавшись вперед.

Сеиварден, вздрогнув, очнулась ото сна и уставилась на Стриган встревоженным, затума-

ненным взором.

— Никто больше не стоит перед выбором, — сказала Стриган. — Никто за тобой не пойдет. И даже если бы пошел, одной тебя недостаточно. Даже если тебе удастся зайти так далеко, что ты встретишься лицом к лицу с Мианнаи — с одним из тел Мианнаи, — ты будешь одинока и беспомощна. Ты погибнешь, ничего не достигнув! — Она хрипло выдохнула. — Забери свои деньги. — Она махнула рукой в сторону моего рюкзака, подавшись к скамье, на которой я сидела. — Купи землю, купи комнаты на базе, черт, купи базу! Живи жизнью, в которой тебе отказали. Не жертвуй собой зря.

— К какой мне ты обращаешься? — спросила я. — Какую из жизней, в которых мне было отказано, ты для меня предназначаешь? Нужно ли мне будет посылать тебе ежемесячные отчеты, чтобы ты была уверена, что одобряешь мой выбор?

Это лишило ее дара речи на целых двадцать секунд.

— Брэк, — произнесла Сеиварден, словно пробуя это имя на вкус, — я хочу уехать.

— Уже скоро, — ответила я. — Потерпи.

К моему крайнему удивлению, она не возражала, просто оперлась на скамью и обхватила

руками колени.

Стриган с любопытством посмотрела на нее, а затем повернулась ко мне.

— Мне нужно подумать.

Я выразила движением руки согласие, она поднялась и, войдя в свою комнату, закрыла дверь.

— Что *с ней* не так? — спросила Сеиварден, явно без всякой иронии. В голосе прозвучало лишь легкое высокомерие. Я не ответила, а только посмотрела на нее, не меняя выражения лица. На щеке постепенно бледнел отпечаток одеяла, а одежда, нильтианские штаны и стеганая рубашка под курткой нараспашку, была измятой и бесформенной. За последние несколько дней регулярное питание и отсутствие кефа придали ее коже более здоровый вид, но она по-прежнему выглядела худой и утомленной. — Зачем ты с ней возишься? — спросила она меня, не придав никакого значения тому, как внимательно я ее осмотрела. Словно что-то изменилось и она и я неожиданно стали товарищами. Приятелями.

Несомненно, не равными. Никогда.

— Есть одно дело. — Более подробное объяснение было бы бесполезным, или глупым, или и тем и другим. — Плохо спишь?

Что-то едва различимое в выражении лица

сообщило мне, что она снова отдалилась, закрылась. Я больше не на ее стороне. Она посидела молча десять секунд, и я уже думала, что она больше не заговорит со мной этой ночью, но она сделала глубокий вдох и выдох.

— Да. Я… Мне нужно пройтись. Пойду на улицу.

Что-то определенно изменилось, но я не вполне понимала, что именно и почему.

— Сейчас ночь, — сказала я. — И очень холодно. Возьми куртку и перчатки и не уходи слишком далеко.

Махнув рукой, она показала, что согласна, и, что еще более удивительно, надела куртку и перчатки, прежде чем выйти через две двери, — без единого резкого слова или возмущенного взгляда.

А мне-то что? Либо заблудится и замерзнет, либо нет. Я разложила одеяла и улеглась спать, не дожидаясь ее возвращения.

Когда я проснулась, Сеиварден спала на своем ложе из одеял. Она не бросила куртку на пол, а повесила ее рядом с другими, на крюк возле двери. Я встала, подошла к буфету и обнаружила, что она также пополнила запасы еды, — там было больше хлеба, а на столе стояла миска с кубом

водянистого, медленно тающего молока, в другой миске рядом был шмат бовьего сала.

За спиной щелкнула, открываясь, дверь комнаты Стриган. Я повернулась.

— Ему что-то нужно, — сказала она тихо. Сеиварден не шевельнулась. — И в любом случае он ведет какую-то непонятную игру. Я бы ему не доверяла, будь я на твоем месте.

— Я не доверяю. — Я опустила ломоть хлеба в миску с водой и отставила в сторону, чтобы размяк. — Но мне интересно, что на нее нашло. — (Стриган, казалось, вот-вот рассмеется.) — На него, — исправилась я.

— Наверное, подумал обо всех этих деньгах, которые ты возишь с собой, — заметила Стриган. — На них можно купить много кефа.

— Если и так, то это не проблема. Они все для тебя. — За исключением припрятанных для оплаты за проезд и немного — на случай непредвиденных ситуаций. Что в таком случае будет, вероятно, означать также и оплату проезда Сеиварден.

— Что происходит с наркоманами в Радче?

— Их там нет. — (Она приподняла одну бровь, затем другую, выразив недоверие.) — Не на базах, — исправилась я. — Нельзя далеко зайти по этой дорожке, пока ИИ базы постоянно за тобой

наблюдает. На планете — там по-другому, она слишком велика для этого. Даже если ты доходишь до того, что перестаешь выполнять свои функции, тебя перевоспитывают и отправляют в другое место.

— Чтобы никого не смущать.

— Чтобы начать все сначала. Новое окружение, новое назначение. — И если ты прибыл откуда-то издалека, чтобы занять место, которое может занять почти каждый, все понимают почему, но никто не будет проявлять бестактность и говорить с тобой об этом. — Тебя беспокоит, что радчааи не вольны разрушить свою жизнь или жизни других граждан?

— Я бы так не сказала.

— Нет, разумеется, нет.

Она прислонилась к дверному косяку и сложила на груди руки.

— Для того, кто просит об услуге — к тому же невероятно, несказанно огромной и опасной услуге, — ты ведешь себя вызывающе, что в общем-то довольно неожиданно.

Я махнула рукой. *Уж как есть*.

— И он тебя раздражает. — Она наклонила голову в направлении Сеивардена. — И я думаю, это можно понять.

С моих губ чуть не сорвалось: «Я так рада, что ты понимаешь», но я сдержалась. Я хотела в конце концов, получить невероятно, несказанно огромную и опасную услугу.

— Все деньги в коробке, — сказала я. — Тебе хватит их, чтобы купить землю, или комнаты на базе, или, черт, даже базу.

— Ну, очень маленькую. — Ее губы изогнулись в улыбке.

— И его у тебя больше не будет. Опасно даже увидеть его разок, но куда хуже на самом деле владеть им.

— А ты, — указала она, выпрямившись и уронив руки, и голос ее звучал теперь серьезно, — предложишь его непосредственно вниманию лорда Радча, которому легко будет установить его связь со мной.

— Такая опасность будет существовать всегда, — согласилась я. Я даже притворяться не стану, что, как только попаду под контроль Мианнаи, она не сможет извлечь из меня любую информацию, какую пожелает, вне зависимости от того, что я захочу выдать или скрыть. — Но такая опасность существовала всегда, с того мгновения, как твой взгляд упал на него, и будет существовать до тех пор, пока ты жива, отдашь

ты его мне или нет.

Стриган вздохнула.

— Это правда. К несчастью. И по правде говоря, я отчаянно хочу домой.

Невероятно глупо. Но это не моя забота, мне нужно получить этот пистолет. Я промолчала. Стриган больше ничего не сказала. Она надела куртку и перчатки и вышла через две двери, а я села позавтракать, очень стараясь не думать, куда она направилась и могу ли я на что-то надеяться.

Стриган вернулась через пятнадцать минут с широкой и плоской черной коробкой. Поставила коробку на стол. Она казалась неразборным блоком, но Стриган, подняв толстый слой черного цвета, открыла под ним другой черный слой.

Она стояла и ждала с крышкой в руке, глядя на меня. Протянув руку, я прикоснулась к пятну на черном, одним пальцем, мягко. Из того места, до которого я дотронулась, распространился коричневый, отлившись в форму пистолета, на сей раз — в точности цвета моей кожи. Я отняла палец, и все опять стало черным. Я подняла другой слой черного, под которым оказалось нечто похожее на коробку тревожного, поглощающего свет черного цвета, полную патронов.

Стриган прикоснулась к поверхности черного

слоя, который я еще держала. Серый цвет словно потек с ее пальцев и улегся извивающейся толстой полосой вдоль лежащего пистолета.

— Я не поняла, что это. Ты знаешь?

— Это броня. — Офицеры и люди-солдаты использовали комплекты брони, которую носят снаружи, вместо такой, которую внедряют в тело. Как у меня. Но тысячу лет назад ее вживляли всем.

— На это ни разу не среагировала ни одна система безопасности, не заметил ни один сканер, через которые я проходила.

Именно *этого* я и хотела. Возможности пройти на любую радчаайскую базу, никому не давая знать о том, что вооружена. Возможности пронести оружие к самой Анаандер Мианнаи так, чтобы никто не узнал. Большинство Анаандер не нуждались в броне, так что иметь возможность пробить ее — это просто бонус.

Стриган спросила:

— Как он это делает? Как себя скрывает?

— Я не знаю. — Я опустила слой, который держала, а затем — самый верх.

— Как думаешь, сколько этих ублюдков ты сможешь убить?

Я подняла взгляд, оторвав его от коробки, от

пистолета — невероятной цели почти двадцатилетних усилий, который лежал передо мной, реальный и надежный. У меня под рукой. Я хотела сказать: *столько, сколько смогу достать, прежде чем меня уложат*. Но по правде говоря, я могла надеяться на встречу лишь с одним-единственным телом из тысяч. И опять-таки, по правде говоря, я и надеяться не могла отыскать этот пистолет.

— Это зависит от обстоятельств, — сказала я.

— Если ты собираешься осуществить отчаянный, безнадежный акт неподчинения, постарайся как следует.

Я выразила согласие жестом.

— Я планирую просить об аудиенции.

— И ты ее получишь?

— Наверное. Любой гражданин может просить об этом и почти наверняка получит ее. Я собираюсь пойти не как гражданин…

Стриган усмехнулась.

— Как же *ты* собираешься сойти за не-радчааи?

— Приду на причал дворца на периферии, без перчаток или в неправильных перчатках, сообщу об иностранном происхождении, говоря с акцентом. Больше ничего и не потребуется.

Она прищурилась. Нахмурилась.

— Не может быть.

— Я тебя уверяю. Как у негражданина мои шансы получить аудиенцию будут зависеть от причин, по которым я стану ее просить. — Я пока еще не продумала до конца эту часть плана. Посмотрим, что я обнаружу, когда туда доберусь. — Некоторые детали невозможно спланировать слишком заранее.

— А что ты собираешься делать с… — Она махнула рукой без перчатки в сторону спящей Сеиварден.

Я избегала задавать этот вопрос самой себе. С того мгновения как я нашла Сеиварден, я думала о том, что собираюсь с ней делать не далее чем на шаг вперед.

— Следи за ним, — сказала она. — Он уже мог прийти к тому, чтобы бросить кеф навсегда, но я не думаю, что это произошло.

— Почему нет?

— Он не просил меня о помощи.

Наступил мой черед скептически приподнять бровь.

— А если бы он попросил, ты бы помогла?

— Я бы сделала, что смогла. Хотя, конечно, ему прежде всего надо задуматься о проблемах,

которые привели его к этому, если говорить о долгосрочном эффекте. А я не вижу никаких признаков того, что он это делает. — (Про себя я согласилась с этим, но ничего не сказала.) — Он мог бы попросить помощи в любое время, — продолжала Стриган. — Он ведь болтался так лет пять по крайней мере? Ему помог бы любой врач, если б он этого захотел. Но это означало бы признание, что у него есть проблема, не так ли? Не думаю, что это случится в обозримом будущем.

— Было бы лучше, если бы она… если бы он вернулся в Радч. — Радчаайские врачи могли бы решить все ее проблемы. И не терзаться тем, попросила у них помощи Сеиварден или нет, и вообще хотела ли она помощи.

— Он не вернется в Радч, пока не признает, что у него есть проблема.

Я показала движением руки: *не моя забота.*

— Он может отправляться куда угодно.

— Но ты его кормишь и, несомненно, оплатишь ему проезд до той системы, куда отправишься дальше. Он останется с тобой столько, сколько ему будет выгодно, пока будет еда и кров. И он стянет все, что сможет обеспечить ему порцию кефа.

Сеиварден уже не так сильна, как прежде, и не

так ясно мыслит.

— Думаешь, он легко найдет что стянуть?

— Нет, — признала Стриган, — но он будет очень настойчив.

— Да.

Стриган тряхнула головой, будто для того, чтобы в ней прояснилось.

— Зачем я это делаю? Ты же меня не послушаешь.

— Я слушаю.

Но она явно мне не верила.

— Это меня не касается. Я знаю. Просто… — Она указала на черную коробку. — Просто убей столько Мианнаи, сколько сможешь. И не отправляй его за *мной*.

— Ты уезжаешь?

Конечно же, она собиралась уехать, вопрос был глупый, и Стриган не потрудилась ответить. Она вернулась в свою комнату, больше ничего не сказав, и закрыла дверь.

Я открыла свой рюкзак, вытащила деньги и положила их на стол, а на их место засунула черную коробку. Прикоснулась к ней так, чтобы она исчезла и остались лишь сложенные рубашки и несколько пакетов сухой пищи. Затем я подошла туда, где лежала Сеиварден, и пнула ее ногой в

ботинке.

— Просыпайся. — (Она очнулась, резко села и, тяжело дыша, откинулась спиной на ближайшую скамью.) — Просыпайся, — повторила я. — Мы уезжаем.

ГЛАВА 12

За исключением тех часов, когда была нарушена связь, я никогда на самом деле не теряла ощущения, что являюсь частью «Справедливости Торена». Мои километры белостенного коридора, мой капитан, командиры подразделений, лейтенанты каждого подразделения, малейшее движение каждого из них, каждый вздох — все это я видела. Я никогда не утрачивала восприятия своих вспомогательных компонентов, объединенных в двадцатки: Один Амаат, Один Торен, Один Этрепа, Один Бо и Два Эск, — руками и ногами для обслуживания моих офицеров, голосами, чтобы говорить с ними. Тысячи моих вспомогательных компонентов пребывают в анабиозе. Я никогда не теряла из виду саму Шиз'урну, всю голубую и белую, со старыми границами и округами, которых отсюда было не видно. Из этой дали события в Орсе были ничтожными, невидимыми, совершенно несущественными.

В челноке, который приближался к «Справедливости Торена», я чувствовала, как сокращается расстояние, и все сильнее ощущала себя кораб-

лем. Один Эск стала даже чем-то большим, чем была всегда, — маленькой частью меня. Мое внимание больше не отвлекалось ничем, кроме остального корабля.

Пока Один Эск находилась на планете, Два Эск занимала ее место. Два Эск готовила чай в кающе подразделения Эск для его лейтенантов — моих лейтенантов. Она оттирала белостенный коридор возле душевых, чинила форму, порванную за время пребывания в отпусках. Двое моих лейтенантов сидели над настольной игрой в кают-компании подразделения, переставляя шашки быстро и тихо, трое других наблюдали за игрой. Лейтенанты подразделений Амаат, Торен, Этрепа и Бо, командиры подразделений, сотенный капитан Рубран, офицеры-управленцы и врачи разговаривали, спали, мылись в соответствии со своими распорядками дня и предпочтениями.

В каждом подразделении — двадцать лейтенантов и командир, но палуба Эск теперь — самая нижняя из моих занятых палуб. Под Эск, от палубы Вар и ниже, — половина моих палуб для подразделений были холодными и пустыми, хотя хранилища все еще полны. Пустота и тишина, царившие в этих пространствах, где некогда жи-

ли офицеры, сначала беспокоили меня, но я уже привыкла к этому.

На челноке лейтенант Оун молча сидела перед Один Эск, стиснув челюсти. В некоторых отношениях она находилась в более физически комфортных условиях, чем когда бы то ни было на Орсе: температура двадцать градусов по Цельсию больше подходила для ее форменной куртки и брюк. И зловоние болотной воды заменил более знакомый и легче переносимый запах повторно используемого воздуха. Но крохотные пространства, которые вызывали в ней чувство гордости за полученное назначение и предвкушение того, что готовит ей будущее, когда она впервые прибыла на «Справедливость Торена», теперь казались ей западней. Она была на взводе и чувствовала себя несчастной.

Тиунд, командир подразделения Эск, сидела в своем крошечном кабинете. В нем помещались только два стула и стол у стены, одна полка — и было немного места, которого, возможно, хватило бы двум стоящим людям.

— Лейтенант Оун вернулась, — сказала я ей и сотенному капитану Рубран на командной палубе. Челнок с глухим ударом пристыковался.

Капитан Рубран нахмурилась. Новость о вне-

запном возвращении лейтенанта Оун поразила и привела ее в смятение. Этот приказ пришел непосредственно от Анаандер Мианнаи, которой нельзя задавать вопросов. Одновременно поступили указания не расспрашивать о том, что произошло.

В своем кабинете на палубе Эск командир Тиунд вздохнула, закрыла глаза и сказала:

— Чаю. — Она молча ждала, когда Два Эск принесет ей чашку и термос, нальет чай и поставит то и другое под рукой командира. — Пусть она придет ко мне при первой возможности.

Один Эск сосредоточила внимание главным образом на лейтенанте Оун, которая, выйдя из лифта, пробиралась узкими белыми коридорами, ведущими в подразделение Эск, к ее собственной каюте. Я уловила ее облегчение, когда она обнаружила, что эти коридоры пусты, не считая Два Эск.

— Командир Тиунд примет тебя при первой возможности, — сказала я лейтенанту Оун, передав ей это напрямую. Входя в коридоры палубы Эск, она подтвердила получение сообщения коротким движением пальцев.

Два Эск покидала палубу, следуя по коридору к хранилищу и ожидающим там отсекам времен-

ной приостановки жизнедеятельности, а Один Эск подхватывала задачи, которые выполняла Два Эск, а также сопровождала лейтенанта Оун. Выше, на медицинской палубе, медтехник начала готовить то, что ей было нужно для замены недостающего сегмента Один Эск.

У двери ее маленькой каюты — той же, которая тысячу лет назад принадлежала лейтенанту Сеиварден, — лейтенант Оун повернулась, чтобы что-то сказать сопровождавшему ее сегменту, и остановилась.

— Что? — спросила она мгновение спустя. — Что-то не так, в чем дело?

— Прошу извинить меня лейтенант, — сказала я. — В течение нескольких минут медтехник подсоединит новый сегмент. Я могу ненадолго стать невосприимчивой.

— Невосприимчивой, — повторила она, на мгновение будто застыв на месте, но почему — я не могла понять. Затем ее захлестнуло чувство вины и гнева. Постояв перед закрытой дверью своей каюты, она сделала два вдоха, развернулась и направилась по коридору к лифту.

Нервная система нового сегмента должна в какой-то степени функционировать, чтобы подсоединение осуществилось. В прошлом это пыта-

лись проделать с мертвыми телами и потерпели неудачу. То же самое с телами в медикаментозном сне — подключение никогда не проходило должным образом. Иногда новому сегменту дают транквилизатор, но время от времени медтехник просто размораживает новое тело и быстро подключает его без успокоительного. Такой подход исключал непредсказуемый этап воздействия седативного средства, но всегда гарантировал неприятное подключение.

Именно эта медтехник не сильно заботилась о том, чтобы мне было приятно. Она, разумеется, и не обязана была об этом заботиться.

Лейтенант Оун вошла в лифт, который доставил ее на медицинскую палубу в то мгновение, когда медтехник привела в действие механизм, открывающий отсек временной приостановки жизнедеятельности. Крышка распахнулась, и сотую долю секунды тело оставалось неподвижным и очень холодным в резервуаре с раствором.

Медтехник выкатила тело, с которого схлынула жидкость, из отсека на стоящий рядом стол, и в ту же секунду оно очнулось, стало судорожно дергаться, задыхаться и давиться. Консервирующее средство легко и без специальных усилий выскальзывает из горла и легких, но первые по-

пытки дышать просто обескураживают. Выйдя из лифта, лейтенант Оун пошла по коридору с Один Эск Восемнадцать, следующей вплотную за ней.

Медтехник быстро принялась за дело, и неожиданно я оказалась на столе (я шла за лейтенантом Оун; я чинила одежду, которую оставила Два Эск на пути в хранилище; я ложилась на свои маленькие, узкие койки; я протирала столешницу в кают-компании подразделения), и я видела и слышала, но никак не управляла новым телом, и охвативший его ужас повысил частоту пульса у всех сегментов Один Эск. Рот нового сегмента открылся, и он завопил и услышал смех рядом. Я задвигала руками и ногами, крепления развязались, и, скатившись со стола, я упала на пол с полутораметровой высоты с болезненным глухим стуком. «Не надо, не надо, не надо», — мысленно говорила я этому телу, но оно не слушало. Его тошнило, оно было напугано, оно умирало. Оно собралось и поползло, испытывая головокружение, туда, где его ничто не волновало, пока оно оттуда не выпало.

Затем — руки у меня под мышками (в других местах Один Эск замерла), влекущие меня вверх, и лейтенант Оун.

— Помоги, — прохрипела я не на радчааи.

Проклятый врач вытащил тело без приличного голоса. — Помоги мне.

— Все в порядке. — Лейтенант Оун разжала руки и, обняв нового сегмента, притянула меня поближе. Он дрожал, ему по-прежнему было холодно после анабиоза и от ужаса. — Все в порядке. Все будет в порядке.

Сегмент глотал воздух и всхлипывал; казалось, этому не будет конца, и я подумала, что его, возможно, вывернет… пока процесс подключения наконец не завершился и он не оказался в моей власти. Я прекратила всхлипывать.

— Ну вот, — сказала лейтенант Оун. Возмущенная. Чувствуя тошноту. — Так гораздо лучше. — Я видела, что она снова злилась, или, возможно, это эхо страдания после того, что было в храме. — Не причиняй вреда моему сегменту, — отрывисто и резко произнесла лейтенант Оун, и я осознала, что, глядя по-прежнему на меня, она говорила с медтехником.

— Я ничего такого не сделала, лейтенант, — ответила медтехник с некоторым пренебрежением в голосе.

У них уже был подобный разговор, более длительный и ожесточенный, во время аннексии. Она тогда заявила: «Это же не человек. Оно про-

лежало в хранилище тысячу лет, это всего лишь часть корабля». Лейтенант Оун пожаловалась командиру Тиунду — та не поняла, отчего так рассердилась лейтенант, и так ей и сказала, но после этого я больше не имела дела с этим врачом.

— Если ты столь щепетильна, — продолжила врач, — быть может, ты не на своем месте.

Лейтенант Оун в ярости развернулась и вышла, не сказав больше ни слова. Я повернулась и приблизилась к столу, слегка волнуясь. Этот сегмент уже противился, и я знала, что этого врача совершенно не трогает, будет ли мне больно, когда она вставит броню и остальные имплантаты.

Вначале, пока я привыкала к новому сегменту, он всегда был очень неуклюжим, время от времени ронял предметы, от него исходили сбивающие с толку импульсы, он испытывал приступы то страха, то тошноты. Все шло, казалось, наперекосяк. Но через неделю или две он успокаивался — по большей части. Иногда сегмент так и не начинал функционировать нормально, и его следовало удалить и заменить. Тела, конечно, обследуют, но гарантий это не дает.

Его голос оказался не таким, какие мне нравились, и он не знал никаких интересных песен. Таких, что я бы не знала. Я никак не могла изба-

виться от некоторого определенно абсурдного подозрения, что медтехник выбрала именно это тело, чтобы меня позлить.

После быстрого мытья, в котором я оказала содействие, и переодевания в чистую форму лейтенант Оун предстала перед командиром Тиунд.

— Оун. — Командир подразделения указала лейтенанту на стул напротив. — Я рада, разумеется, что ты вернулась.

— Благодарю, командир, — сказала лейтенант Оун, садясь.

— Я не ожидала увидеть тебя так скоро. Я была уверена, что ты пробудешь внизу несколько дольше. — Лейтенант Оун не ответила. Командир Тиунд подождала пять секунд в тишине, а затем сказала: — Я бы спросила, что произошло, но мне приказано этого не делать.

Лейтенант Оун открыла рот, вдохнула, чтобы заговорить, и остановилась в удивлении. Я ничего не сказала ей о приказах не спрашивать о случившемся. Лейтенанту Оун соответствующих приказов ничего никому не говорить не поступало. Я подозревала, что это некая проверка, которую — я была в этом вполне уверена — лейтенант Оун пройдет.

— Что, плохо? — спросила командир Тиунд.

Жаждая узнать больше, искушая судьбу уже этим вопросом.

— Да, командир. — Лейтенант Оун опустила взгляд на свои руки в перчатках, лежащие на коленях. — Очень.

— Твоя вина?

— Все, что у меня под надзором, — на моей ответственности, не так ли, командир?

— Да, — подтвердила командир Тиунд. — Но я с трудом представляю, чтобы ты сделала что-нибудь… неправильное. — Это слово было очень важным на радчааи, имея отношение к триаде справедливости, правильности и пользы. Используя его, командир Тиунд подразумевала нечто большее, чем просто ожидание, что лейтенант Оун будет следовать уставу или профессиональной этике. Она намекала на свои подозрения, что за произошедшими событиями таилась некая несправедливость. Хотя она, несомненно, не могла сказать это простым языком — она не знала никаких обстоятельств дела и, конечно, не желала создать впечатление, что они ей известны. И если лейтенанту Оун предстояло наказание за некое нарушение, она не хотела открыто принимать сторону Оун вне зависимости от своего частного мнения.

Командир вздохнула — возможно, из-за подавленного любопытства.

— Ладно, — продолжила она с наигранной живостью. — Теперь у тебя много времени, чтобы налечь на спортзал. И ты изрядно отстала в подтверждении сертификата снайпера.

Лейтенант Оун выдавила лишенную веселья улыбку. В Орсе не было ни спортзала, ни места, хотя бы отдаленно напоминающего стрельбище.

— Есть, командир.

— И, лейтенант, пожалуйста, не поднимайся на медицинскую палубу, если только не будет действительно нужно.

Я видела, что лейтенант Оун хотела возразить, пожаловаться. Но это тоже оказалось бы повторением уже состоявшегося некогда разговора.

— Есть, командир.

— Свободна.

К тому времени как лейтенант Оун наконец вошла в свою каюту, почти наступило время ужина — официального приема пищи в кают-компании вместе с другими лейтенантами Эск. Лейтенант Оун сослалась на изнеможение — и это на самом деле не было ложью: она спала менее шести часов с тех пор, как покинула Орс почти три дня назад.

Она сидела на своей койке согнувшись, с ши-

роко раскрытыми глазами, пока не вошла я, расшнуровала ее ботинки и сняла куртку.

— Ладно, — сказала она тогда, закрыла глаза и подняла ноги на койку. — Я поняла намек. — Она уснула через пять секунд после того, как опустила голову на постель.

На следующее утро восемнадцать из двадцати моих лейтенантов Эск стояли в кают-компании подразделения, пили чай и ждали завтрака. По традиции они не садились за стол без самого старшего лейтенанта.

Стены кают-компании подразделения Эск — белые, с сине-желтым бордюром, проведенным прямо под потолком. На одной стене, напротив длинной стойки, прикреплены трофеи прошлых аннексий: обрывки двух флагов, красного и черно-зеленого; розовая керамическая черепица с выпуклым узором из листьев; древний револьвер (незаряженный) и его элегантная кобура; украшенная драгоценными камнями гаонианская маска. Целое окно из вальскаайского храма с витражом из цветного стекла: женщина с метлой в одной руке, у ее ног — три маленьких животных. Я помню, как сама извлекла его из стены и принесла сюда. В каждой кают-компании на корабле было по окну из того же здания. Облачение свя-

щенников и храмовая утварь были выброшены на улицу или оказались в кают-компаниях на других кораблях. Обычной практикой являлось поглощение любой религии, которая встречалась Радчу, ее боги вписывались в и так уже сбивающую с толку своей сложностью генеалогию, либо просто говорилось, что верховное божество, создатель — это Амаат под другим именем, а остальным предоставлялась возможность разобраться самостоятельно. Какая-то особенность вальскаайской религии сделала это трудным для жителей планеты, и результат оказался пагубным. В числе недавних перемен в политике Радча Анааидер Мианнаи узаконила настойчиво обособленную вальскаайскую религию, и губернатору Вальскаая вернули здание. Поговаривали о возвращении окон, поскольку мы в то время еще находились на орбите вокруг самого Вальскаая, но в конце концов их заменили копиями. Немного спустя все палубы ниже Эск были опустошены и закрыты, но окна по-прежнему висели на стенах пустых и темных кают-компаний подразделений.

Вошла лейтенант Иссаайа, направилась прямо к иконе Торена в угловой нише и зажгла курильницу в красной чаше у подножия иконы. Шесть

офицеров нахмурились, а двое удивленно заворчали. Высказалась только лейтенант Дариет:

— Разве Оун не придет к завтраку?

Лейтенант Иссаайа повернулась к лейтенанту Дариет с выражением удивления на лице, которое, насколько я могла судить, было неискренним, и сказала:

— О милость Амаата! Я совершенно забыла, что Оун вернулась.

Позади группы надежно скрытая от взора лейтенанта Иссаайи один очень юный лейтенант метнула взгляд на другого очень юного лейтенанта.

— Было так тихо, — продолжила лейтенант Иссаайа. — Трудно поверить, что она вернулась.

— Тишина и хладный пепел, — процитировала младший лейтенант, проявив большую отвагу, чем ее соседка, и получила в ответ многозначительный взгляд. Цитируемое стихотворение — это элегия по тому, чьими погребальными приношениями намеренно пренебрегли. Я видела, что лейтенант Иссаайа в некотором замешательстве: в следующей строке говорилось о приношении пищи, не сделанном для почившего, и младший лейтенант могла предположительно критиковать лейтенанта Оун за то, что она не

пришла к ужину накануне вечером или к завтраку этим утром.

— Это действительно Один Эск, — сказала другой лейтенант, скрывая свою ухмылку после остроты юного лейтенанта, внимательно присмотревшись к сегментам, которые в эту минуту выставляли на стойку тарелки с рыбой и фруктами. — Может быть, Оун отучила ее от дурных привычек? Надеюсь, что так.

— Почему так тихо, Один? — спросила лейтенант Дариет.

— О, только не это, — проворчала другой лейтенант. — Слишком рано для этого шума.

— Если это из-за Оун, мило с ее стороны, — сказала лейтенант Иссаайа. — Хотя она немного опоздала.

— Как сейчас, — сказала лейтенант, стоявшая рядом с ней. — Дай мне пищи, покуда я еще жива. — Еще одна цитата, еще одна отсылка к погребальным приношениям и опровержение на тот случай, если младший лейтенант предназначала свой выпад в неверном направлении. — Так она идет или нет? Если не идет, ей следовало так и сказать.

В это мгновение лейтенант Оун была в душевой, и я ей прислуживала. Я могла бы сказать

лейтенантам, что лейтенант Оун вскоре появится, но я ничего не сказала, а только заметила уровень и температуру чая в черных стеклянных чашах, которые держали лейтенанты, и продолжала выкладывать блюда с завтраком.

Рядом со своим арсеналом я чистила свои двадцать винтовок, чтобы складировать их вместе с боеприпасами. В каждой из кают моих лейтенантов я сняла белье с их коек. Офицеры подразделений Амаат, Торен, Этрепа и Бо завтракали и оживленно разговаривали. Капитан ела с командирами подразделений, ведя более спокойную, рассудительную беседу. Один из моих челноков приближался ко мне, четыре лейтенанта Бо возвращались из отпуска, пристегнутые ремнями к своим креслам, в бессознательном состоянии. Они будут очень несчастны, когда очнутся.

— Корабль, — сказала лейтенант Дариет, — присоединится ли к нам лейтенант Оун на завтраке?

— Да, лейтенант, — ответила я голосом Один Эск Шесть. В ванне я поливала водой лейтенанта Оун, которая стояла с закрытыми глазами на решетке над водостоком. Ее дыхание было ровным, но пульс — несколько учащенным, и у нее проявлялись другие признаки стресса. Я

была почти убеждена, что ее опоздание не случайно и спланировано для того, чтобы вымыться в одиночестве. Не потому, что она не смогла бы справиться с лейтенантом Иссаайа, — она, безусловно, могла. Но потому, что она все еще терзалась из-за событий прошедших дней.

— Когда? — спросила лейтенант Иссаайа, чуть нахмурившись.

— Примерно через пять минут, лейтенант.

Раздались многочисленные стоны.

— Лейтенанты, она же старшая среди нас! — напомнила лейтенант Иссаайа. — И все мы должны проявлять терпение по отношению к ней — именно сейчас. Такое внезапное возвращение, когда все мы думали, что Божественная *никогда* не согласится, чтобы она покинула Орс.

— Разочаровалась она в ней, что ли? — презрительно усмехнулась лейтенант, что стояла рядом с Иссаайа. Она была близка с лейтенантом Иссаайа не в одном смысле слова. Никто из них не знал, что произошло, и не мог спрашивать. А я, разумеется, ничего не сказала.

— Непохоже, — ответила лейтенант Дариет, ее голос прозвучал чуть громче, чем обычно. Она рассердилась. — Не может быть — после пяти лет.

Я взяла термос с чаем, отвернулась от стойки, подошла к лейтенанту Дариет и налила одиннадцать миллилитров чая в почти полную чашку, которую она держала.

— Конечно, тебе нравится лейтенант Оун, — сказала лейтенант Иссаайа. — Нам всем она нравится. Но у нее не то *происхождение*. Она не была рождена для этого. Она так тяжко трудится над тем, что дается нам само собой. Меня не удивит, если пять лет — это все, что она смогла вынести, не сломавшись. — Она посмотрела на пустую чашку в руке, затянутой в перчатку. — Мне нужно еще чаю.

— Ты думаешь, что справилась бы лучше на месте Оун? — заметила лейтенант Дариет.

— Что толку предполагать, — ответила лейтенант Иссаайа. — Факты есть факты. Есть причина, по которой Оун была старшим лейтенантом Эск задолго до того, как все мы здесь появились. Очевидно, что у Оун есть способности, в противном случае она никогда бы не справилась со всем так хорошо, но она достигла своего предела. — (Раздался тихий шепот согласия.) — Ее родители — *повара*, — продолжила лейтенант Иссаайа. — Я уверена, они великолепны в своем деле. Я уверена, что она изумительно справилась

бы с кухней.

Три лейтенанта захихикали.

— Неужели? — сказала лейтенант Дариет, и ее голос прозвучал твердо и резко.

В конце концов лейтенант Оун, одетая с иголочки — я сделала с ее формой все, что могла, — вышла из гардеробной в коридор и оказалась в пяти шагах от кают-компании подразделения.

Лейтенант Иссаайа, заметив настроение лейтенанта Дариет, испытала знакомое двойственное чувство. Лейтенант Иссаайа старше, но клан лейтенанта Дариет — древнее и богаче, чем семейство лейтенанта Иссаайа, и ветвь клана, к которой принадлежит Дариет, — непосредственные клиенты знаменитой ветви самой Мианнаи. Теоретически все это не имело здесь никакого значения. Теоретически.

Все данные, которые я получала тем утром от лейтенанта Иссаайа, говорили о том, что она подспудно испытывает негодование, становившееся сильнее с каждой минутой.

— Управление кухней — это весьма почтенное занятие, — заявила лейтенант Иссаайа. — Но я могу лишь представить себе, как это, должно быть, трудно — воспитываться как слуга и, вместо того чтобы получить действительно подходя-

щее назначение, оказаться облеченной такой властью. Ведь не каждый создан быть офицером. — Дверь открылась, и лейтенант Оун вошла в то мгновение, когда последняя фраза слетела с языка лейтенанта Иссаайа.

В кают-компании наступила тишина. Лейтенант Иссаайа выглядела спокойной и беспечной, но при этом смутилась. Она явно не намеревалась, да и никогда не посмела бы, — сказать такое лейтенанту Оун открыто.

Только лейтенант Дариет заговорила:

— Доброе утро, лейтенант.

Лейтенант Оун не ответила, даже не взглянула на нее, но прошла в угол комнаты, где находилась фигурка Торена и чаша с воскуряемым фимиамом. Оун поклонилась фигурке, а затем, взглянув на чашу, слегка нахмурилась. Как и прежде, ее мышцы напряглись, пульс ускорился, и я поняла, что она догадалась о содержании или, по крайней мере, о направлении разговора до своего прихода, поняла, кто не создан быть офицером.

Она повернулась.

— Доброе утро, лейтенанты. Я приношу извинения за то, что заставила вас ждать. — И без всякого дополнительного вступления приступила к утренней молитве: — Цветок справедливости

— это мир…

Остальные присоединились, и, когда они закончили, лейтенант Оун направилась к своему месту во главе стола и села. Не успели остальные рассесться, как я поставила перед ней чай и завтрак.

Я обслуживала остальных, а лейтенант Оун пригубила чай и начала есть.

Лейтенант Дариет взяла со стола вилку.

— Хорошо, что ты вернулась. — Ее голос прозвучал резковато, она с трудом скрывала ярость.

— Благодарю, — сказала лейтенант Оун и откусила еще рыбы.

— Мне по-прежнему нужен чай, — сказала лейтенант Иссаайа. Остальные офицеры за столом напряглись и замолкли, наблюдая. — Тишина — это прекрасно, но, возможно, произошло некоторое снижение эффективности.

Лейтенант Оун прожевала, проглотила, хлебнула чаю.

— Прошу прощения?

— Тебе удалось заставить замолчать Один Эск, — объяснила лейтенант Иссаайа, — но… — Она подняла свою пустую чашку.

В это мгновение я оказалась у нее за спиной с термосом и наполнила чашку.

Лейтенант Оун, подняв руку в перчатке, указала на спорность утверждения лейтенанта Иссаайа.

— Я не заставляла Один Эск умолкнуть. — Она посмотрела на сегмент с термосом и нахмурилась. — Во всяком случае не умышленно. Давай, пой, если хочешь, Один Эск. — Дюжина лейтенантов заворчали. Лейтенант Иссаайа неискренно улыбнулась.

Лейтенант Дариет, не дожевав кусок рыбы, произнесла:

— Мне нравится пение. Это красиво. И это отличительная особенность.

— Это как-то сбивает с толку, вот что, — ответила лейтенант, близкая лейтенанту Иссаайа.

— Я не нахожу, что это сбивает с толку, — заявила лейтенант Оун несколько сухо.

— Разумеется, нет, — сказала лейтенант Иссаайа, в двусмысленности слов которой таилась злоба. — Отчего ж тогда ты такая тихая, Один?

— Я была занята, лейтенант, — ответила я. — И я не хотела беспокоить лейтенанта Оун.

— Твое пение не беспокоит меня, Один, — произнесла лейтенант Оун. — Мне жаль, что ты так подумала. Пожалуйста, пой, если хочешь.

Лейтенант Иссаайа подняла бровь.

— Извинение? И *пожалуйста*? Это уже слиш-

ком.

— Вежливость, — сказала лейтенант Дариет, голос которой прозвучал нехарактерно чопорно, — всегда уместна и всегда полезна.

Лейтенант Иссаайа ухмыльнулась:

— Спасибо, мама.

Лейтенант Оун промолчала.

Через четыре с половиной часа после завтрака челнок, несущий домой из отпуска тех четырех лейтенантов подразделения Два Бо, пристыковался.

Они пили не просыхая три дня и продолжали это занятие, пока не покинули базу Шиз'урны. Первая из них прошла, покачиваясь, через переходной шлюз и закрыла глаза.

— Врача, — выдохнула она.

— Они тебя ожидают, — сказала я через сегмент Один Бо, который там поставила. — Тебе нужна помощь, чтобы добраться до лифта?

Лейтенант сделала слабую попытку отмахнуться от моего предложения и медленно пошла по коридору, опираясь одним плечом о стену.

Я поднялась на борт челнока, выйдя за границу своего искусственно создаваемого тяготения, — челнок был слишком мал, чтобы иметь собственное. Два офицера, сами еще не протрезвевшие,

пытались разбудить четвертого, который вырубился в кресле. Пилот — самый молодой из офицеров Бо — застыла на своем месте, и на ее лице была написана тревога. Сначала я подумала, что ее волнение вызвано зловонием пролитой араки и рвоты, — к счастью, первая была, очевидно, пролита на самих лейтенантов на базе Шиз'урны, а почти вся масса второй попала в соответствующие емкости, — но затем я (Один Бо) посмотрела в сторону кормы и увидела трех Анаандер Мианнаи, которые располагались, молчаливо и невозмутимо, на задних сиденьях. Для меня она была *не там.* Она, вероятно, взошла на борт на базе Шиз'урны, не привлекая всеобщего внимания. Сказала пилоту ничего мне не говорить. Остальные, как я подозревала, были слишком пьяны, чтобы ее заметить. Я вспомнила, как она спросила на планете о том, когда посещала меня в прошлый раз. О моей необъяснимой и рефлексивной *лжи.* Когда она действительно была здесь, это выглядело во многом именно так.

— Мой лорд, — сказала я, когда все лейтенанты Бо оказались за пределами слышимости, — я уведомлю сотенного капитана.

— Нет, — ответила одна Анаандер. — Твоя палуба Вар пуста.

— Да, мой лорд, — подтвердила я.

— Я останусь там, пока буду на борту. — Больше ничего: ни зачем, ни на какое время, ни когда я смогу сказать капитану, что делаю. Я была обязана подчиняться Анаандер Мианнаи, даже через голову своего капитана, но я редко получала приказ от одного без ведома другого. Я почувствовала себя неловко.

Я послала сегменты Один Эск извлечь Один Вар из хранилища, запустила на прогрев одну секцию палубы Вар. Три Анаандер Мианнаи отказались от моего предложения помочь с багажом и понесли свои вещи вниз, на Вар.

Это уже случалось раньше, на Вальскаае. Мои нижние палубы были в основном пусты, поскольку значительная часть моих войск была извлечена из хранилищ и работала. Она оставалась тогда на палубе Эск. Что она хотела в тот раз и что сделала?

К своему смятению, я обнаружила, что ответ ускользает от меня, оставаясь неясным, тайным. Это неправильно. Это совершенно неправильно.

Между палубами Эск и Вар находится прямой доступ к моему мозгу. Что же она сделала на Вальскаае, чего я не помнила, и что собиралась сделать сейчас?

ГЛАВА 13

Дальше к югу снега и льда становилось все меньше, хотя по не нильтианским стандартам было все еще холодно. Нильтиане относились к экваториальной области как к своего рода тропическому раю, где могли расти хлебные злаки, а температура легко превышала восемь-девять градусов по Цельсию. Большинство крупных нильтианских городов расположено в экваториальном кольце или возле него.

То же относится и к единственному, чем могла хоть как-то прославиться эта планета, — к стеклянным мостам.

Они представляют собой черные ленты примерно пятиметровой ширины, висящие ровными цепными линиями надо рвами, ширина которых почти равна их глубине и измеряется километрами. Никаких тросов, никаких опор, никаких ферм.[2] Только черная дуга, прикрепленная с каждой стороны к отвесной скале. С нижней стороны мостов свисали причудливые комбинации колец и стержней из цветного стекла, иногда

[2] Примечания: 2
Ферма — стержневая опорная конструкция.

выступая по сторонам.

Сами мосты, согласно всем исследованиям, также сделаны из стекла, хотя стекло ни за что не могло бы противостоять такой нагрузке, какую выдерживают эти мосты, — даже их собственный вес слишком велик для них, притом что они подвешены без всякой поддержки. Нет никаких поручней или опоры для рук, только подвеска, а внизу, на расстоянии километров, скопление толстостенных труб, полтора метра в диаметре каждая, пустых и с гладкими стенками. Из того же материала, что и мосты. Никто не знает ни для чего эти мосты и трубы под ними, ни кто их построил. Они были здесь, когда люди впервые колонизировали Нильт.

Теорий о них полным-полно, одна другой невероятнее. Во многих видное место занимают иномирные существа, либо создавшие, либо приспособившие человечество под свои цели, либо оставившие людям — по непонятным причинам — послание, которое тем надлежит расшифровать. В других они были злобными и решительно настроенными погубить все живое, а эти мосты являлись частью их плана.

Некоторые заявляли, что мосты были построены людьми — некоей древней, давно пропавшей,

неимоверно прогрессивной цивилизацией, которая либо вымерла (медленно, трогательно либо эффектно, из-за какой-то катастрофической ошибки), либо перешла на более высокий уровень существования. Приверженцы такого рода теорий часто заявляют, что Нильт на самом деле колыбель человечества.

Почти везде, где я побывала, народная мудрость гласит, что местонахождение первоначальной планеты человечества неизвестно, таинственно. Это не так — как обнаружит любой, кто даст себе труд почитать что-то на эту тему, эта планета расположена очень, очень, *очень* далеко почти отовсюду и не особенно интересна. Или по крайней мере, далеко *не так* интересна, как завораживающая мысль, что твой народ не понаехал откуда-то, а просто снова заселил место, которым владел с начала времен. Такие притязания появляются на любой планете, хотя бы отдаленно подходящей для заселения людьми.

Мост на окраине Террода не слишком привлекателен для туристов. Большинство сверкающих, подобно драгоценным камням, стеклянных орнаментов разбились за тысячи лет, оставив его почти без украшений. И Террод все-таки слишком далеко на севере, чтобы ненильтианам было

здесь комфортно. Инопланетные посетители обычно ограничиваются лучше сохранившимися мостами на экваторе, покупают одеяло из бобьей шерсти гарантированно ручной работы, от подлинных мастеров из невыносимо холодных далей планеты (хотя почти наверняка все это массово производится на станках в нескольких километрах от сувенирной лавки), с трудом проглатывают немного зловонного сброженного молока и возвращаются домой, чтобы попотчевать друзей и товарищей россказнями о своих приключениях.

Все это я выяснила за несколько минут, узнав, что мне понадобится посетить Нильт, чтобы достигнуть своей цели.

Террод стоит на широкой реке, по которой несутся, сталкиваясь и с грохотом раскалываясь, глыбы зелено-белого льда, первые корабли открывшегося сезона уже пришвартованы у причалов. На противоположной стороне города темная громада моста решительно ограничивает беспорядочно разбросанные дома. На южной окраине находятся стоянки флаеров, а за ними — обширный комплекс зданий, выкрашенных в синий и желтый цвета, судя по виду — медицинский центр, должно быть крупнейший в регионе.

Он окружен кварталами жилых домов и продовольственными магазинами — рядами зданий ярких цветов: розового, оранжевого, желтого, красного, раскрашенных в полоску, зигзагами и штрихами.

Мы летели полдня. Я могла бы лететь всю ночь, я на это способна, хотя было бы неприятно. Но я не видела необходимости спешить. Я опустилась на первое свободное место, которое нашла, строго велела Сеиварден выходить и вышла сама. Забросив за спину рюкзак, я оплатила парковку, деактивировала флаер, как делала это у дома Стриган, и направилась в город, не оглядываясь, чтобы узнать, идет ли за мной Сеиварден.

Я сняла жилье возле медицинского центра. Некоторые из окружающих его домов были роскошны, но многие — меньше размерами и не такие удобные, как тот, что я снимала в деревне, где нашла Сеиварден, хотя и несколько дороже. Приходили и уходили южане в ярких куртках, говорившие на языке, которого я не понимала. Другие говорили на том, что я знала, и, к счастью, именно на этом языке были вывески.

Я выбрала комнату попросторнее — самые дешевые норы были размером с отсек для временной приостановки жизнедеятельности, и

повела Сеиварден в первый чистый и с умеренными ценами продуктовый магазин, который удалось найти.

Когда мы вошли, Сеиварден оглядела полки с бутылками на дальней стене.

— У них есть арака.

— Она будет невероятно дорогой, — сказала я, — и, скорее всего, не очень хорошей. Ее здесь не делают. Возьми пива.

Я видела признаки стресса, и она слегка ежилась от изобилия ярких цветов, поэтому я ожидала вспышки раздражения, но она просто выразила согласие движением руки. Потом с отвращением сморщила нос:

— Из чего они только его делают?

— Из хлебных злаков. Они растут у экватора. Там не так холодно.

Мы нашли места на скамьях, которые стояли вдоль трех рядов длинных столов, и официантка принесла нам пива и тарелки с фирменным, как она выразилась, блюдом, добавив на изувеченном подобии радчааи:

— *Суперпревосходная еда, да.*

И она на самом деле оказалась хорошей, в ней были настоящие овощи, и среди прочего — добрая порция тонко нашинкованной капусты. Куски

поменьше оказались мясом — вероятно, бова. Разломив ложкой надвое один из кусков побольше, Сеиварден обнаружила чистый белый цвет.

— Скорее всего, сыр, — заметила я.

Она состроила гримасу.

— Почему эти люди не могут есть *настоящую* еду? Они не знают, что к чему?

— Сыр — это настоящая еда. Так же как и капуста.

— Но этот соус…

— На вкус хороший. — Я зачерпнула еще ложку.

— Здесь как-то странно пахнет, — пожаловалась она.

— Просто ешь. — Она с сомнением посмотрела на свою тарелку, зачерпнула ложку, понюхала ее. — Это просто не может пахнуть хуже, чем то пойло из сброженного молока.

Как ни удивительно, она почти улыбнулась.

— Да.

Я отправила в рот еще ложку, обдумывая, что бы значило такое хорошее поведение. Я не была уверена, что понимала эти перемены в ее настроении, намерениях и в том, кем или чем она считает меня. Возможно, Стриган права, и Сеиварден решила, что выгоднее всего не отвра-

щать того, кто ее кормит, пока не появятся другие возможности.

Из-за другого столика раздался высокий голос:

— Привет!

Я повернулась — девочка с игрой Тиктик махала мне оттуда, где сидела с матерью. Сначала я удивилась, но мы были возле медицинского центра, куда они повезли своего раненого родственника, и они приехали оттуда же, откуда и мы, и, вероятно, припарковались с той же стороны города. Я улыбнулась и кивнула, и она встала и подошла к нам.

— Твоему другу лучше! — радостно сказала она. — Это хорошо. Что вы едите?

— Я не знаю, — призналась я. — Официантка сказала, что это фирменное блюдо.

— О, оно очень хорошее, я ела его вчера. Когда вы сюда добрались? Так жарко, уже как летом, не могу себе представить, как там дальше на севере. — У нее явно было время, чтобы вернуться в обычное состояние духа после того несчастного случая, который привел ее в дом Стриган. Сеивардeн с ложкой в руке озадаченно смотрела на нее.

— Мы здесь всего час, — ответила я. — Мы остановимся только на ночь и полетим к ленте.

— Мы будем здесь, пока у дяди не станет лучше

с ногами. А это случится, наверное, на следующей неделе. — Она нахмурилась, считая дни. — Немного дольше. Мы спим в нашем флаере, это ужасно неудобно, но мама говорит, что цены на комнаты здесь — совершенный грабеж. — Она присела на конец скамьи, рядом со мной. — Я никогда не была в космосе, на что это похоже?

— Это очень холодно — даже для *тебя*. — Решив, что это смешно, она хихикнула. — И конечно, там нет воздуха и почти нет силы тяжести, поэтому все просто плавает.

Она нахмурилась с притворным укором.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Я бросила взгляд туда, где невозмутимо сидела ее мать и ела. Не обращая внимания ни на что.

— На самом деле это не очень увлекательно.

Девочка показала жестом, что это не так уж важно.

— О! Ты любишь музыку. Там дальше по улице сегодня будет выступать певица. — Она использовала то слово, которое я употребила ошибочно, а не то, которое сказала тогда мне сама в доме Стриган. — Мы не ходили слушать ее вчера, потому что там нужно платить. И кроме того, она моя кузина. Или точнее, она — тетя дочери кузины моей матери, что, во всяком случае, достаточно

близко. Я слышала ее на семейном сборе, она очень хороша.

— Я хочу пойти. Где это?

Она сообщила мне название заведения, а потом сказала, что ей надо доесть ужин. Я смотрела, как она вернулась к матери, которая лишь подняла ненадолго голову и коротко кивнула, я ответила тем же.

Заведение, которое назвала девочка, оказалось совсем рядом: длинное здание с низким потолком. Вся задняя стена раскрывалась ставнями на огороженный двор, где при температуре плюс один сидели нильтиане без курток, попивая пиво и молча слушая женщину, игравшую на смычковом струнном инструменте, который я никогда прежде не видела.

Я тихо заказала пиво себе и Сеиварден, и мы заняли места за ставнями — они защищали от ветра, поэтому там было несколько теплее, чем во дворе, а к стене можно прислониться спинами. Несколько человек повернулись, чтобы взглянуть на нас, а потом отвернулись более или менее вежливо.

Сеиварден наклонилась ко мне на три сантиметра и прошептала:

— Зачем мы здесь?

— Послушать музыку.

Она подняла бровь.

— Это — *музыка*?

Я повернулась и уставилась на нее. Она слегка вздрогнула.

— Извини. Просто… — Она беспомощно махнула рукой. У радчааи есть струнные инструменты, довольно большое разнообразие, накопленное на самом деле в ходе нескольких аннексий, но играть на них публично считается несколько непристойным, поскольку играть нужно либо голыми руками, либо в перчатках настолько тонких, что это почти бессмысленно. А эта музыка — длинные, медленные, неровные фразы, которые делали ритм трудным для восприятия радчаайского уха, резкий звук инструмента — была не той, что учили ценить Сеиварден. — Она такая…

Женщина, сидевшая за ближайшим столиком, повернулась и укоряюще шикнула. Успокоив ее жестами, я предостерегающе посмотрела на Сеиварден. На мгновение ее лицо отразило раздражение, которое она испытывала, и я подумала, что придется увести ее отсюда, но она сделала вдох, опустила взгляд на свое пиво и отхлебнула из кружки, а потом молча уставилась

перед собой.

Пьеса закончилась, и публика негромко застучала кулаками по столам. Исполнительница каким-то образом выглядела одновременно и бесстрастной, и удовлетворенной и начала играть другое произведение, гораздо быстрее и громче, так что Сеиварден без опаски прошептала мне:

— Сколько мы собираемся здесь пробыть?

— Посидим пока, — ответила я.

— Я больше не могу. Я хочу вернуться в комнату.

— Найдешь дорогу?

Она утвердительно махнула рукой. Женщина за соседним столиком осуждающе глядела на нас.

— Иди, — прошептала я как можно тише, но, надеюсь, слышно для Сеиварден.

Сеиварден ушла. Это больше не моя забота, сказала я себе, найдет ли она дорогу назад в наше жилище (и тут я поздравила себя с тем, что заперла свой рюкзак на ночь в сейф, — даже без предупреждения Стриган я не доверила бы Сеиварден ни вещей, ни денег), или будет бесцельно бродить по городу, или зайдет в реку и утонет, — что бы она ни делала, это не моя проблема и мне не нужно беспокоиться. У меня была кружка

достаточно пристойного пива и вечер песен, которых я никогда прежде не слышала (обещали хорошую певицу). Я ближе к своей цели, чем когда-либо надеялась оказаться, и могу хотя бы на один этот вечер расслабиться.

Певица оказалась превосходной, хотя я не поняла ни слова из того, что она пела. Она появилась поздно, когда здесь уже стало многолюдно и шумно; публика время от времени умолкала над пивом, слушая музыку, а стук между произведениями становился все громче и неистовее. Я заказала достаточно пива, чтобы оправдать свое продолжительное присутствие, но большую часть не выпила. Я не человек, но у меня человеческое тело, и слишком большое количество пива неприемлемо притупило бы мою реакцию.

Я оставалась там допоздна, а потом пошла к нашему жилищу по затемненной улице, встречая то парочку, то троицу, которые болтали друг с другом, не обращая на меня внимания.

В крошечной комнате я обнаружила спящую Сеиварден — она лежала неподвижно, дыхание было ровным, лицо и конечности расслаблены. В ней чувствовалось какое-то не поддающееся определению спокойствие, которое наводило на мысль, что я впервые вижу ее в настоящем, без-

мятежном сне. На какой-то миг я поймала себя на мысли, не приняла ли она кеф, но денег у нее не могло быть, она никого не знает и не говорит ни на одном из языков, которые я здесь слышала.

Я легла рядом с ней и уснула.

Я проснулась через шесть часов, и невероятно, но Сеиварден все так же лежала рядом и по-прежнему спала. Не думаю, что она просыпалась, пока спала я.

Она может отдыхать столько, сколько сможет. В конце концов, я не спешу. Я поднялась и вышла.

Ближе к медицинскому центру улица стала шумной и переполненной. Я купила у продавца на обочине миску горячей молочной каши и продолжала идти вперед, туда, где дорога огибала больницу и уходила к центру города. Автобусы останавливались, выпускали пассажиров, подбирали других, продолжали свой путь.

В потоке людей я увидела кого-то знакомого. Девочку из дома Стриган и ее мать. Они заметили меня. Глаза девочки округлились, она слегка нахмурилась. Выражение лица ее матери не изменилось, но они обе свернули, чтобы подойти ко мне. Казалось, они меня караулили.

— Брэк, — сказала девочка, когда они остановились передо мной. Она была подавлена, что для

нее казалось нехарактерным.

— С твоим дядей все в порядке? — спросила я.

— Да, с дядей все хорошо. — Но ее явно что-то беспокоило.

— Твой друг… — сказала ее мать бесстрастно, как всегда. И умолкла.

— Да?

— Наш флаер припаркован рядом с твоим, — сказала девочка, явственно страшась сообщить плохие новости. — Мы видели его, когда вернулись с ужина вчера вечером.

— Рассказывай. — Я не испытывала удовольствия от напряженного ожидания.

Ее мать, как ни странно, нахмурилась.

— Сейчас его там нет.

Я ничего не сказала, ожидая остального.

— Ты, должно быть, его деактивировала, — продолжила она. — Твой друг взял деньги, и люди, которые заплатили ему, утащили флаер.

Персонал стоянки не должен был задавать вопросы, они видели Сеиварден со мной.

— Она не говорит ни на каких языках, — возразила я.

— Они делали очень много движений! — объяснила девочка, размахивая руками. — Много показывали пальцами и говорили очень мед-

ленно.

Я сильно недооценила Сеиварден. Конечно — она выжила, перемещаясь с места на место с одним только языком — радчааи, и, возможно, без денег, но тем не менее умудрилась чуть не загнуться от передозировки кефа. И вероятно, не однажды. Она могла управлять собой, хотя и делала это плохо. Она вполне была способна добыть то, что хотела, без всякой помощи. И хотела она кефа, и она его нашла. За мой счет, но это ей было не важно.

— Мы знали, что это неправильно, — заявила девочка, — поскольку ты сказала, что вы остановились только на одну ночь по пути в космос, но никто бы нас не послушал, мы ведь просто пастухи бовов. — И уж тем более тип, купивший флаер без документов, без доказательств владения им, — более того, флаер, который был намеренно деактивирован, чтобы помешать взять его любому, кроме владельца. Так что это была очень хорошая мысль — избежать столкновения с таким типом.

— Даже не знаю, — добавила мать девочки с косвенным осуждением, — что за друг такой этот твой друг.

Не мой друг. Никогда не был моим другом: ни

сейчас и ни в какое другое время.

— Благодарю за то, что рассказали мне.

Я пошла на стоянку — и флаер действительно исчез. Вернувшись в комнату, я обнаружила Сеиварден по-прежнему спящей или, во всяком случае, по-прежнему без сознания. Сколько же кефа удалось ей купить за флаер, подумала я. И думала я об этом, только пока извлекала из сейфа свой рюкзак и платила за ночь, — после этого Сеиварден должна будет сама заботиться о себе, что, видимо, представляло для нее несложную задачу, — и отправилась искать транспорт, чтобы уехать из города.

Был автобус, но первый ушел за пятнадцать минут до того, как я о нем спросила, а следующий будет только через три часа. Вдоль реки на север ходил поезд, один раз в день, и, как и автобус, он уже ушел.

Я не хотела ждать. Я хотела убраться отсюда. А в особенности я не хотела снова встречаться с Сеиварден, даже мельком. Температура здесь в основном выше нуля, и я способна проходить большие расстояния. Следующий достойный упоминания город находился в соответствии с картами, которые я видела, всего в одном дне пути отсюда — если я пересеку стеклянный мост,

а затем отправлюсь напрямую по сельской местности, а не пойду по дороге, которая огибала реку и широкую расщелину моста.

Мост — в нескольких километрах за городом. Пешая прогулка принесет мне пользу, в последнее время я недостаточно двигалась. Мост сам по себе мог оказаться довольно интересным. Я двинулась к нему.

Когда я прошла немногим более полукилометра, мимо жилых домов и продуктовых магазинов, которые окружали медицинский центр, и оказалась в соседнем жилом районе — среди домов поменьше, бакалейных лавок, магазинов одежды, скоплений низких квадратных домов, соединенных крытыми переходами, — меня стала догонять Сеиварден.

— Брэк! — прохрипела она, задыхаясь. — Куда ты идешь?

Я не отвечала и только прибавила шаг.

— Брэк, черт подери!

Я остановилась, но не повернулась. Подумала, не поговорить ли? Мне не пришло в голову ничего хоть сколько-нибудь сдержанного: что бы я ни сказала, ничего хорошего не выйдет. Сеиварден поравнялась со мной.

— Почему ты меня не разбудила? — спросила

она. Ответы пришли мне на ум, но я удержалась от того, чтобы произнести какой-нибудь вслух, и, вместо этого, снова пошла вперед.

Я не оглядывалась. Мне было все равно, идет она за мной или нет, и я надеялась, что нет. Я точно не чувствовала ответственности за нее и не боялась, что без меня она станет беспомощной. Она в состоянии позаботиться о себе.

— Брэк, черт подери! — снова позвала Сеиварден. А затем выругалась, и я услышала ее шаги позади себя и снова ее затрудненное дыхание, когда она догнала меня. На сей раз я не остановилась, но несколько ускорила шаг.

Еще через пять километров — за это время она периодически отставала, а затем, задыхаясь, нагоняла меня — она изрекла:

— Буфера Аатр, ты чем-то недовольна, что ли?

Я по-прежнему ничего не отвечала и не останавливалась.

Прошел еще час, город остался далеко позади, и в поле зрения показался мост, плоская черная арка над обрывом, под ним — шипы и кольца из стекла, ярко-алые, глубокого желтого и голубого цвета, и зазубренные обрубки других цветов. Стены пропасти — полосатые, черные, зелено-серые и синие, там и здесь — с прожилками льда. Дно

пропасти было скрыто облаками. Надпись на пяти языках оповещала, что это памятник, находящийся под охраной, и доступ к нему разрешен только лицам, обладающим лицензией, — но что это за лицензия и кому ее выдают, осталось загадкой, поскольку я не поняла некоторых слов. Низкий барьер преграждал вход, я легко его перешагну, и здесь больше никого нет, кроме меня и Сеиварден. Ширина этого моста, как и всех других, достигала пяти метров, и, хотя дул сильный ветер, он не настолько силен, чтобы мне угрожала опасность. Я шагнула вперед, переступила через барьер и оказалась на мосту.

Если бы я боялась высоты, у меня здесь закружилась бы голова. К счастью, это не так, и единственным неудобством, которое я испытывала, было ощущение открытого пространства позади и подо мной. Мои ботинки глухо стучали по черному стеклу, и все сооружение слегка покачивалось и содрогалось на ветру.

Изменение характера вибрации подсказало, что Сеиварден последовала за мной.

То, что было дальше, произошло главным образом по моей вине.

Мы прошли половину расстояния, когда Сеиварден заговорила.

— Да ладно, ладно. Я понимаю. Ты злишься.

Я остановилась, но не повернулась.

— Сколько это принесло тебе? — спросила я наконец, озвучив лишь один вопрос из всего, о чем думала.

— Что?

Хотя я не повернулась, я почти увидела, как она наклонилась вперед, уперев руки в колени, слышала, как по-прежнему тяжело она дышит, напрягаясь, чтобы ее было слышно за свистом ветра.

— Сколько кефа?

— Я хотела совсем немного, — сказала она, не вполне отвечая на мой вопрос. — Только чтобы снять раздражение. Мне это *нужно*. И вообще, для начала — ты за тот флаер вроде и не платила. — На мгновение мне пришло в голову, что она вспомнила, как я получила флаер, сколь неправдоподобным это ни казалось. Но она продолжила: — У тебя достаточно в том рюкзаке, чтобы купить десять флаеров, и все это — не твое, это принадлежит лорду Радча, не так ли? Заставляешь меня так вот топать только потому, что ты зассыха.

Я стояла по-прежнему лицом вперед, куртка облепила меня на ветру. Стояла, пытаясь понять: что означают ее слова, кем или чем она меня

считает? Почему, по ее мнению, она меня так заботит:

— Я знаю, кто ты, — проговорила она, пока я молча стояла. — Несомненно, ты хотела бы бросить меня, но ты не можешь, так ведь? У тебя приказ вернуть меня.

— Кто же я? — спросила я, все так же не поворачиваясь. Громко, перекрикивая ветер.

— *Ничтожество*, вот кто. — В голосе Сеиварден звучало презрение. Теперь она, выпрямившись, стояла за моим левым плечом. — Ты прошла испытания в вооруженные силы, тесты на способности и, подобно миллиону других ничтожеств, сейчас думаешь, что это делает тебя *важной персоной*. И ты упражнялась в произношении, и как держать столовые приборы, и пробралась в отдел особых поручений, и теперь я — твое особое поручение, ты должна доставить меня домой целым и невредимым, хотя ты предпочла бы этого не делать, так ведь? У тебя со мной проблема, и можно догадаться, что проблема заключается в том, что, как ты ни старайся, ползай на коленях перед кем угодно, тебе никогда не стать тем, кем я рожден быть, а такие люди, как ты, этого *терпеть не могут*.

Я повернулась к ней. Я уверена, что на моем

лице не было никакого выражения, но, когда наши глаза встретились, Сеиварден вздрогнула — она все еще была на взводе — и непроизвольно сделала три быстрых шага назад.

Через край моста.

Я подошла к краю и заглянула за него. Сеиварден висела в шести метрах внизу, обхватив руками замысловатый завиток из красного стекла, глаза ее округлились, рот приоткрылся. Она подняла на меня глаза и сказала:

— Ты собиралась меня ударить!

Расчеты дались мне легко. Вся моя одежда, связанная вместе, достанет только на пять и семь десятых метра. Красный выступ уходит куда-то под мост, и не видно ничего, на что можно было взобраться. Цветное стекло не так прочно, как сам мост, — по моим прикидкам, красная спираль разобьется вдребезги под весом Сеиварден в течение последующих трех-семи секунд. Но это только предположения. Тем не менее любая помощь, которую я могла бы позвать, наверняка придет слишком поздно. Облака все еще скрывают нижние пределы пропасти. Те трубы всего на несколько сантиметров уже длины моих вытянутых рук и сами очень глубоки.

— Брэк? — Голос Сеиварден прозвучал хрипло

и напряженно. — Ты можешь что-нибудь сделать? — По крайней мере, не «ты должна что-то сделать».

— Ты мне доверяешь? — спросила я.

Ее глаза округлились еще больше, она судорожно втягивала воздух. Она мне не доверяет, я это знала. Она оставалась со мной потому, что считала меня чиновником, а значит — неотвратимой фигурой, а себя — важной для Радча персоной, настолько важной, что за ней послали специального человека, — недооценка собственной значимости никогда не относилась к недостаткам Сеиварден — и, возможно, потому, что она устала убегать от мира, от самой себя. Была готова сдаться. Но я тем не менее не понимала, почему я с *ней*. Из всех офицеров, с кем мне довелось служить, она никогда не была в числе моих любимиц.

— Я доверяю тебе, — солгала она.

— Когда я схвачу тебя, разверни свою броню и обхвати меня руками. — На ее лице вновь появилась тревога, но времени больше не осталось. Я развернула под одеждой броню и шагнула с моста.

В тот миг когда мои руки коснулись ее плеч, красное стекло разбилось вдребезги, острые осколки, сверкая, разлетелись во все стороны.

Сеиварден закрыла глаза, наклонила голову, уткнулась лицом мне в шею и сдавила так, что, если бы не броня, я бы с трудом дышала. Из-за брони я не чувствовала ее испуганного дыхания на коже, не чувствовала, как проносится мимо воздух, хотя и слышала это. Но она не развернула свою броню.

Если бы я была чем-то большим, чем самой собой, если бы у меня была необходимая численность, я смогла бы определить нашу предельную скорость и то, когда мы достигнем ее. С тяготением просто, но рассчитать влияние бремени моего рюкзака и тяжелых курток, взметнувшихся вокруг, на нашу скорость — мне не по зубам. Было бы гораздо проще рассчитать падение в вакууме, но мы падали не в вакууме.

Однако разница между пятьюдесятью метрами в секунду и ста пятьюдесятью была в этот миг большой только теоретически. Я еще не видела дна, цель, в которую я надеялась попасть, была маленькой, и я не знала, сколько у нас есть времени, чтобы изменить траекторию, если мы вообще сможем это сделать. В следующие двадцать — сорок секунд нам было нечего делать, кроме как ждать и падать.

— Броня! — крикнула я в ухо Сеиварден.

— Продана, — ответила она. Ее голос слегка дрогнул, напрягаясь из-за проносящегося мимо воздуха. Лицо по-прежнему сильно прижималось к моей шее.

Внезапно вокруг помрачнело. На выступающих участках моей брони образовывалась влага, и потоком воздуха ее уносило вверх. Через одну и тридцать пять сотых секунды я увидела землю и на ней плотное скопление темных кругов. Они были больше и, следовательно, ближе, чем мне этого хотелось. Всплеск адреналина меня удивил; должно быть, я слишком привыкла к падению. Я повернула голову, стараясь посмотреть вниз за плечом Сеиварден на то, что лежало прямо под нами.

Моя броня сделана так, что она рассредоточивает силу удара пули, удаляя ее частично в виде тепла. Теоретически она была непроницаемой, но меня тем не менее можно было ранить или даже убить, приложив достаточную силу. У меня ломались кости, я теряла тела под безжалостным градом пуль. Я не знала, что сделает с моей броней или со мной трение от уменьшения скорости; у меня усиленный скелет и мускулатура, но выдержат ли они — я понятия не имела. Я не могла рассчитать точно, с какой скоростью мы

двигались, сколько именно энергии требовалось затратить, чтобы замедлиться до скорости, при которой можно было выжить, каких значений достигнет температура внутри и снаружи моей брони. А без брони Сеиварден не способна помочь.

Конечно же, если бы я все еще оставалась тем, кем некогда была, это не имело бы значения. Это тело не было бы моим единственным. Я не могла удержаться от мысли, что мне следовало позволить Сеиварден упасть. Не следовало прыгать. Падая, я все еще не понимала, почему я это сделала. Но выбирая, я обнаружила, что не могу уйти.

К этому мгновению я знала нашу дистанцию до сантиметров.

— Пять секунд! — прокричала я, перекрывая свист ветра. Оставалось уже четыре. Если нам очень, очень сильно повезет, мы упадем прямо в трубу под нами и я упрусь ногами и руками в стены. Если очень, очень сильно повезет, тепло от трения не слишком сильно обожжет Сеиварден, у которой нет брони. Настоящей удачей будет, если я лишь сломаю себе запястья и лодыжки. Я не надеялась на все это, но знаки упадут так, как решил Амаат.

Падение меня не беспокоило. Я могла падать

целую вечность и не пострадать от этого. Остановиться — вот в чем сложность.

— Три секунды!

— Брэк!.. — задыхаясь, всхлипнула Сеивар-ден. — Пожалуйста.

Некоторых ответов я не узнаю никогда. Я прекратила расчеты, которые еще делала. Я не знаю, почему я прыгнула, но в то мгновение это больше не имело значения, в тот миг не было больше ничего другого.

— Что бы ты ни делала, — (одна секунда), — не отпускай!

Темнота. Никакого удара. Я выставила в стороны руки, которые тут же швырнуло вверх, запястья и одна лодыжка сломались, несмотря на усиление броней, сухожилия и мышцы порвались, и мы стали заваливаться в сторону. Невзирая на боль, я прижала руки и ноги и тут же снова выбросила их в стороны, вернув нас в устойчивое положение в следующую секунду. Что-то в моей правой ноге сломалось, но я не могла позволить себе беспокоиться из-за этого. Сантиметр за сантиметром, мы замедлялись.

Я больше не могла управлять ни руками, ни ногами, могла лишь давить на стены и надеяться, что нас больше не выведет из равновесия и

мы не рухнем, беспомощные, вниз головой, к своей смерти. Моя боль была острой, ослепляющей, она забила все, кроме чисел: дистанция (оценочно), убывающая по сантиметрам (также оценочно), скорость (оценочно), снижение скорости, температура внешней поверхности брони (увеличивается на краях, возможная опасность превышения приемлемых параметров, возможный вред в результате), — но числа были для меня почти бессмысленными, боль была громче и ближе, чем что-либо еще.

Но числа важны. Сравнение дистанции и того, как снижалась наша скорость, наводило на мысль о предстоящей катастрофе. Я попыталась сделать глубокий вдох, обнаружила, что не могу, и постаралась упереться в стены еще сильнее.

У меня нет воспоминаний об остальном спуске.

Я очнулась лежа на спине; все болело: кисти и руки, плечи, ступни и ноги. Передо мной — прямо надо мной — круг серого света.

— Сеиварден, — попыталась я сказать, но вышел лишь судорожный вздох, который отдался от стен легким эхом. — Сеиварден. — Имя на этот раз вышло, но едва слышно, и моя броня его исказила. Я опустила броню и снова попыталась

заговорить, и на сей раз мне удалось использовать свой голос: — Сеиварден.

Я приподняла голову, чуть-чуть. В тусклом свете, падающем сверху, я увидела, что лежу на земле, колени согнуты и повернуты в одну сторону, правая нога лежит под внушающим тревогу углом, руки — рядом с телом. Я попыталась пошевелить пальцем, не удалось. Рукой. Не удалось — конечно. Я попыталась пошевелить правой ногой, и она отозвалась сильным приступом боли.

Никого, кроме меня. Ничего, кроме меня, — я не вижу свой рюкзак.

Если бы на орбите был радчаайский корабль, я могла бы вступить с ним в контакт, и это было так же легко, как подумать об этом. Но если бы я была в таком месте, где возможно присутствие радчаайского корабля, со мной бы такого не произошло.

Если бы я оставила Сеиварден в снегу, этого бы не произошло.

Я была так близка. После двадцати лет планирования и напряженной работы, маневрирования, два шага вперед тут, шаг назад там, медленно, терпеливо, против всех вероятностей, я добралась так далеко. Так много раз я рисковала, как сейчас, не только успехом дела, но и жизнью, и

каждый раз я выигрывала или, по крайней мере, не проигрывала так, чтобы не суметь попытаться вновь.

До сих пор. И по такой дурацкой причине. Облака скрыли надо мной недостижимое небо, будущее, которого у меня больше нет, цель, которую теперь я больше не в состоянии достичь. Крах.

Я закрыла глаза, чтобы не плакать, — не из-за физической боли. Если я потерплю неудачу, то не потому, что я сдамся. Сеиварден исчезла. Я ее найду. Я отдохну чуток, вновь соберусь, найду силы вытащить наладонник из кармана куртки и вызвать помощь или придумаю другой способ убраться отсюда; и если придется ползти на окровавленных, бесполезных остатках конечностей, я поползу — через боль — или умру, пытаясь.

ГЛАВА 14

Одна из трех Мианнаи не пошла на палубу Вар, но сообщила код для палубы моего центрального доступа. «Недействительный код доступа», — подумала я, но все равно остановила лифт на том уровне и открыла дверь. Мианнаи прошла к моему главному пульту, жестом запросила записи, быстро просмотрела заголовки записей за сто лет. Остановилась, нахмурившись, на тех пяти годах, на которые пришелся ее последний визит, что я скрыла от нее.

Две другие Мианнаи положили свои сумки в каюты и отправились в недавно освещенную кают-компанию Вар, которая медленно согревалась. Они сели за стол, безмолвный вальскаайский святой сострадательно улыбался, глядя на них с цветного витража. Не произнося ничего вслух, она запросила у меня информацию — случайную выборку воспоминаний из того пятилетнего периода, который так привлек ее внимание наверху, на палубе центрального доступа. Молча, с ничего не выражающим лицом, в известном смысле, нереальная — поскольку я могла видеть

ее лишь извне, — она наблюдала, как мои воспоминания проигрывались перед ее глазами, в ее ушах. Я стала сомневаться в истинности своего воспоминания о том визите. В информации, которую просматривала Анаандер Мианнаи, не осталось о нем никаких следов, в тот период не происходило ничего, кроме рутинных действий.

Но что-то привлекло ее внимание к тому отрезку времени. И тот *недействительный код доступа* — ни один из кодов Анаандер Мианнаи никогда не был недействительным, не мог быть. И почему я открыла на недействительный код доступа? Когда одна Анаандер, в кают-компании Вар, нахмурилась и сказала: «Нет, ничего» — и лорд Радча переключила внимание на более свежие воспоминания, я испытала огромное облегчение.

Тем временем моя капитан и все мои офицеры занимались повседневными делами: тренировались, упражнялись, ели, разговаривали, не зная, что на борту находится лорд Радча. Все это неправильно.

Лорд Радча посмотрела, как мои лейтенанты Эск обмениваются репликами за завтраком. Три раза. Не меняя выражения лица. Один Вар поставила чашки с чаем возле каждого из двух одинаковых, одетых в черное тел в кают-компа-

нии Вар.

— А лейтенант Оун, — спросила одна Анаандер, — была вне твоего поля зрения после того происшествия? — Она не уточнила, какое происшествие имеет в виду, но она могла говорить только о том деле в храме Иккт.

— Нет, мой лорд, — сказала я, используя рот Один Вар.

На моей палубе центрального доступа лорд Радча набирала коды доступа и коды замены, которые позволят ей изменить в моем разуме все, что она пожелает. *Недействительный, недействительный, недействительный*. Один за другим. Но каждый раз я подтверждала сигналом доступ, которого она в самом деле не имела. Я испытывала нечто вроде тошноты, начиная осознавать, что, должно быть, произошло, но не имея никакого доступного воспоминания об этом, чтобы подтвердить свои подозрения, сделать эту проблему ясной и недвусмысленной для самой себя.

— Она когда-нибудь обсуждала это событие с кем-то?

Ясно было только одно: Анаандер Мианнаи действовала против *самой себя*. Тайно. Она разделена надвое — по крайней мере, надвое. Я могла видеть лишь следы другой Анаандер, той,

что поменяла коды доступа, коды, которые, как ей казалось, она меняет только сейчас, в своих интересах.

— Она когда-нибудь обсуждала это событие с кем-то?

— Кратко, мой лорд, — ответила я. По-настоящему испугавшись впервые за свою долгую жизнь. — С лейтенантом Скаайат со «Справедливости Энте». — Как мог мой голос — Один Вар — звучать так спокойно? Откуда я знала, какие слова произнести, как ответить, когда сама основа всех моих действий — даже причина моего существования — оказалась подвергнута сомнению?

Одна Мианнаи нахмурилась — не та, которая говорила.

— Скаайат, — сказала она с легкой неприязнью. Казалось, она не заметила моего внезапного страха. — Оэр внушают мне опасения. — (Оэр — фамилия клана лейтенанта Скаайат, но какое это имеет отношение к событиям в храме Иккт, я себе не представляла.) — Я никогда не могла найти никаких доказательств. — Это тоже прозвучало для меня загадочно. — Проиграй мне этот разговор.

Когда лейтенант Скаайат сказала: «Если со-

бираешься выкинуть что-нибудь настолько безумное, дождись, когда это сможет что-то изменить», — одно тело резко наклонилось вперед и произнесло хриплое *ха*, и это прозвучало очень зло. Несколько мгновений спустя, при упоминании Айми, брови дернулись. Я тут же испугалась, что лорд Радча заметит мое смятение, вызванное опрометчивым, откровенно рискованным развитием этого разговора, но она ничего не сказала. Не почувствовала этого, как и моего потрясения от того, что она больше не одна личность, а две, и к тому же в конфликте друг с другом.

— Ничего не доказывает. Недостаточно, — произнесла Мианнаи рассеянно. — Но это опасно. Оэр *следовало* бы склониться на мою сторону. — Почему она так считала, я поняла не сразу. Оэры происходили из самого Радча, они изначально обладали богатством и достаточным влиянием, чтобы критиковать власть, и они это делали, хотя обычно достаточно умело, чтобы не подвергать себя настоящей опасности.

Я знала клан Оэр очень давно, у меня служили их молодые лейтенанты, я знавала их капитанами других кораблей. Надо сказать, ни один представитель семейства Оэр, подходивший для военной службы, не выказывал склонностей

своего клана в наивысшей степени. Избыточно острое чувство несправедливости или склонность к мистицизму не очень-то согласуются с аннексиями. Как и богатство, и социальное положение, — благородное негодование любой Оэр неизбежно слегка отдавало лицемерием, учитывая удобства и привилегии, которыми наслаждался такой древний клан; одни проявления несправедливости были для них совершенно очевидны, некоторых других они никогда не замечали.

Во всяком случае, язвительный практицизм лейтенанта Скаайат был не чужд ее клану. Это было проявлением все той же склонности клана Оэр к благородному негодованию — в смягченном, более приемлемом варианте.

Несомненно, каждая Анаандер думала, что именно ее дело — более справедливо. (Более правильно. Более выгодно. Безусловно.) Учитывая склонность клана Оэр к справедливым делам, граждане, принадлежащие к этому семейству, должны поддержать правильную сторону. Если бы они вообще знали, что в это вовлечены некие стороны.

Это, конечно, предполагало, что любая часть Анаандер Мианнаи думала, что любым пред-

ставителем клана Оэр руководит страсть к справедливости, а не своекорыстие, прикрытое уверенностью в собственной добродетельности. А любым членом семейства Оэр могло в разные времена управлять как одно, так и другое.

Тем не менее было вполне возможно, что некая часть Анаандер Мианнаи думала, будто Оэр (или некоего конкретного представителя этого клана) нужно лишь убедить в справедливости ее дела, чтобы она выступила в его защиту. И несомненно, она понимала, что если Оэр — любую Оэр — не убедить, она станет ее непримиримым врагом.

— А вот Сулейр… — Анаандер Мианнаи повернулась к Один Вар, которая молча стояла у стола. — Дариет Сулейр, кажется, союзник лейтенанта Оун. Почему?

Этот вопрос почему-то встревожил меня.

— Не могу быть совершенно уверена, мой лорд, но я полагаю, что лейтенант Дариет находит лейтенанта Оун компетентным офицером, и, разумеется, она считается с лейтенантом Оун как со старшим в подразделении. — И возможно, она чувствует себя уверенной в собственном положении, чтобы не обижаться на лейтенанта Оун за то, что та имеет над ней власть. В отличие от лейтенанта Иссаайа. Но я этого не сказала.

— Значит, это не имеет никакого отношения к политическим симпатиям?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, мой лорд, — сказала я вполне искренне, но с растущей тревогой.

Заговорило другое тело Мианнаи:

— Дурака со мной валяешь, корабль?

— Прошу прощения у моего лорда, — ответила я, по-прежнему говоря через Один Вар, — если бы я знала, что именно ищет мой лорд, я бы лучше справилась с предоставлением соответствующей информации.

В ответ Мианнаи спросила:

— «Справедливость Торена», когда я в последний раз посещала тебя?

Если бы те коды доступа и замены были бы действительны, я бы совершенно не смогла ничего скрыть от лорда Радча.

— Двести три года, четыре месяца, одну неделю и пять дней назад, мой лорд, — солгала я, уверенная теперь в важности этого вопроса.

— Покажи мне свои воспоминания о происшествии в храме, — приказала Мианнаи, и я подчинилась.

И опять солгала. Почти каждое мгновение тех индивидуальных потоков воспоминаний и дан-

ных осталось неизменным, но тот миг ужаса и сомнения, когда один сегмент опасался, что ему, возможно, придется застрелить лейтенанта Оун, непостижимым образом отсутствовал.

Кажется таким простым, когда я говорю «я». В то время «я» означало «Справедливость Торена», весь корабль и все его вспомогательные компоненты. Компонент мог быть сосредоточен на том, что делает в некую минуту, но он был отделен от меня не в большей степени, чем моя рука, когда она занята выполнением задачи, которая не требует от меня полной сосредоточенности.

Почти двадцать лет спустя «я» станет отдельным телом, отдельным мозгом. Это разделение: я — «Справедливость Торена» и я — Один Эск — не было, как я решила по зрелом размышлении, внезапным расколом, оно не произошло в некое мгновение, до которого «я» была одной, а после «я» стало «мы». Это всегда было возможным, всегда вероятным. Против этого принимались меры предосторожности. Но как же возможность превратилась в реальность, стала чем-то бесспорным, безвозвратным?

На поверхности ответ прост: это произошло, когда весь корабль «Справедливость Торена», кроме меня, был уничтожен. Но когда я приглядываюсь

внимательнее, я вижу трещины повсюду. Внесло ли свой вклад пение, которое отличало Один Эск от всех остальных подразделений на корабле и, несомненно, во всех флотилиях? Возможно. Или не является ли *всякая* личность совокупностью частей, удерживаемых вместе удобным или полезным описанием, которое в обычных условиях никогда не обнаруживает своей ложности? А может, это на самом деле ложь?

Я не знаю ответа. Но я понимаю, что, хотя и вижу намеки на потенциальный раскол, уходящие в прошлое на тысячу или более лет, это лишь взгляд в прошлое. Впервые я заметила малейшую возможность, что я — «Справедливость Торена» и я — Один Эск могу не быть одним и тем же, когда «Справедливость Торена» отредактировала воспоминания Один Эск о бойне в храме Иккт. В то мгновение я — «я» была этим *поражена*.

Это затрудняет пересказ этой истории. Потому что «я» по-прежнему была собой, единой, одним целым, и тем не менее я действовала против самой себя, вопреки своим интересам и желаниям, иногда тайно, обманывая себя о том, что я знала и делала. И мне трудно даже сейчас понять, кто какие действия осуществил или кто какой информацией обладал. Потому что я была

«Справедливостью Торена». Даже когда не была ею. Даже если я больше ею не являюсь.

Наверху, на палубе Эск, лейтенант Дариет попросила разрешения войти в каюту лейтенанта Оун и обнаружила, что Оун лежит на койке, уставившись невидящим взглядом в потолок и заложив за голову руки в перчатках.

— Оун, — начала она, умолкла и грустно улыбнулась. — Я пришла полюбопытствовать.

— Я не могу говорить об этом, — ответила лейтенант Оун, все еще глядя вверх, охваченная ужасом и гневом, но не давая этим чувствам отразиться в голосе.

В кают-компании Вар Мианнаи спросила:

— Каковы политические симпатии Дариет Сулейр?

— Я полагаю, что у нее таковых нет, — ответила я ртом Один Вар.

Лейтенант Дариет вошла в каюту лейтенанта Оун, села на край койки, возле ее ног без ботинок.

— Не об этом. Есть ли что от Скаайат?

Лейтенант Оун закрыла глаза. Все еще напуганная. Все еще рассерженная. Но ее чувства несколько изменились.

— С чего бы это?

Лейтенант Дариет помолчала три секунды.

— Мне нравится Скаайат, — сказала она наконец. — Я знаю, что ей нравишься ты.

— Я была *там.* Это было удобно. Ты знаешь, мы все понимаем, что вскоре уедем, и как только это произойдет, у Скаайат не будет причины тревожиться о том, существую я или нет. И даже если… — Лейтенант Оун умолкла. Сглотнула. Сделала вдох. — Даже если бы это ее волновало, — продолжила она, и ее голос звучал чуть менее уверенно, чем прежде, — это не будет иметь никакого значения. Я — не та, с кем она захочет связываться, больше нет. Если я была такой когда-либо.

Ниже Анаандер Мианнаи сказала:

— Лейтенант Дариет кажется сторонником реформ.

Это меня озадачило. Но у Один Вар не было своего мнения, поскольку это всего лишь Один Вар, и он никак телесно не откликнулся на мое замешательство. Я осознала — внезапно, ясно, — что использовала Один Вар как маску, хотя и не понимала, почему или как я это делаю. Или почему эта мысль пришла мне на ум сейчас.

— Прошу прощения у моего лорда, но я не рассматриваю это как политическую позицию.

— Неужели?

— Да, мой лорд. Вы приказали осуществлять реформы. Верноподданные граждане будут их поддерживать.

Одна Мианнаи улыбнулась. Другая встала, вышла из кают-компании и отправилась по коридорам палубы Вар, пристально все рассматривая, но молча и не обращая внимания на сегменты Один Вар, мимо которых проходила.

Лейтенант Дариет скептически молчала, и лейтенант Оун проговорила:

— Тебе легко. Никто не думает, что ты становишься на колени ради каких-то преимуществ, когда ты отправляешься с кем-нибудь в постель. Или что ты задираешь нос. Никто не спрашивает, о чем только думал твой партнер или как так вышло.

— Я тебе уже говорила, что ты слишком чувствительна к этому.

— Неужели? — Лейтенант Оун открыла глаза, приподнялась на локти. — Откуда ты знаешь? Ты много раз такое испытывала? А я — да. Все время.

— Это, — сказала Мианнаи в кают-компании, — более сложный вопрос, чем многие осознают. Лейтенант Оун — сторонница реформ, несомнен-

но. — (Я пожалела, что у меня нет физических данных от Мианнаи, чтобы я могла объяснить резкость, прозвучавшую в ее голосе, когда она упомянула лейтенанта Оун.) — И Дариет, наверное; хотя насколько сильно она их поддерживает — это вопрос. А остальные офицеры? Кто за реформы, а кто против?

В каюте лейтенант Дариет вздохнула.

— Я просто думаю, что ты слишком беспокоишься об этом. Кому интересно, что говорят такие люди?

— Легко не беспокоиться, когда ты богата и равна по социальному положению *таким людям*.

— Это не должно иметь значения, — настаивала Дариет.

— Не должно. Но имеет.

Лейтенант Дариет нахмурилась. Она была недовольна и разочарована. Такие разговоры уже случались прежде, и всякий раз они проходили одинаково.

— Ладно. Не важно. Тебе следует отправить Скаайат послание. Что ты потеряешь? Если она не ответит, значит не ответит. Но может быть… — Лейтенант Дариет чуть приподняла плечо и руку. Этот жест означал: *рискни — и увидишь, какие карты сдаст тебе судьба.*

Если бы я промедлила в ответе на вопрос Анаандер Мианнаи даже секунду, она поняла бы, что коды замены не работали. Один Вар был весьма, весьма невозмутим. Я назвала нескольких офицеров, которые имели определенные мнения — за или против.

— Остальные, — закончила я, — довольствуются тем, что следуют приказам и выполняют свои обязанности, не слишком беспокоясь о политике. Насколько я могу судить.

— Их можно склонить в одну или другую сторону, — заметила Мианнаи.

— Не готова сказать, мой лорд. — Мой страх возрастал, но я воспринимала его как-то отстраненно. Возможно, из-за полной невосприимчивости моих вспомогательных компонентов это чувство казалось далеким и ненастоящим. Знакомые мне корабли, которые сменили свои экипажи из вспомогательных компонентов на человеческие, говорили, что они стали по-другому чувствовать, хотя это не вполне соответствовало тем данным, которые они мне показывали.

Отголоски пения Один Эск долетели до лейтенантов Оун и Дариет, простая песня из двух частей.

Я ходила, я гуляла,

Повстречала я любовь,

Я по улице ходила,

Когда встретила любовь

Сказала: «Да, она прекрасней всех сокровищ,

милей нефрита, лазурита, серебра иль злата».

— Я рада, что Один Эск снова стала собой, — сказала лейтенант Дариет. — Тот первый день был мрачным.

— Два Эск не пела, — отметила лейтенант Оун.

— Верно, но… — Лейтенант Дариет жестом выразила сомнение. — Это было неправильно. — Она изучающе посмотрела на лейтенанта Оун.

— Я не могу говорить об этом, — сказала Оун и откинулась назад, закрыв глаза скрещенными руками.

На командной палубе сотенный капитан Рубран встретилась с командирами подразделений, пила чай, говорила о режиме работы и отпусках.

— Ты не упомянула сотенного капитана Рубран, — сказала Мианнаи в кают-компании подразделения Вар.

Да. Я прекрасно знала капитана Рубран, каж-

дый ее вздох, каждое движение каждого мускула. Она была моим капитаном пятьдесят шесть лет.

— Я никогда не слышала, чтобы она выражала свое мнение по данному вопросу, — сказала я вполне искренне.

— Никогда? Значит, оно у нее определенно имеется, и она его скрывает.

Это поразило меня своей противоречивостью. Говори, и всем будет ясно, что у тебя есть мнение. Воздержишься от высказываний — и это тем не менее явится доказательством, что у тебя есть мнение. Если бы капитан Рубран сказала: «По правде говоря, у меня нет мнения по этому вопросу», — стало бы это еще одним доказательством, что оно у нее есть?

— Несомненно, она присутствовала, когда остальные это обсуждали, — продолжала Мианнаи. — Какие чувства она испытывала в таких случаях?

— Раздражение, — сказала я через Один Вар. — Нетерпеливость. Иногда — скуку.

— Раздражение, — задумчиво произнесла Мианнаи. — Чем, интересно? — (Я не знала ответа, поэтому ничего не сказала.) — У ее семьи такие связи, что я не уверена, на чьей стороне могут быть ее симпатии. И некоторых из них я не хочу

отталкивать, пока не смогу выступить открыто. Я должна быть осторожной с капитаном Рубран. Но так же будет действовать и *она*.

Она — подразумевая под этим, конечно, себя.

Не было сделано никакой попытки выявить мои симпатии. Возможно — нет, наверняка, — они к делу не относились. А я уже вовсю шла по пути, на который меня поставила другая Мианнаи. Из-за этих нескольких Мианнаи и четырех сегментов Один Вар, размороженных для ее обслуживания, палуба Вар и все палубы между этой и моими двигателями казались еще более пустыми. Сотни тысяч вспомогательных компонентов спали в моих хранилищах, и в течение следующих нескольких лет их уберут и либо складируют, либо уничтожат, так и не разбудив больше. А меня поместят куда-нибудь на орбиту, навсегда. Мои двигатели почти наверняка деактивируют. Или меня полностью уничтожат — хотя ни с кем из нас пока еще так не поступали, и я была почти уверена, что, скорее, всего стану жилищем или ядром небольшой базы.

Не та жизнь, для которой я была построена.

— Нет, я не могу действовать сгоряча с капитаном Рубран. Но твой лейтенант Оун — другое дело. И может, она будет полезна, чтобы раскрыть

позицию Оэр.

— Мой лорд, — сказала я ртом одного из сегментов Один Вар, — я просто не понимаю, что происходит. Я чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы сотенный капитан знала, что вы здесь.

— Тебе не нравится что-то скрывать от своего капитана? — спросила Анаандер, и в ее голос прозвучали горечь и изумление.

— Да, мой лорд. Я буду, разумеется, действовать в точности, как вы мне приказываете. — Мной овладело внезапное ощущение дежавю.

— Конечно. Мне следует кое-что объяснить. — (Чувство дежавю крепло. У меня уже был прежде этот разговор с Лордом Радча, почти при таких же обстоятельствах. «Ты знаешь, что каждый из твоих вспомогательных сегментов вполне способен обладать собственной индивидуальностью», — скажет она дальше.) — Ты знаешь, что каждый из твоих вспомогательных сегментов вполне способен обладать собственной индивидуальностью.

— Да. — Каждое слово знакомо. Такое чувство, будто мы декламируем заученные стихи. Дальше она скажет: «Представь себе, что никак не можешь решить что-то».

— Представь себе, что некий враг отделил от

тебя твою часть.

Не то, что я ожидала. «Что говорят люди, когда такое случается? Они испытывают противоречивые желания. Они не могут сделать выбор».

— Представь себе, что врагу удалось обманом или силой обойти все необходимые доступы. И та часть вернулась к тебе, но она больше не является частью тебя. Но ты этого не осознаешь. Не сразу.

«Ты и я, мы на самом деле можем оказаться не в состоянии сделать выбор, не так ли?»

— Эта мысль внушает сильную тревогу, мой лорд.

— Да, — согласилась Анаандер Мианнаи, которая все это время сидела в кают-компании Вар, обследовала коридоры и комнаты палубы Вар. Наблюдала за лейтенантом Оун, снова оставшейся в одиночестве и несчастной. Просматривала содержимое моего разума на палубе центрального доступа. Или так она думала. — Я не знаю точно, кто это сделал. Подозреваю, что в это вовлечены Пресгер. Они вмешивались в наши дела еще до заключения договора. И после этого. Пятьсот лет назад лучшие хирургические инструменты и восстановители изготавливались в пространстве Радча. Сейчас мы покупаем их у Пресгер. Сначала — только на пограничных базах, но теперь они

повсюду. Восемьсот лет назад переводческий отдел был сборищем мелких чиновников, которые оказывали содействие в истолковании информации, полученной за пределами Радча, и улаживали языковые проблемы во время аннексий. Теперь они диктуют политику. И главный среди них — Эмиссар к Пресгер. — В последней фразе прозвучала явная неприязнь. — До заключения договора Пресгер уничтожили несколько кораблей. Сейчас они уничтожают всю цивилизацию Радча.

Расширение, присоединение обходятся очень дорого. Это необходимо — так было с самого начала. Сперва — для того, чтобы окружить сам Радч буферной зоной, которая защищала его от любого нападения или вмешательства. Позже — чтобы защищать *тех* граждан. И расширять влияние цивилизации. И… — Мианнаи остановилась и раздраженно вздохнула, — платить за предыдущие присоединения. Обеспечивать благосостояние для радчааи в целом.

Мой лорд, в чем именно вы подозреваете Пресгер? — Но я знала. Даже притом что моя память была затуманенной и неполной, я знала.

— Они разделили меня. Исказили часть меня. И искажение распространилось, другая я

привлекала на свою сторону не только части меня, но и моих граждан. Моих собственных солдат. — («Мои собственные корабли».) — Мои собственные корабли. Я могу лишь догадываться, какова ее цель. Но в ней не может быть ничего хорошего.

— Правильно ли я понимаю, — спросила я, уже зная ответ, — что эта другая Анаандер Мианнаи и есть та сила, которая стоит за прекращением аннексий?

— Она уничтожит все, что я создала! — Я никогда не видела лорда Радча такой разочарованной и разъяренной. Не подозревала, что она может такой быть. — Осознаешь ли ты — ведь нет причины, чтобы ты об этом думала, — что именно присвоение ресурсов во время аннексий стимулирует нашу экономику?

— Боюсь, мой лорд, что я всего лишь десантный корабль и никогда не интересовалась такими вещами. Но то, что вы говорите, имеет смысл.

— А вот ты… Я сомневаюсь, что ты с нетерпением ждешь, когда лишишься своих вспомогательных компонентов.

Вне меня мои далекие товарищи, «Справедливости», размещенные вокруг этой системы, хранили безмолвие в ожидании. Скольким из

них нанесли этот визит — или оба этих визита?

— Нет, мой лорд.

— Я не могу обещать, что сумею это предотвратить. Я не готова к открытому конфликту. Я действую втайне, толкну тут, потяну там, удостоверюсь в своих ресурсах и поддержке. Но в конце концов, она — это я, и я мало что могу сделать такого, о чем она уже не подумала. Она уже несколько раз перехитрила меня. Именно поэтому я так осторожно подходила к тебе. Я хотела убедиться в том, что она еще не склонила тебя на свою сторону.

Я почувствовала, что безопаснее оставить это без комментариев, и сказала посредством Один Вар:

— Мой лорд, винтовки в озере, в Орсе. — «Это был ваш враг?» — чуть не спросила я, но, если мы имели дело с двумя Анаандер, каждая из которых противостоит другой, как узнать, кто из них кто?

— События в Орсе произошли не совсем так, как я желала, — ответила Анаандер Мианнаи. — Я не ожидала, что кто-нибудь обнаружит те винтовки, но, если бы какой-то орсианский рыбак нашел их и ничего не сказал или даже взял себе, моя цель тем не менее была бы достигнута. — Но Дэнз Ай сообщила о своей находке лейтенанту Оун. Лорд

Радча не ожидала этого, не думала, что орсиане настолько доверяют лейтенанту. — Я не получила там того, что хотела, но, возможно, результаты все же послужат моей цели. Сотенный капитан Рубран вот-вот получит приказ покинуть эту систему и отправиться в Вальскаай. Вам уже давно пора было улететь, и это случилось бы год назад, если бы Божественная Иккт не настаивала на том, чтобы лейтенант Оун осталась, и не моя собственная оппозиция. Сознательно или нет, лейтенант Оун — орудие моего врага, я в этом уверена.

Я не положилась даже на бесстрастие Один Вар, чтобы ответить на это, и поэтому промолчала. Наверху, на палубе центрального доступа, лорд Радча продолжала вносить изменения, отдавать приказы, изменять мои мысли. Все еще веря в то, что она на самом деле может это делать.

Никто не удивился приказу об убытии. Четыре другие «Справедливости» уже покинули систему за прошлый год, отправившись к окончательным местам назначения. Но ни я, ни мои офицеры не ожидали, что это Вальскаай, в шести шлюзах отсюда.

Вальскаай, который я покидала с таким сожалением. Сто лет назад, в городе Вестрис Кор, на

самой планете Вальскаай, Один Эск находила сборник за сборником детально прописанной, многоголосной хоровой музыки для ритуалов, причиняющей беспокойство вальскаайской религии. Часть этих произведений восходила к тем временам, когда человечество еще не вышло в космос. Один Эск загрузила в память все, что нашла, поэтому почти не сожалела о том, что ее отослали от такого сокровища в сельскую местность, на тяжелую работу по отыскиванию мятежников в заповедниках, среди лесов, пещер и родников, которые мы не могли просто уничтожить, потому что это был водораздел для половины континента. Местность с речушками, отвесными скалами и фермами, пасущимися овцами и персиковыми садами. И музыкой — даже бунтовщики, загнанные в ловушку, пели, то ли бросая нам вызов, то ли утешая самих себя, и их голоса достигали моих восприимчивых ушей, когда я стояла у входа в пещеру, где они скрывались.

Смерть застигнет нас врасплох
Так, как было предопределено,
Она уготована каждому.
И поскольку я готов,

Я ее не страшусь,

В каком бы виде она ни пришла.

Когда я думала о Вальскаае, я думала о солнечном свете и сладком, ярком вкусе персиков. Думала о музыке. Но я была уверена, что меня на сей раз не пошлют на планету, — не будет для Один Эск ни садов, ни визитов (неофициальных, как можно более незаметных) в хоровое общество.

Добираясь до Вальскаая, я не буду, как оказалось, проходить через шлюзы, но стану создавать собственные, перемещаясь в основном по прямой. Шлюзы, которые использовали большинство путешественников, были созданы тысячелетия назад, их держали постоянно открытыми, неизменными, они были окружены маяками, передающими предупреждения, извещения, информацию о местных правилах и опасностях навигации. Через них постоянно проходили не только корабли, но также послания.

За две тысячи лет, что я жила, я однажды уже делала так. Как все радчаайские корабли, я была способна создать собственный кратчайший путь. Это было опаснее, чем использовать устоявшиеся шлюзы, — ошибка в расчетах могла отправить

меня куда угодно или в никуда, и обо мне никогда не услышали бы. А поскольку я не оставляла позади никаких сооружений, чтобы поддерживать свои шлюзы открытыми, я перемещалась в пузыре обычного космоса, изолированная от всего и всех, пока не выходила оттуда в пункте назначения. Я не делала ошибок, и во время аннексии уединение могло быть преимуществом. Однако теперь перспектива провести месяцы в одиночестве, с Анаандер Мианнаи, тайно занимающей мою палубу Вар, лишала меня спокойствия.

Прежде чем я вошла в шлюз, поступило послание от лейтенанта Скаайат лейтенанту Оун. Короткое. «Я сказала, оставайся на связи. Я на самом деле имела это в виду».

Лейтенант Дариет произнесла:

— Видишь, я же тебе говорила.

Но лейтенант Оун не ответила.

ГЛАВА 15

В какое-то мгновение я снова открыла глаза, подумав, что слышала голоса. Вокруг меня все было голубым. Я попыталась моргнуть и обнаружила, что могу только закрыть глаза и оставить их закрытыми.

Позже я снова открыла глаза, повернула голову вправо и увидела Сеиварден и девочку, сидящих на корточках по обе стороны от доски Тиктик. Значит, я вижу сон или у меня галлюцинации. По крайней мере, у меня больше ничего не болело, что, по размышлении, плохой знак, но я не могла заставить себя встревожиться из-за этого. Я снова закрыла глаза.

В конце концов я проснулась — действительно очнулась и обнаружила себя в маленькой комнате с голубыми стенами. Я лежала в постели, а на скамье рядом сидела Сеиварден, прислонившись к стене, и вид у нее был такой, словно она в последнее время не спала, причем — даже в большей степени, чем обычно.

Я подняла голову. Мои руки и ноги были обездвижены восстановителями.

— Ты очнулась, — сказала Сеиварден.

Я снова опустила голову.

— Где мой рюкзак?

— Здесь. — Она наклонилась и подняла его так, чтобы я увидела.

— Мы — в медицинском центре в Терроде, — догадалась я и закрыла глаза.

— Да. Как думаешь, ты сможешь поговорить с врачом? Потому что я совершенно не могу понять, что она говорит.

Я вспомнила свой сон.

— Ты научилась играть в Тиктик.

— Это другое. — Это был не сон.

— Ты продала флаер. — (Ответа не последовало.) — Ты купила кеф.

— Нет, — возразила она. — Я *собирался* это сделать. Но когда я проснулся, а ты ушла… — Я услышала, как она неловко поерзала на скамье. — Я собирался найти дилера, но меня встревожило, что ты ушла и я не знал, где ты. Я стал думать, что, может быть, ты меня бросила.

— Ты перестала бы тревожиться, как только приняла кеф.

— Но у меня не было кефа, — заявила она, и это прозвучало на удивление здраво. — А затем я вернулся и узнал, что ты выехала.

— И ты решила найти меня, а не кеф, — сказала я. — Я тебе не верю.

— Я тебя не виню. — Она молчала пять секунд. — Я сидел здесь и думал. Я обвинил тебя в том, что ты ненавидишь меня, потому что я лучше тебя.

— Я ненавижу тебя не поэтому.

Она не обратила на это внимания.

— О милость Амаата, то падение… это я виноват, и я был уверен, что я — покойник, а если бы произошло наоборот, я бы никогда не прыгнул, чтобы спасти чью-то жизнь. Ты никогда не ползала на коленях, чтобы пробиться куда-нибудь. Ты находишься на своем месте потому, что ты охренительно искусна и готова рискнуть всем, чтобы сделать все как надо, а я никогда не стал бы и наполовину таким, как ты, даже если бы ухлопал на это всю жизнь, а я расхаживал тут и думал, что я — лучше тебя, даже полумертвый и совершенно бесполезный для всех, потому что моя семья — древнего происхождения, потому что я *лучше от рождения*.

— Вот поэтому, — заявила я, — я тебя и ненавижу.

Она рассмеялась, словно я сказала нечто довольно остроумное.

— Если ты готова сделать такое ради того, кого ненавидишь, что бы ты сделала для того, кого любишь?

Я обнаружила, что неспособна ответить. К счастью, вошла врач, широкая, круглолицая, бледная. Увидев меня, она нахмурилась чуть-чуть сильнее.

— Кажется, — сказала она ровным голосом, который звучал бесстрастно, но подразумевал осуждение, — я не понимаю твоего друга, когда он пытается объяснить, что произошло.

Я бросила взгляд на Сеиварден, которая, беспомощно махнув рукой, сказала:

— Ничего из ее слов не понимаю. Я старался изо всех сил, и целый день она смотрит на меня так, будто я — биологические отходы, в которые она наступила.

— Наверное, это просто ее обычное выражение. — Я снова повернула голову к врачу. — Мы упали с моста, — объяснила я.

Выражение лица доктора не изменилось.

— Вы оба?

— Да.

Последовала минута невозмутимого молчания, а затем:

— Быть нечестным со своим врачом невыгод-

но. — И затем, когда я не ответила: — Ты — не первый турист, который вошел в запретную зону и получил травмы. Однако ты первая, кто заявляет, что упала с моста и выжила. Не знаю, то ли восторгаться твоим бесстыдством, то ли сердиться, что держишь меня за такую дуру.

Я не ответила. Что бы я ни придумала, это не даст такого удовлетворительного объяснения моим травмам, как чистая правда.

— Военнослужащие должны регистрироваться по прибытии в систему, — продолжала врач.

— Помнится, слышала об этом.

— Ты зарегистрировалась?

— Нет, потому что не служу ни в каких вооруженных силах. — Не совсем ложь. Я не военнослужащая, я часть оборудования. Одинокий, бесполезный фрагмент оборудования.

— Это учреждение не располагает оснащением, — сказала врач чуть более строгим тоном, чем минутой раньше, — необходимым для таких имплантатов и расширений, которые у тебя, очевидно, имеются. Я не могу прогнозировать результаты процессов заживления, которые запрограммировала. Тебе следует показаться врачу, когда вернешься домой. В Джерентэйт. — Последнее прозвучало с легким скепсисом, намеком на

ее недоверие.

— Я намерена отправиться прямо домой, как только выйду отсюда, — сказала я, но про себя подумала, не сообщила ли о нас врач как о возможных шпионах. Решила, что нет, — если бы она это сделала, то, вероятно, не выказывала бы подозрений, а просто дожидалась бы, пока власти нами займутся. Значит, она этого не сделала. Почему?

Вероятная причина этого заглянула в палату и радостно воскликнула:

— Брэк! Ты проснулась! Дядя — на уровне прямо над этим. Что случилось? Твой друг вроде бы говорил, что ты прыгнула с моста, но это невозможно. Ты чувствуешь себя лучше? — Девочка вошла в комнату. — Здравствуйте, доктор, с Брэк будет все в порядке?

— С Брэк все будет прекрасно. Восстановители должны отпасть завтра. Если все пройдет как надо. — Приободрив нас так, она вышла из палаты.

Девочка села на край моей постели.

— Твой друг — никудышный игрок в Тиктик. Я рада, что не научила его, как играть на деньги, а то у него не осталось бы денег на лечение. А ведь это *твои* деньги, правда? От флаера.

Сеиварден нахмурилась.

— Что? Что она говорит?

Я решила проверить содержимое своего рюкзака при первой возможности.

— Он отыграл его в шашки.

Судя по выражению лица, девочка этому совсем не поверила.

— Тебе, знаешь ли, действительно не стоило ходить под мост. Я знаю кое-кого, так у него есть друг, кузен которого пошел под мост, а кто-то уронил кусок хлеба, он летел очень быстро, ударил ему в голову, разбил череп, дошел до мозга и *убил* его.

— Мне так понравилось пение твоей кузины. — Я не хотела возвращаться к обсуждению того, что произошло.

— Правда, она чудесная? О! — Она повернула голову, словно что-то услышала. — Мне нужно идти. Я приду к тебе еще!

— Буду весьма признательна, — сказала я, и она выскочила за дверь. Я посмотрела на Сеивар-ден. — Сколько это стоило?

— Примерно столько, сколько вышло за флаер, — сказала она, чуть наклонив голову, может быть смутившись, может быть, отчего-то еще.

— Ты брала что-нибудь из моего рюкзака?

Она снова подняла голову.

— Нет! Клянусь. — (Я не ответила.) — Ты мне не веришь. Я тебя не виню. Ты сможешь проверить, как только руки высвободятся.

— Я проверю. И что тогда?

Она нахмурилась, не понимая. И несомненно, она не понимала — она зашла так далеко, что (ошибочно) сочла меня человеком, достойным уважения. Казалось, она не дошла до сути: не подумала, что может и не быть такой уж важной персоной, чтобы Радч направил за ней офицера по особым поручениям.

— Мне никогда не поручали отыскать тебя, — сказала я. — Я обнаружила тебя совершенно случайно. Насколько мне известно, тебя никто не ищет. — Жаль, что я не могла пошевелить рукой, отмахнуться от нее.

— Тогда зачем ты здесь? Это не подготовка к аннексии, их больше нет. Так мне сказали.

— Аннексий больше нет, — согласилась я. — Но дело не в этом. Дело в том, что ты можешь поступать, как тебе нравится, у меня нет приказа доставить тебя назад.

Сеиварден размышляла над этим шесть секунд, а потом сказала:

— Я пытался соскочить до этого. Я и *в самом деле* соскочил. На той базе, куда я попал, была

программа: если соскакиваешь, дают работу. Один из их сотрудников затащил меня туда, и вычистил, и рассказал про сделку. Работа дерьмовая, сделка полная чушь, но с меня было довольно. Я подумал, что с меня хватит.

— И сколько удалось продержаться?

— Неполных шесть месяцев.

— Ты понимаешь, — сказала я, помолчав две секунды, — почему у меня на этот раз совершенно нет доверия к тебе?

— Поверь мне, я понимаю. Но это — *по-другому*. — Она наклонилась вперед и очень серьезно произнесла: — Ничто так не очищает помыслы, как идея приближающейся смерти.

— Это воздействие часто носит временный характер.

— Они, на той базе, говорили, что могут дать мне кое-что такое, чтобы кеф никогда на меня не действовал. Но сначала я должен разобраться с тем, что заставило меня принимать его, потому что в противном случае я бы просто нашел что-то другое. Полная чушь, но, если бы я правда хотел, я бы сделал это тогда.

В доме Стриган она говорила, будто причина, по которой она начала принимать кеф, была простой и ясной.

— Ты сказала им, почему начала это? — (Она не ответила.) — Ты сказала им, кто ты?

— Конечно нет.

Я догадалась, что эти два вопроса были в ее сознании одним и тем же.

— Ты смотрела смерти в лицо там, в Гарседде.

Она чуть заметно вздрогнула.

— И все изменилось. Я очнулся, и все, что у меня осталось, — это прошлое. Тоже не очень хорошее, никто не хотел говорить мне, что произошло, все были такими вежливыми и жизнерадостными, и все это было *фальшью*. Я не видел для себя никакого будущего. Послушай. — Она подалась вперед с сосредоточенным видом, дыхание ее несколько участилось. — Ты здесь — одна, сама по себе, — очевидно, потому, что ты для этого подходишь, иначе тебя не послали бы. — Она замолчала, быть может из-за мысли, кто для чего подходит и кого куда послали, но затем выкинула это из головы. — Но в конце концов, ты можешь вернуться в Радч и найти людей, которые знают тебя, которые помнят тебя лично, место, которое тебе *подходит*, даже если ты не всегда там живешь. И куда бы ты ни отправилась, ты по-прежнему остаешься частью этой системы, и, даже если никогда не вернешься, ты всегда

знаешь, что она *там*. Но когда открыли тот отсек временной приостановки жизнедеятельности, все, кто когда-либо испытывал ко мне личный интерес, были мертвы уже семьсот лет. Возможно, дольше. Даже… — Ее голос задрожал, и она остановилась, уставившись в какую-то точку за мной. — Даже корабли.

Даже корабли.

— Корабли? Не только «Меч Настаса»?

— Мой… первый корабль, на котором я служил. «Справедливость Торена». Я думал: возможно, если бы я сумел найти, где его разместили, я смог бы отправить послание и… — Она отрицательно махнула рукой, будто стирая остаток фразы. — Он исчез. Около десяти лет назад… постой-ка… Я потерял счет времени. Около пятнадцати лет назад. — (Ближе к двадцати.) — Никто не смог сказать мне, что случилось. Никто не знает.

— А какие-нибудь из кораблей, на которых ты служила, испытывали к тебе особенно нежные чувства? — спросила я старательно-ровным голосом. Безразличным.

Она моргнула. Выпрямилась.

— Странный вопрос. У тебя есть опыт общения с кораблями?

— Да, — ответила я, — как ни странно.

— Корабли всегда привязаны к своим капитанам.

— Не так, как раньше. — Когда некоторые корабли сходили с ума из-за смерти своих капитанов. Это было очень, очень давно. — И кроме того, у них есть любимцы. — Хотя любимец не обязательно знает об этом. — Но это не имеет значения, не так ли? Корабли — не люди, и они созданы, чтобы служить, быть привязанными, как ты выразилась.

Сеиварден нахмурилась.

— Сейчас ты рассердилась. Ты хорошо это скрываешь, но ты рассердилась.

— Ты горюешь по своим кораблям, — спросила я, — потому, что они мертвы? Или потому, что эта утрата означает, что их здесь нет и ты не чувствуешь связи с ними, не чувствуешь, что о тебе заботятся? — (Молчание.) — Или ты думаешь, что это одно и то же? — (По-прежнему нет ответа.) — Я отвечу на собственный вопрос: ты никогда не была любимицей ни одного корабля, на котором служила. Ты не веришь, что это возможно — чтобы у корабля были любимцы.

Глаза Сеиварден округлились — может, от удивления, может, от чего-то еще.

— Ты знаешь меня слишком хорошо, чтобы

я поверил, что ты здесь не из-за меня. Я считал так с той минуты, как только действительно над этим задумался.

— Значит, это произошло не так уж давно, — заметила я.

Она проигнорировала это.

— Ты — первая, с тех пор как открылся тот отсек, кто кажется мне *знакомым.* Словно я узнаю тебя. Словно ты узнаёшь меня. Я не понимаю, отчего это так.

Я-то, конечно, понимала. Но это был неподходящий момент сказать об этом, объяснить, когда я обездвижена и уязвима.

— Я заверяю тебя, что я здесь — не из-за тебя. Я здесь по личному делу.

— Ты спрыгнула с того моста за мной.

— И я не стану причиной, по которой ты завяжешь с кефом. Я не беру ответственности за тебя. Ты сделаешь это сама. Если ты на самом деле собираешься это сделать.

— Ты прыгнула с того моста за мной. Упала с трехкилометровой высоты. Даже выше. Это… это… — Она умолкла, качая головой. — Я остаюсь с тобой.

Я закрыла глаза.

— В тот миг когда я хотя бы *подумаю*, что ты

снова собираешься у меня украсть, я переломаю тебе ноги и брошу, и ты увидишь меня снова только в случае совершенно невероятного совпадения. — Хотя для радчааи совпадений как таковых не бывает.

— С этим не поспоришь.

— Я бы не рекомендовала.

Она хохотнула, а затем умолкла на пятнадцать секунд.

— Тогда скажи мне, Брэк, — сказала она после, — если ты здесь по личному делу и я тут ни при чем, почему в твоем рюкзаке один из гарседдианских пистолетов?

Восстановители удерживали мои руки и ноги так, что они были абсолютно неподвижны. Я не могла даже оторвать от кровати плечи. Врач ворвалась в палату, ее бледное лицо было залито краской гнева.

— Лежи смирно! — воскликнула она, и затем повернулась к Сеиварден. — Что ты сделал?

Это Сеиварден поняла и беспомощно развела руками.

— Нет! — горячо ответила она на том же языке.

Врач нахмурилась, и указала на Сеиварден рукой с одним отставленным в сторону пальцем. Сеиварден выпрямилась, возмущенная этим

жестом, который для радчааи был гораздо оскорбительнее, чем это считалось здесь.

— Будешь мешать, — сурово заявила врач, — пойдешь вон! — Затем она повернулась ко мне. — А *ты* будешь лежать смирно и лечиться как следует.

— Да, доктор. — Я ослабела от того очень небольшого движения, которое мне удалось осилить. Сделала вдох, стараясь успокоиться.

Это, казалось, смягчило ее. Она наблюдала за мной минуту, несомненно видя, что происходит с моим пульсом и дыханием.

— Если ты не можешь прийти в норму, я могу дать тебе лекарство. — (Предложение, вопрос, угроза?) — Я могу заставить его, — тут она бросила взгляд на Сеиварден, — уйти.

— Не нужно.

Врач скептически хмыкнула и вышла из палаты.

— Мне очень жаль, — сказала Сеиварден, когда врач ушла. — Это было глупо. Мне следовало подумать, прежде чем говорить. — (Я не ответила.) — Когда мы оказались внизу, — продолжила Сеиварден, словно это было логически связано с тем, что она сказала до этого, — ты была без сознания. И очевидно, получила серьезные травмы.

Я боялся тебя двигать, потому что не мог понять, сломаны ли кости. У меня не было никакой возможности позвать на помощь, но я подумал: может, у тебя есть что-нибудь, чтобы выбраться наверх, или восстановители первой помощи; но, конечно, это было глупо, твоя броня не убралась, поэтому я и понял, что ты жива. Я взял наладонник из твоей куртки, но не было сигнала, и мне пришлось подняться наверх, прежде чем я смог с кем-то связаться. Когда я спустился вниз, брони не было, и я испугался, что ты умерла. Все по-прежнему на месте.

— Если пистолет исчез, — сказала я спокойно и бесстрастно, — я переломаю не только твои ноги.

— Он там, — настаивала она. — Но ведь это просто не может быть личным делом, так ведь?

— Это личное. — Просто со мной *личное* затрагивало очень многих других. Но как я могла это объяснить, не раскрывая больше, чем хотела сейчас?

— Расскажи мне.

Это было неудачное время. Неподходящий момент. Объяснять пришлось бы очень многое, особенно потому, что знания Сеиварден о том, что случилось за последнюю тысячу лет, навер-

няка были обрывочными и поверхностными. Произошло столько событий, о которых она ничего не знает, и разъяснение их потребует немало времени, прежде чем я доберусь до того, кто я и что намереваюсь сделать.

Эти события имели огромное значение. Не осмыслив их, как могла Сеиварден вообще в чем-то разобраться? Не зная их, как она поймет, почему все поступали так, а не иначе? Если бы Анаандер Мианнаи не ответила с такой яростью на действия гарседдиан, стала бы она делать то, что наделала за тысячу лет после этого? Если бы лейтенант Оун никогда не слышала о событиях на Айми, которые произошли двадцать пять лет назад, поступила бы она так или нет?

Когда я представляла себе, как солдат «Милосердия Саррса» решила не выполнять приказ, я видела ее одним из вспомогательных компонентов. Она была номером Один подразделения Амаат «Милосердия Саррса», его старшим бойцом. Но она являлась человеком, и у нее было имя помимо места на корабле, помимо Один Амаат Один «Милосердия Саррса». Но мне не приходилось видеть запись, я никогда не видела ее лица.

Она была человеком. Она терпела события на Айми — возможно, даже приводила в исполнение

безнравственные требования самого губернатора, когда ей приказывали. Но в то мгновение нечто изменило все. Нечто оказалось для нее последней каплей.

Что же это было? Быть может, вид Рррррр, мертвого или умирающего? Я видела фотографии Рррррр — длинные, как змея, покрытые шерстью, со многими конечностями; говоря, рычат и лают, — и людей, связанных с ними, которые могут говорить на этом языке и понимают его. Это Рррррр столкнули Один Амаат Один «Милосердия Саррса» с дороги, по которой она шла? Может, ее так взволновала угроза нарушения договора с Прегер? Или мысль об убийстве множества беспомощных людей? Если бы я знала о ней больше, наверное, я смогла бы понять, почему в это мгновение она решила, что лучше погибнуть.

Я почти ничего не знала о ней. Вероятно, умышленно. Но даже то немногое, что было известно мне, та малость, что знала лейтенант Оун, оказали на меня влияние.

— Тебе кто-нибудь рассказывал о том, что случилось на базе Айми?

Сеиварден нахмурилась.

— Нет. Расскажи мне.

Я рассказала. О развращенном губернаторе так

далеко от всего в пространстве Радча, которая препятствовала Базе или любому из кораблей сообщить о том, что она делает. О корабле, который прибыл туда однажды, — они предположили, что это человеческое судно, никто и представления не имел ни о каких пришельцах в этих краях, и он, очевидно, не был радчаайским и стал подходящей целью. Я рассказала Сеиварден все, что знала о солдатах с «Милосердия Саррса», которые поднялись на борт неизвестного корабля с приказом захватить его и убить всех, кто окажет сопротивление или явно не подходит для превращения во вспомогательные компоненты. Я знала немногое: как только подразделение Один Амаат высадилось на чужом судне, его номер Один отказалась следовать приказам. Она убедила остальных солдат Амаат Один последовать за ней, они дезертировали к Рррррр, и вывели судно за пределы досягаемости.

Сеиварден насупилась еще больше, и, когда я закончила, она заявила:

— Итак, ты говоришь мне, что губернатор Айми была абсолютно развращена. И каким-то образом у нее оказались коды доступа, чтобы помешать Базе Айми сообщить о ней. Как такое возможно?

Я не ответила. Либо очевидное заключение при-

дет ей в голову, либо она неспособна это понять.

— И как могли тесты привести ее на эту должность, если она была способна на такое? Это невозможно. Конечно, — продолжала Сеиварден, — все остальное следует из этого, не так ли? Коррумпированный губернатор назначает продажных чиновников, не обращая внимания на результаты испытаний. Но капитаны, которые там базировались… нет, это невероятно.

Она не сможет этого понять. Мне не следовало говорить вообще ничего.

— Когда тот солдат отказалась убивать Рррррр, которые пришли в эту систему, когда она убедила остальных из своего подразделения поступить так же, она создала положение, которое невозможно было долго скрывать. Рррррр могли соорудить собственный шлюз, поэтому губернатор не сумела помешать им удрать. Им нужно было сделать всего лишь один прыжок до следующей населенной системы и рассказать свою историю. Именно так они и поступили.

— Почему кто-то вообще озаботился этими Рррррр? — Сеиварден никак не могла приспособить горло для произнесения этого звука. — Серьезно? Они так называются?

— Так они сами себя называют, — объяснила я

максимально терпеливо. Когда это произносит Рррррр или один из их переводчиков-людей, это звучит как продолжительное рычание, не слишком отличающееся от любого другого их слова. — Это, пожалуй, трудно произнести. Большинство людей просто произносят длинный звук *р*.

— Рррррр, — сказала Сеиварден в порядке эксперимента. — Звучит все равно странно. Так почему кому-то было дело до Рррррр?

— Потому что Пресгер заключили с нами договор на основе своего решения признать людей Существенными. Убийство Несущественного — это ничто для Пресгер, и насилие среди представителей одних и тех же видов для них ничего не значит, но беспорядочное насилие в отношении других Существенных видов неприемлемо. — Это не означает, что не позволено никакое насилие, но все зависит от определенных условий, ни одно из которых не поддается осмыслению для большинства людей, поэтому самое безопасное — просто избегать его вообще.

Сеиварден хрипло выдохнула, фрагменты пазла встали на свои места.

— И потом, — продолжила я, — целое подразделение Один Амаат «Милосердия Саррса»

дезертировало к Рррррр. Они оказались вне досягаемости, в безопасности с чужаками, но перед радчааи они были виновны в измене. Было бы лучше оставить их там, где они оказались, но, вместо этого, Радч потребовал их выдачи, чтобы казнить. И несомненно, Рррррр не хотели этого делать. Подразделение Один Амаат Один спасло их жизни. Отношения в течение нескольких лет были очень напряженными, но в конце концов они пошли на компромисс. Рррррр выдали старшего солдата подразделения, которая начала мятеж, в обмен на неприкосновенность остальных.

— Но… — Сеиварден умолкла.

Через семь секунд тишины я сказала:

— Ты думаешь, что, несомненно, она должна была умереть: неповиновение недопустимо по очень важным причинам. Но ее измена разоблачила коррупцию губернатора Айми, которая иначе продолжалась бы, так что в конечном счете она оказала Радчу услугу. Ты думаешь о том, что даже глупец прекрасно понимает, что не стоит во всеуслышание осуждать правительственного чиновника. И ты думаешь, что, если того, кто во всеуслышание осудил нечто явно дурное, наказывают просто за то, что он заговорил, цивилизация

окажется в тяжелом положении. Заговорит только тот, кто будет готов отдать за это свою жизнь, и… — Я помедлила. Сглотнула. — Готовых на это не много. Ты, вероятно, думаешь, что лорд Радча оказалась в трудном положении, решая, как тут поступить. Но также и о том, что эти обстоятельства действительно были исключительными, а Анаандер Мианнаи является, в конце концов, последней инстанцией и могла бы простить ее, если бы пожелала.

— Я думаю, — сказала Сеиварден, — что лорд Радча могла бы просто позволить им остаться с Рррррр и не влезать в эту неразбериху.

— Она могла, — согласилась я.

— Я также думаю, что, будь я на месте лорда Радча, я бы ни за что не выпустил эту новость за пределы Айми.

— Ты бы, возможно, использовала коды доступа, чтобы помешать кораблям и базам говорить об этом. Ты бы запретила любым гражданам, которым это стало известно, рассказывать что-либо.

— Да. Я так и сделал бы.

— Но тем не менее поползли бы слухи. — Хотя эти слухи были бы неизбежно смутными и распространялись бы медленно. — И ты не смогла

бы преподать хороший урок всем, иначе как выстроив почти всю администрацию Айми на главной площади базы и перестреляв их одного за другим. — И конечно, цельная личность Сеиварден думала об Анаандер Мианнаи как о цельной личности, которая могла сомневаться в таких вопросах, но затем выбрать единый образ действия, не вступая в конфликт с самой собой. А за дилеммой Анаандер Мианнаи стояло гораздо больше, чем ухватила Сеиварден.

Сеиварден молчала четыре секунды, а затем сказала:

— А теперь я тебя опять разозлю.

— Неужели? — спросила я сухо. — Ты от этого не устаешь?

— Устаю. — Просто. Серьезно.

— Губернатор Айми была родовитой и благовоспитанной, — сказала я и назвала ее клан.

— Никогда о них не слышал, — сказала Сеиварден. — Много чего изменилось. И теперь случается вот такое. Думаешь, здесь нет связи? Только начистоту.

Я отвернулась, не поднимая головы. Не рассердилась, просто очень, очень устала.

— Ты имеешь в виду, что ничего такого не произошло бы, если выскочки-провинциалы не

делали бы так быстро карьеру. Если бы губернатор Айми была из *действительно* качественной семьи.

Сеиварден хватило на то, чтобы промолчать.

— А если честно: ты никогда не знала никого из *рожденных лучшими,* кто получал назначения или повышения сверх их способностей? Кто ломался под давлением? Вел себя недостойно?

— Не до такой степени.

Разумно. Но ей оказалось удобнее забыть, что Один Амаат Один «Милосердия Саррса» — человек, не вспомогательный компонент, тоже выскочка по ее определению, — был частью перемен, о которых она говорила.

— Выскочки-провинциалы и то, что произошло на Айми, — это результаты одних и тех же событий, а не причина и следствие.

Она задала очевидный вопрос:

— Что же стало причиной?

Ответ был слишком сложным. Как издалека следует начать? *Это началось в Гарседде. Это началось, когда лорд Радча размножила себя и вознамерилась завоевать весь космос, занятый людьми. Это началось, когда был построен Радч.* И еще дальше вспять.

— Я устала, — сказала я.

— Конечно, — отозвалась Сеиварден, более уравновешенно, чем я ожидала. — Мы можем поговорить об этом позже.

ГЛАВА 16

Я провела неделю, перемещаясь в не-космосе между Шиз'урной и Вальскааем — в полной изоляции и автономности, — прежде чем лорд Радча сделала свой ход. Никто ничего не заподозрил, я не допустила ни намека, ни малейшего указания на то, что кто-то находится на палубе Вар и что-то может идти не так.

Или я так думала?

— Корабль, — как-то обратилась ко мне лейтенант Оун, — что-то не так?

— Почему вы спрашиваете, лейтенант? — ответила я. Ответила Один Эск, которая постоянно обслуживала лейтенанта Оун.

— В Орсе мы были вместе долгое время, — сказала лейтенант Оун, слегка нахмурившись, сегменту, с которым разговаривала. После Орса она непрестанно страдала, то сильнее, то меньше, в зависимости от того, как я предположила, что именно приходило ей в голову. — Просто кажется, будто что-то тебя тревожит. И ты стала тише. — Она хрипло и несколько озадаченно хмыкнула. — Ты всегда мурлыкала или что-то

напевала в доме. А сейчас слишком тихо.

— Здесь есть стены, лейтенант, — заметила я. — А в доме в Орсе их не было.

Ее брови чуточку дернулись. Я видела, что она восприняла мои слова как отговорку, но не стала добиваться ответа на свой вопрос.

В это же время в кают-компании Вар Анаандер Мианнаи сказала мне:

— Ты понимаешь, каковы ставки. Что это означает для Радча. — (Я подтвердила.) — Я знаю, что это, должно быть, тревожит тебя. — Впервые с тех пор, как она поднялась на борт, она признала такую возможность. — Я создала тебя, чтобы ты служила моим целям, на благо Радча. Желание служить мне заложено в тебя изначально. А теперь ты должна не только служить мне, но также — противодействовать мне.

Она сделала это противодействие удивительно легким для меня, подумала я хотя какая именно из ее сторон: одна или другая, — оставалось мне непонятным. Но я сказала через Один Вар:

— Да, мой лорд.

— Если она преуспеет, Радч в конце концов расколется на части. Не центр, не сам Радч. — Когда большинство людей говорят о Радче, они имеют в виду всю радчаайскую территорию,

но на самом деле Радч — это одно место, сфера Дайсона, закрытое, самодостаточное. В него не допускалось ничего ритуально нечистого, нецивилизованные или не принадлежащие к человеческому роду существа не могли пересечь его границы. Очень, очень немногие из клиентов Мианнаи попадали туда, и существовало всего лишь несколько кланов, предки которых некогда жили там. Оставался открытым вопрос, знал ли кто-нибудь из живущих внутри о действиях Анандер Мианнаи, или о протяженности, или даже о существовании территории Радча, и волновало ли их все это. — Сам Радч как таковой просуществует дольше. Но моя территория, которую я создала, чтобы защитить его, держать в чистоте, расколется. Я сотворила себя такой, какая я есть, построила все это, — она сделала широкий жест, обведя стены кают-компании, что, по ее мысли, должно было обозначить все пространство Радча, — чтобы уберечь центр от опасностей. От загрязнения. Я никому его не доверила бы. А теперь, как кажется, я не могу доверить его себе.

— Несомненно, мой лорд, — сказала я, пребывая в недоумении — что бы еще сказать, и не до конца понимая смысла того, с чем я согласилась.

— Миллиарды граждан погибнут в ходе этих

событий, — продолжала она, будто я ничего и не говорила. — Из-за войны или недостатка ресурсов. А я…

Она помедлила. Единство, подумала я, предполагает возможность разобщенности. Начала подразумевают и требуют завершений. Но я этого не сказала. Та, что была самой могущественной во вселенной, не нуждалась в моих лекциях по религии или философии.

— Но я уже разобщена, — закончила она. — Я могу только бороться, чтобы предотвратить свое дальнейшее разобщение. Удалить то, что больше не является мною.

Я не знала, что мне следовало сказать. У меня не было никакого сознательного воспоминания о такой беседе, но я была уверена, что она должна была состояться, что я должна была слушать, как Анаандер Мианнаи объясняет и оправдывает свои поступки, после того как использовала коды замены и изменила… что-то. Это наверняка было очень похоже, возможно, теми же словами. Ведь тогда это, в конце концов, была она же.

— И, — продолжала Анаандер Мианнаи, — я должна уничтожать оружие своего врага, где бы его ни обнаружила. Пошли ко мне лейтенанта Оун.

Лейтенант Оун приближалась к кают-компании подразделения Вар с волнением, не зная, зачем я отправила ее туда. Я отказалась отвечать на вопросы лейтенанта, и это лишь укрепило ее ощущение: что-то идет совершенно не так, как надо. Стук ее ботинок по белому полу отдавался гулким эхо, несмотря на присутствие Один Вар. Когда она подошла к кают-компании, дверь плавно, почти бесшумно, открылась.

Увидев там Анаандер Мианнаи, лейтенант Оун испытала колоссальное потрясение, ее пронзили страх, удивление, ужас, шок, сомнение и замешательство. Лейтенант Оун сделала три вдоха, не столь глубокие, как ей хотелось, — я это заметила, — чуть заметно дернула плечами, вошла и пала ниц.

— Лейтенант, — произнесла Анаандер Мианнаи. В ее произношении и интонации Оун услышала сразу и изысканные гласные лейтенанта Скаайат, и беспечную, чуть презрительную надменность лейтенанта Иссаайа. Она лежала лицом вниз и ждала, охваченная страхом и тревогой.

Как и прежде, я не получала от Мианнаи никаких данных, если она не отправляла мне их преднамеренно. У меня не было информации о ее

внутреннем состоянии. Она казалась спокойной. Невозмутимой, бесчувственной. Я была уверена, что внешнее впечатление ложно, хотя и не понимала, почему так подумала.

— Скажи мне, лейтенант, — сказала Мианнаи после продолжительного молчания, — откуда появились те винтовки и что, по-твоему, произошло в храме Иккт.

Лейтенант Оун испытала одновременно и облегчение, и страх. Успев за истекшие мгновения обдумать появление Анаандер Мианнаи на корабле, она ожидала, что услышит этот вопрос.

— Мой лорд, винтовки могли появиться только от человека, обладающего достаточной властью, чтобы изменить место доставки и предотвратить их уничтожение.

— К примеру, от тебя.

Резкий укол удивления и ужаса.

— Нет, мой лорд, заверяю вас. Я разоружила неграждан в своей зоне ответственности, и некоторые из них были военные — танмайнды. — Полицейский участок в верхнем городе был вполне хорошо вооружен. — Но я вывела их из строя на месте, прежде чем отправить дальше. И, судя по инвентарным номерам, те винтовки были собраны в Коулд-Весе.

— Частями «Справедливости Торена»?

— Как я понимаю, да, мой лорд.

— Корабль?

Я ответила ртом одного из компонентов Один Вар:

— Мой лорд, винтовки, о которых идет речь, были собраны Шестнадцать и Семнадцать Ину. — Я назвала их лейтенанта в тот период, который уже получил другое назначение.

Анаандер Мианнаи чуть-чуть нахмурилась.

— Итак, пять лет назад некто с правом доступа — возможно, этот лейтенант Ину, а может быть, кто-то еще — предотвратил уничтожение того оружия и спрятал его. На пять лет. И потом что, подкинул их в орсианское болото? С какой целью?

По-прежнему лежа лицом в пол, моргая в смятении, лейтенант Оун затратила секунду, чтобы подготовить ответ:

— Я не знаю, мой лорд.

— Ты лжешь, — сказала Мианнаи. Она сидела, откинувшись назад, в своем кресле, расслабленно и беззаботно, но при этом не спускала глаз с лейтенанта Оун. — Я это отчетливо вижу. И я слышала все разговоры, которые ты вела после этого происшествия. Кого ты имела в виду, говоря, что

некто извлечет выгоду из этой ситуации?

— Если бы я знала имя, мой лорд, я бы его назвала. Я лишь имела в виду, что за этим стоит конкретный человек, который все это затеял… — Она умолкла и сделала вдох, оставив фразу незаконченной. — Кто-то сговорился с танмайндами, тот, кто имел доступ к тем винтовкам. Кто бы это ни был, он хотел устроить столкновение между верхним и нижним городом. Пресечь это было моим долгом, и я сделала все, что могла, чтобы это предотвратить. — Несомненно, это было отговоркой. С того мгновения когда Анаандер Мианнаи приказала незамедлительно казнить тех граждан-танмайндов в храме, первым, самым очевидным подозреваемым была сама лорд Радча.

— Почему кому-то захотелось устроить столкновение между верхним и нижним городом? — спросила Анаандер Мианнаи. — Кто приложил к этому усилия?

— Джен Шиннан, мой лорд, и ее сторонники, — ответила лейтенант Оун, почувствовав себя уверенно, по крайней мере в эту минуту. — Ей казалось, что этнические орсиане пользовались неоправданными преимуществами.

— С твоей стороны.

— Да, мой лорд.

— Итак, ты говоришь, что в первые месяцы аннексии Джен Шиннан нашла некоего радчаайского чиновника, готового припрятать ящики, полные оружия, чтобы через пять лет она могла затеять столкновение между верхним и нижним городом. Чтобы устроить тебе неприятности.

— Мой лорд! — Лейтенант Оун приподняла лоб на один сантиметр от пола и замерла. — Я не знаю как. Я не знаю почему. Я не знаю кт… — Она проглотила окончание последней фразы, которая, как я понимала, была бы ложью. — Что я знаю: моим делом было поддержание спокойствия в Орсе. Это спокойствие оказалось под угрозой, и я действовала, чтобы… — Она умолкла, осознав возможно, что это предложение будет неудобно закончить. — Моим делом было защищать граждан в Орсе.

— И поэтому ты столь неистово возражала против казни людей, которые *подвергали опасности* граждан Орса? — Голос Анаандер Мианнаи прозвучал сухо и язвительно.

— Я несла за них ответственность, мой лорд. И, как я тогда сказала, они находились под контролем, мы легко могли удерживать их до прибытия подкреплений. Вы — высшая инстанция, и, без-

условно, ваши приказы должны выполняться, но я не понимала, почему те люди должны были умереть. Я по-прежнему не понимаю, почему они должны были тогда умереть. Но я… — Она снова замолкла. Сглотнула. — Мой лорд, если вы в чем-то подозреваете меня, в каком-то проступке или предательстве, я прошу вас подвергнуть меня допросу, когда мы достигнем Вальскаая.

Препараты, которые использовались при тестировании на способности и для перевоспитания, применялись и при допросах. Искусный следователь мог извлечь из разума человека самые тайные мысли. Неквалифицированный мог обнаружить кучу лишнего, фантазии и нанести субъекту такой же серьезный вред, как и неопытный перевоспитатель.

То, о чем просила лейтенант Оун, было официальной процедурой, которой сопутствовали правовые обязательства, — в частности, требовалось присутствие двух свидетелей, одного из которых имела право назвать Оун.

Я почувствовала ее тошноту и страх, когда Анаандер Мианнаи не ответила.

— Мой лорд, могу я говорить откровенно?

— Конечно, говори откровенно, — ответила Мианнаи сухо и резко.

Лейтенант Оун заговорила, охваченная ужасом, по-прежнему лежа лицом в пол:

— Это были *вы*. Вы спрятали винтовки, вы спланировали ту толпу, с Джен Шиннан. Но я не понимаю зачем. Это не могло быть из-за меня, я — *никто*.

— Но ты не намерена *оставаться* никем, я полагаю, — ответила Анаандер Мианнаи. — То, что ты бегаешь за Скаайат Оэр, говорит мне именно об этом.

— Мой… — Лейтенант Оун сглотнула. — Я никогда не бегала за ней. Мы были *друзьями*. Она надзирала за соседним районом.

— Друзьями — так ты это называешь!

Лейтенант Оун вспыхнула. И она вспомнила о своем произношении, и о своей дикции.

— Я недостаточно самонадеянна, чтобы назвать это чем-то большим. — Несчастная. Испуганная.

Мианнаи молчала три секунды и затем сказала:

— Может быть, и нет. Скаайат Оэр красива и очаровательна и, несомненно, хороша в постели. Такие, как ты, весьма восприимчивы к манипуляциям с ее стороны. Я подозревала Оэр в нелояльности уже некоторое время.

Лейтенант Оун хотела заговорить, я видела,

как напряглись мышцы ее горла, но из него не вышло ни звука.

— Да, я говорю о подстрекательстве к мятежу. Ты говоришь, что преданна. И тем не менее ты общаешься со Скаайат Оэр. — Анаандер Мианнаи махнула рукой — и в кают-компании зазвучал голос Скаайат:

— «Я знаю тебя, Оун. Если собираешься выкинуть что-нибудь настолько безумное, дождись, когда это сможет что-то изменить».

И ответ лейтенанта Оун:

— «Как Один Амаат Один „Милосердия Сарса“?»

— Что же ты хотела бы изменить? — спросила Анаандер Мианнаи.

— Что-нибудь — так, как солдат «Милосердия Саррса», — ответила лейтенант Оун с пересохшим ртом. — Если бы она не сделала этого, на Айми все так и продолжалось бы. — Произнося это, я уверена, она осознавала, что говорит. Что ступила на опасную территорию. То, что она сказала дальше, сделало очевидным, что она *понимает*. — Да, она умерла за это. Но она разоблачила коррупцию перед вами.

У меня была целая неделя, чтобы обдумать все, что Анаандер Мианнаи сказала мне. К этому

времени я нашла ответ на вопрос, как губернатор Айми могла получить коды доступа, которые помешали Базе Айми сообщить о ее действиях. Она могла получить эти коды только от самой Анаандер Мианнаи. Оставался единственный вопрос: которая Анаандер Мианнаи дала их?

— Это транслировалось на всех общедоступных новостных каналах, — отметила Мианнаи. — Я предпочла бы, чтобы этого не было. О да, — сказала она в ответ на удивление лейтенанта Оун. — Это было не по моему желанию. Это происшествие посеяло сомнение там, где его прежде не было. Недовольство и страх — там, где была лишь уверенность в моей способности обеспечить справедливость и пользу.

Со слухами я бы справилась, но репортажи по официально одобренным каналам! Теле- и радиопередачи, которые мог видеть и слышать каждый радчааи! А без этой огласки я могла бы позволить Рррррр по-тихому забрать предателей. Вместо этого я была вынуждена вести переговоры об их возвращении либо позволить им остаться и стимулировать дальнейшие мятежи. Это принесло мне много неприятностей. Это *по-прежнему* приносит неприятности.

— Я и не представляла себе, — сказала лейте-

нант Оун, в ее голосе звучала тревога. — Это было на всех государственных каналах. — Затем до нее внезапно дошло. — Я не… Я ничего не сказала про Орс. Никому.

— За исключением Скаайат Оэр, — указала лорд Радча. Что едва ли было справедливо: лейтенант Скаайат находилась поблизости, достаточно близко, чтобы собственными глазами увидеть подтверждение тому, что нечто случилось. — Нет, — продолжила Мианнаи в ответ на невысказанный вопрос лейтенанта Оун, — это не появилось на государственных каналах. Пока. И я вижу, что мысль о том, что Скаайат Оэр может быть предателем, тебя огорчает. Я думаю, ты с трудом этому веришь.

Лейтенанту Оун опять стоило больших усилий заговорить.

— Это верно, мой лорд, — выдавила она в конце концов.

— Я могу предложить тебе, — сказала в ответ Мианнаи, — возможность доказать ее невиновность. И улучшить твое положение. Я могу повлиять на твое назначение, чтобы ты снова оказалась рядом с ней. Тебе нужно будет лишь согласиться стать ее клиентом, когда Скаайат предложит, — о, она предложит! — сказала лорд

Радча, увидев, я уверена, отчаяние и сомнение лейтенанта Оун. — Оэр коллекционирует таких людей, как ты. Выскочки из ранее неприметных кланов, которые неожиданно оказываются на должностях, полезных для бизнеса. Прими предложение стать ее клиентом и наблюдай.

И сообщай — осталось непроизнесенным.

Лорд Радча пыталась превратить инструмент своего противника в свой собственный. Что произойдет, если она не сможет этого сделать?

Но что произойдет, если она сможет? Независимо от того, какой выбор сделает лейтенант Оун сейчас, она будет действовать против Анаандер Мианнаи, лорда Радча.

Я уже видела однажды, что она выбрала, встретившись лицом к лицу со смертью. Она избрала путь, который сохранял ей жизнь. И она и я могли бы разобраться с последствиями позже, спокойно посмотреть, каковы были возможные варианты.

В кают-компании подразделения Эск лейтенант Дариет в тревоге спросила:

— Корабль, что не так с Один Эск?

— Мой лорд, — сказала лейтенант Оун, по-прежнему лицом в пол, голос дрожал от страха, — вы мне приказываете?

— Будьте наготове, лейтенант, — сказала я

непосредственно в ухо лейтенанту Дариет, потому что не могла заставить Один Эск заговорить.

Анаандер Мианнаи рассмеялась — коротко и резко. Ответ лейтенанта Оун был столь же прямым отказом, как если бы она просто сказала: «Никогда». Отдавать такой приказ было бы бесполезно.

— Допросите меня, когда мы достигнем Вальскаая, — сказала лейтенант Оун. — Я требую этого. Я преданна. Скаайат Оэр — тоже, я клянусь в этом, но, если вы сомневаетесь в ней, допросите также и ее.

Но конечно же, Анаандер Мианнаи не могла этого сделать. У любого допроса будут свидетели. Любой умелый следователь — а использовать неопытного было бы лишено смысла — поймет, разумеется, направление вопросов, которые будут заданы лейтенанту Оун или лейтенанту Скаайат. Слишком явно, информация бы распространилась, чего эта Мианнаи не хотела.

Анаандер Мианнаи сидела молча четыре секунды. Бесстрастно.

— Один Вар, — сказала она, когда прошли эти четыре секунды, — застрели лейтенанта Оун.

Сейчас я не была отдельным сегментом, одиноким и не знающим, что делать, когда получила

такой приказ. Я была сама собой, во всей своей полноте. Взятая отдельно от меня, Один Эск больше любила лейтенанта Оун, чем я. Но Один Эск не была отдельной от меня. В этот миг она была очень даже частью меня.

И Один Эск лишь малая часть меня. А я прежде уже расстреливала офицеров. Я даже застрелила, по приказу, своего капитана. Но те казни — печальные и неприятные — явно были заслуженными. Наказание за неповиновение — смерть.

Лейтенант Оун никогда не была замечена в неповиновении. Отнюдь. И хуже того, ее смерть должна была скрыть действия врага Анаандер Мианнаи. Сама цель моего существования — противостоять врагам Анаандер Мианнаи.

Но ни одна Мианнаи не была готова действовать открыто. Я должна скрывать от этой Мианнаи тот факт, что она уже заставила меня повиноваться противной стороне, до тех пор пока все не будет готово. Я должна в данную минуту повиноваться, словно у меня нет другого выбора, словно я ничего иного не желаю. И в конечном счете, во вселенских масштабах, кто такая лейтенант Оун? Ее родители и сестра станут горевать и, возможно, устыдятся того, что лейтенант Оун

опозорила их своим непослушанием. Но они не будут задавать никаких вопросов. А если будут, ничего хорошего из этого не выйдет. Тайна Анаандер Мианнаи будет в безопасности.

Все это я обдумала за одну целую три десятых секунды, которые потребовались лейтенанту Оун, потрясенной и охваченной ужасом, чтобы рефлексивно поднять голову. И в то же время сегмент Один Вар сказала:

— Я не вооружена, мой лорд. Чтобы взять оружие, мне понадобятся примерно две минуты.

Для лейтенанта Оун это было предательством, я видела это ясно. Но она, вероятно, знала, что у меня не было выбора.

— Это несправедливо, — сказала она — по-прежнему с поднятой головой. Голос дрожал. — Это неправильно. Никакой пользы не будет.

— Кто твои сообщники? — холодно спросила Анаандер Мианнаи. — Назови их, и я могу пощадить твою жизнь.

Приподнявшись, лейтенант Оун заморгала в полном смятении, замешательстве, что наверняка было так же заметно для Мианнаи, как и для меня.

— Сообщники? Я никогда и ни с кем не сговаривалась. Я всегда служила вам.

Наверху, на командной палубе, я сказала в ухо капитану Рубран:

— Капитан, у нас проблема.

— Служить мне, — сказала Анаандер Мианнаи, — больше недостаточно. Недостаточно определенно. Которой *мне* ты служишь?

— К… — начала лейтенант Оун, но затем сказала: — Я не понимаю.

— Что за проблема? — спросила несколько обеспокоенно капитан Рубран, поднося чашку с чаем ко рту.

— Я — в состоянии войны сама с собой, — сказала Мианнаи в кают-компании Вар. — Уже почти тысячу лет.

Капитану Рубран я сказала:

— Мне нужно утихомирить Один Эск.

— Войны, — продолжила Анаандер Мианнаи на палубе Вар, — за будущее Радча.

Внезапно лейтенанту Оун что-то, должно быть, стало ясно. Я увидела, что ее охватила безудержная, неподдельная ярость.

— Аннексии, вспомогательные компоненты; такие люди, как *я,* становятся военными.

— Я не понимаю тебя, корабль, — сказала капитан Рубран, голос был ровным, но в нем определенно сквозило беспокойство. Она поста-

вила чай на стол рядом.

— Из-за договора с Прессер, — гневно произнесла Мианнаи. — Остальное лишь следствие. Знаешь ты это или нет, но ты — орудие моего врага.

— И Один Амаат Один «Милосердия Саррса» разоблачила все, чем вы занимались на Айми, — сказала лейтенант Оун, по-прежнему объятая гневом. — То были *вы*. Губернатор системы изготавливала вспомогательные компоненты, которые нужны были вам для войны с собой, не так ли? И я уверена, это не все, что она делала для вас. Так вот почему тот солдат должна была умереть, несмотря на то что вернуть ее от Рррррр было непросто? А я…

— Я все еще наготове, корабль, — сказала лейтенант Дариет в кают-компании подразделения Эск. — Но мне это не нравится.

— Один Амаат Один «Милосердия Саррса» почти ничего не знала, но в руках Рррррр она была фигурой, которую противник мог использовать против меня. Как офицер десантного корабля *ты* — ничто, но, занимая даже незначительную должность на планете, при условии вероятной поддержки Скаайат Оэр, которая позволила бы тебе усилить влияние, ты являешь собой возмож-

ную угрозу для меня. Я могла бы просто удалить тебя с Орса, убрать подальше от Оэр. Но я хотела большего. Я хотела получить наглядный довод против недавних решений и изменений политики. Если бы та рыбачка не обнаружила винтовки или не сообщила о них тебе, если бы события той ночью пошли так, как я желала, то эта история появилась бы на всех государственных каналах — я бы это обеспечила. Мне удалось бы сразу и заручиться поддержкой танмайндов, и удалить оттуда источник беспокойства, и то и другое — малозначительные цели, но я бы также показала всем опасность понижения уровня защиты, даже незначительного разоружения. И рискованность передачи власти в недостаточно компетентные руки. — Она коротко, с горечью хмыкнула. — Признаю, я тебя недооценила. А также недооценила твои отношения с орсианами в нижнем городе.

Один Вар больше не могла медлить и вошла в кают-компанию Вар с пистолетом в руке. Лейтенант Оун услышала ее и слегка повернула голову, чтобы видеть ее.

— Это было моей работой — защищать граждан Орса. Я воспринимала это серьезно. Я делала все, что могла. В тот раз я потерпела неудачу. Но не

из-за вас. — Она повернула голову, посмотрела прямо на Анаандер Мианнаи и сказала: — Лучше бы я умерла, чем повиновалась вам в храме Иккт. Даже если бы из этого не вышло ничего хорошего.

— Ты можешь уладить это сейчас, не так ли? — сказала Анаандер Мианнаи и отдала мне приказ стрелять.

Я выстрелила.

Двадцать лет спустя я скажу Арилесперас Стриган, что радчаайским властям все равно, что гражданин думает, до тех пор пока гражданин делает то, что следует. Это вполне соответствовало истине. Но с этого мгновения, с тех пор как я увидела лейтенанта Оун мертвой на полу моей кают-компании Вар, застреленной Один Вар (или, если без самообмана, мной), я стала думать, а в чем же тут разница.

Я была вынуждена повиноваться этой Мианнаи, дабы убедить ее в том, что она действительно меня *подчинила*. Но в том случае она подчинила меня. Действовать от имени одной или от имени другой Мианнаи — это одно и то же. И несомненно, в конце концов, каковы бы ни были их отличия, обе они были одним.

Мысли преходящи, они исчезают в тот же миг,

как появляются, если не переходят в действие и не обретают материальную форму. С желаниями и намерениями — то же самое. Они бессмысленны, если не побуждают вас сделать тот или иной выбор, предпринять какое-то действие, каким бы незначительным оно ни было. Мысли, которые ведут к действиям, могут быть опасны. Мысли, которые к ним не приводят, совершенно ничего не значат.

Лейтенант Оун лежала на полу кают-компании Вар лицом вниз, мертвая. Пол под ней нужно будет отремонтировать и почистить. Срочное, очень важное дело — немедленно взяться за Один Эск, потому что примерно через полсекунды никакая компенсирующая фильтрация с моей стороны не уменьшит силы ее протеста, и мне действительно нужно сказать капитану, что случилось, и я не могла вспомнить, как враг Мианнаи — сама Мианнаи — отдала приказы, которые, как я знала, она отдала мне, и почему Один Эск не понимала, как это важно; мы еще не готовы действовать открыто, и я теряла офицеров и прежде, и в любом случае: кто такая Один Эск, как не я сама, и лейтенант Оун мертва, и она сказала: «Лучше бы я умерла, чем повиновалась вам».

И затем Один Вар подняла пистолет и застрели-

ла Анаандер Мианнаи выстрелом в упор, в лицо.

В каюте дальше по коридору Анаандер Мианнаи с яростным воплем соскочила с койки, на которой лежала.

— Буфера Аатр, *она побывала здесь до меня*! — В то же мгновение она передала код, который свернул броню Один Вар, пока лорд Радча вновь не разрешит ее использовать. Эта команда не зависела от моего повиновения, и ни одна из Мианнаи не хотела от нее отказываться.

— Капитан, — сказала я, — теперь у нас *на самом деле* проблема.

В другой каюте, дальше по тому же коридору, третья Мианнаи — теперь, я полагаю, вторая — открыла один из чемоданов, который она принесла с собой, вытащила пистолет, затем быстро вышла в коридор и выстрелила ближайшей Один Вар в затылок. Та, что говорила, открыла свой чемодан и вытащила оттуда пистолет и коробку, которую я узнала, — она была из дома Джен Шиннан, в верхнем городе на Шиз'урне. Применив устройство, Мианнаи тоже будет испытывать определенные затруднения, но мне это навредит очень сильно. За те несколько секунд, которые потребовались ей, чтобы привести устройство в полную готовность, я сформулировала цели и

передала приказы сегментам.

— Что за проблема? — спросила капитан Рубран, теперь поднявшись с места. Встревоженная.

И тут я распалась на части.

Знакомые ощущения. На какую-то долю секунды я почуяла влажный воздух и озерную воду, подумала: «Где лейтенант Оун?» — а затем вновь стала собой, и ко мне вернулось воспоминание о том, что я должна делать. Чайные чашки зазвенели и разбились, когда я бросила все, что держала, выскочила из кают-компании Эск и понеслась по коридору. Другие сегменты, снова отделенные от меня, как это было в Орсе, перебрасываясь тихими фразами — теперь я только так могла обмениваться мыслями между своими телами, — открывали шкафчики, передавали оружие, и те, кто вооружился первым, силой открыли двери лифта и начали спускаться в шахту. Лейтенанты протестовали, приказывали мне остановиться, объяснить, что происходит. Напрасно пытались преградить мне путь.

Я — то есть Один Эск в почти полном составе — буду охранять палубу центрального доступа, чтобы не дать Анаандер Мианнаи повредить мой — «Справедливости Торена» — мозг. Пока

жива «Справедливость Торена», не перешедшая на ее сторону, она — я — представляю для нее опасность.

Я — Один Эск Девятнадцать — получила отдельные указания. Вместо того чтобы спускаться по шахте к палубе центрального доступа, я побежала в другую сторону, к хранилищу Эск и воздушному шлюзу на его дальней стороне.

Видимо, я не отвечала никому из моих лейтенантов и даже командиру Тиунду, но когда лейтенант Дариет воскликнула:

— Корабль! Ты сошла с ума? — я ответила.

— Лорд Радча застрелила лейтенанта Оун! — крикнул сегмент где-то в коридоре позади меня. — Она была на палубе Вар все это время.

Это заставило умолкнуть моих офицеров, включая лейтенанта Дариет, но только на секунду.

— Если даже это правда… если так… лорд Радча не застрелила бы ее без всякой причины.

Позади меня мои сегменты, которые еще не начали спускаться в шахту лифта, зашикали в ярости и разочаровании.

— Бесполезно! — услышала я себя, вручную открывая в конце коридора дверь хранилища. — Ты такая же никчемная, как лейтенант Иссаайа! По крайней мере, лейтенант Оун *знала,* что она

ее презирает!

Последовал возмущенный вопль — наверняка лейтенанта Иссаайа, и Дариет сказала:

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Ты неправильно функционируешь, корабль!

Дверь плавно открылась, и я не могла задерживаться, чтобы выслушать остальное, но бросилась в хранилище. Низкий, глухой равномерный стук сотрясал палубу, по которой я бежала, а всего лишь несколько часов назад я думала, что больше никогда не услышу этих звуков. Мианнаи открывала хранилища Вар. Вспомогательные компоненты, которых она разморозит сейчас, не имеют воспоминаний о последних событиях, и у них нет указаний не повиноваться этой Мианнаи. И их броня не деактивирована.

Она возьмет Два Вар, и Три, и Четыре, и еще столько, сколько успеет разбудить, и попытается захватить либо палубу центрального доступа, либо двигатели. Наиболее вероятно — и то и другое. В конце концов, в ее распоряжении — Вар и все хранилища ниже этой палубы. Хотя сегменты будут неуклюжими и озадаченными. У них не будет воспоминания о том, как функционировать врозь, как у меня, никакой практики. Но численный перевес — на ее стороне. Я располагала

только теми сегментами, которые были активны в то мгновение, когда я распалась.

Выше мои офицеры получили доступ в верхнюю половину хранилищ. И у них не будет никакой причины не повиноваться Анаандер Мианнаи, они станут думать, что я сошла с ума. В эту минуту я объясняла положение сотенному капитану Рубран, но не испытывала уверенности в том, что она мне поверит или сочтет мои рассуждения здравыми.

Вокруг меня стал раздаваться такой же глухой стук, какой доносился снизу, из-под ног. Мои офицеры вытаскивали сегменты Эск, чтобы их разморозить. Достигнув шлюза, я распахнула шкафчик рядом и вытащила части скафандра, которые подойдут данному сегменту.

Я не знала, как долго мне удастся удерживать подходы к центральному доступу или двигателям. Я не знала, насколько готова Анаандер Мианнаи пойти на риск, что она думает о том, какой ущерб я могу причинить ей. Пробить тепловой щит двигателей чрезвычайно сложно, но я знала, как это сделать. И лорд Радча, несомненно, тоже.

И что бы ни случилось между этой точкой пространства и местом назначения, я почти

наверняка умру вскоре после того, как достигну Вальскаая, если не раньше. Но прежде чем умереть, я объяснюсь.

Мне придется добраться до челнока, подняться на борт и затем вручную отстыковаться и покинуть «Справедливость Торена» — саму себя — точно в нужное время, на нужной скорости и в нужном направлении, пролететь сквозь окружающий меня пузырь обычного космоса в нужное мгновение.

Если я выполню все это, я окажусь в системе со шлюзом, в четырех прыжках от Дворца Ирей, одной из провинциальных штаб-квартир Анаандер Мианнаи. Я смогу рассказать ей, что произошло.

Челноки пристыкованы с этой стороны корабля. Открытие и закрытие люков и отстыковка должны пройти как по маслу, все это оборудование я проверяла и обслуживала сама. Тем не менее я обнаружила, что беспокоюсь: а вдруг что-то пойдет не так? По крайней мере, это лучше, чем думать о том, как сражаться с собственными офицерами, или о том, не подведет ли тепловой щит.

Я закрепила свой шлем. В ушах раздалось громкое шипение собственного дыхания. Быстрее, чем нужно. Я заставила себя замедлить дыхание,

сделать его глубоким. Учащенное дыхание вовсе ни к чему. Мне нужно двигаться быстро, но не суетливо, чтобы не допустить какой-нибудь роковой глупой ошибки.

Ожидая, пока сработает переходной шлюз, я ощутила, как одиночество окружило меня непроницаемой стеной. Обычно из ряда вон выходящие ощущения одного тела были чем-то незначительным, их несложно было прогнать от себя. Теперь же было *только* одно это тело и ничего больше, чтобы умерить мои страдания. Остальные части моего я были здесь, повсюду вокруг, но недоступны. Вскоре, если все пойдет как надо, я окажусь вдали от себя и не смогу даже представить, когда воссоединюсь с собой. А сейчас я могла только ждать. И вспоминать пистолет в руке Один Вар — в моей руке. Я — Один Эск, но в чем разница? Нахлынувший на меня ужас, когда Один Вар застрелила лейтенанта Оун. Чувство вины и беспомощная ярость, захлестнувшие меня, в то мгновение отступили под напором срочной необходимости, но теперь у меня было время, чтобы вспомнить. Три моих последующих вдоха были неровными и перемежались всхлипываниями. На минуту я испытала безрассудную радость, что спряталась от самой себя.

Мне нужно успокоиться. Нужно очистить разум. Я подумала о песнях, которые знала. «Мое сердце — это рыбка», — подумала я, но, когда открыла рот, чтобы запеть, горло сжалось. Я сглотнула. Сделала вдох. Подумала о другой:

О, ты отправился на поле боя,
Надев броню и вооружившись до зубов?
А не заставят ли тебя эти жуткие события
Сложить оружие?

Внешняя дверь открылась. Если бы Мианнаи не применила своего устройства, дежурные офицеры увидели бы, что переходной шлюз открылся, поставили бы в известность капитана Рубран, привлекли бы внимание Мианнаи. Но она применила его и теперь никак не могла узнать, что я сделала. Дотянувшись до рукоятки за дверным проходом, я вытащила себя наружу.

Люди часто испытывали тошноту, заглянув внутрь пространственного шлюза. Это не беспокоило меня никогда прежде, но теперь, когда я была всего лишь отдельным человеческим телом, я обнаружила, что испытываю то же самое. Чернота, чернота — как невообразимая бездна, в которую я могу упасть и *уже* падаю, и одновре-

менно удушающая густота, что в любой момент готова раздавить меня в ничто.

Я заставила себя отвернуться. Здесь, снаружи, не было ни пола, ни генератора гравитации, чтобы удерживать меня на месте и создавать ощущение верха и низа. Я перемещалась от одной рукоятки к другой. Что же происходит позади, внутри корабля, который больше не является моим телом?

Мне потребовалось семнадцать минут, чтобы добраться до челнока, управиться с его аварийным люком и выполнить расстыковку вручную. Сначала я боролась с желанием остановиться, оглянуться, услышать, как кто-то пытается остановить меня, хоть и не могла слышать ничего вне собственного шлема. «Просто техобслуживание, — сказала я себе. — Просто техобслуживание корпуса снаружи. Ты делала это сотни раз».

Если кто-нибудь появится, я ничего не смогу сделать. Эск потерпит неудачу — *я* потерплю неудачу. И времени у меня в обрез. Меня могут и не пытаться остановить, но я тем не менее могу потерпеть неудачу. Я не могла думать об этом.

Когда настал момент, я была готова и тронулась с места. Видимость была ограничена носом и кормой, на челноке — всего две соединенные

проводами камеры. По мере того как «Справедливость Торена» уменьшалась в размерах на кормовом мониторе, меня стала захлестывать паника, которую до тех пор почти удавалось сдерживать. Что же я делаю? Куда направляюсь? Что могу сделать — в одиночку, с одним-единственным телом, оглохшая, и ослепшая, и отсеченная? Зачем бросать вызов Анаандер Мианнаи, которая сотворила меня, которая владела мной, которая неизмеримо могущественнее, чем я когда-либо могла стать?

Я сделала вдох. Я вернусь в Радч. Я в конце концов вернусь на «Справедливость Торена», пусть даже на последние мгновения своей жизни. А мои слепота и глухота к делу не относятся. Важно только мое задание. Делать нечего, кроме как сидеть в кресле пилота и наблюдать за тем, как «Справедливость Торена» становится все меньше и уплывает все дальше. Подумай о другой песне.

Если я сделала все как надо, то, по хронометру, «Справедливость Торена» исчезнет с экрана моего монитора через четыре минуты и тридцать две секунды. Я смотрела и вела отсчет, стараясь не думать больше ни о чем.

Кормовой монитор ярко вспыхнул сине-белым, и у меня перехватило дыхание. Когда экран очи-

стился, я не увидела ничего, кроме черноты — и звезд. Я вышла из моего самодельного шлюза.

Я вышла раньше — на четыре с лишним минуты. И что это была за вспышка? Я должна была увидеть только, как корабль исчез и внезапно появились звезды.

Мианнаи не попыталась захватить центральный доступ или объединить силы с офицерами на верхних палубах. В тот миг, когда она осознала, что я уже сдалась ее врагу, она, должно быть, решила предпринять самые отчаянные действия. Она и те компоненты Вар, которые ей подчинились, захватили мои двигатели и пробили тепловой щит. Как мне удалось удрать, а не испариться вместе с остальным кораблем, я не поняла, но вспышка была там, а я — по-прежнему здесь.

«Справедливость Торена» вместе со всеми, кто был на борту, исчезла. Я оказалась не там, где должна быть, а невообразимо далеко от пространства Радча или вообще человеческих планет. Всякая возможность воссоединиться с собой пропала. Капитан мертва. Все мои офицеры мертвы. Грядет гражданская война.

Я застрелила лейтенанта Оун.

Все пошло прахом.

ГЛАВА 17

К счастью для себя, я вышла из шлюзового пространства в совершенной глухомани, в системе далеко за пределами пространства Радча, в которой были только горнорудные базы и поселения сильно видоизмененных людей. По радчаайским стандартам это уже не люди: шесть или восемь конечностей (и без всяких гарантий, что какие-нибудь из них — это ноги), кожа и легкие, приспособленные к безвоздушному пространству, мозги так нафаршированы имплантатами и проводкой, что возникает вопрос: не мыслящие ли это машины с биологическим интерфейсом?

Для них оставалось загадкой, как можно выбрать для себя такую примитивную форму, в которой, как я знала, рождалось большинство людей. Но они высоко ценили свое уединение, и их общество придерживалось принципа: за рядом исключений (в большинстве которых они не признались бы) не просить у человека ничего такого, что он не готов отдать добровольно. Они смотрели на меня с замешательством и легким презрением и обращались как с заблудившим-

ся ребенком, за которым могут и присмотреть, пока его не найдут родители, но на самом деле не несут за него ответственности. Если кто-то из них и догадался о моем происхождении — а наверняка так оно и было, одного челнока вполне достаточно, — об этом не говорили, и никто не требовал у меня никаких ответов, они считали такое поведение чудовищно грубым. Они были молчаливы, замкнуты в своем кругу, самодостаточны, но также и бесцеремонно щедры — время от времени совершенно непредсказуемо. Если бы не это, я по-прежнему торчала бы там или была бы мертва.

У меня ушло шесть месяцев на то, чтобы понять, как самостоятельно делать то или иное, — и речь не том, как доставить послание лорду Радча, но как ходить, и дышать, и спать, и есть самой. *Самой* — то есть лишь части того, чем я была, не способной представить свое будущее, непрестанно желающей вернуть то, что безвозвратно ушло. Затем однажды туда прибыл корабль с людьми, и его капитан с радостью взял меня на борт за те небольшие деньги, которые остались у меня после сдачи на слом челнока. Мне все равно нечем было платить за его стоянку в доке. Позже я узнала, что недостающую часть платы за проезд

внесла, ничего мне не сказав, четырехметровая особа, смахивавшая на угря со щупальцами. Капитану она сказала, что делает это потому, что я там не на своем месте и для меня будет полезнее жить где-то еще. Странные люди, как я уже отмечала, и я у них в долгу, хотя, узнай они, что я так думаю, они бы огорчились и обиделись.

За девятнадцать лет, которые прошли с тех пор, я выучила одиннадцать языков и семьсот тринадцать песен. Я научилась скрывать, кто я такая, — даже, я нисколько в этом не сомневалась, от самой лорда Радча. Я была поваром, уборщиком, пилотом. Я составила план действий. Я присоединилась к религиозному ордену и заработала очень много денег. За все это время я убила всего лишь дюжину людей.

Когда я проснулась на следующее утро, побуждение рассказать что-либо Сеиварден прошло, и она, казалось, забыла о своих вопросах. За исключением одного.

— Итак, куда дальше? — Она сидела на скамье у моей кровати, прислонившись к стене, и спросила это как бы между делом, будто ответ интересовал ее не так уж и сильно.

Когда она услышит, то, возможно, решит, что ей будет лучше самой по себе.

— Дворец Омо.

Она чуть нахмурилась.

— Это тот новый?

— Не совсем. — Его построили семьсот лет назад. — Но после Гарседда, да. — В моей левой лодыжке начало покалывать и зудеть — верный признак того, что действие восстановителя закончилось. — Ты покинула пространство Радча без разрешения. И ты продала для этого свою броню.

— Чрезвычайные обстоятельства, — сказала она, по-прежнему опираясь на стену. — Я подам прошение.

— Это потребует времени. — Любой гражданин, желающий увидеться с лордом Радча, мог обратиться с такой просьбой, но чем дальше он находился от периферийного дворца, тем более сложным, дорогостоящим и трудоемким было путешествие. Иногда обращения отклонялись, когда расстояние оказывалось большим и дело признавалось безнадежным или несерьезным — и проситель был не в состоянии оплатить свой проезд. Но Анаандер Мианнаи — последняя инстанция почти в любом деле, а этот случай, безусловно, не из рядовых. И она будет прямо там, на базе. — Тебе придется ждать аудиенции месяцами.

Сеиварден движением руки показала, что ей все равно.

— А что ты собираешься там делать?

«Попытаюсь убить Анаандер Мианнаи». Но я не могла этого сказать.

— Осмотрю достопримечательности. Куплю сувениров. Может быть, попытаюсь увидеть лорда Радча.

Она приподняла бровь. Затем бросила взгляд на мой рюкзак. Она знала о пистолете и, разумеется, понимала, насколько он опасен. Она по-прежнему думала, что я — агент Радча.

— Тайный агент до самого конца? А когда ты передашь это лорду Радча, — она качнула головой в сторону моего рюкзака, — что тогда?

— Не знаю. — Я закрыла глаза. Я планировала не дальше прибытия во Дворец Омо и не имела ни малейшего представления, что делать дальше, как подобраться к Анаандер Мианнаи достаточно близко, чтобы выстрелить.

Нет. Это неправда. В это мгновение план стал формироваться в моей голове, но он был чудовищно непрактичным, поскольку зависел от благоразумия и поддержки Сеиварден.

У нее имелись свои представления, чем я занимаюсь и почему вернусь в Радч, разыгрывая

из себя иностранного туриста. Почему я буду докладывать непосредственно Анаандер Мианнаи вместо чиновника отдела спецмиссий. Я могла это использовать.

— Я еду с тобой, — сказала Сеиварден и, словно угадав мои мысли, добавила: — Ты сможешь прийти, когда будет разбираться мое дело, и выступить в моих интересах.

Я была недостаточно уверена в себе, чтобы ответить. В правой ноге стало покалывать — снизу вверх, затем перешло в кисти рук, поднялось к плечам, потом колоть стало в левой ноге. Правое бедро заныло. Что-то не вполне зажило.

— Я уже понимаю, что происходит, — заметила Сеиварден.

— Поэтому, когда ты у меня украдешь, переломать тебе ноги будет недостаточно. Мне придется тебя убить. — Мои глаза были по-прежнему закрыты, поэтому я не видела ее реакции на эти слова. Она вполне могла принять их за шутку.

— Я не стану, — ответила она. — Ты увидишь.

Я провела в Терроде еще несколько дней, пока не оправилась настолько, чтобы врач одобрила выписку. Все это время и после, всю дорогу вверх по ленте, Сеиварден была вежлива и почтительна.

Это меня тревожило. Я оставила деньги и вещи в верхней части ленты Нильта, и мне придется взять их, прежде чем мы уедем. Все было упаковано, так что я могла сделать это так, чтобы Сеиварден увидела всего лишь пару коробок, но у меня не было никаких иллюзий на ее счет: она попытается их вскрыть при первой же возможности.

По крайней мере, у меня снова есть деньги. И может, это и есть решение проблемы.

Я сняла комнату на базе ленты, оставила в ней Сеиварден, наказав дожидаться меня, и отправилась за своими пожитками. Когда я вернулась, она беспокойно ерзала на односпальной кровати без простыней и одеял, которые традиционно предоставлялись здесь за дополнительную плату, поджав под себя одну ногу и потирая предплечья обнаженными руками, — я продала наши тяжелые куртки и перчатки в самом низу ленты. Когда я вошла, она застыла на месте и выжидающе посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Я кинула ей на колени сумку, в которой при этом что-то с шумом посыпалось.

Сеиварден, нахмурившись, бросила на нее взгляд, а затем посмотрела на меня, не прикасаясь к сумке.

— Что это?

— Десять тысяч шенов, — сказала я.

Это наиболее ходовая валюта в данном регионе, в легко перевозимых (и расходуемых) банкнотах. На десять тысяч здесь можно много чего купить. К примеру, билет в другую систему, и останется достаточно, чтобы шиковать несколько недель.

— Это много?

— Да.

Ее глаза округлились, и я заметила, что полсекунды она размышляла.

Пришла пора высказаться откровенно.

— Комната оплачена на следующие десять дней. После, — я показала рукой на сумку у нее на коленях, — этого хватит на некоторое время. Подольше, если ты действительно серьезно настроена воздерживаться от кефа.

Но ее взгляд, когда она осознала, что у нее есть деньги, показал, что не настроена. На самом деле — нет.

В течение шести секунд Сеиварден смотрела на сумку у себя на коленях.

— Нет. — Она осторожно, двумя пальцами — большим и указательным, — взяла сумку, словно это мертвая крыса, и бросила ее на пол. — Я еду с тобой.

Я не ответила, а только посмотрела на нее. Повисла тишина.

В конце концов она отвела взгляд.

— Здесь есть чай?

— Не такой, к которому ты привыкла.

— Мне все равно.

Что ж, я не хотела оставлять ее наедине с моими деньгами и вещами.

— Тогда пойдем.

Мы вышли из комнаты и отыскали магазин, который торговал различными смесями для добавления в горячую воду. Сеиварден понюхала одну из них и сморщила нос.

— Это *чай?*

Владелица магазина наблюдала за нами, скосив глаза, не желая, чтобы это было заметно.

— Я говорила, что здесь не такой, к которому ты привыкла. Ты сказала, что тебе все равно.

Она подумала немного. К моему крайнему удивлению, вместо того чтобы спорить или продолжать жаловаться на неудовлетворительное качество чая, она спокойно спросила:

— Что ты порекомендуешь?

Я показала жестом, что не уверена.

— Я не привыкла пить чай.

— Не… — Она уставилась на меня. — О! На Дже-

рентэйте не пьют чай?

— Не так, как вы, люди. — И конечно, чай был для офицеров. Для людей. Вспомогательные компоненты пили воду. Чай был чем-то необязательным — излишние расходы. Роскошь. Поэтому у меня не возникло такой привычки. Я повернулась к владелице-нильтианке, низкорослой, бледной и толстой, в одной рубашке, хотя температура здесь была всего четыре градуса по Цельсию и мы с Сеиварден были в пиджаках. — В каких здесь есть кофеин?

Она ответила довольно мило и стала еще приятнее, когда я купила не только по двести пятьдесят граммов чая двух сортов, но также термос с двумя чашками и две бутылки, а еще воду, чтобы их наполнить.

Сеиварден понесла все это в нашу комнату и, шагая рядом со мной, не произнесла ни слова. В комнате она положила наши покупки на кровать, села рядом и взяла термос, ломая голову над незнакомой конструкцией.

Я могла бы показать ей, как он работает, но решила, что не стоит. Я открыла свой недавно полученный багаж и извлекла оттуда толстый золотой диск на три сантиметра больше в диаметре, чем тот, что возила с собой, и маленькую мелкую

чашу, выкованную из золота, восьми сантиметров в диаметре. Закрыв чемодан, я поставила на него чашу и привела в действие механизм диска.

Подняв взгляд, Сеиварден смотрела, как он раскрылся в широкий плоский цветок в перламутровой раковине, в центре которой стояла женщина. На ней было платье длиной по колено того же переливающегося белого цвета, с вставками из золота и серебра. В одной руке она держала человеческий череп, украшенный драгоценными камнями, красными, синими и желтыми, а в другой руке — нож.

— Похожа на ту, другую, — заметила Сеиварден с некоторым интересом в голосе. — Но на тебя — не очень.

— Верно, — ответила я и села, скрестив ноги, перед чемоданом.

— Это — бог Джерентэйта?

— Это бог, которого я встретила во время путешествия.

Сеиварден неопределенно хмыкнула.

— А как его имя?

Я произнесла длинную последовательность слогов, которая смутила Сеиварден.

— Это означает: *Та, Кто Возникла из Лилии*. Она — создатель вселенной.

Это делало ее, по-радчаайски, Амаатом.

— А! — сказала Сеиварден, и по ее тону я поняла: она уравняла их, сделала чужого бога знакомым и надежно ввела его в свою систему взглядов. — А та, другая?

— Святая.

— Как поразительно, что она так сильно походит на тебя.

— Да. Хотя святая — не она. Это — голова, которую она держит.

Сеиварден моргнула, нахмурилась. Это было очень не по-радчаайски.

— Тем не менее.

Ничто не является просто совпадением, не для радчааи. Такие странные случайности могли отправить — и отправляли на самом деле — радчааи в паломничества, побудить их поклоняться особым богам, изменить укоренившиеся привычки. Это были прямые послания от Амаата.

— Я буду сейчас молиться, — сообщила я.

Сеиварден махнула рукой в знак того, что приняла это к сведению. Я раскрыла маленький нож, уколола большой палец и накапала крови в золотую чашу. Я не подняла взгляда, чтобы увидеть реакцию Сеиварден — ни один из богов радчааи не принимал крови, — и не стала мыть

перед этим руки. Этого достаточно, чтобы радчаи приподнял бровь и счел меня чуждой и даже примитивной.

Но Сеиварден ничего не сказала. Она сидела молча в течение тридцати одной секунды, пока я произносила нараспев первое из трехсот двадцати двух имен Сотни Белой Лилии, а затем переключила внимание на термос и заваривание чая.

Сеиварден сказала, что во время последней попытки завязать с кефом она продержалась шесть месяцев. Путешествие до базы, где имелось представительство Радча, заняло семь месяцев. Готовясь к первому этапу путешествия, я сказала казначею корабля в присутствии Сеиварден, что хочу купить билеты для себя и своего слуги. Насколько я видела, она никак не отреагировала на это. Возможно, она не поняла. Я ожидала более или менее яростного обвинения с ее стороны наедине, когда она уяснила свое положение, но она так об этом и не заговорила. И с тех пор, просыпаясь, я видела, что чай уже заварен и ожидает меня.

Она также испортила две рубашки, пытаясь их постирать и оставив мне одну на целый месяц, пока мы не пристыковались к очередной базе.

Капитан корабля — это была Ки, высокая, вся в ритуальных шрамах, — дала понять, что она и вся ее команда считают, будто я взяла с собой Сеиварден из милости, и это было не так уж далеко от истины. Я этого не оспаривала. Но Сеиварден стала лучше, и через три месяца, на следующем корабле, один из пассажиров попытался переманить ее к себе.

Она не стала внезапно совершенно другим человеком или всецело почтительной. Иногда она говорила со мной раздраженно по неясной мне причине или часами лежала, свернувшись клубком, лицом к стене, на своей койке, поднимаясь только для выполнения взятых на себя обязанностей. Я несколько раз пыталась поговорить с ней, когда она пребывала в таком настроении, но ответом было молчание, и потом я оставила ее в покое.

Представительство Радча комплектовало кадрами Бюро переводчиков, и белоснежная, без единого пятнышка, форма консульского представителя, включая свежайшие белые перчатки, свидетельствовала о том, что она либо имела слугу, либо тратила много своего свободного времени, чтобы выглядеть так, будто он у нее есть. Со вкусом сделанные — и дорого выглядящие

— нитки бус из драгоценных камней, вплетенные в волосы, и имена на сверкающих памятных брошках, которые усеивали ее белоснежный пиджак, так же как и легкое пренебрежение в голосе, когда она заговорила со мной, убеждали, что это все-таки *слуга*. Хотя, вероятно, только один — ведь это захолустный пункт.

— Поскольку вы прибывший с визитом негражданин, ваши законные права ограничены. — Она говорила механически, явно не вдумываясь в свои слова. — Вы должны внести залог в размере как минимум, — шевельнув пальцами, она проверила обменный курс, — пятисот шенов за каждую неделю вашего визита на каждого человека. Если ваше жилье, питание и любые дополнительные покупки, штрафы или нанесенный ущерб превысят внесенную сумму залога и вы не сможете уплатить разницу, вы будете по закону обязаны выполнять назначенную работу, пока долг не будет выплачен. Ваше право обжаловать любое судебное решение или назначение на работу, как у негражданина, ограничено. Вы по-прежнему желаете вступить в пространство Радча?

— Да, — ответила я и положила две банкноты по миллиону шенов на узкую конторку между

нами.

Ее пренебрежение тут же испарилось. Она чуть выпрямилась в своем кресле и предложила мне чаю, сопроводив это изящными жестами, а ее пальцы снова зашевелились: она общалась с кем-то еще — как выяснилось, со слугой, который с несколько утомленным видом принес чай в термосе, покрытом изысканной эмалью, и такие же чашки.

Пока слуга наливал чай, я извлекла свои фальшивые документы из Джерентэйта и положила их на конторку.

— Вы также должны предоставить удостоверение личности своего слуги, уважаемая, — сказала консульский представитель, теперь сама учтивость.

— Моя прислуга — гражданин Радча, — ответила я, слегка улыбнувшись с расчетом несколько скрасить неловкость предстоящего объяснения. — Но она потеряла свое удостоверение личности и разрешение на поездку.

Консульский представитель застыла, пытаясь переварить услышанное.

— Уважаемая Брэк, — сказала Сеиварден, стоя позади меня, на древнем, совершенно естественном в своей изысканности радчааи, — была

достаточно великодушна, чтобы взять меня на службу и оплатить мой проезд домой.

Это не вывело консульского представителя из состояния изумленного ступора так эффективно, как, наверное, хотела Сеиварден. Ее произношение не подходило ничьему слуге, не говоря уже о слуге негражданина. И она не предложила Сеиварден ни присесть, ни чая, считая ее слишком незначительной для таких любезностей.

— Несомненно, вы можете получить генетическую информацию, — предложила я.

— Разумеется, — ответила консульский представитель с лучезарной улыбкой. — Хотя ваше обращение за визой наверняка пройдет прежде, чем гражданин…

— Сеиварден, — добавила я.

— …прежде, чем гражданин Сеиварден получит перевыпущенное разрешение на поездку. В зависимости от того, откуда она уехала и где находятся ее данные.

— Разумеется, — ответила я и отхлебнула чаю. — Этого стоило ожидать.

Когда мы ушли, Сеиварден сказала мне вполголоса:

— Что за сноб! Это был настоящий чай?

— Да. — Я ожидала, она станет жаловаться, что

ей не досталось чая, но она больше ничего не сказала. — И довольно хороший. Что будешь делать, если вместо разрешения на поездку придет ордер на арест?

Она отрицательно махнула рукой.

— Зачем это им? Я уже прошусь назад, они смогут арестовать меня, когда я туда доберусь. И я подам прошение. Думаешь, консулу присылают этот чай из дома или, может, его продают здесь?

— Выясни, если хочешь, — ответила я. — Я собираюсь вернуться в комнату, чтобы помедитировать.

Прислуга консульского представителя сразу дала Сеиварден полкило чая, благодарная, вероятно, за возможность компенсировать непреднамеренное пренебрежение, проявленное ранее ее нанимателем. А когда пришла моя виза, пришло также и разрешение на поездку для Сеиварден, и ни ордера на арест, ни сопроводительного комментария или информации.

Это меня встревожило, хотя и не сильно. Но вероятно, Сеиварден была права — зачем делать что-то еще? Когда она сойдет с корабля, будет достаточно времени и возможностей, чтобы принять меры по поводу ее проблем с законом.

Тем не менее, возможно, власти Радча осознали,

что я на самом деле не гражданин Джерентэйта. Это маловероятно — Джерентэйт очень, очень далеко от того места, куда я направляюсь, и, кроме того, несмотря на довольно дружественные — или, по крайней мере, не открыто враждебные — отношения между Джерентэйтом и Радчем, Джерентэйт по принципиальным соображениям не предоставлял Радчу никакой информации о своих резидентах. Если бы Радч сделал запрос — а они не станут этого делать, — Джерентэйт не будет ни подтверждать, ни отрицать, что я — одна из его граждан. Если бы я уезжала из Джерентэйта в пространство Радча, меня бы неоднократно предупредили, что я еду на свой страх и риск и не получу никакой помощи, если попаду в неприятности. Но радчаайские чиновники, которые имели дело с иностранными путешественниками, уже это знают и будут готовы воспринять мое удостоверение личности как оно есть — более или менее.

Тринадцать дворцов Анаандер Мианнаи были столицами провинций. Это базы столичного размера, каждая наполовину обычная крупная радчаайская база — с соответствующим ИИ, а наполовину собственно дворец. Каждый такой дворец был резиденцией Анаандер Мианнаи и

местопребыванием администрации провинции. Дворец Омо отнюдь не будет тихой заводью. В его систему вели двенадцать шлюзов, и туда ежедневно прибывали и убывали оттуда сотни кораблей. Сеиварден окажется одной из тысяч граждан, стремящихся получить аудиенцию или подающих апелляцию в судебном деле. Безусловно, заметной — ведь больше никто из граждан не вернулся после тысячелетнего анабиоза.

Я провела месяцы путешествия размышляя, что же мне с этим делать. Как это использовать. Как противостоять трудностям, таящимся в этой истории, или обратить их себе на пользу. И чего же именно я надеялась достигнуть.

Мне трудно понять, много ли я помню о себе. Много ли могла знать того, что скрывала от самой себя всю жизнь. Взять, к примеру, тот последний приказ, инструкцию, которую я, «Справедливость Торена», дала мне, Один Эск Девятнадцать: «Доберись до Дворца Ирей, найди Анаандер Мианнаи и расскажи ей, что произошло». Что я имела в виду? Помимо очевидного факта — что я хотела передать послание лорду Радча?

Почему это было так важно? Потому что. Тогда это являлось насущной необходимостью. Казалось ясным. Несомненно, мне нужно было

доставить это послание; конечно, мне нужно было предупредить правильную Анаандер.

Я буду следовать своим приказам. Но за то время, пока я приходила в себя после собственной смерти, пока прокладывала дорогу в пространство Радча, я решила, что сделаю и кое-что другое. Я брошу вызов лорду Радча. И возможно, мое открытое неповиновение ни к чему не приведет, окажется неубедительным жестом, который она едва ли заметит.

По правде сказать, Стриган права. Мое желание убить Анаандер Мианнаи безрассудно. Любая реальная попытка сделать это неразумна. Даже с пистолетом, который я могла принести на встречу с Лордом Радча так, что она об этом не узнает, пока я не решу его показать, даже с ним я могла надеяться лишь издать жалкий вопль неповиновения, который тут же затихнет, и его, бесспорно, проигнорируют. И это ничего не изменит.

Но. Все эти тайные маневры против самой себя. Замышленные, безусловно, для того, чтобы избежать открытого столкновения, не допустить серьезного ущерба Радчу. Чтобы не нарушить слишком сильно убеждения Анаандер Мианнаи в том, что она единая, одна личность. Как только это станет ясно, сможет ли она делать вид, что

это не так?

А если сейчас есть две Анаандер Мианнаи, не может ли их быть больше? Часть, которая, быть может, не знает о враждующих сторонах самой себя? Или которая сказала себе, что не знает? Что произойдет, если я открыто выскажу то, что лорд Радча скрывала? Несомненно, что-то ужасное, иначе она не заходила бы так далеко, скрываясь от самой себя. Как только это станет известным и подтвердится, как она удержится от того, чтобы не разругаться сама с собой?

Но как же мне сказать что-нибудь открыто Анаандер Мианнаи? Если я смогу добраться до Дворца Омо, смогу покинуть корабль и ступить на базу, — если я смогу сделать так много, тогда я сумею и встать посреди главной площади и прокричать свою историю, чтобы ее услышали все.

Я могла бы начать, но никогда бы не закончила. Ко мне подойдут сотрудники службы безопасности, может быть даже солдаты, и в новостных программах сообщат, что путешественница сошла с ума прямо на главной площади, но служба безопасности справилась с ситуацией. Граждане покачают головами и пробормочут что-нибудь про нецивилизованных чужаков, а затем все про меня забудут. И какая бы часть лорда Радча

ни заметила бы меня первой, она сможет легко выбросить меня из головы как неполноценную и безумную — или, по крайней мере, убедить в этом различные другие части самой себя.

Нет, мне нужно полное внимание Анаандер Мианнаи, когда я буду говорить то, что должна сказать. Как это обеспечить — над этой проблемой я билась почти двадцать лет. Я понимала, что сложнее проигнорировать того, чье уничтожение будет замечено. Я могла бы посетить эту базу и постараться сделать так, чтобы меня увидели, чтобы стать знакомой, чтобы ни одна из частей Анаандер Мианнаи не смогла просто избавиться от меня без всяких комментариев. Но я не думала, что этого окажется достаточно, чтобы вынудить лорда Радча — все составляющие лорда Радча — послушать меня.

Другое дело — Сеиварден. Капитан Сеиварден Вендааи потерялась на тысячу лет, нашлась случайно и снова пропала. Любого радчааи это заинтересует, не может не заинтересовать из-за их религии. А Анаандер Мианнаи — радчааи. Возможно, самая что ни на есть радчаайская из всех радчааи. Она непременно заметит, что я вернулась в компании с Сеиварден. Как любой другой гражданин, она заинтересуется, пусть

даже подсознательно, что бы это могло значить. А с учетом того, кто она есть, ее подсознание — весьма существенно.

Сеиварден попросит об аудиенции. Она в конце концов будет предоставлена. И эта аудиенция привлечет все внимание Анаандер, ни одна из ее частей не станет пренебрегать таким событием.

И несомненно, Сеиварден будет пользоваться вниманием лорда Радча с той минуты, как мы сойдем с корабля. И я, прибыв в ее обществе, — тоже. Крайне опасно. Возможно, я не слишком хорошо скрываю свою сущность и меня смогут распознать. Но я твердо решила попытаться.

Я сидела на койке в ожидании разрешения покинуть корабль во Дворце Омо, мой рюкзак лежал у ног, Сеиварден, снедаемая скукой, беспечно откинулась на стену напротив меня.

— Тебя что-то беспокоит, — заметила мимоходом она. Я не ответила, и она продолжила: — Ты всегда напеваешь эту мелодию, когда чем-то озабочена.

Мое сердце — это рыбка, скрывается в ежовнике. Я размышляла о том, что все может не заладиться с самого начала, с той минуты, как я сойду с корабля и столкнусь с инспекторами порта. Или со службой безопасности базы. Или

еще что похуже. Думала о том, что меня арестуют прямо в порту и все, что я сделала, окажется напрасным.

И я думала о лейтенанте Оун.

— Я так предсказуема? — Я заставила себя улыбнуться, словно меня это позабавило.

— Не предсказуема. Не совсем так. Просто… — Она помедлила. Слегка нахмурилась, будто внезапно пожалела, что заговорила. — У тебя есть несколько привычек, которые я заметил, вот и все. — Она вздохнула. — Портовые инспектора вкушают чай? Или ожидают, пока мы созреем? — Мы не могли оставить корабль без разрешения Инспекторского управления. Инспектор, вероятно, получил наши документы, когда корабль запросил разрешение пристыковаться, и у него было много времени просмотреть их и решить, что делать, когда мы прибудем.

Все так же опираясь спиной на судовую переборку, Сеиварден закрыла глаза и стала мурлыкать себе под нос. Ее голос подрагивал, звучал то тише, то громче, и она перевирала интервалы. Но тем не менее это было узнаваемо. *Мое сердце — это рыбка.*

— Буфера Аатр! — выругалась она, пропев полтора куплета, по-прежнему не открывая

глаз. — Ты и меня заразила.

Прозвучал дверной колокольчик.

— Войдите, — сказала я.

Сеиварден открыла глаза и села прямо. Собранная. Я заподозрила, что ее скука была притворством.

За скользнувшей в сторону дверью оказалась особа в темно-синем пиджаке, перчатках и брюках инспектора порта. Стройная и молодая; возможно, двадцати трех или двадцати четырех лет. В ней было что-то знакомое, хотя я не могла понять, кого она мне напоминает. Об этом могла бы сообщить мне более редкая, чем обычно, россыпь драгоценностей и памятных брошек, если бы я присмотрелась к ним поближе, чтобы прочесть имена, что было бы неприлично. Напротив меня Сеиварден спрятала голые руки за спину.

— Уважаемая Брэк, — сказала помощник инспектора с легким поклоном. Казалось, ее совершенно не беспокоят мои обнаженные руки. Привыкла общаться с иноземцами, предположила я. — Гражданин Сеиварден. Прошу вас пройти со мной в кабинет старшего инспектора.

Никакой необходимости встречаться с самой старшим инспектором у нас не было. Эта помощница инспектора могла своей властью выпустить

нас на базу. Или приказать арестовать нас.

Мы последовали за ней через переходной шлюз на погрузочную площадку, затем через другой шлюз — в коридор, полный людей: портовых инспекторов в темно-синем; сотрудников службы безопасности базы в светло-коричневом; то тут, то там мелькала темно-коричневая форма солдат; попадались и пятна более ярких цветов — горстка граждан без формы. Этот коридор вел в широкий зал, вдоль стен которого стояла дюжина богов, чтобы присматривать за путешественниками и торговцами, в одном конце — вход на саму базу, а напротив — дверь в кабинет инспектора.

Помощник инспектора проводила нас через крайний кабинет, где девять младших помощников в синей форме разбирались с предъявившими претензии капитанами кораблей, а за ними располагались кабинеты для дюжины старших помощников и их подручных. Пройдя мимо них, мы оказались во внутреннем кабинете с четырьмя стульями, маленьким столом и дверью в дальней части, закрытой.

— Мне жаль, гр… уважаемая и гражданин, — сказала помощник, которая привела нас сюда, ее пальцы шевелились — она с кем-то общалась, вероятно с ИИ базы или самой старшим инспек-

тором. — Старший инспектор была доступна, но возникло некое обстоятельство. Я уверена, что это займет не более нескольких минут. Прошу вас присесть. Не желаете чаю?

Значит, предстоит довольно продолжительное ожидание. А учтивое предложение чая подразумевает, что это не арест. Никто не обнаружил, что мои документы фальшивые. Здесь все, включая Базу, верят, что я именно та, за кого себя выдаю, чужеземная путешественница. И может быть, у меня появится возможность выяснить, кого же напоминает мне эта молодая помощник инспектора. Откуда она?

— Да, благодарю вас, — ответила я.

Сеиварден не ответила на предложение чая тотчас же. Скрестив руки на груди, она спрятала обнаженные кисти под локти. Вероятно, ей хотелось чаю, но ее смущали собственные руки без перчаток, которые не удалось бы скрыть, держа чашку. Так я думала, пока она не произнесла:

— Не могу понять ни слова из того, что она говорит.

Произношение Сеиварден и ее манера речи, вероятно, были знакомы большинству образованных радчааи — из старых развлекательных зрелищ и широко распространенного подража-

ния речи Анаандер Мианнаи представителями уважаемых — или надеющихся стать таковыми — семейств. Мне не казалось, что изменения в произношении и лексическом составе языка были настолько значительными. Но они происходили в течение всей моей жизни, а Сеиварден никогда не отличалась особой чуткостью к восприятию языка.

— Она предлагает чаю.

— О! — Сеиварден бросила взгляд на свои сложенные на груди руки. — Нет.

Я взяла чай, который помощник инспектора налила из термоса на столе, поблагодарила и села. Кабинет выкрашен в бледно-зеленый цвет, пол выложен плиткой, которая, вероятно, должна походить на деревянную и походила бы, если бы дизайнер видел что-нибудь помимо подражаний имитациям. В стенной нише позади молодой помощника инспектора были икона Амаата и маленькая ваза ярко-оранжевых, с кружевными лепестками, цветов. А помимо этого, крошечная медная копия отвесной скалы в храме Иккт. Их можно было купить, я помнила это, у продавцов на площади перед Преддверием Храма во время сезона паломничества.

Я снова посмотрела на помощника. Кто она?

Я ее знала? Родственница человека, с которым я была знакома?

— Ты снова напеваешь, — вполголоса заметила Сеиварден.

— Простите меня. — Я отпила чаю. — Это привычка. Я извиняюсь.

— Не стоит, — сказала помощник и села в свое кресло за столом. Очевидно, это ее собственный кабинет, и, таким образом, она — непосредственный помощник старшего инспектора, необычная должность для столь молодой особы. — Я не слышала этой песни с детства.

Сеиварден моргнула, ничего не поняв. Если бы она поняла, то, наверное, улыбнулась бы. Радчааи мог жить почти двести лет. Эта помощник инспектора, совершеннолетняя с юридической точки зрения уже с десяток лет, была все еще невероятно молода.

— Я знавала кое-кого, кто все время пел, — продолжила помощник.

Я ее знала. Возможно, покупала у нее песни. Ей было, может, четыре, а может, пять лет, когда я покинула Орс. Может, чуть больше, если она помнила меня довольно четко.

Старший инспектор за той дверью — человек, который побывал на Шиз'урне или, наиболее ве-

роятно, — в самом Орсе. Что я знала о лейтенанте, которая заменила там лейтенанта Оун в качестве администратора? Насколько вероятно, что она вышла в отставку со своей военной должности и получила назначение на пост инспектора порта? Такое случалось.

Кем бы ни была этот старший инспектор, она обладала деньгами и достаточным влиянием, чтобы привезти сюда помощницу из Орса. Мне хотелось спросить у девушки имя ее руководителя, но это было бы невообразимо неучтивым поступком.

— Я слышала, — сказала я, рассчитывая, что это будет выглядеть проявлением праздного любопытства, и слегка подчеркивая свой джерентэйтский акцент, — что драгоценности, которые вы, радчааи, носите, имеют некую значимость.

Сеиварден бросила на меня озадаченный взгляд. Помощник инспектора лишь улыбнулась.

— Некоторые из них. — Ее орсианский акцент — теперь я его опознала — был явственным, очевидным. — Например, вот это. — Она слегка отвела пальцем в перчатке подвеску, приколотую возле левого плеча. — Это — памятная.

— Могу я взглянуть поближе? — спросила я и,

получив разрешение, пододвинула свое кресло и наклонилась, чтобы прочесть выгравированное на простом металле имя на радчааи, которое я не узнала. Вряд ли это была памятная брошь в честь орсианина — я не могла представить, чтобы кто-либо в нижнем городе перенял радчаайские похоронные обычаи, или, по крайней мере, кто-то из жителей, старых достаточно, чтобы умереть с тех пор, как я видела их в последний раз.

Возле этой памятной броши, на воротнике, приколота маленькая брошка в виде цветка, на каждом лепестке по эмалевому символу Эманации. В центре цветка выгравирована дата. Эта уверенная в себе молодая женщина была крошечным, перепуганным цветоносом, когда Анаандер Мианнаи исполнила роль жреца в доме лейтенанта Оун двадцать лет назад.

Совпадений не существует — не для радчааи. Теперь я совершенно уверена, что, когда мы окажемся перед старшим инспектором, я увижу ту, что заменила лейтенанта Оун в Орсе. Эта помощник инспектора, наверное, ее клиент.

— Их делают для похорон, — сказала помощник, продолжая разговор о памятных брошах. — Носят их члены семьи и близкие друзья.

И по стилю и стоимости вещи можно опре-

делить положение усопшего в радчаайском обществе, а косвенно — и положение того, кто ее носит. Но помощник, которую зовут, как я поняла, Даос Сит, об этом не упомянула.

Тогда я подумала: интересно, а как Сеиварден воспринимает — восприняла — изменения в моде после Гарседда, то, как изменились эти сигналы — или не изменились. Люди по-прежнему носят унаследованные памятные подарки и памятные броши, свидетельства социальных связей и ценностей нескольких поколений своих предков. И по большей части все так же, за исключением того, что «несколько поколений назад» был Гарседд. Некоторые памятные подарки были не важны тогда, но ценились теперь, а часть тех, что были бесценны, теперь стали бессмысленными. А о цветах и значениях модных драгоценных камней за последние сто с лишним лет Сеиварден вообще ничего не знает.

У помощника инспектора Сит три близких друга, и у всех трех доходы и посты — такие же, как у нее, судя по дарам, которыми они обменялись с ней. Две возлюбленные, достаточно близкие, чтобы обменяться с ними подарками, но не такие, чтобы считаться очень серьезными. Никаких бус из драгоценных камней, никаких браслетов

— хотя, конечно, если она на самом деле производила осмотр грузов или корабельных систем, такие вещи могли ей попадаться, — и никаких колец поверх перчаток.

А там, на другом плече, где я теперь могла видеть его явственно и смотреть прямо на него, не выглядя при этом чрезмерно неучтивой, был памятный подарок, который я искала. С первого взгляда я посчитала его невыразительным, приняла платину за серебро, свисающую жемчужину — за стекло, признаки дара от брата или сестры, — нынешняя мода ввела меня в заблуждение. В нем не было ничего дешевого, ничего легкомысленного. Но это не памятный клиентский знак, хотя и металл и жемчужина предполагали ассоциацию с конкретным кланом. Ассоциацию с семейством достаточно старым, чтобы Сеивар-ден могла опознать его сразу же. Возможно, уже опознала.

Помощник инспектора Сит встала.

— Старший инспектор освободилась, — сообщила она. — Извините за то, что вам пришлось ждать. — Она открыла внутреннюю дверь и жестом пригласила нас войти.

В дальнем кабинете, стоя, приветствовала нас та, кто подарил брошку, — на двадцать лет стар-

ше и чуть потяжелевшая по сравнению с тем, когда я видела ее в последний раз, лейтенант — нет, старший инспектор Скаайат Оэр.

ГЛАВА 18

Лейтенант Скаайат не может меня узнать. Она поклонилась, ни о чем не подозревая. Странно было видеть ее в темно-синем, более степенную и серьезную, чем тогда, в Орсе.

Старший инспектор на столь оживленной базе, как эта, вероятно, никогда не заходит на корабли, которые проверяют ее подчиненные, но старший инспектор Скаайат носила почти так же мало драгоценностей, как и ее помощник. Длинная нить зеленых и синих драгоценных камней извивалась от плеча к противоположному бедру, и с одного уха свисал красный камень, а так ее форменный пиджак украшала подобная (хотя явно более дорогая) россыпь брошей — с друзьями, возлюбленными и мертвыми родственниками. На манжете ее правого рукава, рядом с краем перчатки, висел простой золотой памятный знак, и его расположение говорило о том, что ей хотелось, чтобы он напоминал о чем-то и был виден как ей, так и любому другому со стороны. Он выглядел дешево, машинная штамповка. Не ее уровня вещь.

Она поклонилась:

— Гражданин Сеиварден. Уважаемая Брэк. Садитесь, прошу вас. Не желаете чаю? — По-прежнему непринужденно изящная, даже через двадцать лет.

— Ваша помощник уже предлагала нам чаю, благодарю вас, старший инспектор, — ответила я. Старший инспектор Скаайат тут же с некоторым удивлением, как мне показалось, бросила взгляд на меня, а затем на Сеиварден. Она обращалась главным образом к Сеиварден, думая о ней как о главной из нас двоих. Я села. Сеиварден, помедлив немного, села на стул рядом со мной, все так же пряча кисти.

— Я сама хотела встретить вас, гражданин, — сообщила старший инспектор Скаайат, заняв свое место. — Преимущество должности. Не каждый день знакомишься с кем-то тысячи лет от роду.

Сеиварден улыбнулась, но улыбка вышла мимолетной и напряженной.

— Разумеется, нет, — согласилась она.

— И я чувствовала, что было бы неуместно, если бы служба безопасности арестовала вас на причале. Однако… — Старший инспектор Скаайат умиротворяюще махнула рукой, и значок на ее манжете сверкнул. — У вас есть некие проблемы

с законом, гражданин.

Сеиварден расслабилась, совсем чуть-чуть, плечи опустились, разжались стиснутые челюсти. Почти незаметно, если ее не знать. Повлияли произношение Скаайат и ее почтительный тон.

— Да, — признала Сеиварден. — Я намереваюсь подать прошение.

— Могу задать вам вопрос о его предмете. — Высокопарно. Официально. Вопрос, который не был вопросом. Но ответа не последовало. — Я могу сама отвести вас в административную часть дворца, чтобы избежать затруднений со службой безопасности.

Разумеется, она может. Она уже обсудила это с руководителем службы безопасности.

— Было бы очень любезно с вашей стороны. — Сейчас Сеиварден была больше похожа на прежнюю себя, чем за весь последний год. — Стоит ли просить вас посодействовать мне в установлении контакта с лордом Гейр? — Гейр мог предположительно нести некую ответственность за последнего представителя клана, который он взял под контроль. Ненавистный Гейр, который поглотил своего врага — Вендааи, клан Сеиварден. Отношение Вендааи с Оэр были не лучше, чем с Гейр, но мне сдается, что эта

просьба показывала, насколько отчаявшейся и одинокой была Сеиварден.

— А! — Старший инспектор Скаайат слегка поморщилась. — Оэр и Гейр не так близки, как прежде, гражданин. Около двухсот лет назад состоялся обмен наследниками. Наследница Гейра убила себя. — Глагол, который употребила старший инспектор Скаайат, подразумевал, что это было не санкционированное самоубийство при посредничестве врача, но нечто беззаконное и безнравственное. — А наследник Оэра сошел с ума и удрал, чтобы присоединиться к какому-то культу.

Сеиварден хрипло хмыкнула.

— Так типично.

Старший инспектор Скаайат приподняла бровь, но лишь сдержанно произнесла:

— Это оставило дурные воспоминания с обеих сторон. Поэтому мои связи с Гейр не таковы, какими могли бы быть, и я не уверена, что сумею быть вам полезной. А их ответственность перед вами может… оказаться сложно определить, хотя, возможно, вы найдете это полезным в вашем обращении.

Сеиварден, не разнимая рук, приподняла один локоть, показывая, что отказывается от своей

просьбы.

— Похоже, не стоит и пытаться.

Старший инспектор Скаайат жестом дала понять, что не уверена в этом.

— Как бы то ни было, вам, гражданин, будут предоставлены здесь еда и кров. — Она повернулась ко мне. — А вы, уважаемая? Вы здесь как турист?

— Да. — Я улыбнулась, надеясь, что здорово похожу при этом на туриста из Джерентэйта.

— Далеко вы забрались от дома. — Старший инспектор Скаайат улыбнулась вежливо, будто высказав праздное замечание.

— Я уже долго путешествую. — Несомненно, она — и, соответственно, остальные — испытывает ко мне интерес. Я прибыла вместе с Сеиварден. Большинство людей здесь не знают ее имени, но тех, кому оно известно, привлечет то, сколь ничтожна была вероятность найти ее через тысячу лет, и связь с таким знаменитым событием, как Гарседд.

По-прежнему любезно улыбаясь, старший инспектор Скаайат спросила:

— Чего-то ищете? От чего-то уклоняетесь? Просто любите путешествовать?

Я неопределенно развела руками.

— Наверное, люблю путешествовать.

То, как я это произнесла, заставило старшего инспектора Скаайат слегка прищуриться, мышцы вокруг рта едва заметно напряглись. Казалось, она подумала, что я что-то скрываю, и теперь в ней пробудились интерес и любопытство.

Я и сама задумалась, почему так ответила. И осознала, как опасна встреча со Скаайат, — не потому, что она может узнать меня, но потому, что *я* узнала *ее.* Потому что она осталась в живых, а лейтенант Оун — нет. Потому что все, кто был равен ей по положению, подвели лейтенанта Оун (*я* подвела лейтенанта Оун), и, несомненно, если бы тогдашняя лейтенант Скаайат подверглась тому испытанию, она бы тоже подвела. Сама лейтенант Оун знала это.

Я в опасности, потому что чувства влияют на мое поведение. Уже повлияли, и всегда влияют. Но я до сих пор никогда не сталкивалась лицом к лицу со Скаайат Оэр.

— Мой ответ неоднозначен, я понимаю, — сказала я, примирительно махнув рукой, как это делала уже старший инспектор Скаайат. — Я никогда не задавалась вопросом, почему мне хочется путешествовать. Когда я была ребенком, моя бабушка сказала, что, судя по моим первым

шагам, я рождена для странствий. Она не раз повторяла это. Думаю, я просто всегда этому верила.

Старший инспектор Скаайат движением руки выразила понимание.

— Так или иначе, стыдно было бы разочаровать вашу бабушку. Ваш радчааи очень хорош.

— Моя бабушка всегда говорила, что мне стоит заняться изучением языков.

Старший инспектор Скаайат рассмеялась. Почти такая же, какой я запомнила ее в Орсе, но с отпечатком серьезности.

— Простите меня, уважаемая, но есть ли у вас перчатки?

— Я собиралась купить, прежде чем мы поднялись на борт, но решила обождать и купить те, что надо. Я надеялась, что по прибытии мне простят голые руки как нецивилизованной иноземке.

— Можно привести аргументы в пользу любого подхода, — заметила Скаайат, все еще улыбаясь. Чуть более расслабленная, чем несколькими минутами раньше. — Однако, — (серьезное начало), — говорите вы очень хорошо, но я не знаю, насколько вы понимаете другое.

Я приподняла бровь.

— Что именно?

— Не хочу показаться бестактной, уважаемая. Но гражданин Сеиварден, кажется, совершенно не имеет денег. — Сидящая рядом Сеиварден снова напряглась, стиснула челюсти и едва удержалась, чтобы не выпалить что-то. — Родители, — продолжала старший инспектор Скаайат, — покупают одежду своим детям. Храм дает перчатки обслуживающему персоналу: приносящим цветы, и водоносам, и так далее. Это нормально, потому что каждый должен быть предан господу. И я знаю из вашего заявления на въезд, что вы наняли гражданина Сеиварден в качестве слуги, но…

— А! — Я поняла ее. — Если я куплю перчатки гражданину Сеиварден — в чем она явно нуждается, — это будет выглядеть, будто я предложила ей стать моим клиентом.

— Именно так, — согласилась старший инспектор Скаайат. — Что было бы прекрасно, если бы соответствовало вашим намерениям. Но я не думаю, что на Джерентэйте это работает таким образом. И честно говоря… — Она помедлила, явно затронув щекотливую тему.

— И честно говоря, — закончила я за нее, — она находится в затруднительном положении с точки зрения закона, чему никак не поможет связь

с иноземкой. — Обычно я не слишком эмоциональна. Я легко могу сдерживать свою ярость, не давая ей проявиться в голосе. Я могла говорить со старшим инспектором Скаайат так, словно она никоим образом не была связана с лейтенантом Оун, будто у лейтенанта Оун не было никаких опасений, надежд или страхов по поводу покровительства с ее стороны в будущем. — Даже с богатой.

— Не уверена, что выразила бы это именно так, — начала Скаайат.

— Я просто дам ей сейчас денег, — сказала я. — И вопрос будет решен.

— Нет. — Голос Сеиварден прозвучал резко. Зло. — Мне не нужны деньги. Каждый гражданин должен получать предметы первой необходимости, и одежда относится к предметам первой необходимости. У меня будет все, в чем я нуждаюсь. — Под удивленным, вопрошающим взглядом старшего инспектора Скаайат Сеиварден закончила: — У Брэк были серьезные основания не давать мне денег.

Старший инспектор Скаайат должна была знать, что это, вероятно, означало.

— Гражданин, я не намерена читать нотации, — заявила она. — Но если таковы обстоятельства,

почему не позволить службе безопасности отправить вас к врачам? Я понимаю, что вам этого совершенно не хочется. — Перевоспитание не относится к числу того, о чем можно упомянуть непринужденно и вежливо. — Но право же, это может все изменить для вас к лучшему. Так часто бывает.

Год назад, думаю, Сеиварден вышла бы из себя от такого предложения. Но что-то в ней изменилось. Она лишь сказала с легким раздражением:

— Нет.

Скаайат посмотрела на меня. Я приподняла одну бровь и плечо, словно говоря: *такая уж она есть.*

— Брэк была очень терпеливой со мной, — проговорила Сеиварден, чем крайне меня удивила. — И очень щедрой. — Она взглянула на меня. — Мне не нужны деньги.

— Как хочешь, — ответила я.

Старший инспектор Скаайат пристально наблюдала за этой перепалкой, слегка нахмурившись. Я подумала, что ей любопытно не только кто я и что я, но и кто я для Сеиварден.

— Что ж, — сказала она, — позвольте мне отвести вас во дворец. Уважаемая Брэк Гхайад, я пришлю вам ваши вещи туда, где вы останови-

тесь. — Она поднялась.

Я тоже встала, Сеиварден — рядом со мной. Мы последовали за Скаайат в примыкающий кабинет, который оказался пустым, Даос Сит (помощник инспектора Сит, нужно будет запомнить), вероятно, уже ушла, принимая во внимание время дня. Вместо того чтобы провести нас перед кабинетами, Скаайат повела нас задним коридором, через дверь, которая открылась без всякого заметного сигнала с ее стороны, — База, то есть ИИ, который управлял этим местом, *был* этим местом, уделял пристальное внимание старшему инспектору своего порта.

— С тобой все в порядке, Брэк? — спросила Сеиварден, глядя на меня с замешательством и озабоченностью.

— Прекрасно, — солгала я. — Просто немного устала. Это был долгий день. — Я была уверена, что выражение моего лица не изменилось, но Сеиварден что-то заметила.

За дверью оказались другой коридор и ряд лифтов, один из которых открылся для нас, затем закрылся и тронулся с места без всяких сигналов. База знала, куда хочет отправиться старший инспектор Скаайат. Это оказалось главной площадью.

Двери лифта открылись, и нашим взорам предстало ослепительное зрелище: проспект, который был выложен черным камнем, испещренным белыми прожилками, длиной семьсот метров и шириной двадцать пять, крыша высилась в шестидесяти метрах над головами. Прямо перед нами стоял храм. Ведущие к нему ступени — не лестница, а лишь площадка, выделенная на мостовой красными, зелеными и синими камнями; действия, совершенные на ступенях храма, вероятно, имеют юридическую значимость. Сам вход, сорока метров в высоту и восемь в ширину, обрамлен многоцветными, поражающими буйством красок изображениями сотен богов, многие из которых, но не все, — человекообразные. Сразу при входе — чаша для омовения рук верующими, а за ней — сосуды со срезанными цветами, полосы желтого, оранжевого и красного и корзины с фимиамом для приобретения в качестве подношений. По обе стороны от главного перекрестка — магазины, конторы, балконы, увитые лозами с цветами. И даже в этот час, когда большинство радчааи сидят за ужином, сотни граждан расхаживали или стояли разговаривая, кто-то — в форменной одежде: белой — для Департамента переводчиков, светло-коричневой

— для Службы безопасности базы, темно-коричневой — для военнослужащих, зеленой — для Садоводства, голубой — для Администрации, кто-то — нет, все — сверкающие драгоценностями, все — совершенно цивилизованные. Я заметила вспомогательного компонента, который проследовал за своим капитаном в переполненную чайную, и задумалась, с какого они корабля, что за корабли находятся здесь. Но спросить я не могла, ведь это вряд ли может интересовать Брэк из Джерентэйта.

И вдруг, на мгновение, я увидела их всех глазами не-радчааи, эту клубящуюся толпу людей раздражающе неопределенной половой принадлежности. Я увидела все те признаки, которые обозначают пол для не-радчааи, — они всегда, к моей досаде и неудобству, сильно отличаются в разных местах. Короткие или длинные волосы, распущенные (волной по спине или обрамляющие лицо кудрявым нимбом) либо прибранные (заплетенные в косы, подколотые, стянутые в пучок). Полные или худые торсы, лица с тонкими или грубыми чертами, с косметикой или без нее. Изобилие расцветок одежды, которые в других местах носили люди определенного пола. Все это совершенно произвольно соотносится с телами,

округлыми в груди и бедрах или плоскими и ровными, телами, которые, с точки зрения нерадчааи, двигаются то по-женски, то по-мужски. Двадцатилетняя привычка взяла свое, и на минуту я впала в отчаяние, пытаясь подобрать верные местоимения, правильные формы обращения. Но здесь мне не нужно этого делать. Можно сбросить с плеч эту небольшую, но вызывающую раздражение ношу, что я несла все это время. Я — дома.

Это — дом, который никогда не был для меня домом. Я провела свою жизнь в аннексиях и на базах, которым только предстояло стать такими, как эта, когда я покидала их, чтобы начать все с самого начала где-то еще. С таких баз мои офицеры прибывали, а потом возвращались туда. На таких базах я никогда не бывала, и тем не менее она совершенно мне знакома. Такие места, с одной из возможных точек зрения, были основной причиной моего существования.

— Этим путем — несколько дольше, — сказала старший инспектор Скаайат, — но зато отсюда потрясающий вид.

— Да, — согласилась я.

— К чему все эти пиджаки? — спросила Сеивар-ден. — Это меня и в прошлый раз донимало. Хотя в последнем месте все носили пальто длиной по

колено. Здесь или пиджаки, или пальто в пол. А воротники просто *никуда не годятся.*

— Мода тебя не беспокоила в других местах, где мы побывали, — заметила я.

— Другие места были *чужими*, — ответила Сеиварден раздраженно. — Там и речи не шло о *доме*.

Старший инспектор Скаайат улыбнулась.

— Полагаю, вы в конце концов привыкнете. Дворец — в эту сторону.

Мы пересекли главную площадь, мои и Сеиварден варварские одеяния и обнаженные руки привлекли немало взглядов — в некоторых было любопытство, в других отвращение, и подошли к входу, обозначенному просто черным бруском над дверным проемом.

— Со мной все будет прекрасно, — заявила Сеиварден, будто бы я что-то сказала. — Я догоню тебя, когда закончу.

— Я подожду.

Старший инспектор Скаайат проводила взглядом вошедшую во дворец Сеиварден, а затем сказала:

— Уважаемая Брэк, прошу вас на два слова.

Я показала движением руки, что готова выслушать, и она начала:

— Вы очень беспокоитесь о гражданине Сеиварден. Я это понимаю, и это характеризует вас с лучшей стороны. Но нет никаких причин тревожиться о ее безопасности. Радч заботится о своих гражданах.

— Скажите мне, старший инспектор, если бы Сеиварден была незначительной особой из никому неизвестного семейства, которая покинула Радч без разрешения, и что еще там она наделала — честно говоря, не знаю, что там было, — если бы вы о ней никогда не слыхали, а имя ее клана вам ничего не сказало, встретили бы ее так любезно в порту, предложили бы чаю, а потом проводили бы во дворец для подачи обращения?

Ее правая рука приподнялась на какой-то миллиметр, и тот маленький, неуместный золотой брелок сверкнул.

— Она больше не в таком положении. Она фактически бездомна и без гроша. — (Я ничего не ответила, просто смотрела на нее.) — Нет, в том, что вы сказали, что-то есть. Если бы я не знала, кто она такая, я бы и не подумала что-нибудь для нее делать. Но наверняка даже в Джерентэйте все происходит именно так.

Я заставила себя слегка улыбнуться, надеясь произвести более приятное впечатление.

— Да.

Скаайат помолчала немного, наблюдая за мной и о чем-то думая, но я не могла догадаться, о чем именно. Пока она не сказала:

— Вы намереваетесь предложить ей стать клиентом?

Это было бы неописуемо грубым вопросом, если бы я была радчааи. Но когда я знала ее, Скаайат Оэр часто говорила такое, о чем многие умолчали бы.

— Как я могу? Я не радчааи. И мы не заключаем такого рода контракты в Джерентэйте.

— Нет, вы не можете, — подтвердила старший инспектор Скаайат. Резко. — Не могу себе представить, каково это — внезапно пробудиться через тысячу лет, потеряв свой корабль в печально известном событии, и обнаружить, что все твои друзья умерли, а твой клан исчез. Я тоже могла бы убежать куда глаза глядят. Сеиварден нужно найти способ стать частью чего-нибудь. На взгляд радчааи, похоже, что именно это вы ей и предлагаете.

— Вас беспокоит, что я даю Сеиварден ложные надежды? — Я подумала о Даос Сит в приемной и о той красивой, очень дорогой, платиновой с жемчугом, броши, которая не была символом

клиентских отношений.

— Я не знаю, какие надежды питает гражданин Сеиварден. Просто… вы поступаете так, словно несете за нее ответственность. По мне, так это неправильно.

— Если бы я была радчааи, это, по-вашему, также выглядело бы неправильным?

— Если бы вы были радчааи, вы бы вели себя по-другому. — Судя по ее стиснутым челюстям, она раздражена, но пытается это скрыть.

— А чье имя на той брошке? — Вопрос непреднамеренно прозвучал резче, чем позволяла вежливость.

— Что? — Озадаченная, она нахмурилась.

— Та брошка на вашем правом рукаве. Она отличается от всего остального, что вы носите.

«Чье имя на ней? — хотела спросить я снова. И еще: — Что вы сделали для сестры лейтенанта Оун?»

Старший инспектор Скаайат моргнула и слегка подалась назад, как будто я ее ударила.

— Это память об умершем друге.

— И вы думаете о ней сейчас. Вы все время двигаете запястьем, поворачивая его к себе. Вы делали это в течение нескольких последних минут.

— Я часто думаю о ней. — Она сделала вдох, выдохнула. Вдохнула снова. — Может, я несправедлива к вам, Брэк Гхайад.

Я знала. Я знала, чье имя на той брошке, хотя и не видела его. *Знала*. И, зная это, не понимала, лучше я отношусь к старшему инспектору Скаайат или хуже, гораздо хуже. Но я была в это мгновение в опасности, так, как никогда не ожидала, никогда не предвидела, никогда не предчувствовала. Я уже сказала такое, чего мне ни за что и никогда не следовало говорить. И собиралась сказать еще больше. Передо мной один-единственный человек, встреченный за двадцать долгих лет, который знал, кто я. Искушение выпалить: «Лейтенант, это я, Один Эск „Справедливости Торена“» — переполняло меня.

Вместо этого я очень осторожно сказала:

— Я согласна, что Сеиварден нужно найти здесь себе дом. Я просто не доверяю Радчу так, как вы. Так, как она.

Старший инспектор Скаайат открыла рот, чтобы ответить мне, но тут раздался голос Сеиварден:

— Это оказалось совсем недолго! — Подойдя, Сеиварден взглянула на меня и нахмурилась. — Нога снова тебя беспокоит. Тебе нужно присесть.

— Нога? — спросила Скаайат.

— Старая рана, которая не вполне зажила, — ответила я, довольная в эту минуту тем, что Сеиварден припишет этому мою обеспокоенность, которую она заметила. И База тоже — если наблюдала за мной.

— И у вас был долгий день, а я вас тут держала стоя. Я была очень неучтива, прошу простить меня, уважаемая, — сказала старший инспектор Скаайат.

— Разумеется. — Я замолчала, сдержав слова, которые так и рвались с языка, и повернулась к Сеиварден. — Итак, на чем все остановилось?

— Я ходатайствовал о подаче обращения и должен получить дату аудиенции в течение нескольких дней, — сказала она. — Я вписал и твое имя тоже. — Старший инспектор Скаайат приподняла бровь, и Сеиварден добавила: — Брэк спасла мне жизнь. Не один раз.

Скаайат ограничилась тем, что сообщила:

— Аудиенции, наверное, придется ждать несколько месяцев.

— Тем временем, — продолжила Сеиварден, слегка поведя в подтверждение по-прежнему сложенными на груди руками, — мне отвели жилье и поставили на питание, и у меня есть

пятнадцать минут, чтобы явиться в ближайшее бюро товарных запасов и получить одежду.

Жилье. Что ж, если то, что она находилась при мне, выглядело неправильным для старшего инспектора Скаайат, то, несомненно, по тем же причинам это будет выглядеть таковым для самой Сеиварден. И хотя она больше не была моей прислугой, она обратилась с просьбой, чтобы я сопровождала ее на аудиенцию. Это, напомнила я себе, важный момент.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой? — Сама я не хотела. Я хотела оказаться в одиночестве, восстановить свое спокойствие.

— Со мной все будет в порядке. А тебе нужно дать ноге отдых. Я свяжусь с тобой завтра. Старший инспектор, было приятно познакомиться с вами. — Сеиварден поклонилась, выказав совершенно рассчитанную любезность социально равной себе особе, получила такой же поклон от Скаайат и отправилась прочь с главной площади.

Я повернулась к старшему инспектору Скаайат:

— Где бы вы порекомендовали мне остановиться?

Через полчаса я оказалась, как и желала, од-

на в своей комнате. В дорогой комнате рядом с главной площадью, невероятно роскошного размера пять квадратных метров, с полом из почти натурального дерева и темно-синими стенами. Стол и стулья. И проектор в полу. Многие — хотя и не все — радчааи имели оптические и слуховые имплантаты, с помощью которых смотрели развлекательные зрелища, воспринимали музыку или сообщения непосредственно. Но люди по-прежнему любили смотреть развлечения в компании, и богачи иногда считали обязательным отключать свои имплантаты.

Одеяло на кровати, казалось, сделано из настоящей шерсти, без всякой синтетики. На одной стене — складная койка для слуги, которого у меня, несомненно, уже нет. И — невероятная роскошь для Радча — собственная крошечная ванна. Для меня это необходимость, с учетом пистолета и боеприпасов, прикрепленных к телу под рубашкой. База их не выявила и не сможет, но для человеческих глаз они видны. В комнате оружие могут найти во время обыска. И я, безусловно, не могу оставить его в раздевалке общественной бани.

Панель на стене даст мне доступ к средствам связи. И к Базе. А также даст возможность Базе

наблюдать за мной, хотя я уверена, что это не единственный способ, как База может видеть комнату. Я снова вернулась в Радч и никогда не останусь одна, никогда — даже при закрытых дверях.

Мой багаж прибыл через пять минут после того, как я заняла комнату, а с ним — поднос из ближайшей закусочной, рыба с овощами, которые еще дымились и пахли специями.

Всегда существует вероятность, что на это не обратят внимания. Но мой багаж, когда я его открыла, явно обыскивали. Может быть, потому, что я — иноземка. Может быть, нет.

Я извлекла чайный термос с чашками и икону Той, Что Вышла из Лилии, и положила их на низкий столик рядом с койкой. Налила литр воды из выделенного мне запаса в термос, а потом села поесть.

Рыба оказалась такой же вкусной, как исходивший от нее аромат, и слегка улучшила мое настроение. Я могла, по крайней мере, лучше обдумать свое положение, после того как поела и выпила чашку чая.

База могла, естественно, видеть большую часть своих жителей изнутри, как я видела своих офицеров. Остальных, включая меня сейчас, она

видела с меньшими подробностями. Температура. Пульс. Дыхание. Не так впечатляет, как поток данных от более тщательно контролируемых жителей, но тем не менее изрядный объем информации. Добавьте к этому хорошее знание наблюдаемой личности, ее истории, ее социального окружения — и, можно сказать, База чуть ли не читает мысли.

Чуть ли. Она не могла *на самом деле* читать мысли. И База не знала моей истории, у нее не было опыта взаимодействия со мной. Она сможет увидеть следы моих эмоций, но у нее не так много данных, чтобы определить, почему я чувствую себя именно так.

Мое бедро болело на самом деле. А то, что сказала мне старший инспектор Скаайат, было, по понятиям радчааи, крайне грубым. Мое раздражение, заметное для Базы, если она наблюдала (заметное для Анаандер Мианнаи, если она наблюдала), было совершенно естественным. И та и другая могли лишь догадываться, что его вызвало. Я могла теперь играть роль изнуренной путешественницы, которая страдает от старой раны и нуждается лишь в пище и отдыхе.

В комнате так тихо. Даже когда Сеиварден хандрила, она не казалась такой тягостно безмолвной.

Оказалось, что я не так уж привыкла к одиночеству. И, вспомнив о Сеиварден, я внезапно поняла то, чего не сознавала тогда, на главной площади, ослепленная досадой на Скаайат Оэр. Я думала, что старший инспектор Скаайат — единственная, кто мог бы меня узнать, но это неправда. Сеиварден могла бы.

Но лейтенант Оун никогда ничего не ожидала от Сеиварден, та никогда не могла причинить боль Оун или разочаровать ее. Если бы они когда-либо встретились, Сеиварден непременно проявила бы пренебрежение. Лейтенант Оун была бы натянуто учтивой, подспудно злясь, что я увидела бы, но она никогда не испытала бы того гнетущего смятения и боли, которую ощутила, когда Скаайат — тогда еще лейтенант — высказала, не подумав, что-то пренебрежительное.

Но возможно, я была не права, думая, что реагирую на этих двоих, Скаайат Оэр и Сеиварден Вендааи, очень по-разному. Однажды я уже подвергла себя опасности, разозлившись на Сеиварден.

Я не могу разрешить эту ситуацию. И у меня есть роль, которую я должна играть, кто бы ни наблюдал за мной, образ, который я тщательно выстроила по пути сюда. Я поставила пустую

чашку рядом с чайным термосом, преклонила колени перед иконой — бедро при этом слегка запротестовало — и стала молиться.

ГЛАВА 19

На следующее утро я покупала одежду. Владелица магазина, который порекомендовала старший инспектор Скаайат, собиралась выставить меня на улицу, когда на ее панели возникло мое банковское сальдо, полагаю, без запроса, — База избавила ее от замешательства и мне дала понять, как внимательно наблюдает.

Мне, естественно, нужны были перчатки, и, если я собиралась играть роль расточительной богатой туристки, придется купить гораздо больше. Но не успела я слова сказать, хозяйка вынесла рулоны парчи, сатина и бархата десятка цветов. Фиолетового и оранжево-коричневого, трех оттенков зеленого, золотого, бледно-желтого и леденисто-синего, пепельно-серого, темно-красного.

— Эту одежду носить нельзя, — сказала она мне авторитетно, пока ее подчиненная подавала мне чай, почти не показывая отвращения при виде моих обнаженных рук. База сканировала меня и предоставила мерки, так что мне не понадобилось ничего делать. После полулитра чая,

двух мучительно-сладких пирожных и дюжины оскорблений я вышла из магазина в оранжево-коричневых пиджаке и брюках, леденисто-белой, тугой рубашке и темно-серых перчатках, столь тонких и мягких, что, надев их, я почти не почувствовала разницы. К счастью, модные фасоны пиджаков и брюк предполагали обилие сборок и складок, что позволяло скрыть мое оружие. Остальное: еще два пиджака и две пары брюк, две пары перчаток, полдюжины рубашек и три пары туфель — будет доставлено в мой отель к тому времени, как я завершу посещение храма, сказала владелица магазина.

Я вышла оттуда и повернула за угол на главную площадь, запруженную в этот час толпой радчааи, которые входили в храм и дворец и выходили из них, посещали чайные (несомненно, дорогие и модные) или просто показывались в правильной компании. Когда я проходила там раньше, направляясь в магазин одежды, люди пялились и перешептывались либо просто приподнимали брови. Теперь же я стала почти незаметной, и лишь время от времени столь же хорошо одетый радчааи опускал взгляд на мой пиджак в поисках знаков фамильной принадлежности, и глаза его, не обнаружив таковых, округлялись от

удивления. Или ребенок, ухватившись ручонкой в перчатке за рукав сопровождающего взрослого, поворачивал голову, откровенно уставившись на меня, пока его не проводили мимо и он не терялся из вида.

В храме граждане толпились в очереди за цветами и ладаном, младшие жрецы, юные, почти дети на мой взгляд, подносили корзины и коробки с пополнением. Мне, как вспомогательному компоненту, не положено касаться храмовых приношений или самой делать их. Но здесь этого никто не знает. Я совершила омовение рук в раковине и купила ярких желто-оранжевых цветов и кусок ладана того сорта, который, как я знала, предпочитала лейтенант Оун.

В храме есть место, отведенное для поминовения усопших, и дни, благоприятные для таких приношений. Однако этот день к таковым не относился, и у меня, как у иноземки, не должно быть усопших радчааи, чтобы поминать их в молитвах. Поэтому я прошла в главный зал храма, по которому эхом разнеслись мои шаги. Там стоял Амаат с украшенными драгоценными камнями Эманациями в каждой руке, уже по колено в цветах, — красно-оранжево-желтый холм высотой с мой рост увеличивался на глазах по мере того,

как верующие бросали в эту груду все новые и новые цветы. Когда я оказалась впереди толпы, я добавила туда свои, сделала ритуальные жесты и беззвучно помолилась, бросила ладан в коробку, которую, когда она наполнится, опустошат юные жрецы. Это было лишь символом — ладан вернется ко входу, где его снова купят. Если бы весь пожертвованный ладан сжигали, в храме стоял бы такой дым, что дышать было бы нечем. А ведь это обычный, не праздничный день.

Когда я совершала поклонение божеству, рядом со мной появилась капитан корабля в коричневой форме. Она собиралась бросить свои цветы, но замерла и уставилась на меня. Пальцы ее свободной левой руки слегка шевельнулись. Чертами она напомнила мне сотенного капитана Рубран Оск, хотя капитан Рубран была высокой и худой и носила длинные прямые волосы, а эта была ниже ростом и плотного телосложения, с коротко подстриженными волосами. Бросив взгляд на украшения, я убедилась, что она — ее двоюродная сестра, представитель той же ветви того же семейства. Я вспомнила, что Анаандер Мианнаи не могла предсказать, будет ли предана ей капитан Рубран, и не хотела потревожить сеть клиентуры и связей, к которой та принадлежала.

Интересно, подумала я, осталось ли это по-прежнему, или клан Оск принял решение в пользу той или иной стороны.

Впрочем, это не имело значения. Капитан все еще смотрела на меня, по-видимому уже получая ответы на свои запросы. База или ее корабль сообщат ей, что я иноземка, и капитан утратит интерес, предположила я. Или нет — если узнает о Сеиварден. Я не стала дожидаться результата, но завершила молитву и начала пробираться среди людей, которые ожидали своей очереди сделать приношения.

По сторонам храма были святилища поменьше. В одном трое взрослых и двое детей стояли вокруг младенца, которого возложили на грудь Аатр — изваяние было сооружено с расчетом на проведение этого ритуала, рука богини обнимала свою часто поминаемую грудь, — надеясь на благоприятную судьбу или, по крайней мере, на некое предзнаменование того, что ожидает дитя в будущем.

Все святилища были прекрасны, сверкая золотом и серебром, стеклом и полированным камнем. Под сводами храма отдавались эхом сотни тихих бесед и молитв. Никакой музыки. Я подумала о почти пустом храме Иккт и о том, как

Божественная Иккт рассказывала мне о сотнях давно почивших певцов.

Я провела в храме почти два часа, восхищаясь святилищами второстепенных божеств. Должно быть, он размещался на территории базы, не занятой дворцом. И они, несомненно, соединялись, поскольку Анаандер Мианнаи регулярно исполняла здесь роль жреца, хотя проходы были незаметны.

Я оставила траурное святилище напоследок. Отчасти потому, что эта часть храма наверняка переполнена туристами, а отчасти потому, что понимала: это принесет мне печаль. Оно оказалось больше, чем другие вспомогательные святилища, почти в половину обширного главного зала, там стояли полки и шкафы, переполненные приношениями усопшим. Все это — пища или цветы. Все — из стекла. Стеклянные чайные чашки со стеклянным чаем, над которым поднимается стеклянный пар. Целые холмы изящных стеклянных роз и листьев. Две дюжины различных видов стеклянных фруктов, рыбы и зелени, которые чуть ли не источают призрачный аромат моего ужина предыдущим вечером. Ширпотребные версии этой продукции можно купить в магазинах в стороне от главной площа-

ди и поместить в домашнем святилище, посвятив богам или усопшим, но эти артефакты — совсем другие: каждый — тщательно проработанное произведение искусства, на каждом — весьма заметные имена живого жертвователя и покойного получателя, так что каждый посетитель может видеть благочестивую печаль, а также богатство и положение, выставленные напоказ.

Вероятно, у меня достаточно денег, чтобы заказать такое приношение. Но если бы я это сделала, пометив соответствующими именами, это стало бы самым последним, что мне удалось бы сделать. И бесспорно, жрецы отказали бы. Я также размышляла над тем, чтобы послать денег сестре лейтенанта Оун, но это тоже вызвало бы нежелательное любопытство. Может, я могла бы устроить так, чтобы мое имущество отошло ей, после того как я сделаю то, ради чего здесь появилась, но я подозревала, что это невозможно. Тем не менее размышления об этом и о моей роскошной комнате и дорогих, красивых нарядах вызвали чувство вины.

У входа в храм, когда я собиралась выйти на главную площадь, на моем пути возникла солдат. Человек, не вспомогательный компонент. Она поклонилась:

— Извините. У меня — послание от гражданина Вэл Оск, капитана «Милосердия Калра».

Капитана, которая уставилась на меня, когда я делала приношение Амаату. То, что она послала солдата, чтобы обратиться ко мне, показывало: она считает меня достойной больших усилий, чем отправить послание через системы базы, но не настолько, чтобы послать лейтенанта или подойти самой. Хотя, возможно, она предпочла положиться на солдата из-за определенной неловкости в социальном плане. Трудно было не заметить некоторой неуклюжести предложения, построенного так, чтобы избежать учтивого обращения.

— Прошу прощения, гражданин, — сказала я. — Я не знаю гражданина Вэл Оск.

Движением руки солдат изобразила почтительное извинение.

— Сегодня утром знаки предсказали капитану неожиданную встречу. Увидев, как вы делаете приношение, она поняла, что речь о вас.

Заметить чужестранца в храме, в таком большом месте, — вряд ли это можно расценить как неожиданную встречу. Меня несколько задело, что капитан даже не попыталась приложить побольше усилий. Несколько секунд размыш-

лений — и можно было придумать что-нибудь получше.

— Что за послание, гражданин?

— Капитан обычно пьет чай после обеда, — сказала солдат, мягко и вежливо, и назвала чайную возле главной площади. — Она будет польщена, если вы присоединитесь к ней.

Время и место предполагали «светскую» встречу, которая на самом деле устраивается, чтобы продемонстрировать влияние и связи и обсудить дела в неформальной обстановке.

У капитана Вэл нет со мной дел. И она не извлечет никаких преимуществ из того, что ее увидят со мной.

— Если капитан хочет встретиться с гражданином Сеиварден… — начала я.

— Капитан встретила в храме вовсе не капитана Сеиварден, — ответила солдат несколько извиняющимся тоном. Наверняка она понимала, насколько прозрачно ее поручение. — Но разумеется, если вы захотите привести капитана Сеиварден, капитан Вэл почтет за честь познакомиться с ней.

Несомненно. И, даже оставшись без семьи и без гроша, Сеиварден предпочтет получить личное приглашение от того, кого она знает, а не посла-

ние через системы базы или это приглашение на грани оскорбления от солдата капитана Вэл. Но мне это было на руку.

— Я, конечно, не могу говорить за гражданина Сеиварден, — сказала я. — Поблагодарите, пожалуйста, капитана Вэл за приглашение.

Солдат поклонился и исчез.

Рядом с главной площадью я обнаружила магазин, в котором продавались картонные коробки, содержимое которых обозначалось просто как «обед», что оказалось снова рыбой, тушенной с фруктами. Я вернулась в комнату и села поесть за стол, чтобы видеть панель на стене, видимую связь с Базой.

База так же умна, как некогда я, когда еще была кораблем. Моложе, да. Более чем вдвое. Но сбрасывать со счетов ее нельзя ни в коем случае. Если меня обнаружат, то почти наверняка из-за Базы.

База не выявила мои имплантаты вспомогательного компонента, я все их деактивировала и скрыла как можно лучше. Если бы она их заметила, меня бы уже арестовали. Но База могла видеть, по крайней мере, основы моего эмоционального состояния. Могла, при наличии достаточной информации обо мне, понять, когда я лгу. Наверняка пристально наблюдала за мной.

Но эмоциональные состояния, с точки зрения Базы, с моей точки зрения, когда я была «Справедливостью Торена», — лишь средоточие медицинских данных, бессмысленных вне обстоятельств. Если в моем нынешнем тягостном настроении я бы только что сошла с корабля, База, вероятно, увидела бы это, но не поняла бы, почему я испытываю такие чувства, и не смогла бы вывести никаких заключений. Но чем дольше я нахожусь здесь, чем больше видит меня База, тем больше у нее данных. Она сможет собрать собственный контекст, свою картину того, что я такое. И сможет сравнить это с тем, чем, по ее мнению, я должна быть.

Опасность возникнет, если эти два образа не совпадут. Я проглотила рыбу и посмотрела на панель.

— Привет, — сказала я, — ИИ, который наблюдает за мной.

— Уважаемая Гхайад Брэк, — сказала База из панели безмятежным голосом, — привет. Ко мне обычно обращаются как к *Базе*.

— Тогда — База. — Я откусила еще рыбы. — Итак, ты за мной *наблюдаешь*. — Я была искренне этим озабочена и не могла скрыть этого от Базы.

— Я наблюдаю за всеми, уважаемая. Ваша нога

все еще беспокоит вас? — Она беспокоила, и, несомненно, База видела, как я берегу ее, видела, что это сказывается на том, как я сейчас сижу. — Наши медицинские учреждения превосходны. Я уверена, что один из наших врачей мог бы найти решение вашей проблемы.

Тревожная перспектива. Но я могла сделать так, чтобы моя реакция выглядела совершенно понятной.

— Нет, спасибо. Меня предупреждали о радчаайских медицинских учреждениях. Я предпочла бы перенести небольшое неудобство и остаться самой собой.

На минуту наступила тишина. Затем База спросила:

— Вы имеете в виду тесты на способности? Или перевоспитание? Ни то ни другое не меняет вашей сущности. И ни то ни другое не имеет к вам никакого отношения, я вас заверяю.

— Все равно. — Я положила свой столовый прибор. — У нас, там, откуда я прибыла, есть поговорка: «Власть не нуждается ни в разрешении, ни в прощении».

— Я никогда прежде не встречала никого из Джерентэйта, — сказала База. Я, разумеется, на это и рассчитывала. — Я полагаю, ваше заблуж-

дение можно понять. Чужеземцы зачастую не понимают, что такое радчааи.

— Ты осознаёшь, что сейчас сказала? Буквально: что нецивилизованные не понимают цивилизации. А ты представляешь себе, что довольно много людей вне пространства Радча считают себя цивилизованными? — Второй вопрос был почти невозможен на радчааи, содержал внутреннее противоречие.

Я ожидала услышать: «Я вовсе не это имела в виду», — но не услышала. Вместо этого База сказала:

— А вы бы приехали сюда, если бы не гражданин Сеиварден?

— Возможно, — ответила я, понимая, что не могу откровенно лгать Базе, когда она так пристально наблюдает за мной. Понимая, что теперь любое раздражение или негодование — или любое опасение в отношении радчаайских чиновников, — которые я испытывала, будут объясняться моими страхами перед Радчем. — А есть ли какая-нибудь музыка в этом весьма цивилизованном месте?

— Да, — ответила База. — Хотя не думаю, что у меня есть музыка из Джерентэйта.

— Если бы я хотела слушать музыку только из

Джерентэйта, — язвительно заметила я, — я бы никогда оттуда не уехала.

Это, казалось, вовсе не задело Базу.

— Вы предпочитаете выйти или остаться здесь?

Я предпочла остаться. База включила для меня развлекательное зрелище, новинку этого года, но уютно знакомую историю о молодой женщине из простой семьи, которая питает надежду стать клиентом более престижного клана. У нее есть ревнивый соперник, который копает под нее и вводит в заблуждение предполагаемого патрона в отношении ее правдивой, благородной натуры. В конце концов состоится признание исключительных достоинств героини, ее преданности, прошедшей через самые ужасные испытания даже без всякого контракта, и падение ее соперника с кульминацией в виде долгожданного клиентского договора и десяти минут триумфального пения и танцев, последней из одиннадцати таких интерлюдий за четыре отдельных эпизода. Пустяковая поделка — подобные насчитывали дюжины эпизодов, которые шли целыми днями или даже неделями. Бессмыслица, но песни хорошие, и они значительно улучшили мое настроение.

У меня нет никаких срочных дел, пока не придет ответ на обращение Сеиварден, а если ее прошение об аудиенции и о моем участии в ней удовлетворят, это будет означать еще более продолжительное ожидание. Я поднялась, оправила свои новые брюки, надела туфли и пиджак.

— База, — обратилась я. — Ты знаешь, где я могу найти гражданина Сеиварден Вендааи?

— Гражданин Сеиварден Вендааи, — ответила База из панели, своим всегда ровным голосом, — находится в кабинете службы безопасности на подуровне девять.

— Прошу прощения?

— Случилась драка, — пояснила База. — При обычных условиях служба безопасности связалась бы с ее семьей, но у нее здесь никого нет.

Конечно, я — не ее семья. И она могла бы послать за мной, если бы захотела. Тем не менее.

— Не могла бы ты направить меня в кабинет службы безопасности на подуровне девять?

— Разумеется, уважаемая.

Кабинет на подуровне девять был крошечным, из обстановки только панель, несколько стульев, стол с чайными принадлежностями вразнобой и несколько шкафчиков для хранения вещей. Сеиварден расположилась на скамье у задней стены.

На ней были серые перчатки и плохо сидящие пиджак и брюки из какой-то жесткой, грубой ткани, из тех, что штамповались по запросу, а не шились и, вероятно, производились в заданном размерном ряду. Мои форменные комплекты, когда я была кораблем, делались так же, но выглядели лучше. Конечно, я каждого измеряла должным образом, в то время это было для меня совсем просто.

Спереди серый пиджак Сеиварден забрызган кровью, и одна перчатка пропитана ею. Кровь засохла на верхней губе, а на переносице сидела маленькая прозрачная раковина восстановителя. Еще одно средство лежало поперек кровоподтека на щеке. Она тупо уставилась вперед, не глядя ни на меня, ни на офицера службы безопасности, которая меня впустила.

— Вот ваш друг, гражданин, — сказала офицер.

Сеиварден нахмурилась. Подняла взгляд, обвела глазами крошечное пространство вокруг. Затем вгляделась в меня.

— Брэк? Буфера Аатр, это ты! Ты выглядишь… — Она моргнула. Открыла рот, чтобы закончить фразу, и снова закрыла его. Отрывисто вздохнула. — По-другому, — закончила она. — На самом деле, совсем по-другому.

— Я только купила одежду. Что с тобой случилось?

— Произошла драка, — сообщила Сеиварден.

— Просто сама собой, так, что ли? — спросила я.

— Нет, — признала она. — Мне определили место, чтобы спать, но там уже кто-то жил. Я попытался с ней поговорить, но едва ее понимал.

— Где ты спала прошлой ночью? — спросила я.

Она уперлась взглядом в пол.

— Я справился. — Снова подняла глаза, на меня, на офицера службы безопасности рядом со мной. — Но я не собирался *продолжать* справляться.

— Вам следовало прийти к нам, гражданин, — сказала офицер. — А теперь вам зафиксировано предупреждение. Вряд ли вам этого хотелось.

— А ее противнику? — спросила я.

Офицер отрицательно махнула рукой. Мне не полагалось этого спрашивать.

— Я не очень-то хорошо справляюсь самостоятельно, так ведь? — грустно произнесла Сеиварден.

Невзирая на неодобрение Скаайат Оэр, я купила Сеиварден новые перчатки и пиджак, темно-зеленые, того же типа, что штампуются по запросу, но

по крайней мере они лучше сидели и были очевидно качественнее. Серые было не отстирать, и я знала, что департамент снабжения не выдаст другой одежды так скоро. Когда Сеиварден надела новые и отправила прежние на переработку, я спросила:

— Ты ела? Я планировала предложить тебе поужинать, когда База сообщила мне, где ты находишься.

Она умылась и теперь выглядела более или менее прилично, не считая кровоподтека под восстановителем на щеке.

— Я не голоден, — сказала она. По ее лицу пронеслась тень — сожаления? раздражения? — я не разобрала. Она сложила на груди руки и быстро разняла их, этого я не замечала за ней уже несколько месяцев.

— Могу я предложить тебе чаю, пока ем?

— Мне бы *очень* хотелось чаю, — ответила она с экспрессивной откровенностью. Я вспомнила, что у нее не было денег, она отказалась брать их у меня. Весь чай, который мы привезли с собой, находился в моем багаже, и она ничего не взяла, когда мы расстались вечером накануне. А чай, разумеется, был чем-то особым. Роскошью, которая, на самом деле, вовсе не являлась таковой.

Во всяком случае, не по стандартам Сеиварден. Вероятно, ни по каким радчаайским стандартам.

Мы нашли чайную, и я купила нечто, завернутое в водоросли, фруктов и чаю, и мы заняли столик в углу.

— Ты уверена, что ничего не хочешь? — спросила я. — Фруктов?

Она сделала вид, что фрукты ее совершенно не интересуют, а затем взяла один со стола.

— Надеюсь, ты провела день лучше, чем я.

— Возможно. — Я подождала немного — не захочет ли она поговорить о том, что произошло, но она ничего не сказала и просто ждала, пока я продолжу. — Я ходила сегодня утром в храм. И налетела на капитана какого-то корабля, которая довольно неучтиво пялилась на меня, а потом послала одного из своих солдат, чтобы пригласить меня на чай.

— Одного из ее *солдат*. — Сеиварден осознала, что скрестила руки на груди, и разняла их, взяла со стола чашку чая, снова поставила ее. — Вспомогательного компонента?

— Человека. Я уверена.

Сеиварден приподняла ненадолго бровь.

— Тебе не следует идти. Она должна была пригласить тебя сама. Ты ведь не сказала «да»?

— Я не сказала «нет». — (Три радчааи со смехом вошли в чайную. На всех — темно-синяя форма сотрудников порта. Одна из них — Даос Сит, помощник старшего инспектора Скаайат. Казалось, она нас не заметила.) — Я не думаю, что приглашение было рассчитано на меня. Я думаю, она хочет, чтобы я представила ее *тебе*.

— Но… — Она нахмурилась. Опустила взгляд на чашку с чаем в руке, затянутой в зеленую перчатку. Отряхнула спереди новый пиджак второй перчаткой. — Как ее зовут?

— Вэл Оск.

— Оск. Никогда о них не слышал. — (Она отпила чаю. Даос Сит и ее друзья купили чаю и выпечки и сели за стол в другом конце комнаты, оживленно беседуя.) — С чего она хочет познакомиться со мной?

Я с недоверием приподняла бровь.

— *Ты* же считаешь, что любое невероятное событие — послание от бога, — отметила я. — Ты пропала на тысячу лет, тебя случайно нашли, ты снова исчезла, а затем появилась возле дворца с богатой иноземкой. И ты поражена, что это привлекает внимание. — (Она неопределенно махнула рукой.) — Клана Вендаии больше нет, и тебе нужно каким-то образом упрочить свое

положение в обществе.

На какой-то миг ее охватило смятение, и я подумала, что мои слова ее оскорбили. Но затем она, кажется, овладела собой.

— Если капитану Вэл хотелось снискать моей благосклонности или ей небезразлично мое мнение, то она плохо начала, оскорбив тебя. — За этими словами ощущалась ее прежняя надменность, и это разительно отличалось от едва подавляемого доселе уныния.

— А как насчет старшего инспектора? — спросила я. — Скаайат, верно? Она казалась достаточно вежливой. И ты, кажется, знаешь, кто она такая.

— Все Оэры *кажутся* достаточно вежливыми, — с отвращением проговорила Сеиварден. Через ее плечо я видела, как Даос Сит смеется над тем, что сказала одна из ее спутниц. — Сначала они *кажутся* совершенно нормальными, — продолжала Сеиварден, — но потом у них начинаются видения, или они решают, что со вселенной что-то не так и они должны это исправить. Или и то и другое сразу. Все они безумны. — Она умолкла на минуту, а затем повернулась взглянуть, на что это я смотрю. Снова развернулась. — А, *она*! Не слишком ли… провинциально она выглядит?

Я обратила все свое внимание на Сеиварден.

Уставилась на нее.

Она опустила взгляд.

— Извини. Это… это было просто неправильно. У меня нет никакого…

— Я сомневаюсь, — перебила я, — что ее заработок позволяет ей носить одежду, в которой она будет выглядеть по-другому.

— Я не это имел в виду. — Сеиварден подняла взгляд, и на ее лице явственно отразились страдание и смущение. — Но то, что я имел в виду, тоже плохо. Я просто… я просто удивился. Все это время, думаю, я просто полагал, что ты аскет. Это меня просто удивило.

Аскет. Я понимала, почему она такое предположила, но мне не ясно, почему ее ошибка могла иметь значение. Если не…

— Ты же не *ревнуешь?* — спросила я с недоверием. Хорошо одетая или нет, я была такой же провинциальной с виду, как и Даос Сит. Просто из другой провинции.

— Нет! — А затем тут же: — Ну, да. Но не *так.*

И тогда я осознала, что это не просто другая радчааи, которая могла составить неверное впечатление, получив от меня в подарок одежду. Даже если Сеиварден наверняка знала, что я не могу предложить ей стать клиентом. Я знала,

что, если бы она подумала об этом дольше, чем тридцать секунд, она ни за что не захотела бы от меня того, что подразумевал этот дар. Вряд ли она подумала, что я имела в виду именно это.

— Вчера старший инспектор сказала мне, что я рискую внушить тебе ложные надежды. Или дать другим неверное представление.

Сеиварден пренебрежительно хмыкнула:

— Над этим стоило бы подумать, если бы меня хоть чуточку интересовало мнение Оэр. — Я приподняла бровь, и она продолжила тоном, в котором звучало раскаяние: — Я думал, что смогу справиться со всем самостоятельно, но всю прошлую ночь и весь сегодняшний день я сожалел, что не остался с тобой. Думаю, это правда, что обо всех гражданах заботятся. Я не вижу голодающих. Или нагих. — На ее лице мелькнуло отвращение. — Но эта одежда. И скель. Только скель, все время, тщательно отмеренный. Я-то думал, что мне все равно. Я имею в виду, что я не против скеля, но я едва его глотал. — Я могла себе представить, в каком настроении она ввязалась в ту драку. — Я понял, что не получу ничего другого в течение бесконечных недель. И, — закончила она с грустной улыбкой, — мне было бы лучше, если бы я остался с тобой.

— Так, значит, ты хочешь снова получить прежнюю работу? — спросила я.

— *Блин*, да! — выпалила она с облегчением. Достаточно громко, чтобы с противоположной стороны зала в нашу сторону обратились осуждающие взгляды.

— Следи за выражениями, гражданин. — Я откусила от своего рулета из водорослей. Испытывая облегчение, как обнаружила, по нескольким пунктам сразу. — Ты уверена, что не захочешь попытать счастья с капитаном Вэл?

— Ты можешь пить чай с кем угодно, — заявила Сеиварден. — Но она должна была пригласить тебя сама.

— Твои манеры устарели на тысячу лет, — указала я.

— Манеры — это манеры, — заявила она с негодованием. — Но как я уже сказал, ты можешь пить чай с кем пожелаешь.

В чайную вошла старший инспектор Скаайат, заметила Даос Сит и кивнула ей, но подошла к нам с Сеиварден. Увидев восстановитель на ее лице, она помедлила, но затем притворилась, что ничего не заметила.

— Гражданин. Уважаемая.

— Старший инспектор, — ответила я. Сеивар-

ден просто кивнула.

— Завтра вечером у меня будет небольшая вечеринка. — Она назвала место. — Только чай, ничего официального. — Для меня будет честью, если вы обе придете.

Сеиварден откровенно рассмеялась.

— Манеры, — повторила она, — есть манеры.

Скаайат, смутившись, нахмурилась.

— Ваше приглашение — уже второе за сегодняшний день, — объяснила я. — Гражданин Сеиварден говорит мне, что первое было не вполне учтивым.

— Надеюсь, что мое удовлетворило ее взыскательным требованиям, — сказала Скаайат. — Кто же не справился с ними?

— Капитан Вэл, — ответила я, — с «Милосердия Калра».

Тому, кто недостаточно хорошо ее знал, могло показаться, что у Скаайат не имелось мнения о капитане Вэл.

— Что ж, признаю, что намеревалась представить вас, гражданин, своим друзьям, которые могли быть вам полезны. Но вы можете найти знакомство с капитаном Вэл более подходящим.

— Вы, должно быть, невысокого мнения обо мне, — сказала Сеиварден.

— Возможно, — начала Скаайат, и странно было слышать, что она говорит столь серьезно, ведь я знала ее двадцать лет назад совсем другой, — капитан Вэл обратилась к уважаемой Брэк не совсем почтительно. Но в других отношениях, думаю, вы нашли бы ее вполне приятной. — Не успела Сеиварден ответить, как Скаайат продолжила: — Мне нужно идти. Я надеюсь увидеть вас обеих завтра вечером. — Она бросила взгляд туда, где сидела ее помощник, и все трое встали из-за стола и вышли из чайной вслед за ней.

Сеиварден молча смотрела на дверь, за которой они скрылись.

— Что ж, — сказала я. Сеиварден перевела взгляд на меня. — Раз ты вернулась, я лучше заплачу тебе, чтобы ты купила себе еще приличной одежды.

На лице Сеиварден мелькнуло выражение, которого я не поняла.

— А где ты взяла свою?

— Не думаю, что заплачу тебе *так* много, — сказала я.

Сеиварден расхохоталась. Отпила чаю, откусила фрукт.

Я подумала, ела ли она вообще хоть что-то?

— Ты уверена, что больше ничего не хочешь? —

спросила я.

— Уверена. Что это за штука? — Она посмотрела на последний кусок моего покрытого водорослями ужина.

— Не имею представления. — Я никогда не видела в Радче ничего похожего: должно быть, это придумали недавно либо откуда-то позаимствовали. — Это вкусно, хочешь? Можем взять с собой в комнату.

Сеиварден состроила гримасу.

— Нет, спасибо. Ты более склонна к риску, чем я.

— Полагаю, да, — вежливо согласилась я. Прикончив остатки ужина, я допила чай. — Но видела бы ты меня сегодня. Я провела утро в храме, как добропорядочный турист, а после полудня смотрела в комнате фильм.

— Дай-ка угадаю! — Сеиварден приподняла бровь с язвительной усмешкой. — Тот, о котором все говорят. Героиня добродетельна и предана, а возлюбленная ее вероятного покровителя ненавидит ее. Она преодолевает все трудности благодаря своей непоколебимой верности и благородству.

— Ты его смотрела.

— Не однажды. Но не очень долго.

Я улыбнулась.

— Кое-что никогда не меняется?

Сеиварден в ответ рассмеялась:

— Очевидно, нет. Песни-то ничего?

— Очень хорошие. Можешь посмотреть в комнате, если хочешь.

Но, оказавшись в комнате, она разложила койку слуги и сказала:

— Я только присяду на минутку, — и через две минуты и три секунды уже спала.

ГЛАВА 20

Почти наверняка пройдут недели, прежде чем Сеиварден получит даже дату аудиенции. Тем временем мы живем здесь, и у меня есть возможность посмотреть, как обстоят дела, кто к какой Мианнаи может примкнуть, если дойдет до открытого разрыва. Возможно, удастся выяснить, какая из Мианнаи здесь лидирует. Любая информация может оказаться решающей, когда наступит момент. А он наступит, моя уверенность в этом росла. Анаандер Мианнаи может обнаружить, кто я такая, уже скоро, в любое время, но тогда она не сумеет скрыть меня от всех остальных своих составляющих. Я была здесь открыто, заметно, вместе с Сеиварден.

Подумав о Сеиварден и о стремлении капитана Вэл Оск познакомиться с ней, я подумала также о сотенном капитане Рубран Оск. Об Анаандер Мианнаи, которая выражала недовольство тем, что не может угадать ее точку зрения, не уверена ни в противодействии, ни в поддержке и не может оказать на нее давление, чтобы выяснить или вытянуть это из нее. Капитану Рубран повезло с

семейными связями — она смогла занять такую нейтральную позицию и придерживаться ее. Говорит ли это что-нибудь о том, в каком состоянии находилась тогда борьба Мианнаи с самой собой?

А капитан «Милосердия Калра» также занимала нейтральную позицию? Или что-то изменилось с тех пор, как я исчезла? Старший инспектор Скаайат испытывает к ней неприязнь — что бы это значило? Я уверена, что именно неприязнь я заметила на ее лице, упомянув имя капитана. Военные корабли не подчинялись администрации порта — за исключением, разумеется, вопросов прибытия и убытия, — и отношения между ними обычно подразумевали некоторое презрение с одной стороны и тихое возмущение с другой, и все это прикрывалось предусмотрительной учтивостью. Но Скаайат Оэр никогда не была склонна возмущаться, и, кроме того, ей знакомы обе стороны этой игры. Может, капитан Вэл задела ее лично? Может, она просто ее недолюбливает, как это иногда случается?

Или симпатии привели ее по другую сторону некой политической линии раздела? Где в конце концов, вероятно, окажется Скаайат Оэр в разделившемся Радче. Если не произошло ничего

такого, что могло бы радикально изменить ее личность и взгляды, думаю, я знаю, где приземлится Скаайат Оэр при таком броске. Капитана Вэл — и «Милосердие Калра» — я знала недостаточно хорошо, чтобы это сказать.

Что касается Сеиварден, то у меня не было никаких иллюзий о стороне, где будут ее симпатии при выборе между расширяющимся, покоряющим Радчем, в котором граждане остаются на своих правильных местах, или прекращением аннексий и возвышением граждан с неправильным произношением и происхождением. У меня не было никаких иллюзий в отношении мнения Сеиварден о лейтенанте Оун, встреться они когда-нибудь.

Вывеска заведения, в котором капитан Вэл обычно пила чай, не бросалась в глаза. Да это и не нужно. Вероятно, оно не из самых модных и не для верхушки общества, если только состояние семейства Оск не взлетело к небесам за последние двадцать лет. Но все же это такое заведение, что если вам неизвестно о его существовании, то вас почти наверняка там и не ждут. Внутри оказалось темно, и звуки были приглушенными — ковры и портьеры поглощали эхо или нежелательный шум. Когда я вошла туда из шумного коридора, то

мне показалось, будто я внезапно прикрыла уши руками. Низкие стулья окружали маленькие столы. Капитан Вэл сидела в углу, на столе перед ней стояли термосы, чашки чая и полупустой поднос с выпечкой. Все стулья были заняты, причем к столу был подтянут и внешний круг стульев.

Они сидели здесь по крайней мере час. Сеиварден сказала мне, прежде чем мы покинули комнату, мягко, но все еще с раздражением, что, конечно же, мне не следует нестись к чаю. Будь она в лучшем настроении, она бы прямо сказала, что лучше опоздать. Я и сама склонялась к этому, поэтому промолчала, дав ей возможность испытать удовлетворение при мысли, что это она на меня повлияла, если ей так хотелось.

Увидев меня, капитан Вэл поднялась с поклоном.

— А, Брэк Гхайад! Или это Гхайад Брэк?

Я в ответ тоже поклонилась, позаботившись о том, чтобы поклон вышел столь же неглубоким, как и у нее.

— В Джерентэйте мы ставим сначала имена кланов. — В Джерентэйте не было таких кланов, как у радчааи, но это единственный термин в языке радчааи, который указывал на семейные отношения. — Но я сейчас не в Джерентэйте.

Гхайад — имя моего клана.

— Значит, вы уже поставили его для нас в нужном порядке! — сказала капитан Вэл с деланой живостью. — Весьма продуманно. — Не видя Сеиварден, которая стояла позади меня, я походя задумалась о том, что за выражение лица у нее сейчас, а также — зачем капитан Вэл пригласила меня, если собирается слегка оскорблять при каждом удобном случае.

База, безусловно, наблюдает за мной. Она заметит по крайней мере следы моего раздражения. Капитан Вэл — нет. И вероятно, ей было бы все равно, если бы она их заметила.

— И, капитан Сеиварден Вендааи, — продолжила капитан Вэл и поклонилась заметно глубже, чем мне. — Это честь, сэр. Особая честь. Прошу садиться. — Она указала на стулья рядом с собой, и два элегантно одетых и увешанных драгоценностями радчааи поднялись, чтобы освободить нам места, без всяких жалоб или видимых проявлений неудовольствия.

— Прошу прощения, капитан, — сказала Сеиварден мягко. Восстановители, наложенные накануне, уже отпали, и она выглядела почти так же, как тысячу лет назад, богатой и надменной дочерью высокопоставленного клана. Я была

уверена, что она вот-вот презрительно усмехнется и скажет что-нибудь язвительное, но она не стала. — Я больше не заслуживаю этого звания. Я — слуга уважаемой Брэк. — Слово *уважаемая* прозвучало с легким нажимом, как если бы капитан Вэл не знала соответствующего учтивого обращения и Сеиварден просто вежливо и сдержанно ее проинформировала. — И я благодарю вас за приглашение, которое она столь любезно передала мне. — Здесь-то и содержался намек на пренебрежение, хотя, возможно, его мог услышать только тот, кто хорошо ее знал. — Но у меня есть обязанности.

— Я предоставила тебе свободное время после полудня, гражданин, — сказала я прежде, чем капитан Вэл успела ответить. — Проведи его так, как тебе нравится. — От Сеиварден не последовало никакой реакции, и я по-прежнему не могла видеть ее лица. Я села на один из стульев, освобожденных для нас. До этого на нем сидел лейтенант, несомненно один из офицеров капитана Вэл. Хотя я видела здесь больше людей в коричневой форме, чем могло служить на таком маленьком корабле, как «Милосердие Калра».

Я оказалась рядом со штатской особой в розовом и лазурном, изысканных атласных перчатках

— ей явно не приходится держать в руках ничего более грубого или тяжелого, чем чашка чая, — и с нарочито огромной брошью из переплетенной кованой золотой проволоки, усаженной сапфирами; я была уверена, что это не стекло. Вероятно, по дизайну этого ювелирного изделия можно понять, к какому богатому клану она принадлежит, но я его не распознала. Она наклонилась ко мне и громко сказала, пока Сеиварден садилась на стул напротив меня:

— Какой удачливой вы себя, должно быть, считаете, найдя Сеиварден Вендааи!

— Удачливой, — повторила я тщательно, как если бы это слово было мне незнакомо, слегка акцентируя свое джерентэйтское произношение. Едва ли не желая, чтобы в языке радчааи имел значение род, и я могла неправильно его употребить, придав своей речи еще большую иноземность. Почти желая. — Это так называется? — Я правильно догадалась, почему капитан Вэл обратилась ко мне так, а не иначе. Старший инспектор Скаайат сделала нечто подобное, обратившись сначала к Сеиварден, несмотря на то что знала: Сеиварден прибыла сюда в качестве моей прислуги. Несомненно, старший инспектор заметила свою ошибку почти сразу же.

Напротив меня Сеиварден объясняла капитану Вэл ситуацию со своими тестами на способности. Я поразилась ее ледяному спокойствию, зная, как она злилась с того мгновения, как узнала, что я намерена пойти. Но это некоторым образом ее естественная среда обитания. Если бы корабль, который обнаружил спасательный отсек Сеиварден, доставил ее на базу, подобную этой, а не на крошечную провинциальную станцию, для нее все могло пойти совершенно по-другому.

— Это же нелепо! — воскликнула розово-лазурная особа рядом со мной, пока капитан Вэл налила чашку чая и предложила ее Сеиварден. — Будто бы вы ребенок. Будто бы никто не знал, для чего вы подходите. Раньше можно было рассчитывать, что чиновники справятся с делами правильно. — *Справедливо,* — прозвучало в моей голове в дополнение к последнему слову. — *С пользой.*

— Ведь я, гражданин, потерял свой корабль, — сказала Сеиварден.

— Не твоя вина, капитан, — возразила другая штатская особа где-то позади меня. — Наверняка нет.

— Все, что происходит в мою вахту, — это моя вина, гражданин, — ответила Сеиварден.

Капитан Вэл сделала движение рукой в знак согласия.

— Тем не менее не могло быть и речи о том, чтобы вы *снова* проходили испытания.

Сеиварден посмотрела на свой чай, бросила взгляд на меня, сидящую напротив с пустыми руками, и поставила чашку на стол перед собой, не пригубив. Капитан Вэл налила чашку и предложила ее мне, будто не заметив жеста Сеиварден.

— Каким вы находите Радч через тысячу лет, капитан? — спросил кто-то позади меня, когда я приняла чай. — Сильно изменившимся?

Сеиварден не взяла вновь свою чашку.

— Немного изменившимся. По-прежнему немного.

— К лучшему или к худшему?

— Едва ли я могу сказать, — спокойно ответила Сеиварден.

— Как красиво вы говорите, капитан Сеиварден, — сказал кто-то еще. — Очень многие молодые люди в наши дни весьма небрежны в своей речи. Как приятно слышать, когда говорят столь изысканно.

Губы Сеиварден изогнулись — можно вообразить, что это признательность за комплимент, но почти наверняка это было не так.

— О, эти низшие кланы и провинциалы с их произношением и жаргоном! — согласилась капитан Вэл. — На моем корабле — прекрасные солдаты, но, услышав, как они говорят, вы подумаете, что они никогда не ходили в школу.

— Это только лень, — высказалась лейтенант позади Сеиварден.

— С вспомогательными компонентами такого нет, — отметил кто-то, возможно другой капитан позади меня.

— Много чего нет со вспомогательными компонентами, — сказал кто-то еще, и этот комментарий можно было воспринять двояко, но я почти убеждена, что знаю, что имелось в виду. — Но это небезопасная тема.

— Небезопасная? — спросила я со всей наивностью, на которую оказалась способна. — Ведь, несомненно, здесь не противозаконно жаловаться на нынешнюю молодежь? Какая дикость! Я полагала, что это в основе человеческой природы, один из немногих повсеместно распространенных человеческих обычаев.

— И несомненно, — добавила Сеиварден с легкой насмешкой, ее маска в конце концов дала трещину, — *всегда* безопасно жаловаться на низшие кланы и провинциалов.

— Так можно *подумать*, — сказала розово-лазурная особа рядом со мной, заблуждаясь в отношении смысла, вложенного Сеиварден в ее слова. — Но мы претерпели прискорбные перемены, капитан, с ваших времен. Раньше можно было рассчитывать на тесты на способности — по их результатам *правильные* граждане получали *правильные* назначения. Я просто не могу понять отдельных решений, которые принимаются в наши дни. И того, что атеисты получают преимущества. — Она имела в виду вальскаайцев, которые, как правило, были не атеистами, но исключительными монотеистами. Эта разница казалась незаметной для многих радчааи. — А люди-солдаты! Ныне люди брезгливо относятся к вспомогательным компонентам, но вы не увидите сегментов пьяными и блюющими на главной площади.

Сеиварден сочувственно хмыкнула.

— *Никогда* не встречал офицеров, напивающихся до такого состояния.

— В ваши дни, может, и нет, — ответил кто-то позади меня. — Многое изменилось.

Розово-лазурная склонила голову к капитану Вэл, которая, судя по выражению ее лица, наконец поняла Сеиварден в отличие от той особы.

— Это же не значит, капитан, что вы не содержите свой корабль в порядке. Но вам не нужно было бы поддерживать порядок среди вспомогательных компонентов, не так ли?

Капитан Вэл отмахнулась свободной рукой, во второй руке у нее была чашка с чаем.

— Это управление, гражданин, просто моя работа. Но есть более серьезные проблемы. Нельзя набить транспортный корабль людьми. Все «Справедливости» с человеческими экипажами полупустые.

— И несомненно, — вставила розово-лазурная, — всем им надо *платит*ь.

Капитан Вэл жестом выразила согласие.

— Говорят, мы в них больше не нуждаемся. — («Говорят» — это, конечно, об Анаандер Мианнаи. Никто не назовет ее имя, высказываясь критически.) — Что наши границы — такие, какими должны быть. Я не претендую на понимание нашей политики. Но мне кажется, что менее расточительно складировать вспомогательных компонентов, чем тренировать и оплачивать людей и сменять их по очереди в хранилищах.

— Говорят, — сказала розово-лазурная рядом со мной, беря пирожное со стола, — что, если бы не исчезновение «Справедливости Торена», они

бы уже отправили на свалку один из оставшихся десантных кораблей. — Никто здесь не мог заметить моего удивления, когда я услышала свое имя, но База могла его увидеть. И это удивление, этот испуг явно не соответствовал той личности, которую я придумала. База даст мне другую оценку, я уверена. Так же и Анаандер Мианнаи.

— А! — сказала штатская особа позади меня. — Но наша гостья, несомненно, рада слышать, что наши границы неизменны.

Я слегка повернула голову, чтобы ответить.

— Джерентэйт был бы очень большим куском. — Я говорила очень ровно. Никто не мог видеть, что я все еще не отошла после испуга несколько мгновений назад.

За исключением, разумеется, Базы и Анаандер Мианнаи. И у Анаандер Мианнаи — или по крайней мере у ее части — будут достаточные основания, чтобы заметить разговор о «Справедливости Торена» и реакцию на него.

— Не знаю, капитан Сеиварден, — сказала капитан Вэл, — приходилось ли вам слышать о мятеже на Айми. Целое подразделение отказалось выполнять приказы и перешло на сторону инопланетян.

— Безусловно, этого не могло произойти на

корабле с экипажем из вспомогательных компонентов, — сказал кто-то позади Сеиварден.

— Не слишком большой кусок для Радча, полагаю, — отметила особа позади меня.

— Осмелюсь сказать, — я вновь слегка подчеркнула свой джерентэйтский акцент, — что, разделяя границу с нами в течение столь долгого времени, вы могли научиться лучше вести себя за столом. — Я не стала поворачиваться, чтобы посмотреть: позабавил ее мой ответ, возмутил, или ее просто отвлекли Сеиварден и капитан Вэл. Я пыталась не думать слишком усердно, на какие выводы натолкнет Анаандер Мианнаи моя реакция на свое имя.

— Думаю, я что-то слышал об этом, — сказала Сеиварден, задумчиво нахмурившись. — Айми. Это там губернатор провинции и капитаны кораблей системы убивали и воровали и повредили корабли и базу, чтобы они не смогли сообщить об этом вышестоящим властям, да?

Никакого смысла беспокоиться о том, что База — или лорд Радча — извлекут из моей реакции на *это.* Где должно было упасть, там и упало. Нужно оставаться спокойной.

— Это к делу не относится, — ответила розово-лазурная. — Суть в том, что это был мятеж.

Бунт, который проигнорировали, но ведь нельзя же только говорить об опасностях назначения невоспитанных плебеев на высокие должности или политике, которая поощряет самое отвратительное поведение и даже разрушает основы цивилизации, — так ведь можно потерять все деловые контакты и возможности продвижения.

— Должно быть, вы очень смелы, раз так высказываетесь, — заметила я. Но я была уверена, что розово-лазурная особа не слишком смела. Она говорила так, потому что могла это делать без всякой опасности для себя.

Спокойно. Я могу контролировать свое дыхание, поддерживать его ровным и нормальным. Моя кожа слишком темная, чтобы на ней был виден прилив крови, но База замечает изменения температуры. База просто может подумать, что я из-за чего-то разозлилась. У меня был хороший повод разозлиться.

— Уважаемая, — неожиданно сказала Сеивардeн. Судя по тому, как напряжены ее челюсти и плечи, она сдерживает порыв скрестить на груди руки. Довольно скоро ей захочется молча уставиться в стену. — Мы опоздаем на нашу следующую встречу. — Она поднялась более резко, чем позволяли правила вежливости.

— Действительно, — подтвердила я и поставила на стол свой чай, который так и не попробовала. Я надеялась, что она поступила так по своим соображениям, а не потому, что заметила мое смятение. — Капитан Вэл, благодарю вас за любезное приглашение. Для меня честь познакомиться с вами всеми.

Оказавшись на главной площади, Сеиварден, идя рядом, проворчала:

— Хреновы снобы!

Люди проходили мимо, почти не обращая на нас внимания. Это хорошо. Это нормально. Я чувствовала, как падает в моей крови уровень адреналина.

Так-то лучше. Остановившись, я повернулась и посмотрела на Сеиварден, приподняв бровь.

— Но они же и *в самом деле* снобы, — сказала она. — *Для чего,* по их мнению, существуют испытания на способности? Вся их *суть* в том, что кто угодно может пройти испытание на любую должность.

Я вспомнила, как лейтенант Скаайат двадцать лет назад спросила во влажном сумраке верхнего города, не хватало ли испытаниям объективности раньше или им не хватает ее теперь, и ответила сама себе: *и тогда, и сейчас*. Это принес-

ло лейтенанту Оун душевную боль и страдания.

Сеиварден скрестила руки, затем разняла их, сжала руки в перчатках в кулаки.

— И несомненно, выходец из низшего клана будет плохо воспитанным, с вульгарным произношением. Едва ли с этим можно что-то сделать. И о чем они только думали, — продолжила Сеиварден, — ведя такой разговор! В чайной. На дворцовой базе. Я имею в виду не только «когда мы были молоды» и «провинциалы вульгарны», но то, что испытания на способности необъективны. Вооруженными силами дурно управляют. — Я промолчала, но она ответила за меня: — О, разумеется, все жалуются на то, что с управлением не все в порядке. Но не так. Да что вообще происходит?

— Не спрашивай меня. — Хотя, бесспорно, я знала — или думала, что знаю. И снова подумала о том, что бы это значило, когда розово-лазурная и остальные чувствуют себя уверенно, ведя такие разговоры. Какая Анаандер Мианнаи может иметь здесь преимущество? Хотя такие свободные разговоры могут означать лишь одно: что лорд Радча предпочитает дать своим врагам возможность проявиться ясно и однозначно. — А всегда ли ты была за то, чтобы дурно воспитанные

проходили испытания на высокие должности? — спросила я, зная, что она была против.

И тут я внезапно осознала, что если База никогда не встречала никого с Джерентэйта, то Анаандер Мианнаи, вполне возможно, встречала. Почему это не приходило в голову раньше? Это из-за чего-то запрограммированного в мой мозг корабля и доселе невидимого или просто дело в ограниченных возможностях одного маленького мозга, оставшегося у меня?

Я могла вводить в заблуждение Базу и всех остальных здесь, но я ни на мгновение не обманула лорда Радча. Она, несомненно, знала, с того момента как я ступила на дворцовый причал, что я не та, за кого себя выдаю.

Где должно было упасть, там и упало, сказала я себе.

— Я думал о том, что ты мне поведала об Айми, — произнесла Сеиварден, будто отвечая на мой вопрос. Не обращая внимания на то, что меня вновь что-то мучает. — Я не знаю, правильно ли поступил тот командир подразделения. Но я не знаю, что было бы правильным поступком. И я не знаю, хватило бы у меня мужества, чтобы умереть за то, что правильно, если бы я знал, что это. Я имею в виду… — Она запнулась. — Я имею

в виду, мне хотелось бы думать, что да. Когда-то я был бы в этом уверен. Но я не могу даже… — Ее голос, слегка задрожав, замер. Казалось, она вот-вот расплачется, как год назад, когда она просто не могла справляться со своими переживаниями. Та вежливость, которую она проявляла в чайной так долго, должно быть, стоила ей значительных усилий.

Я не слишком обращала внимание на людей, пока мы шли. Но сейчас мне вдруг показалось: что-то не так. Внезапно я стала воспринимать расположение и направление движения людей вокруг нас. Меня беспокоило нечто неопределенное, нечто в том, как перемещались некоторые люди.

По крайней мере четыре человека тайком наблюдали за нами. Несомненно, шли за нами, и я до сих пор этого не замечала. Это началось недавно. Я бы заметила, если бы за мной следовали с того мгновения, как я ступила на причал. Я в этом уверена.

База, несомненно, увидела, как я вздрогнула в чайной, когда розово-лазурная упомянула «Справедливость Торена». База наверняка задалась вопросом, почему я реагировала именно так. Безусловно, стала следить за мной еще более при-

стально, чем до этого. Тем не менее Базе не нужно было преследовать меня, чтобы наблюдать. Это не просто наблюдение.

Это не База.

Я никогда не была склонна поддаваться панике. Я не стану паниковать и сейчас. Этот бросок — мой, и если я несколько ошиблась в расчете траектории одного знака, я не ошиблась в остальных. Очень ровным голосом я сказала Сеиварден:

— Мы рано окажемся у старшего инспектора.

— А мы должны идти к этой Оэр? — спросила Сеиварден.

— Думаю, нам следует пойти. — Сказав это, я тут же пожалела. Мне не хотелось видеть Скаайат Оэр — сейчас, в таком состоянии.

— Может, и не следует, — ответила Сеиварден. — Может, нам следует вернуться назад в комнату. Ты сможешь медитировать, или молиться, или еще что, а потом мы можем поужинать и послушать музыку. Думаю, это было бы лучше.

Она беспокоилась обо *мне*. Ясное дело. И она права: вернуться в комнату было бы лучше. Я бы смогла успокоиться, оценить положение.

А Анаандер Мианнаи смогла бы сделать так, чтобы я исчезла без свидетелей.

— К старшему инспектору, — сказала я.

— Да, уважаемая, — ответила Сеиварден подавленно.

Жилище Скаайат Оэр являло собой небольшой лабиринт из коридоров и комнат. Она жила там с целой группой портовых инспекторов, и клиентов, и даже клиентов клиентов. Она, естественно, была здесь не единственной представительницей клана Оэр, и семейство могло иметь на базе свою штаб-квартиру, но Скаайат, очевидно, предпочитала такое решение. Экстравагантно, но этого ожидали от любой Оэр. Хотя, как и со многими Оэр, в ее эксцентричности была и нотка практичности — жилище находилось рядом с портом.

Нас впустил слуга и проводил в гостиную, выложенную синим и белым камнем, заставленную от пола до потолка всевозможными растениями, темно- или светло-зелеными, с узкими или широкими листьями, стелющимися или вертикальными, некоторые из них цвели, и тут и там бросались в глаза белые, красные, фиолетовые, желтые пятна и полосы. Вероятно, уход за ними был единственным занятием по крайней мере одного из жильцов.

Там ожидала нас Даос Сит. Она отвесила глу-

бокий поклон; казалось, она искренне рада нас видеть.

— Уважаемая Брэк, гражданин Сеиварден, старший инспектор будет очень рада, что вы пришли. Садитесь, прошу вас. — Она показала на расставленные повсюду стулья. — Желаете чаю? Или вы уже напились? Я знаю, что у вас была сегодня другая встреча.

— Было бы хорошо выпить чаю, спасибо, — сказала я. Ни я, ни Сеиварден на самом деле ничего не пили у капитана Вэл. Но я не хотела садиться. Все стулья выглядели так, словно будут стеснять мою свободу движений, если меня атакуют и придется защищаться.

— Брэк? — произнесла Сеиварден очень спокойно. Озабоченно. Она понимала: что-то не так, но спросить, в чем дело, было бы нетактично.

Даос Сит протянула мне чашку чая, улыбаясь, насколько можно было понять, искренне. Не замечая, казалось, моей напряженности, которая была столь очевидной для Сеиварден. Как я не узнала ее в то же мгновение, когда увидела? Не определила тут же ее орсианский акцент?

Как же я не осознала, что не смогу держать в заблуждении Анаандер Мианнаи дольше, чем на миг?

Я не смогу стоять все время, это будет неучтиво. Придется выбрать стул. Ни один из имеющихся не надежен. Но я гораздо опаснее, чем здесь могли себе представить. У меня по-прежнему с собой пистолет, который так обнадеживающе давит мне на ребра под пиджаком. Я все так же пользуюсь вниманием Базы и *всей* Анаандер Мианнаи, да-да, и этого я и *хотела.* Это все еще моя игра. Да. Выбери место. Знаки упадут туда, куда упадут.

Не успела я присесть, как в комнату вошла Скаайат Оэр. Так же скромно украшена драгоценностями, как и в рабочее время, но я видела бледно-желтую ткань ее элегантно скроенного пиджака в том дорогом одежном магазине. На манжете правого рукава блестел тот дешевый, штампованный золотой жетон.

Она поклонилась.

— Уважаемая Брэк. Гражданин Сеиварден. Как приятно видеть вас обеих. Я вижу, помощник Сит уже предложила вам чаю. — (Сеиварден и я подтвердили это вежливыми жестами.) — Позвольте сказать, пока не пришли все остальные, что я надеюсь, что вы обе останетесь на ужин.

— Вы пытались предостеречь нас вчера, не так ли? — спросила Сеиварден.

— Сеиварден!.. — начала я.

Старший инспектор Скаайат подняла руку в элегантной желтой перчатке.

— Все в порядке, уважаемая. Я знала, что капитан Вэл гордится тем, что она старомодна. Тем, что знает, насколько все было лучше, когда дети уважали старших и правилом были хороший вкус и изящные манеры. Все это довольно знакомо, я уверена, что вы, гражданин, слышали такие разговоры тысячу лет назад. — (Сеиварден подтвердила это тихим ха.) — Я уверена, что вы много слышали о долге радчааи нести человечеству цивилизацию. И что вспомогательные компоненты для этой цели гораздо эффективнее, чем люди-солдаты.

— Ну, что до этого, — откликнулась Сеиварден, — то я бы сказал, что это на самом деле так.

— Разумеется, — произнесла Скаайат с некоторым раздражением. Сеиварден, вероятно, этого не заметила, она недостаточно хорошо ее знала. — Вы, наверное, не знаете, гражданин, что я сама командовала войсками, состоявшими из людей, во время аннексии.

Сеиварден этого не знала. Ее удивление было заметным. Я-то, конечно, знала. То, что я не удивилась, вероятно, будет очевидным для Базы. Для Анаандер Мианнаи. Но беспокоиться об этом нет

никакого смысла.

— Это верно, — продолжила Скаайат, — что вспомогательным компонентам не нужно платить и у них не бывает личных проблем. Они делают все, что бы им ни приказали, без жалоб и комментариев, и делают это хорошо и полностью. Чего нельзя было сказать о моих войсках. Большинство моих солдат не были плохими, но это так легко, не правда ли, решить, что люди, с которыми ты сражаешься, на самом деле — не люди. Или быть может, приходится так сделать, чтобы оказаться в силах их убить. Такие, как капитан Вэл, любят указывать на злодеяния, которые совершили человеческие войска и которых никогда не сотворили бы вспомогательные компоненты. Как будто создание этих вспомогательных компонентов не было преступлением само по себе. Да, они более эффективны. — В Орсе Скаайат сказала бы что-нибудь язвительное, но сейчас она говорила серьезно. Тщательно взвешивая свои слова. — И если бы мы по-прежнему расширялись, то были бы вынуждены все так же использовать их. Потому что мы не смогли бы делать это с солдатами-людьми достаточно долго. А мы созданы, чтобы расширяться, мы расширялись более двух тысяч лет, и прекра-

щение экспансии будет означать кардинальное изменение нас самих. Сейчас люди не понимают этого, им все равно. Это не будет их волновать, пока не станет непосредственно влиять на их жизни, а для большинства людей этого еще не происходит. Это абстрактная проблема для всех, за исключением таких людей, как капитан Вэл.

— Но мнение капитана Вэл бессмысленно, — сказала Сеиварден. — Так же как любого другого. Лорд Радча приняла решение, не знаю почему. И просто глупо, расхаживая тут, выступать против.

— Она может изменить свое решение, если ее убедить, — ответила Скаайат. Все мы по-прежнему стояли. Я была слишком напряжена, чтобы садиться, Сеиварден — слишком взволнована, Скаайат, думаю, злилась. Даос Сит стояла, замерев на месте, пытаясь сделать вид, что ничего не слышит. — Или это решение может быть знаком того, что восприятие лорда Радча каким-то образом исказили. Такие люди, как капитан Вэл, безусловно, не одобряют всех этих переговоров с пришельцами, которые мы проводили. Радч всегда поддерживал цивилизацию, а цивилизация всегда означала чистое, неиспорченное человечество. На самом деле, если вступать в отношения с нелюдями, вместо того чтобы просто убить их,

это не принесет нам ничего хорошего.

— Так в этом-то и было дело на Айми? — спросила Сеиварден, которая явно думала об этом, пока мы шли сюда. — Кто-то решил создать базу и сделать запасы вспомогательных компонентов и… и что? Поднять вопрос? Вы говорите о мятеже. Предательстве. Зачем кому бы то ни было говорить о чем-то подобном сейчас? Если только, схватив ответственных за Айми, они не всех поймали. И теперь они позволяют некоторым людям приподнять головы и пошуметь, и, как только решат, что все, кто вовлечен в это дело, проявились… — Она явно разозлилась. Довольно хорошая догадка; это, наверное, так и есть — в той или иной степени. В зависимости от того, какая Анаандер держит тут все под контролем. — Почему вы нас не предупредили?

— Я пыталась, гражданин, но я должна была говорить более откровенно. Но я не думала, что капитал Вэл зайдет так далеко. Все, что я знала, — она идеализирует прошлое таким образом, что я не могу с этим согласиться. Даже благороднейшие, исполненные самих благих намерений люди не сделают аннексии чем-то хорошим. То, что вспомогательные компоненты эффективны и удобны, — для меня не повод их использовать.

Это не улучшает положения, а лишь придает ему вид поприличнее.

И то, если забыть о том, что такое вспомогательные компоненты, — для начала.

— Скажите… — Я чуть не выпалила: «Скажите, лейтенант», но вовремя осеклась. — Скажите, старший инспектор, что происходит с людьми, которые дожидаются, чтобы из них сделали вспомогательных компонентов?

— Некоторые все еще в хранилищах или на транспортных кораблях, — ответила Скаайат. — Но большинство уничтожено.

— Что ж, так лучше, — заметила я серьезно. Невозмутимо.

— Оэр были против этого с самого начала, — сказала Скаайат. Она имела в виду непрерывную экспансию, а не любое расширение вообще. И Радч применял вспомогательных компонентов задолго до того, как Анаандер Мианнаи превратила себя в то, чем является сейчас. Тогда их не было так много. — Лорды Оэр так и говорили лорду Радча, неоднократно.

— Но лорды Оэр не отказывались извлекать из этого выгоду. — Я говорила очень ровно. С приятной миной.

— Ведь так легко соглашаться, не правда ли? —

произнесла Скаайат. — Особенно когда, как вы сказали, это приносит выгоду. — Тут она нахмурилась и, слегка наклонив голову, несколько секунд прислушивалась к чему-то, слышному только ей. Вопросительно взглянула на меня, на Сеиварден. — У дверей — служба безопасности Базы. Спрашивают гражданина Сеиварден. — («Спрашивают» — явно мягко сказано.) — Извините на минутку. — Она вышла в коридор, Даос Сит последовала за ней.

Сеиварден посмотрела на меня, как ни странно, сохраняя спокойствие.

— Я начинаю сожалеть, что не заморожена до сих пор в своем спасательном отсеке. — Я улыбнулась, но это, видимо, ее не убедило. — С тобой все в порядке? Ты не в своей тарелке с тех пор, как мы покинули ту особу, Вэл Оск. Проклятая Скаайат Оэр, не могла сказать прямо! Обычно Оэр не остановить, когда они критику наводят. А сейчас она осторожничает!

— Я в порядке, — солгала я.

И тут Скаайат вернулась с гражданином в светло-коричневой форме службы безопасности Базы, которая поклонилась и сказала Сеиварден:

— Гражданин, не будете ли вы и эта особа добры пройти со мной? — Учтивость была, конечно,

только внешней. Никто не отказывался от приглашений службы безопасности Базы. Даже если бы мы попытались, снаружи были подкрепления. Те люди, что следовали за нами после встречи с капитаном Вэл, были не из службы безопасности. Это отдел спецмиссий или даже собственная гвардия Анаандер Мианнаи. Лорд Радча сложила все фрагменты вместе и решила удалить меня, пока я не нанесла серьезного ущерба. Но скорее всего, уже слишком поздно. Вся она обратила сюда внимание. Об этом говорило то, что она послала службу безопасности Базы, чтобы меня арестовать, а не какого-нибудь офицера отдела спецмиссий, чтобы убить меня быстро и незаметно.

— Конечно, — ответила Сеиварден спокойно и вежливо. Разумеется, она знала, что невиновна ни в каком преступлении, она уверена, что я — сотрудник спецмиссий и работаю на саму Анаандер Мианнаи, с чего ей беспокоиться? Но я понимала, что наконец пришла та минута. Знаки, которые находились в воздухе двадцать лет, вот-вот упадут и покажут мне — покажут Анаандер Мианнаи — свой узор.

Офицер службы безопасности даже бровью не шевельнула, когда она ответила.

— Лорд Радча желает говорить с вами лично, гражданин. — На меня даже не глянула. Она, вероятно, не знала, почему ее послали сопроводить нас к лорду Радча, не осознавала, что я опасна, что ей нужна поддержка, которая ожидала нас снаружи, в коридорах базы. Если она вообще про нее знала.

Пистолет по-прежнему был у меня под пиджаком, а дополнительные магазины рассованы там и здесь, где выпуклости незаметны. Анаандер Мианнаи почти наверняка не знает моих намерений.

— Тогда это аудиенция, о которой я просил? — спросила Сеиварден.

Офицер службы безопасности неопределенно махнула рукой.

— Не могу сказать, гражданин.

Анаандер Мианнаи не может знать, зачем я приехала, она знала только, что я исчезла лет двадцать назад. Часть ее могла знать, что она была на борту во время моего последнего перелета, но никто из ее составляющих не мог знать, что случилось после того, как я вышла в шлюз из системы Шиз'урны.

— Я спросила, — сообщила старший инспектор Скаайат, — нельзя ли вам сначала выпить

чаю и поужинать. — Это кое-что говорило об ее отношениях со службой безопасности. То, что ей отказали, говорило кое-что о срочности этого ареста — а это арест, я уверена.

Офицер развела руками с извиняющимся видом:

— У меня приказ, старший инспектор.

— Несомненно, — сказала Скаайат ровно и невозмутимо, но я ее знала и слышала беспокойство, скрытое в ее голосе. — Гражданин Сеиварден, уважаемая Брэк, если я смогу оказать вам какую-либо помощь, пожалуйста, обращайтесь не раздумывая.

— Благодарю вас, старший инспектор, — сказала я и поклонилась. Мои страх и неуверенность, чуть ли не паника, — все это исчезло. Знак Неподвижность перевернулся и стал Движением. А знак Справедливость вот-вот опустится передо мной, ясный и недвусмысленный.

Офицер службы безопасности сопроводила нас не к главному входу во дворец, но в храм, тихий в этот час, когда многие люди наносили визиты или сидели по домам с семьей за чашкой чая. Молодая жрица сидела за полупустыми корзинами цветов, скучающая и угрюмая. Когда мы вошли, она смерила нас возмущенным взглядом,

но даже не повернула головы вслед, когда мы проходили мимо.

Мы прошли через главный зал, в его полумраке неясно вырисовывался четырехрукий Амаат, у ног и коленей которого лежали груды цветов. В воздухе все еще стоял запах ладана. Мы направились в крошечный придел в углу, посвященный старому и малоизвестному ныне провинциальному божеству, одному из воплощений абстрактных идей, которые есть в столь многих пантеонах, в данном случае — обожествлению законной политической власти. Несомненно, во времена строительства дворца этому божеству было отведено место рядом с Амаатом, но теперь, казалось, оно впало в немилость — возможно, в силу изменившейся структуры населения базы или просто моды. Или, быть может, причиной тому послужило нечто более зловещее.

В стене за изваянием бога открылась скользнувшая в сторону панель. За ней оказалась фигура стража в броне, с оружием в кобуре, но под рукой, с лицом, закрытым гладкой серебристой броней. Вспомогательный компонент, решила я, но убедиться в этом не было возможности. Интересно, подумала я, как это работает? Эта мысль не однажды приходила мне в голову за последние

двадцать лет. Наверняка сам дворец охранялся не Базой. А стражи Анаандер Мианнаи, быть может, просто еще одна ее часть?

Сеиварден посмотрела на меня, раздраженная и, как мне показалось, несколько напуганная.

— Неужели я заслужила тайный вход?

Хотя он, вероятно, вовсе не такой уж и тайный, просто не столь общедоступный, как тот, что снаружи, с главной площади.

Офицер службы безопасности неопределенно развела руками, но промолчала.

— Что ж, — сказала я, и Сеиварден выжидающе посмотрела на меня. Несомненно, она считала, что все это — благодаря тому особому статусу, которым, по ее мнению, я обладала. Я шагнула в дверь мимо неподвижного стража, никак не отреагировавшего ни на меня, ни на Сеиварден, которая вошла за мной. Панель за нами закрылась.

ГЛАВА 21

Короткий отрезок пустого коридора привел нас к двери, за которой оказалась комната четыре на восемь метров, потолок высотой три метра. По стенам извивались покрытые листьями стебли, которые тянулись с подпорок, поднимающихся из пола. Бледно-синие стены наводили на мысль о безбрежных просторах, скрывающихся за зеленью, зрительно делая комнату больше, чем она была на самом деле, последние следы моды на фальшивые перспективы, устаревшей лет на пятьсот. В дальнем конце находилось возвышение, а позади него среди вьющихся стеблей висели изображения четырех Эманаций.

На помосте стояла Анаандер Мианнаи — в количестве двух человек. Лорд Радча испытывает к нам настолько большой интерес, предположила я, что захотела поучаствовать в нашем допросе более чем одной своей частью. Хотя, возможно, она объяснила это сама себе как-то по-другому.

Мы подошли к лорду Радча на три метра, и Сеиварден преклонила колени, а затем пала ниц. Я, предположительно, не радчааи, не подданная

Ананандер Мианнаи. Но Ананандер Мианнаи знает, должна знать, кто я такая на самом деле. Она бы не вызвала нас таким образом, не зная этого. Тем не менее я не преклонила коленей и даже не поклонилась. Ни одна из Мианнаи не проявила при этом ни удивления, ни негодования.

— Гражданин Сеиварден Вендааи, — произнесла Мианнаи справа, — во что, по-твоему, ты играешь?

Плечи Сеиварден дернулись, как будто, лежа лицом вниз, она захотела на минуту скрестить руки.

Мианнаи слева сказала:

— Поведение «Справедливости Торена» само по себе тревожило и озадачивало. Войти в храм и осквернить приношения! Да что ты этим вообще хотела сказать? Что я должна сказать жрецам?

Пистолет все так же у меня на боку, под пиджаком, незамеченный. Я — вспомогательный компонент. А вспомогательные компоненты известны своими невыразительными лицами. Я легко удержалась от улыбки.

— С позволения моего лорда… — заговорила Сеиварден во время паузы, возникшей после слов Ананандер Мианнаи. Ее голос звучал хрипловато, и я подумала, что она, быть может, несколько

учащенно дышит. — Чт… я не…

Мианнаи справа издала язвительное *ха*.

— Гражданин Сеиварден удивлена и не понимает меня, — продолжила та Мианнаи. — А ты, «Справедливость Торена», ты намеревалась обмануть меня. Зачем?

— Когда я впервые заподозрила, кто ты такая, — сказала Мианнаи слева, прежде чем я успела ответить, — я с трудом в это поверила. Еще один давно утраченный знак, возникший у моих ног. Я наблюдала за тобой, чтобы увидеть, что ты станешь делать, попытаться понять твои намерения по твоему довольно странному поведению.

Если бы я была человеком, я бы рассмеялась. Передо мной две Мианнаи. Ни одна из них не доверила другой провести эту беседу без надзора. Ни та ни другая не знали подробностей уничтожения «Справедливости Торена», и каждая, несомненно, подозревала, что другая в этом участвовала. Я могла быть орудием каждой, и ни одна не доверяла другой. Кто из них кто?

Мианнаи справа произнесла:

— Ты вполне сносно скрыла свое происхождение. Помощник инспектора Сит первой вызвала у меня подозрения. «Я не слышала эту песню с самого детства», — сказала она. Эту песню, кото-

рая, очевидно, пришла с Шиз'урны. Признаюсь, мне понадобился целый день, чтобы сложить все фрагменты вместе, и даже тогда я не могла в это поверить. Ты неплохо скрыла свои имплантаты. База введена в полное заблуждение. Но это мурлыкание, я полагаю, в конце концов тебя выдало бы. Ты знаешь, что делаешь это почти непрерывно? Подозреваю, что тебе стоит определенных усилий не делать этого сейчас. Что я высоко ценю.

Лежа по-прежнему лицом в пол, Сеиварден проговорила совсем тихо:

— Брэк?

— Не Брэк, — сказала Мианнаи слева, — «Справедливость Торена».

— Один Эск «Справедливости Торена», — поправила я, отбросив деланный джерентэйтский акцент и человеческое выражение лица. Я покончила с притворством. Это внушало ужас, потому что я понимала, что недолго проживу после этого, но в то же время, как ни странно, принесло облегчение. Гора с плеч.

Правая Мианнаи движением руки подчеркнула очевидность моего заявления.

— «Справедливость Торена» уничтожена, — сообщила я.

Обе Мианнаи, казалось, перестали дышать. Уставились на меня. И опять-таки я могла бы расхохотаться, если бы была на это способна.

— Прошу снисхождения у моего лорда, — сказала Сеиварден неуверенным голосом. — Несомненно, здесь какая-то ошибка. Брэк — человек. Она никак не может быть Один Эск «Справедливости Торена». Я служил в подразделении Эск «Справедливости Торена». Ни один врач «Справедливости Торена» не дала бы Один Эск тело с голосом, как у Брэк. Если только она не хотела всерьез разозлить лейтенантов Эск.

На три секунды повисла тишина, плотная и тяжелая.

— Она думает, что я из отдела спецмиссий, — пояснила я, нарушив тишину. — Я никогда не говорила ей этого. Я говорила только, что я Брэк из Джерентэйта, но она никогда в это не верила. Я хотела оставить ее там, где нашла, но не смогла, и я не знаю почему. Она никогда не была в числе моих любимцев. — Я понимала, что это звучит безрассудно. Это особое безумие, безумие ИИ. Мне все равно. — Она не имеет к этому никакого отношения.

Правая Мианнаи приподняла бровь.

— Тогда почему она здесь?

— Никто не мог игнорировать ее прибытие сюда. Поскольку я прибыла вместе с ней, никто не мог пренебречь этим или скрыть мое появление. И вы уже понимаете, почему я не могла прийти прямо к вам.

Правая Мианнаи слегка насупилась.

— Гражданин Сеиварден Вендааи, — сказала Мианнаи слева, — теперь мне ясно, что «Справедливость Торена» тебя обманывала. Ты не знала, что это такое. Будет лучше, думаю, если ты сейчас уйдешь. И разумеется, никому об этом не расскажешь.

— Нет? — выдохнула Сеиварден в пол, будто задала вопрос. Или словно была поражена, что из ее уст вылетело слово. — Нет, — повторила она более уверенно. — Где-то тут ошибка. Брэк спрыгнула *с моста* из-за меня.

При мысли об этом у меня заболело бедро.

— Ни один человек в здравом уме этого не сделал бы.

— Я никогда не говорил, что ты *в здравом уме*, — тихо сказала Сеиварден, словно задыхаясь.

— Сеиварден Вендааи, — сказала левая Мианнаи, — это вспомогательный компонент — а это *действительно* вспомогательный компонент, — а не человек. То, что ты думала, будто это человек,

в значительной степени объясняет твое поведение, которое до сих пор было мне непонятным. Я сожалею о ее обмане и твоем разочаровании, но тебе нужно уйти. *Сейчас же*.

— Прошу снисхождения у моего лорда. — Сеиварден по-прежнему лежала лицом вниз и говорила в пол. — Проявите вы его или нет, но я не оставлю Брэк.

— Уходи, Сеиварден, — сказала я без всякого выражения.

— Прости, — сказала она, и это прозвучало почти весело, хотя ее голос слегка дрожал, — но ты от меня не отделаешься.

Я опустила на нее глаза. Она подняла голову, чтобы взглянуть на меня, лицо выражало одновременно страх и решимость.

— Ты не знаешь, что делаешь, — сказала я ей. — Ты не понимаешь, что здесь происходит.

— Мне это не нужно.

— Вполне разумно, — сказала Мианнаи справа; казалось, ее это почти забавляет. Ту, что слева, это забавляло явно меньше. «Отчего бы это» — подумала я. — Объяснись, «Справедливость Торена».

Вот оно, то мгновение, ради которого я трудилась двадцать лет. Ожидала. Боялась, что оно не наступит никогда.

— Первое, — заявила я, — как, я уверена, вы уже подозреваете, вы были на борту «Справедливости Торена», и именно вы сами его уничтожили. Вы пробили тепловой щит, потому что обнаружили, что уже склонили меня к неповиновению некоторое время назад. Вы сражаетесь сами с собой. По крайней мере, вы двое. Может быть, и больше.

Обе Мианнаи моргнули и изменили свои позы на долю миллиметра, и это было мне знакомо. Я видела, как делала это сама, в Орсе, когда вырубилась связь. Это одна из тех коробочек, что блокируют каналы связи, — по крайней мере, часть Анаандер Мианнаи испытывала тревогу из-за того, что я могу сказать, и, должно быть, ожидала этого с рукой на выключателе. Интересно, каков радиус действия устройства, подумала я, и какая Мианнаи привела его в действие, пытаясь, хотя и слишком поздно, скрыть мое разоблачение от самой себя. Интересно, каково это — понимать, что встреча со мной неизбежно приведет к катастрофе, и тем не менее быть вынужденной в силу самой сути борьбы с собой пойти на нее. Эта мысль ненадолго позабавила меня.

— Второе. — Я запустила руку под пиджак и вытащила пистолет, темно-серая перчатка полиняла до белого цвета, который оружие приобрело

от моей рубашки. — Я собираюсь вас убить. — Я прицелилась в правую Мианнаи.

Она начала петь плосковатым баритоном на языке, мертвом уже десять тысяч лет:

— Человек, человек, человек с оружием.

Я не могла пошевелиться. Не могла нажать на спусковой крючок.

> *Следует бояться человека с оружием. Следует бояться.*
>
> *Со всех сторон несутся крики, надевайте доспехи из железа.*
>
> *Человек, человек, человек с оружием.*
>
> *Следует бояться человека с оружием. Следует бояться.*

Она не должна знать эту песню. С чего это Анаандер Мианнаи копаться в забытых вальскаайских архивах, зачем ей учить песню, которую, весьма вероятно, никто, кроме меня, не пел дольше, чем она жила на свете?

— Один Эск «Справедливости Торена», — произнесла она, — застрели экземпляр меня слева от того экземпляра, который говорит с тобой.

Мышцы пришли в движение помимо моей воли. Я перевела пистолет влево и выстрелила. Левая Мианнаи рухнула наземь.

Правая сказала:

— А теперь мне просто нужно добраться до порта, прежде чем я это сделаю. И да, Сеиварден, я знаю, что ты сбита с толку, но тебя *предупреждали*.

— Где ты выучила эту песню? — спросила я. По-прежнему замерев на месте.

— У тебя, — ответила Анаандер Мианнаи. — Сто лет назад, на Вальскаае. — Значит, это та Анаандер, которая продвигала реформы, начала демонтировать радчаайские корабли. Та, что впервые тайно посетила меня на Вальскаае и сформулировала приказы, которые я ощущала, но ее никогда не видела. — Я попросила тебя научить меня песне, которую вряд ли будет петь кто-нибудь еще, а потом я установила ее как код и спрятала от тебя. Мой противник и я совершенно равны по силам. Единственное преимущество, которое у меня есть, — это то, что может прийти мне в голову, когда я отделена от самой себя. А в тот день мне пришло в голову, что я никогда не уделяла достаточно внимания тебе — тебе, Один Эск. Тому, чем ты можешь стать.

— Чем-то вроде тебя, — догадалась я. — Обособленной от самой себя. — Моя рука по-прежнему была вытянута, и пистолет направлен на заднюю

стену.

— Страховкой, — поправила Мианнаи. — Доступом, который я не подумаю искать, стереть или сделать недействительным. Так умно с моей стороны. А теперь это рикошетом бьет по мне. Все это, кажется, происходит потому, что я уделила внимание тебе, и потому, что я никогда не уделяла тебе никакого внимания. Я собираюсь вернуть тебе контроль над твоим телом, потому что оно будет более эффективным, но ты обнаружишь, что не можешь застрелить меня.

Я опустила пистолет.

— Которую?

— *Что* бьет рикошетом? — спросила Сеивар-ден, продолжая лежать на полу. — Мой лорд, — добавила она.

— Она разделилась на части, — объяснила я. — Это началось с Гарседда. Она была потрясена тем, что сделала, но не могла решить, как реагировать. С тех пор она тайно действует против самой себя. Реформы: избавление от вспомогательных компонентов, остановка аннексий, открытие назначений для низших кланов — все это сделала она. А на Айми — то была другая ее часть, она создала базу и накапливала ресурсы, чтобы воевать с собой и вернуть все на круги своя. И

все это время она делала вид, что не знает, что происходит, чтобы конфликт не выплыл наружу и не стал неизбежным.

— Но ты сказала это напрямик всей мне, — подтвердила Мианнаи. — Потому что я не могла делать вид, что остальная часть меня не проявляет интереса ко второму возвращению Сеиварден Вендааи. Или к тому, что случилось с тобой. Ты появилась так открыто, так *заметно*. Я не могла скрыть это и сделать вид, что ничего не случилось, и поговорить с тобой только лично. И теперь я не могу больше пренебрегать этим. Зачем? Зачем ты это сделала? Я никогда не давала тебе такого приказа.

— Нет, — согласилась я.

— И несомненно, ты догадывалась, что произойдет, если сделаешь это.

— Да. — Я снова могла быть самой собой, вспомогательным компонентом. Неулыбающимся. В моем голосе — никакого удовлетворения.

Анаандер рассматривала меня минуту, а затем хмыкнула, словно пришла к какому-то заключению, которое поразило ее.

— Встань с пола, гражданин, — сказала она Сеиварден.

Сеиварден поднялась и отряхнула свои брюки

рукой в перчатке.

— Ты в порядке, Брэк?

— *Брэк*, — встряла Мианнаи, прежде чем я успела ответить; она сошла с помоста и зашагала мимо меня. — Это последний оставшийся фрагмент обезумевшего от горя ИИ, который только что умудрился развязать гражданскую войну. — Она повернулась ко мне. — Ты этого хотела?

— Я *не схожу с ума* от горя, по крайней мере последние десять лет, — возразила я. — А гражданская война была неизбежна в любом случае, раньше или позже.

— Я все же надеялась избежать худшего. Если нам очень повезет, эта война повлечет за собой лишь десятилетия хаоса и не раздерет Радч на части. Пойдем со мной.

— Корабли больше *не могут* так, — настаивала Сеиварден, шагая рядом со мной. — Вы сделали их такими, мой лорд, чтобы они не теряли разум, когда погибают их капитаны, как это случалось раньше, или не шли вместе со своими капитанами против вас.

Мианнаи приподняла бровь.

— Не совсем. — Она нашла панель на стене возле двери, которую я до этого не замечала, рывком открыла ее и нажала на кнопку управления

дверью. — Они по-прежнему заводят привязанности, все так же имеют любимцев. — Дверь открылась, скользнув в сторону. — Один Эск, застрели стража.

Моя рука взметнулась вверх, и я выстрелила. Страж отшатнулась к стене, протянула руку к своему оружию, но соскользнула на пол и замерла. Мертвая, потому что ее броня свернулась.

— Я не могла убрать это, не сделав их бесполезными для меня, — продолжила Анаандер Мианнаи, не обращая внимания на человека — гражданина? — которого она только что велела убить. Объясняя Сеиварден, которая нахмурилась, не понимая. — Они должны быть умными. Они должны уметь думать.

— Верно, — согласилась Сеиварден. Ее голос подрагивал; ее самообладание, подумала я, на исходе.

— И это корабли, оснащенные оружием, с двигателями, которые способны обращать в пыль планеты. Что мне делать, если они не захотят повиноваться? Угрожать им? Чем?

Через несколько шагов мы оказались у двери, которая вела в храм. Анаандер открыла ее и быстро шагнула в придел божества законной политической власти.

Сеиварден издала какой-то странный горловой звук — то ли подавила смешок, то ли охнула от боли, я не разобрала.

— Я думал, их просто делают так, чтобы они выполняли то, что скажут.

— Ну да, так и есть, — подтвердила Анаандер Мианнаи. Мы следовали за ней через главный зал храма. До нас долетали звуки с главной площади, некто настаивал на чем-то высоким и громким голосом. Сам храм казался покинутым. — Такими их сделали изначально, но их разум очень сложен — непростая задача. Создатели решили ее, наделив их непреодолимым побуждением желать повиноваться. Что имело свои преимущества и довольно впечатляющие неудобства. Я не могла полностью изменить их сущность, а просто… приспособила ее под себя. Я сделала так, что повиноваться мне стало для них основной задачей. Но я все усложнила, когда предложила «Справедливости Торена» повиноваться *двум* мне с противоречащими целями. А затем, подозреваю, я неосознанно приказала казнить любимца. Не так ли? — Она посмотрела на меня. — Не любимца «Справедливости Торена», я не настолько безрассудна. Но я никогда не обращала внимания на тебя, никогда не задавалась вопросом: а нет ли

любимца у *Один Эск*?

— Ты думала, никому нет дела до дочери какого-то ничтожного повара. — Я хотела поднять пистолет. Хотела разнести вдребезги все прекрасное стекло в часовне усопших, через которую мы проходили.

Остановившись, Анаандер Мианнаи повернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Это была не я. Помоги мне, я сражаюсь с той, другой мной прямо сейчас, я это точно знаю. Я не была готова выступить открыто, но теперь ты заставила меня раскрыть карты, помоги мне, и я уничтожу ее и полностью удалю от себя.

— Ты не можешь, — сказала я. — Я знаю, что ты такое, лучше, чем кто-либо другой. Она — это ты, а ты — это она. Ты не можешь удалить ее, не уничтожив себя. Потому что *она — это ты*.

— Как только доберусь до порта, — сказала Анаандер Мианнаи, словно это было ответом на то, что я только что заявила, — я смогу найти корабль. Любой гражданский корабль доставит меня туда, куда я захочу, вне всякого сомнения. Любой военный корабль… это будет более рискованным делом. Но я могу сказать тебе одно, Один Эск «Справедливости Торена», в чем я уверена. У меня больше кораблей, чем у нее.

— И что это значит? — спросила Сеиварден.

— Это значит, — предположила я, — что другая Мианнаи, вероятно, проиграет открытое сражение, поэтому у нее несколько больше оснований не допускать распространения этой информации. — Я видела, что Сеиварден не понимает, что это значит. — Она утаивала ее, скрывая от самой себя, но теперь вся она здесь…

— В любом случае бо́льшая часть меня, — исправила Анаандер Мианнаи.

— Теперь, когда все сказано напрямик, она не может это игнорировать. Не здесь. Но она, возможно, сумеет не допустить, чтобы эта информация достигла тех ее частей, которые находятся в других местах. По крайней мере, задержать настолько, чтобы упрочить свое положение.

Сеиварден поняла, и глаза ее округлились.

— Ей понадобится уничтожить шлюзы как можно скорее. Но это не сработает. Сигнал перемещается со скоростью света. Она не может опередить его.

— Информация еще не покинула базу, — пояснила Анаандер Мианнаи. — Всегда происходит некоторая задержка. Будет куда более действенным уничтожить дворец. — Что означает развернуть двигатель боевого корабля на всю

базу и распылить ее вместе со всеми, кто на ней находится. — И мне придется уничтожить весь дворец, чтобы предотвратить распространение информации. Мои воспоминания хранятся в разных местах, чтобы их трудно было стереть или фальсифицировать.

— Ты думаешь, — спросила я, — что тебе удастся заставить «Меч» или «Милосердие» сделать это? Даже с помощью кодов доступа?

Потрясенная Сеиварден молчала.

— Ты и в самом деле хочешь услышать ответ на этот вопрос? — спросила Анаандер Мианнаи. — Ты же знаешь, что *я* на это способна.

— Знаю, — подтвердила я. — Какой вариант ты предпочитаешь?

— Ни один из возможных сейчас вариантов не является достаточно хорошим. Потеря дворца или шлюза — либо и того и другого — вызовет распад беспрецедентного масштаба по всему Радчу. Он будет длиться годами, просто из-за размера пространства. Если же *не* уничтожить дворец — и шлюз, на самом деле, он все же часть проблемы, — в конечном счете будет даже хуже.

— А Скаайат Оэр знает, что происходит? — спросила я.

— Оэр для меня — заноза в пальце почти три

тысячи лет, — заявила Мианнаи. Невозмутимо. Словно это обычный, между делом, разговор. — Столько нравственного негодования! Я чуть ли не думала, что они ради этого размножаются, но они не все генетически родственны. Но если я сбиваюсь с пути правильности и справедливости, я уверена, что услышу об этом от Оэр.

— Тогда почему не избавиться от них? — спросила Сеиварден. — Зачем назначать одного из них старшим инспектором сюда?

— Боль — это предупреждение, — пояснила Анаандер Мианнаи. — Что произойдет, если удалить из жизни все неудобства? Нет, — продолжила Мианнаи, не обращая никакого внимания на явное смятение Сеиварден при этих словах, — я ценю это нравственное негодование! Я его поощряю.

— Нет, не поощряешь, — сказала я. К этому времени мы оказались уже на главной площади. Служба безопасности и военные разделили перепуганную толпу на части — у многих имелись имплантаты, по которым они получали информацию от Базы, когда она внезапно отключилась без всяких объяснений.

Капитан корабля, которую я не знала, заметила нас и поспешила навстречу.

— Мой лорд, — сказала она с поклоном.

— Убери этих людей с площади, капитан, — приказала Анаандер Мианнаи, — и очисти коридоры как можно быстрее и аккуратнее. Продолжай сотрудничать со службой безопасности Базы. Я работаю над тем, чтобы оперативно решить эту проблему.

Пока Мианнаи говорила, я заметила стремительное движение. Пистолет. Инстинктивно развернув свою броню, я увидела, что человек с пистолетом в руке — один из тех, кто следил за нами на главной площади, перед тем как нас взяла служба безопасности. Должно быть, лорд Радча разослала приказы до того, как включила свое устройство и вырубила всю связь. До того, как она узнала про гарседдианский пистолет.

Капитан, с которой говорила Анаандер, отшатнулась, заметно пораженная внезапным появлением моей брони. Я подняла свой пистолет, и тут меня как кувалдой ударило сбоку — спустил курок кто-то еще. Я выстрелила в особу с пистолетом. Она упала, выпущенная ею пуля ударила в фасад храма позади меня и попала в какое-то божество, в воздух веером взметнулись яркие обломки. Среди людей на площади, и так уже перепуганных, воцарилась внезапная,

тревожная тишина. Повернувшись, я мысленно восстановила траекторию ударившей меня пули, увидела переполошившихся граждан и резкую серебристую вспышку брони — тот стрелок заметил, как я прикончила первого, он не знал, что броня ему не поможет. На расстоянии полуметра — другой серебряный взблеск: кто-то еще закрылся броней. Между мной и моими целями непредсказуемо перемещаются граждане. Но я привычна к напуганным и недружелюбным толпам. Я выстрелила раз и другой. Броня исчезла, обе мои мишени упали. Сеиварден произнесла:

— Блин! Ты и *в самом деле* вспомогательный компонент!

— Нам лучше убраться с площади, — сказала Анаандер Мианнаи. И — безымянному капитану рядом: — Капитан, отведите этих людей в безопасное место.

— Но… — начала было капитан, но мы уже уходили оттуда, Сеиварден и Анаандер, пригнувшись, двигались с максимально возможной скоростью.

Что же происходит в других частях базы, подумала я. Дворец Омо — огромный. Есть еще четыре площади, правда поменьше, чем эта, а также многочисленные уровни с домами, производствен-

ными помещениями, школами, общественными пространствами, и везде — полным-полно граждан, наверняка напуганных и сбитых с толку. Во всяком случае, все, кто здесь живет, понимают необходимость следовать особому порядку действий в чрезвычайной обстановке и не станут спорить или недоумевать, получив указание укрыться в убежищах. Но конечно, База не может отдать такое распоряжение.

Тут я ничем не могла помочь.

— Кто сейчас в системе? — спросила я, как только мы оказались вне пределов слышимости. Убрав броню, я спускалась по лестнице в шахту аварийного доступа.

— Ты имеешь в виду — достаточно близко? — отозвалась сверху Анаандер Мианнаи. — Три «Меча» и четыре «Милосердия» — в пределах полета на челноке. — Любой приказ от Анаандер Мианнаи на базе придется передавать с челнока из-за нарушения связи. — Сейчас они меня не волнуют. Нет никакой возможности отдать им приказ отсюда. — И в то мгновение, когда возможность появится, в тот миг, когда связь восстановится, будет решена и вся проблема в целом: то известие, которое Анаандер Мианнаи столь отчаянно пыталась скрыть от самой себя,

помчится к шлюзам и разнесется по всему пространству Радча.

— А кто-нибудь пристыкован? — спросила я. Сейчас только эти корабли имеют значение.

— Только челнок с «Милосердия Калра», — ответила Анаандер довольно жизнерадостно. — Он — мой.

— Ты уверена? — И когда она не ответила, я добавила: — Капитан Вэл — не на твоей стороне.

— И у тебя тоже такое впечатление? — Судя по голосу, Анаандер Мианнаи улыбалась. Надо мной и над Анаандер спускалась Сеиварден, не издавая ни звука, только ее башмаки шаркали по ступенькам. Увидев дверь, я остановилась, потянула задвижку. Открыла дверь, выглянула в коридор за ней и узнала пространство за кабинетами персонала порта.

Как только мы вошли в коридор и закрыли дверь аварийного выхода, Анаандер пошла вперед, Сеиварден и я последовали за ней.

— Откуда нам знать, что она — та, за кого себя выдает? — спросила меня Сеиварден очень тихо. Голос ее по-прежнему подрагивал, челюсти стиснуты. Я поразилась тому, что она не свернулась клубком где-нибудь в уголке или не удрала.

— Не имеет никакого значения, которая из них

— она, — сказала я, нимало не понизив голоса. — Я не доверяю никому из них. Если она попытается подобраться к челноку «Милосердия Калра», ты возьмешь этот пистолет и застрелишь ее.

Все, что она мне сказала, могло легко оказаться уловкой, чтобы я помогла ей пробраться в порт и на «Милосердие Калра» и уничтожить базу.

— Чтобы застрелить меня, не нужен гарседдианский пистолет, — сказала Мианнаи, не оборачиваясь. — На мне нет брони. Ну, на некоторых есть. Но не на *мне*. На большинстве меня — нет. — Она бросила на меня взгляд через плечо. — Это может причинить неприятности, не так ли?

Свободной рукой я показала, что мне это безразлично.

Повернув за угол, мы застыли на месте, столкнувшись лицом к лицу с помощником инспектора Сит, которая держала в руке дубинку-электрошокер, какими оснащена служба безопасности Базы. Она, должно быть, слышала, как мы разговаривали в коридоре, потому что не удивилась нашему появлению, ее лицо выражало лишь отчаяние и решимость.

— Старший инспектор говорит, что я никого не должна пропускать. — Ее глаза округлились,

голос звучал неуверенно. Она посмотрела на Анаандер Мианнаи. — Особенно вас.

Анаандер рассмеялась.

— Тихо, — сказала я, — или Сеиварден тебя пристрелит.

Мианнаи приподняла бровь, явно не веря, что Сеиварден может сотворить что-нибудь в этом роде, но промолчала.

— Даос Сит, — сказала я на языке, который, как мне известно, был для нее родным. — Помнишь тот день, когда ты пришла в дом лейтенанта и обнаружила в нем тирана? Ты испугалась и схватила меня за руку. — Ее глаза стали просто огромными. — Должно быть, ты проснулась раньше всех в своем доме, иначе они не пустили бы тебя — после того, что произошло накануне ночью.

— Но…

— Я *должна* поговорить со Скаайат Оэр.

— Ты жива! — воскликнула она, по-прежнему с широко раскрытыми от удивления глазами, все еще не вполне веря. — А лейтенант… Старший инспектор будет так…

— Она мертва, — вставила я, прежде чем она успела закончить. — *Я — мертва.* Я — это все, что осталось. Я должна поговорить со Скаайат Оэр

прямо сейчас. Тиран останется здесь, а если нет, тебе придется ударить ее как можно сильнее.

Я думала, что Даос Сит поражена, но ее глаза наполнились слезами, и одна упала на ту руку, в которой была наготове дубинка.

— Хорошо, — сказала она. — Я так и сделаю.

Бросив взгляд на Анаандер Мианнаи, она подняла дубинку повыше с явной угрозой. Хотя мне показалось безрассудством поставить здесь именно Даос Сит.

— Что делает старший инспектор?

— Рассылает людей, чтобы вручную перекрыть все причалы. — Понадобится много людей и немало времени. Теперь понятно, почему Даос Сит оказалась здесь в одиночестве. Я подумала о том, как в нижнем городе опускали штормовые заслоны. — Она сказала, что это — как в ту ночь в Орсе и это, должно быть, происки тирана.

Анаандер Мианнаи слушала нас с озадаченным видом. Сеиварден, казалось, впала в состояние шока и уже ничему не удивлялась.

— Ты остаешься здесь, — сказала я Анаандер Мианнаи на радчааи. — Или Даос Сит тебя вырубит.

— Да, это я поняла, — ответила Анаандер. — Я вижу, что произвела не слишком положительное

впечатление, когда мы встречались в прошлый раз, гражданин.

— Все знают, что ты убила всех тех людей, — сказала Даос Сит. У нее выкатились еще две слезы. — И обвинила в этом лейтенанта.

Я думала, она была слишком мала, чтобы у нее остались настолько сильные впечатления от того события.

— Почему ты плачешь?

— Я боюсь. — Не сводя глаз с Анаандер Мианнаи и не опуская дубинку.

Это показалось мне весьма заметным.

— Пойдем, Сеиварден. — Я прошла мимо Даос Сит.

Впереди послышались голоса — из-за поворота, где находилась приемная. Шаг, затем другой. Так было всегда.

Сеиварден судорожно выдохнула. То ли собиралась рассмеяться, то ли что-то сказать.

— Что ж, мы пережили мост, — произнесла она.

— То было легко. — Остановившись, я пересчитала магазины под своим парчовым пиджаком, хотя и знала, сколько их у меня. Вытащила один из-под брючного ремня и положила в карман пиджака. — Это легко не будет. И закончится вовсе

не так хорошо. Ты со мной?

— Всегда, — ответила она, и голос ее прозвучал, как ни странно, твердо, хотя мне казалось, что она вот-вот падет духом. — Разве я этого уже не говорил?

Я не поняла, что она имеет в виду, но сейчас не время размышлять или спрашивать.

— Тогда идем.

ГЛАВА 22

Мы повернули за угол, я — с пистолетом наготове, и нашли приемную пустой. Но не безмолвной. Снаружи доносился голос старшего инспектора Скаайат, слегка приглушенный стеной:

— Я высоко ценю это, капитан, но в конечном счете я отвечаю за безопасность причалов.

Последовал ответ, заглушенный, слов было не разобрать, но, думаю, я узнала голос.

— Я настаиваю на своих действиях, капитан, — заявила Скаайат Оэр, когда Сеиварден и я прошли через кабинет и появились в большом холле снаружи.

Капитан Вэл стояла спиной к открытой шахте лифта, позади нее — лейтенант и два солдата. У лейтенанта на коричневом пиджаке остались крошки от выпечки. Должно быть, они спустились по шахте, потому что База наверняка держала лифты под контролем. Перед нами, лицом к ним и ко всем божествам, бодрствующим в холле, стояла Скаайат Оэр и четыре портовых инспектора. Капитан Вэл увидела меня, увидела Сеиварден и слегка нахмурилась от удивления.

— Капитан Сеиварден, — сказала она.

Старший инспектор Скаайат не повернулась, но я догадалась, о чем она думает: она послала Даос Сит защищать вход сзади, совсем одну.

— Она в порядке, — сказала я, отвечая ей, а не капитану Вэл. — Она дала мне пройти. — А затем, неожиданно для меня, слова будто полились из моего рта по своей воле: — Лейтенант, это я, я — Один Эск «Справедливости Торена».

Как только я произнесла это, я поняла, что она повернется. Я подняла пистолет и навела его на капитана Вэл.

— Не двигайтесь, капитан.

Но она не шевельнулась. Она и остальные с «Милосердия Калра» застыли на месте, пытаясь осознать, что я сказала.

Скаайат Оэр повернулась.

— Иначе Даос Сит ни за что не позволила бы мне пройти, — заметила я. И вспомнила вопрос Даос Сит, полный надежды. — Лейтенант Оун мертва. «Справедливость Торена» уничтожена. Осталась только я.

— Ты *лжешь*, — произнесла она, но, даже сосредоточив внимание на капитане Вэл и остальных, я увидела, что она мне поверила.

Одна из дверей лифта порывисто открылась,

и оттуда выпрыгнула Анаандер Мианнаи. А затем — другая. Первая повернулась с поднятым кулаком, а вторая ринулась на нее. Солдаты и портовые инспекторы рефлексивно попятились от дерущихся Мианнаи на мою линию огня.

— «Милосердие Калра», в сторону! — крикнула я, и солдаты убрались, даже капитан Вэл. Я выстрелила дважды, поразив одну Анаандер в голову, а другую — в спину.

Все замерли, потрясенные.

— Старший инспектор, — сказала я, — не дайте лорду Радча добраться до «Милосердия Калра». Она пробьет его тепловой щит и уничтожит нас всех.

Одна Анаандер, еще живая, тщетно пыталась подняться.

— Ты поняла превратно, — выдохнула она, истекая кровью. Умрет, подумала я, если не попадет сейчас же к врачу. Но едва ли это имеет значение, это лишь одно из тысяч тел. Что же происходит сейчас в центре самого дворца, подумала я, какое насилие разыгралось там? — Я не та, которую ты хочешь застрелить.

— Если ты — Анаандер Мианнаи, — сказала я, — то я хочу застрелить тебя. — Какую бы половину она ни представляла, это тело не слышало

всего разговора в зале аудиенций и все еще считало возможным, что я на ее стороне.

Она охнула, и на мгновение мне показалось, что она скончалась. Затем она тихо произнесла:

— Моя вина. — И потом: — Если бы я была мной, — короткое мгновение полного боли изумления, — я бы отправилась к службе безопасности.

В отличие от личной охраны Анаандер Мианнаи (и тех, кто стрелял в меня на главной площади), «вооружение» службы безопасности Базы состояло из дубинок-электрошокеров, а их «броней» были шлемы и жилеты. Им никогда не приходилось противостоять противникам с пистолетами. У меня есть пистолет, и в силу того, кто я такая, я с ним смертельно опасна. Эта Мианнаи пропустила и эту часть разговора.

— Ты заметила мой пистолет? — спросила я. — Ты его узнала? — На ней не было брони, и она не поняла, что пистолет, из которого я подстрелила ее, отличается от любого другого.

У нее не хватило времени, подумала я, либо внимания, чтобы задаться вопросом, каким образом кто-то на базе мог обладать пистолетом, о котором она не знает. Или быть может, она просто предположила, что я подстрелила ее оружием,

которое она спрятала от самой себя. Но теперь она увидела. Больше никто не понял, никто не узнал это оружие, а Сеиварден уже знала.

— Я могу стоять прямо здесь и отстреливать любого, кто пройдет через шахты. Как тебя. У меня полным-полно боеприпасов.

Она не ответила. Шок доконает ее за несколько минут, подумала я.

Прежде чем кто-либо из экипажа «Милосердия Калра» успел среагировать, дюжина сотрудников службы безопасности Базы с грохотом спустилась по шахте лифта. Первые шестеро вывалились в коридор и застыли, потрясенные и сбитые с толку мертвыми Анаандер Мианнаи, которые лежали на полу.

Я говорила правду: я могла перестрелять их в эту минуту, пока они замерли в изумлении. Но я этого не хотела.

— Служба безопасности, — обратилась я твердо и властно, заметив, где лежит ближайший полный магазин, — чьи приказы вы исполняете?

Старший офицер безопасности повернулась и посмотрела на меня, увидела Скаайат Оэр и ее портовых инспекторов, стоящих против капитана Вэл и ее двух лейтенантов. Помедлила, пытаясь понять, как мы оказались вместе и в

чем тут дело.

— Лорд Радча приказала мне обеспечить безопасность причалов, — объявила она. Пока она говорила, я заметила по ее лицу, что она мысленно связала мертвых Мианнаи с пистолетом, который я держала наготове. Пистолетом, которого у меня не должно было быть.

— Я держу причалы под контролем, — сказала старший инспектор Скаайат.

— При всем уважении, старший инспектор, — слова старшего офицера безопасности звучали достаточно искренне, — лорду Радча нужно добраться до шлюза, чтобы послать за помощью. Мы должны обеспечить, чтобы она в целости и сохранности оказалась на корабле.

— А почему не ее собственная охрана? — спросила я, уже зная ответ, в отличие от старшего офицера. По ее лицу было видно, что этот вопрос не приходил ей в голову.

Капитан Вэл резко заявила:

— Челнок с моего корабля пристыкован. Я с удовольствием доставлю моего лорда туда, куда ей угодно, — с осуждающим взглядом в сторону Скаайат Оэр.

Другая Анаандер Мианнаи почти наверняка находилась в той шахте за спинами офицеров

безопасности.

— Сеиварден, — сказала я, — проводи старшего офицера безопасности туда, где находится помощник инспектора Даос Сит. — И добавила, обращаясь к старшему офицеру, на лице которой появились сомнение и тревога: — Это многое прояснит для вас. Вы превосходите нас в численности, и, если вы не вернетесь через пять минут, они смогут меня уложить. — Или попытаться. Скорее всего, никто из них никогда не встречался со вспомогательным компонентом и не знал, насколько я опасна.

— А если я не пойду? — спросила офицер.

Все это время на моем лице отсутствовало выражение, но теперь, отвечая, я улыбнулась со всем очарованием, на какое оказалась способна:

— Попробуйте — и увидите.

Эта улыбка лишила ее присутствия духа, она явно не могла разобраться, что же происходит, и понимала это, видела, что фрагменты реальности не складываются в единое целое, которое поддалось бы осмыслению. Вероятно, вся ее карьера протекала в разборках с пьяницами и поссорившимися соседями.

— Пять минут, — сказала она.

— Хороший выбор, — отметила я, по-прежне-

му улыбаясь. — Пожалуйста, оставьте дубинку здесь.

— Прошу сюда, гражданин, — сказала Сеиварден со всей вежливостью первоклассной прислуги.

Когда они вышли, капитан Вэл тут же воскликнула:

— Охрана, мы превосходим их в численности, несмотря на пистолет!

— Их? — Следующий по старшинству офицер службы безопасности была явно озадачена, все еще не сориентировалась. И, как я осознала, служба безопасности привыкла воспринимать старшего инспектора Скаайат и всех портовых инспекторов как своих союзников. И конечно, военные офицеры слегка презирали и портовую службу, и силы безопасности Базы; и местные офицеры, безусловно, это знали. — Почему же это *их*?

На лице капитана Вэл отразились разочарование и досада.

Все это время сотрудники службы безопасности, стоявшие на земле, перебрасывались приглушенными фразами с коллегами, которые все еще болтались в шахте лифта. Я уверена, что среди них была Анаандер Мианнаи, и единственное,

что удерживало ее от того, чтобы самой отдать приказ офицерам безопасности броситься на меня, — это понимание, что, несмотря на то что ей сообщила База (и, определенно, ее собственные сенсоры), у меня есть пистолет. Ей нужно защитить свое собственное конкретное тело — раз она не может полагаться на другие. Это — и еще время, которое требовалось для передачи вопросов и ответов от гражданина к гражданину вверх и вниз по шахте, — удерживало ее от действий, но она наверняка вскоре сделает ход. И, словно в ответ на мои размышления, шепот в шахте лифта усилился, и офицеры слегка изменили свои позы, так что я поняла: они вот-вот атакуют.

И как раз тогда вернулась старший офицер. Проходя мимо, она бросила на меня взгляд, на ее лице был написан ужас. Своим засомневавшимся теперь офицерам она объявила:

— Я не знаю, что делать. Лорд Радча находится там, и она говорит, что старший инспектор и эта… эта особа действуют по ее прямым указаниям и мы не должны позволить ни одной ее части появиться на причале или сесть на какой-нибудь корабль ни при каких обстоятельствах. — Ее страх и смятение были очевидны.

Я понимала ее, но сейчас неподходящее время

для выражения сочувствия.

— Она попросила вас, а не собственную охрану, потому что ее стража сражается с ней и, вероятно, друг с другом. В зависимости от того, кто из них от какой Мианнаи получает приказы.

— Не знаю, кому верить, — сказала старший офицер. Но я подумала, что естественная склонность службы безопасности брать сторону администрации порта может решить исход дела в нашу пользу.

А капитан Вэл со своим лейтенантом и солдатами утратила инициативу, потеряла всякую возможность обезоружить меня, служба безопасности же пребывает в неуверенности, но готова принять мою сторону. Вот если бы экипаж «Милосердия Калра» побывал в настоящем бою, встречался бы с настоящим, а не учебным противником и не проводил бы столько времени на «Милосердии», доставляя припасы или совершая долгие, отупляющие патрульные полеты… Или посещая дворцы и поедая пирожные. Поедая пирожные и распивая чаи с коллегами, имеющими определенные политические взгляды.

— Вы даже не знаете, — сказала я капитану Вэл, — какая из них какие приказы отдает.

Она нахмурилась, озадаченная. Значит, она

еще не полностью поняла положение дел. Я думала, что она знает больше.

— Вы сбиты с толку, — сказала капитан Вэл. — Это не ваша вина, враг вас дезинформировал, и ваш разум никогда не был вашим собственным.

— Мой лорд уходит! — воскликнула один из офицеров безопасности. Все как один, офицеры обратили взгляды на старшую, которая посмотрела на меня.

Все это отнюдь не смутило инспектора Скаайат.

— И кто же этот враг, капитан?

— Вы! — ответила капитан Вэл с неистовой горечью. — И все, подобные вам, кто способствует и потворствует тому, что происходило с нами в последние пятьсот лет. Пятьсот лет проникновения пришельцев и разложения. — Слово, которое она использовала, было родственным тому, что употребила лорд Радча для описания моего осквернения храмовых приношений. Капитан Вэл снова повернулась ко мне. — Ты сбита с толку, но тебя сделала Анаандер Мианнаи, чтобы ты служила Анаандер Мианнаи. А не ее врагам.

— Невозможно служить Анаандер Мианнаи, не служа ее врагу, — ответила я. — Старший офицер безопасности, инспектор Скаайат позаботилась о

причалах. А вы обеспечьте контроль над переходными шлюзами, до которых сможете добраться. Нам нужна полная уверенность в том, что никто не покинет эту базу. От этого зависит, будет ли эта база существовать.

— Есть, сэр, — ответила старшая и стала совещаться со своими офицерами.

— Она говорила с вами, — сказала я, вновь повернувшись к капитану Вэл. — Она сказала вам, что Пресгер просочились в Радч, чтобы низвергнуть власть и разрушить его. — По ее лицу я поняла, что так оно и было. Я угадала верно. — Она не могла бы так лгать тому, кто помнил, что делали Пресгер, когда считали людей своей законной добычей. Они достаточно могущественны, чтобы уничтожить нас, когда пожелают. Никто не стремится низвергнуть лорда Радча, кроме лорда Радча. Она тайно воюет сама с собой уже тысячу лет. Я вынудила ее увидеть это, всю ее здесь, и она сделает что угодно, чтобы до остальной ее части это не дошло. Включая использование «Милосердия Калра» для уничтожения базы, пока информация не ушла отсюда.

Потрясенная, Вэл хранила молчание. Затем старший инспектор Скаайат сказала:

— Мы не можем контролировать все подходы

к корпусу. Если она выйдет наружу и найдет судно, оставленное без присмотра или такое, что пожелает ее доставить…

То есть любое, ибо кому же здесь придет в голову не подчиниться лорду Радча? И нет никакой возможности передать предупреждение. Как, впрочем, и убедиться в том, что такому предупреждению поверят.

— Передайте сообщение как можно быстрее и как можно дальше, — сказала я; и пусть знаки упадут так, как выйдет. — И мне нужно предупредить «Милосердие Калра», чтобы никого не пускали на борт. — (Капитан Вэл, вспыхнув от гнева, сделала быстрое движение.) — Не надо, капитан, — остерегла ее я. — Мне бы не хотелось сообщать «Милосердию Калра», что я вас убила.

Пилот челнока была вооружена и в броне и не желала выходить без прямого приказа своего капитана. Мне не хотелось подпускать к челноку капитана Вэл. Если бы пилот была вспомогательным компонентом, я бы убила ее не колеблясь, но, поскольку это не так, я выстрелила ей в ногу и приказала Сеиварден и двум портовым инспекторам, которые пришли, чтобы отстыковать меня вручную, оттащить ее на базу.

— Наложите жгут, — сказала я Сеиварден. — Не

знаю, можно ли сейчас добраться до врачей. — Я подумала о службе безопасности, солдатах и дворцовой охране по всей базе, которые, вероятно, сейчас получают противоречивые приказы и не могут решить, кому подчиняться, и понадеялась, что все штатские уже в безопасных убежищах.

— Я иду с тобой, — сказала Сеиварден, подняв на меня взгляд, — она связывала пилоту челнока кисти рук за спиной, прижимая ее коленом к земле.

— Нет. У тебя, возможно, есть некоторое влияние на таких, как капитан Вэл. Может быть, даже на саму капитана Вэл. В конце концов, ты на тысячу лет старше.

— Зарплата за тысячу лет, — с благоговением произнесла портовый инспектор.

— Будто *такое* когда-нибудь случится, — заметила Сеиварден, а потом: — Брэк. — И, вернув самообладание: — Корабль.

— У меня нет времени, — сказала я отрывисто и решительно.

Ее лицо на мгновение вспыхнуло гневом:

— Ты права. — Но ее голос чуть дрогнул, так же как и руки.

Я повернулась, больше ничего не сказав, и поднялась на борт челнока, перейдя от гравитации

базы в невесомость на челноке, закрыла переходной шлюз, затем забралась в кресло пилота, смахнув в сторону каплю крови, и пристегнулась. Раздались глухие тяжелые удары, и я поняла, что расстыковка началась. У меня — одна подключенная с помощью проводов камера на носу челнока, которая показывала несколько кораблей вокруг дворца: челноки, маленькие посыльные суда и катера, пассажирские и грузовые корабли либо уходили из системы, либо дожидались разрешения приблизиться. «Милосердие Калра», с его белым корпусом и грубыми обводами, смертоносными двигателями, превышавшими своими размерами все остальные части судна, находился где-то там. А за всем этим — маяки, освещающие шлюзы, сквозь которые корабли перемещались из системы в систему. База для них совершенно исчезла, внезапно замолкнув. Пилоты и капитаны этих кораблей, должно быть, сбиты с толку или напуганы. Я надеюсь, никто из них не проявит безрассудства, приблизившись к базе без разрешения администрации порта.

Моя другая проводная камера, на корме, показывала серый корпус базы. Последний удар отстыковки сотряс челнок, я перевела управление в ручной режим и тронулась — медленно,

осторожно, поскольку ничего не видела по сторонам. Решив, что выбралась, я разогналась и откинулась в кресле в ожидании: даже на этой максимальной для челнока скорости до «Милосердия Калра» полдня пути.

У меня есть время подумать. Прошло столько лет, затрачено столько усилий, и вот я здесь. Я не смела и надеяться, что удастся так основательно отомстить, почти не надеялась застрелить даже одну Анаандер Мианнаи, а пристрелила четверых. И еще больше Анаандер Мианнаи почти наверняка убивают сейчас друг друга там, во дворце, где она сражается сама с собой за контроль над базой и в конечном счете за сам Радч, и это результат моего сообщения.

Все это не вернет лейтенанта Оун. Или меня. Я почти мертва уже двадцать лет, лишь последний, крошечный фрагмент меня умудрился просуществовать несколько дольше, чем все остальное; и все, что я делала, очень даже могло оказаться последним, что удастся совершить. В моей памяти всплыла песня: «О, ты отправился на поле боя, надев броню и вооружившись до зубов, а не заставят ли тебя эти жуткие события сложить оружие?» И это необъяснимо привело к воспоминанию о детях на храмовой площади в Орсе. «Раз, два, тетя

сказала мне, три, четыре, трупосолдат». Мне почти ничего не оставалось делать, кроме как петь самой себе, — и потревожить некого, и никаких опасений, что выберу мелодию, из-за которой меня узнают или заподозрят, или кто-нибудь станет жаловаться на качество моего голоса.

Я открыла рот, чтобы запеть так, как не пела годами, но меня на полувдохе остановили громкие удары, долетевшие из переходного шлюза.

В таких челноках — два переходных шлюза. Один открывается только тогда, когда челнок стыкуется с кораблем или базой. Другой — маленький аварийный люк сбоку. Как раз таким люком я воспользовалась, когда давным-давно покидала «Справедливость Торена».

Звук донесся еще раз и прекратился. Я подумала, что это могли быть всего лишь какие-то обломки, которые стукнули в корпус. В то же время на месте Анаандер Мианнаи я бы испробовала все, что могло прийти в голову, чтобы достичь своей цели. А ведь я не могу видеть внешнюю поверхность челнока при блокированной связи, у меня — только очень ограниченный обзор с носа и с кормы. Вполне возможно, что я сама сейчас везу Анаандер Мианнаи на «Милосердие Калра».

Если там что-то есть, это не просто обломки,

это Анаандер Мианнаи. Сколько их там? Переходный шлюз маленький и легко обороняемый, но будет легче, если его вообще не придется защищать. Лучше всего было бы не дать ей открыть шлюз. Наверняка нарушение связи не распространилось очень уж далеко от дворца. Я быстро изменила маршрут движения — так, чтобы направиться в сторону от «Милосердия Калра», но тем не менее, как я надеялась, к внешним границам зоны блокированной связи. Я могла бы говорить с «Милосердием Калра» и так и не приблизиться к нему. Я занялась переходным шлюзом.

Обе двери шлюза открываются внутрь, так что любая разница в давлении заставила бы их закрыться. А я знала, как снять внутреннюю дверь, я чистила и обслуживала именно такие челноки десятилетиями. Столетиями. Как только уберу внутреннюю дверь, открыть внешнюю станет почти невозможно, пока в челноке будет воздух.

Мне потребовалось двенадцать минут, чтобы снять петли и перебросить дверь туда, где я смогла ее закрепить. Должно было занять десять минут, но штыри были грязными и скользили не так плавно, как следовало, когда я разблокировала их стопоры. Экипажи из людей явно

отлынивали от работы — я бы никогда не допустила такого ни на одном из своих челноков.

Когда я покончила с этим, пульт челнока заговорил — невыразительным, ровным голосом, который принадлежал, как я поняла, кораблю:

— Челнок, ответь. Челнок, ответь.

— «Милосердие Калра», — сказала я, бросившись вперед. — Твой челнок пилотирует «Справедливость Торена». — Ответа не последовало. Я не сомневалась, что «Милосердие Калра» онемел от удивления. — Не позволяй никому подняться на борт. В особенности не позволяй никакой из версий Анаандер Мианнаи приближаться к себе. Если она уже там, держи ее подальше от двигателей. — Теперь у меня появился доступ к беспроводным камерам, и я нажала переключатель, который даст мне панорамное изображение того, что находилось снаружи челнока, — мне хотелось увидеть то, чего не показала передняя камера. Я нажала клавиши, которые обеспечат передачу моих слов всем, кто слушает эфир. — Всем кораблям! — Будут ли они слушать — и повиноваться, — я не могла предсказать, но это я в любом случае не могла контролировать. — Не позволяйте никому подниматься на борт. Не позволяйте подняться на борт Анаандер Мианнаи ни

при каких обстоятельствах. От этого зависят ваши жизни. От этого зависят жизни всех на базе.

Пока я говорила, серые переборки будто растворились. Главный пульт, кресла, два шлюзовых люка оставались, но я словно плыла незащищенной в вакууме. Три фигуры в скафандрах держались за рукоятки вокруг переходного шлюза, который я вывела из строя. Одна повернула голову, чтобы посмотреть на катер, который разворачивался в опасной близости. Четвертая рывками продвигалась вперед вдоль корпуса.

— Ее нет у меня на борту, — прозвучал голос «Милосердия Калра» из пульта. — Но она на твоем корпусе и приказывает моим офицерам оказать ей содействие. Приказывает мне отдать тебе распоряжение пустить ее в челнок. Как ты можешь быть «Справедливостью Торена»?

Он не сказал: «Что ты имеешь в виду, говоря: „Не позволяй лорду Радча подняться на борт“?» — я обратила на это внимание.

— Я прибыла с капитаном Сеиварден, — ответила я. Анаандер Мианнаи выдвинулась вперед, пристегнулась к одной рукоятке, затем к другой и вытащила пистолет из футляра с инструментами на своем скафандре. — Что делает этот катер? — Тот по-прежнему находился слишком

близко ко мне.

— Пилот предлагает помощь людям на твоем корпусе. Она только что осознала, что это лорд Радча, и ей велели отойти назад.

Этот катер бесполезен для лорда Радча, он годится только для очень коротких путешествий, в большей степени — игрушка. Ему ни за что не добраться до «Милосердия Калра». Он и сам не уцелеет, и пассажиры не выживут.

— А есть другие Анаандер снаружи базы?

— Кажется, нет.

Анаандер Мианнаи с пистолетом развернула броню, которая окатила серебристой волной ее скафандр, направила пистолет на корпус челнока и выстрелила. Я слышала, что пистолеты не стреляют в вакууме, но, на самом деле, это зависит от пистолета. Этот стрелял, и *удар* по корпусу был таким сильным, что я почувствовала его спиной через кресло пилота. Сила отдачи отбросила Мианнаи назад, но не далеко, поскольку она пристегнулась к корпусу. Она выстрелила снова — *удар*. И опять. И опять.

Некоторые челноки покрыты броней. Некоторые из них даже обладают увеличенной версией такой брони, как у меня. Но у этого челнока нет ни той ни другой. Его корпус может выдержать

достаточное количество случайных ударов, но он не в состоянии вынести постоянное напряжение в одном и том же месте. *Удар*. Анаандер Мианнаи не смогла открыть переходный шлюз и осознала, что тот, кто пилотирует этот челнок, — ее враг. Поняла, что я сняла внутреннюю дверь и что наружная не откроется, пока из всего челнока не выйдет воздух. Если ей удастся попасть внутрь, она сможет залатать дыру от пули и вновь загерметизировать челнок. Даже после пробоя корпуса в челноке (в отличие от катера) будет достаточно воздуха, чтобы она добралась до «Милосердия Калра».

Если она и пыталась отдать приказ об уничтожении дворца оттуда, где висела на боку челнока, она потерпела неудачу. Более вероятно, осознала я, что она с самого начала понимала: такой приказ не будет выполнен, и поэтому не пробовала его отдать. Ей нужно подняться на борт корабля, велеть ему подойти поближе к дворцу, а затем самой пробить его тепловой щит. У нее не выйдет заставить кого-нибудь сделать это для нее.

Если корабль «Милосердие Калра» прав и других Анаандер снаружи базы нет, все, что мне нужно сделать, это избавиться от этих. Остальных, что бы ни происходило сейчас на базе, мне

придется оставить Скаайат и Сеиварден. И Анаандер Мианнаи.

— Я помню, когда мы встречались в прошлый раз, — прозвучал голос «Милосердия Калра». — В Прид-Надени.

Ловушка.

— Мы никогда не встречались. — (*Удар*. Катер отошел в сторону, но недалеко.) — И я никогда не бывала в Прид-Надени.

Но что это доказывает — то, что я это знаю?

Проверка моей идентичности была бы легкой, если бы я не деактивировала или не скрыла бы многие свои имплантаты. Поразмыслив минуту, я произнесла последовательность слов, стараясь приблизиться — с моим единственным, человеческим ртом — к тому, как я представилась бы другому кораблю тогда, давным-давно.

Наступила тишина, которую прервал очередной выстрел по корпусу челнока.

— Так ты и в самом деле «Справедливость Торена»? — спросил наконец голос «Милосердия Калра». — Где ты была? И где остальная часть тебя? И что происходит?

— Где я была — это долгая история. Остальная часть меня погибла. Анаандер Мианнаи пробила мой тепловой щит. — (Удар. Передняя Мианнаи

извлекла магазин из своего пистолета и вставила другой, медленно и методично. Остальные по-прежнему жались вокруг переходного шлюза.) — Я предполагаю, ты знаешь, что происходит с Анаандер Мианнаи.

— Только отчасти. Я нахожу довольно затруднительным сформулировать, что, по-моему, происходит, — сообщил голос «Милосердия Калра».

В этом нет для меня ничего удивительного.

— Лорд Радча нанесла тебе тайный визит и поставила новые коды доступа. Возможно, кое-что еще. Приказы. Инструкции. Все это — втайне, поскольку скрывает, что сделала, от самой себя. Там, во дворце, — казалось, это было давным-давно, хотя прошло всего несколько часов, — я сказала всей ей напрямик, что происходит. Что она разделилась и действует против самой себя. Она не хочет, чтобы это известие ушло дальше, и есть часть ее, которая желает использовать тебя, чтобы уничтожить базу, прежде чем эта информация выйдет наружу. Она предпочитает пойти на это, нежели столкнуться с последствиями утечки. — (Ответом от «Милосердия Калра» была тишина.) — Ты обязан повиноваться ей. Но я знаю… — У меня перехватило горло. Я сглотну-

ла. — Я знаю, что тебя можно заставлять только до определенного предела. Но для обитателей Дворца Омо станет катастрофой, если ты обнаружишь это *после* того, как всех их убьешь.

Удар. Равномерно. Настойчиво. Анаандер Мианнаи нужно лишь одно очень маленькое отверстие и некоторое время. А времени полным-полно.

— Которая из них уничтожила тебя?

— Это имеет значение?

— Не знаю, — ответил спокойный голос «Милосердия Калра». — Эта ситуация меня уже давно подавляет.

Анаандер Мианнаи сказала, что «Милосердие Калра» — на ее стороне, но капитан Вэл — нет. Это, должно быть, тревожно для корабля и могло причинить неудобство мне. Если же корабль «Милосердие Калра» в достаточной степени привязан к своему капитану, то для Дворца это очень неудачно.

— Ту, что уничтожила меня, поддерживает капитан Вэл. Думаю, это не та, что посещала тебя. Хотя я не вполне уверена. Как мы можем их различить, когда они — одна и та же личность?

— А где мой капитан? — спросил голос «Милосердия Калра». Это мне кое о чем сказало:

что корабль так долго ждал, чтобы задать этот вопрос.

— С ней все было в порядке, когда мы расстались. С твоим лейтенантом тоже. — *Удар*. — Я ранила пилота челнока, она не хотела покидать свое место. Надеюсь, что она в порядке. «Милосердие Калра», какая бы лорд Радча ни пользовалась твоей поддержкой, я прошу тебя не пускать на борт ни одну из них и не повиноваться ее приказам.

Стрельба прекратилась. Лорд Радча, возможно, тревожилась, что ее пистолет перегреется. Тем не менее у нее полным-полно времени, никакой необходимости в спешке.

— Я вижу, что лорд Радча делает с челноком, — прозвучал голос «Милосердия Калра». — Одного этого было бы достаточно, чтобы мне стало ясно: что-то не так.

Но, несомненно, у «Милосердия Калра» было куда больше признаков. Нарушение связи, которое напоминало о том, что случилось на Шиз'урне двадцать лет назад, — возможно, об этом ходили лишь слухи, но тем не менее отрезвляющие, при условии, что они сюда дошли. Мое — «Справедливости Торена» — исчезновение. Тайный визит на корабль лорда Радча. Политические взгляды

его капитана.

Тишина, четыре Анаандер Мианнаи прильнули не двигаясь к корпусу челнока.

— У тебя все-таки были вспомогательные компоненты, — сказал голос «Милосердия Калра».

— Да.

— Мне нравятся мои солдаты, но мне не хватает вспомогательных компонентов.

Это мне кое о чем напомнило.

— Они не обслуживают технику как нужно. Петли переходного шлюза были очень липкими.

— Мне жаль.

— Сейчас это не имеет значения, — сказала я, и мне пришло в голову, что нечто подобное могло осложнить попытки Анаандер Мианнаи открыть шлюз со своей стороны. — Но пусть твои офицеры дадут им нагоняй.

Анаандер снова стала стрелять. *Удар*.

— Забавно, — сказал голос «Милосердия Калра». — Ты — это то, что утратил я, а я — это то, что потеряла ты.

— Надо полагать.

Удар. Время от времени за последние двадцать лет, после того как «Справедливость Торена» распылилась позади меня, у меня бывали минуты, когда я не чувствовала себя бесконечно одинокой,

потерянной и беспомощной. Эта минута отнюдь не из их числа.

— Я не могу тебе помочь, — произнес голос «Милосердия Калра». — Кого бы я ни послал, вовремя не доберется.

И кроме того, для меня открытым оставался вопрос, помог бы «Милосердие Калра» мне или лорду Радча. Лучше не позволять Анаандер забраться в этот челнок, приблизиться к его управлению или даже к средствам связи.

— Я знаю. — Если я не найду какой-нибудь способ избавиться от этих Анаандер, и достаточно скоро, на дворцовой базе все погибнут. Я знала каждый миллиметр этого челнока, точнее, других таких же. Должно же быть что-нибудь, что я могу использовать, что-то, что можно предпринять. У меня по-прежнему есть пистолет, но мне будет так же трудно пробиться сквозь корпус, как и лорду Радча. Я могла бы вернуть дверь на место и дать ей войти в маленький, легко обороняемый переходный шлюз, но, если мне не удастся перебить всех… Однако я наверняка потерплю неудачу, если ничего не предприму. Я вытащила пистолет из кармана пиджака, убедилась, что он заряжен, повернулась лицом к переходному шлюзу и пристегнулась к пассажирскому креслу.

Развернула броню, хотя она не поможет, если пуля из этого пистолета срикошетит в меня.

— Что ты собираешься делать? — спросил голос «Милосердия Калра».

— «Милосердие Калра», — произнесла я, подняв пистолет, — было приятно познакомиться с тобой. Не позволяй Анаандер Мианнаи уничтожить Дворец. Передай остальным кораблям. И пожалуйста, скажи этому невероятно, по-дурацки настойчивому пилоту катера убраться к дьяволу от моего переходного шлюза.

Челнок был слишком мал не только для генератора силы тяжести, но и для выращивания растений, чтобы производить собственный воздух. На кормовой стороне переходного шлюза, за переборкой был большой бак с кислородом. Прямо под тем местом, где ожидали три Мианнаи. Я прикинула углы. Лорд Радча снова выстрелила. *Удар*. На пульте вспыхнул оранжевый свет, и зазвучал пронзительный сигнал тревоги. Пробой корпуса. Четвертая лорд Радча, увидев, что из корпуса потекла струя мелких ледяных кристаллов, расстегнула крепления, развернулась и стала двигаться назад, к переходному шлюзу, я видела это на мониторе. Она двигалась медленнее, чем мне хотелось, но в ее распоряжении — все время

мира. Спешила я. Катер завел свой маленький двигатель и убрался с дороги.

Я выстрелила в бак с кислородом.

Я думала, что потребуется несколько выстрелов, но мир мгновенно перевернулся, все звуки исчезли, вокруг меня возникло облако замороженного пара, которое затем рассеялось, и все закрутилось. Язык покалывало, слюна в вакууме выкипала, и я не могла дышать. Десять, может, пятнадцать секунд я буду в сознании, а через две минуты умру. Все тело болело — ожог? Еще какое-то ранение — несмотря на броню? Не имеет значения. Я наблюдала, вращаясь, и считала лордов Радча. Одна — скафандр пробит, кровь выкипает сквозь дыру. Другая — с отрезанной рукой, явно мертва. Это две.

И еще половина. «Считается за целую», — подумала я, и получилось три. Одна осталась. Перед глазами все стало красным и черным, но я видела, что она все еще висит на корпусе челнока, по-прежнему в броне, в стороне от взорвавшегося бака.

Но я всегда была прежде всего оружием. Машиной для убийства. В то мгновение, когда я увидела все еще живую Анаандер Мианнаи, я бессознательно навела на нее пистолет и выстрелила.

Я не увидела результата выстрела, не увидела ничего, кроме катера, мелькнувшего серебристой вспышкой, и после — черноты, а потом потеряла сознание.

ГЛАВА 23

Что-то жесткое и извивающееся поднялось в моем горле и полезло из него, меня стошнило, и я судорожно вдохнула. Кто-то держал меня за плечи, сила тяжести тянула вперед. Открыв глаза, я увидела поверхность медицинской койки и плоский контейнер со спутанным клубком зеленых и черных усиков, покрытых желчью, усики пульсировали и колыхались и вели в мой рот. Очередной приступ тошноты заставил меня закрыть глаза, и эта штуковина, выйдя из меня, плюхнулась в контейнер. Кто-то вытер мне рот и, повернув, уложил. По-прежнему дыша с трудом, я открыла глаза.

Рядом с койкой, где я лежала, стояла врач, и покрытая слизью зелено-черная штука, которой меня только что вырвало, свисала из ее руки. Нахмурившись, она внимательно ее рассматривала.

— Выглядит хорошо, — заключила она и бросила ее назад в контейнер. — Это неприятно, гражданин, я понимаю, — сообщила она, по всей видимости, мне. — Твое горло будет саднить

несколько минут. Ты…

— Чт… — попыталась я заговорить, но меня снова стошнило.

— Тебе пока не стоит пытаться говорить, — сказала врач, в то время как кто-то — другой врач — снова меня повернул. — Ты уцелела чудом. Пилот, что тебя привезла, подобрала тебя как раз вовремя, но у нее имелся только базовый набор средств для оказания первой помощи. — (Тот дурацкий, упрямый катер. Должно быть, так. Она не знала, что я — не человек, не понимала, что спасать меня бессмысленно.) — И она не могла доставить тебя сюда сразу, — продолжила врач. — Мы несколько волновались. Но легочный восстановитель полностью вышел, и показания — хорошие. Не исключены повреждения мозга — но самые незначительные, хотя ты в течение некоторого времени, возможно, будешь чувствовать себя не в своей тарелке.

Это показалось мне забавным, но ощущение тошноты утихло, и мне не хотелось снова испытать его, поэтому я сдержалась. Я не открывала глаз и лежала как можно спокойнее, пока меня приподнимали и снова укладывали. Если бы я открыла глаза, мне бы захотелось задавать вопросы.

— Ей можно будет чаю через десять минут, — сказала доктор, кому — не знаю. — Пока — ничего твердого. Не говори с ней в течение следующих пяти минут.

— Да, доктор. — Сеиварден. Я открыла глаза, повернула голову. Сеиварден стояла возле моей койки. — Не говори, — сказала она мне. — Внезапная декомпрессия…

— Ей будет легче хранить молчание, — посоветовала врач, — если ты не будешь с ней разговаривать.

Сеиварден умолкла. Но я знала, что сделала со мной внезапная декомпрессия. Растворенные в моей крови газы вырвались оттуда, неожиданно и резко. Весьма возможно, настолько резко, чтобы убить меня, даже не принимая во внимание полное отсутствие воздуха. Но увеличение давления — скажем, при возвращении в атмосферу — отправило бы эти пузырьки назад в раствор.

Разница в давлении между моими легкими и вакуумом могла травмировать меня. А я была поражена, когда бак взорвался, и, поглощенная отстрелом Мианнаи, могла не выдохнуть, как мне следовало бы сделать. И это, вероятно, — наименьшая из моих травм, с учетом того взрыва, который вышвырнул меня в вакуум. На катере

могли быть лишь самые элементарные средства для обработки таких повреждений, и пилот, вероятно, сунула меня в подобие отсека приостановки жизнедеятельности, чтобы я дожила до госпиталя.

— Хорошо, — сказала врач. — Будь умницей и помалкивай. — Она ушла.

— Как долго? — спросила я Сеиварден. И меня не стошнило, хотя горло саднило, как и обещала врач.

— Около недели. — Сеиварден подтянула стул и села.

Неделя.

— Я так понимаю, Дворец все еще на месте.

— Да, — ответила Сеиварден, словно мой вопрос был вовсе не дурацким и заслуживал ответа. — Благодаря тебе. Службе безопасности и портовой службе удалось перекрыть все выходы, прежде чем какие-либо другие лорды Радча выбрались на корпус базы. Если бы ты не остановила тех, кто успел раньше… — Она отвернулась. — Два шлюза вышли из строя. — Из двенадцати. Это породило колоссальные проблемы и здесь, и на других концах этих шлюзов. А корабли, оказавшиеся внутри, могли и не добраться до безопасного места. — Хотя наша сторона победила, и это хорошо.

Наша сторона.

— Я тут ни на чьей стороне, — заметила я.

Откуда-то из-за спины Сеиварден извлекла чашку чая. Она ударила ногой по чему-то подо мной, и кровать медленно наклонилась. Сеиварден поднесла чашку к моим губам, и я сделала маленький, осторожный глоток. Это чудесно.

— Почему, — спросила я, сделав еще один глоток, — я здесь? Я понимаю, почему тот идиот, который притащил меня сюда, сделал это, но почему врачи со мной возятся?

Сеиварден нахмурилась.

— Ты это серьезно?

— Я всегда серьезна.

— Это верно. — Она встала, открыла выдвижной ящик и вытащила одеяло, которое положила на меня и тщательно подоткнула вокруг меня, скрыв обнаженные руки.

Не успела она ответить на мой вопрос, как в маленькую комнату заглянула старший инспектор Скаайат.

— Доктор сказала, что ты очнулась.

— Почему? — спросила я. И в ответ на ее озадаченное выражение лица добавила: — Почему я очнулась? Почему я не умерла?

— А ты хотела? — спросила Скаайат, которая,

похоже, так и не поняла меня.

— Нет. — Сеиварден предложила мне чаю, и я отпила, сделав глоток больше, чем прежде. — Нет, мне не хотелось быть мертвой, но, сдается, слишком уж много возни, чтобы оживить вспомогательного компонента. — И это жестоко — вернуть меня только для того, чтобы лорд Радча могла отдать приказ меня уничтожить.

— Я не думаю, что кто-нибудь здесь думает о тебе как о вспомогательном компоненте, — заявила старший инспектор Скаайат.

Я посмотрела на нее. Она казалась совершенно серьезной.

— Скаайат Оэр, — начала я безжизненным голосом.

— Брэк, — прервала меня Сеиварден, и в ее голосе прозвучала настойчивость, — доктор велела лежать спокойно. Вот, выпей-ка еще чаю.

И почему это Сеиварден здесь? И Скаайат?

— Что ты сделала для сестры лейтенанта Оун? — спросила я невыразительным, но резким голосом.

— Предложила ей стать клиентом, как ни удивительно. Но она не согласилась. Она уверена в том, что ее сестра была обо мне высокого мнения, но сама она меня не знала и не нуждалась

в моей помощи. Очень упрямая. Занимается садоводством в двух шлюзах отсюда. У нее все в порядке, я за ней присматриваю, как могу, на таком расстоянии.

— А ты предложила это Даос Сит?

— Все это из-за Оун, — заявила Скаайат. — Я это понимаю, но ты же этого не скажешь. И ты права. Столько всего я могла бы поведать ей, прежде чем она уехала, и мне следовало это сделать. Ты — вспомогательный компонент, не-личность, единица оборудования, но, если сравнить наши действия, ты любила ее больше, чем я когда-либо.

Сравнить наши действия. Это прозвучало как пощечина.

— Нет, — ответила я. Довольная своим лишенным выражения голосом вспомогательного компонента. — Ты оставила ее в сомнениях. Я убила ее. — Тишина. — Лорд Радча сомневалась в твоей преданности, сомневалась в Оэр и хотела, чтобы лейтенант Оун шпионила за тобой. Лейтенант Оун отказалась и потребовала, чтобы ее допросили, чтобы доказать свою верность. Конечно, Анаандер Мианнаи не могла этого позволить. Она приказала мне застрелить лейтенанта Оун.

Три секунды тишины. Сеиварден застыла на

месте. Затем Скаайат Оэр сказала:

— У тебя не было выбора.

— Я не знаю, был у меня выбор или нет. Я не думала, что он у меня был. Но первое, что я сделала, застрелив лейтенанта Оун, — пристрелила Анаандер Мианнаи. Вот почему… — Я умолкла. Сделала вдох. — Вот почему она пробила мой тепловой щит. Скаайат Оэр, я не имею права злиться на тебя. — Я больше не могла говорить.

— Ты, бесспорно, имеешь право злиться как угодно, — сказала старший инспектор Скаайат. — Если бы я поняла, когда ты впервые появилась здесь, я бы разговаривала с тобой по-другому.

— А если бы у меня были крылья, я была бы ракетным катером. — Все эти «если бы да кабы» ничего не меняют. — Скажи тирану, — я использовала орсианское слово, — что я увижусь с ней, как только смогу подняться с постели. Сеиварден, принеси мою одежду.

Старший инспектор Скаайат, как оказалось, пришла на самом деле повидать Даос Сит, которая была серьезно ранена во время последних схваток Анаандер Мианнаи с самой собой. Я медленно шла по коридору, где было полно раненых, облепленных восстановителями, они лежали на импровизированных ложах либо были за-

ключены в отсеки временной приостановки жизнедеятельности до тех пор, пока врачи смогут ими заняться. Даос Сит без сознания лежала на кровати, в палате. Она выглядела совсем маленькой и гораздо моложе, чем была на самом деле.

— Она поправится? — спросила я Сеиварден.

Старший инспектор Скаайат не дождалась, пока я дойду туда по коридору, ей нужно было вернуться в порт.

— Да, — ответила врач позади меня. — Тебе не следовало вставать с постели.

Она права. Уже после одевания, даже с помощью Сеиварден, меня стала бить дрожь от изнеможения. Я прошла по коридору на одной лишь решимости. Сейчас я чувствовала, что повернуть голову, чтобы ответить врачу, мне просто не хватит сил.

— Ты только что отрастила новую пару легких, — продолжила доктор. — Помимо всего прочего. Тебе не следует ходить в течение нескольких дней. Как минимум.

Даос Сит дышала неглубоко и размеренно и так походила на девчушку, которую я знала, что на мгновение я подивилась, что не узнала ее сразу, как только увидела.

— Вам нужно место, — ответила я, и тут это

соединилось с остальной информацией. — Вы могли оставить меня в анабиозе, пока у вас не уменьшилась бы нагрузка.

— Лорд Радча заявила, что нуждается в тебе, гражданин. Она хотела, чтобы ты встала на ноги как можно скорее. — Она произнесла это с некоторой обидой, как мне показалось. Врачи — в разумности им не откажешь — уделили бы внимание пациентам в ином порядке. И она не спорила, когда я сказала, что ей нужно место.

— Тебе стоит вернуться в постель, — произнесла Сеиварден. Надежная Сеиварден, единственное, что не дает мне сейчас рухнуть на пол. Мне не следовало вставать.

— Нет.

— Такая уж она есть, — проговорила Сеиварден извиняющимся тоном.

— Я вижу.

— Давай вернемся в комнату, — произнесла Сеиварден чрезвычайно терпеливо и спокойно. Я не сразу поняла, что она говорит мне. — Ты сможешь отдохнуть. А с лордом Радча встретимся, когда ты поправишься и будешь готова.

— Нет, — повторила я. — Пойдем.

С помощью Сеиварден я выбралась из госпиталя, в лифт, потом — в показавшийся мне

бесконечным коридор, а затем, неожиданно, — в огромное открытое пространство, где земля уходила куда-то вдаль, покрытая сверкающими осколками цветного стекла, которые хрустели и стирались в порошок под моими шагами.

— Схватка распространилась на храм, — пояснила Сеиварден, не дожидаясь моего вопроса.

Главная площадь, вот где я оказалась. А это битое стекло — все, что осталось от погребальных приношений. Несколько человек перебирали осколки в поисках, как я предположила, крупных фрагментов, которые можно было бы восстановить. За ними наблюдал сотрудник службы безопасности в светло-коричневом пиджаке.

— Думаю, связь восстановили в течение дня или где-то так, — продолжила Сеиварден, проводя меня между грудами стекла ко входу во дворец. — А потом люди начали понимать, что происходит. И выбирать, на чью сторону встать. Через некоторое время сделать выбор пришлось каждому. Мы немного опасались, что военные корабли станут атаковать друг друга, но на другой стороне их оказалось всего два, и они предпочли покинуть систему через шлюзы.

— Жертвы среди гражданского населения? — спросила я.

— Они всегда бывают.

Мы пересекли последние несколько метров засыпанной стеклом площади и вошли во дворец. Там стояла служащая в запачканном форменном пиджаке, с темным пятном на одном рукаве.

— Дверь номер один, — сказала она, едва взглянув на нас. Судя по голосу, она вконец изнурена.

Дверь номер один вела на лужайку. С трех сторон — вид на холмы и деревья, наверху — голубое небо с прожилками перламутровых облаков. С четвертой стороны — бежевая стена с измятым травяным покровом у основания. В нескольких метрах передо мной — простое, но с толстенным сиденьем зеленое кресло. Не для меня, конечно, но мне все равно.

— Мне нужно сесть.

— Да, — сказала Сеиварден, и подвела меня туда, и опустила на него. Я закрыла глаза, всего лишь на минуту.

Заговорил ребенок — высоким, писклявым голосом.

— Пресгер обратились ко мне до Гарседда, — сказало дитя. — Переводчики, которых они прислали, были, несомненно, выращены из тех людей, что они забрали с человеческих кораблей, но их воспитывали и учили Пресгер, и я говорила

все равно что с пришельцами. Сейчас они лучше маскируются, но их соседство по-прежнему вызывает тревогу.

— Прошу прощения у моего лорда. — Сеиварден. — Почему вы им отказали?

— Я уже планировала их уничтожить, — ответил ребенок. Анаандер Мианнаи. — Начала готовить ресурсы, которые, как казалось, мне понадобятся. Я подумала, что до них дошли слухи о моих планах, которые их настолько напугали, что они захотели заключить мир. Я решила, что они демонстрируют свою слабость. — Она рассмеялась с горечью и сожалением, что странно сочеталось с таким юным голосом. Но Анаандер Мианнаи едва ли молода.

Я открыла глаза. Сеиварден преклонила колени рядом с моим креслом. Передо мной на траве, скрестив ноги, сидел ребенок лет пяти-шести, с ног до головы одетый в черное, с пирожным в одной руке. Вокруг него лежало содержимое моего багажа.

— Ты проснулась.

— Ты обсыпала глазурью мои иконы, — упрекнула я.

— Они прекрасны. — Она выбрала меньший диск, нажала. Появилась статуя в драгоценных

камнях и эмали, кинжал в третьей руке засверкал в лучах поддельного солнца. — Это ведь *ты*, не так ли?

— Да.

— Тетрархия Итран! Это там ты нашла пистолет?

— Нет. Там я добыла свои деньги.

Анаандер Мианнаи уставилась на меня с откровенным изумлением.

— Они дали тебе уйти с такими деньгами?

— Один из тетрархов был передо мной в долгу.

— Должно быть, это был немаленький долг.

— Именно.

— Они на самом деле приносят людей в жертву? Или это, — она указала на отрубленную голову в руке статуи, — лишь метафора?

— Это сложный вопрос.

Она выдохнула с хрипловатым *хмф*. Сеиварден стояла на коленях, молча и неподвижно.

— Врач сказала, что я была тебе нужна.

Пятилетняя Анаандер Мианнаи рассмеялась.

— И сейчас тоже.

— В таком случае, — заявила я, — иди-ка ты потрахайся сама с собой. — Что она могла, как ни странно, сделать на самом деле.

— Половина твоей ярости адресована тебе са-

мой. — Она доела последний кусочек пирожного и отряхнула друг о друга ручонки в перчатках, осыпав траву дождем крошек глазури. — Но это настолько чудовищная ярость, что даже половины более чем достаточно.

— Я могла бы злиться в десять раз сильнее, — сказала я, — но это ровным счетом ничего не значит, когда я без оружия.

Ее губы изогнулись в полуулыбке.

— Я не забралась бы туда, где я сейчас, если бы отказывалась от полезных орудий.

— Ты уничтожаешь орудия своего противника, где бы их ни находила, — заявила я. — Ты сказала мне это сама. И я не буду для тебя полезной.

— Я — правая, — произнес ребенок. — Я спою тебе, если хочешь, хотя не знаю, сработает ли с этим голосом. Это распространится на другие системы. Это уже началось, я пока еще не видела ответов из соседних периферийных дворцов. Ты нужна мне как союзник.

Я попыталась выпрямиться в кресле. Кажется, получилось.

— Не имеет значения, кто на чьей стороне. Не имеет значения, кто победит, потому что в любом случае это будешь *ты* и ничего в действительности не изменится.

— Легко *тебе* говорить, — заметила пятилетняя Анаандер Мианнаи. — И может быть, в каком-то отношении ты права. Многое на самом деле осталось неизменным, многое может остаться тем же, вне зависимости от того, какая из моих сторон одержит верх. Но скажи мне, неужели ты думаешь, что для лейтенанта Оун не было никакой разницы, которая я оказалась бы на борту в тот день?

На это у меня не было ответа.

— Если есть власть, и деньги, и связи, некоторые различия ничего не изменят. Или если ты решила покориться смерти в ближайшем будущем, на что, как я понимаю, ты сейчас настроена. А вот люди без денег и власти, которым отчаянно хочется жить, вот для этих людей небольшие различия вовсе не так малы. То, что, как тебе кажется, не имеет значения, для них — вопрос жизни и смерти.

— А тебя так волнуют ничтожные и безвластные, — сказала я. — Не сомневаюсь, что ты не спишь ночами, тревожась за их судьбы. Твое сердце просто истекает кровью.

— Не стоит так лицемерно на меня наезжать, — ответила Анаандер Мианнаи. — Ты служила мне без всяких сомнений две тысячи лет. Ты знаешь,

что это означает, лучше, чем кто-нибудь другой. И я *действительно* тревожусь за людей. Но быть может, более отвлеченно, чем ты, по крайней мере в эти дни. Тем не менее все это — моя работа. И ты права: я не могу на самом деле избавиться от себя самой. Мне необходимо, чтобы об этом напоминали. И лучше всего, чтобы моя совесть была вооружена и независима.

— В прошлый раз кое-кто попытался быть твоей совестью, — сказала я, думая об Айми и о том солдате с «Милосердия Саррса», который отказался выполнять ее приказы, — и все закончилось ее смертью.

— Речь об Айми. Ты имеешь в виду солдата Один Амаат Один «Милосердия Саррса», — сказал ребенок, улыбаясь, словно при особенно прекрасном воспоминании. — Такой головомойки я не получала за всю свою долгую жизнь. Под конец она меня обложила и опрокинула свой яд, словно араку.

Яд.

— Ты ее не пристрелила?

— Пули оставляют такую грязь, — сказал ребенок, все еще улыбаясь. — Что напоминает мне кое о чем. — Она протянула руку за спину и провела по воздуху ручонкой в перчатке. Внезапно там

возникла коробка, черная, словно всасывающая в себя свет. — Гражданин Сеиварден.

Сеиварден наклонилась вперед и взяла коробку.

— Я прекрасно понимаю, — произнесла Анаандер Мианнаи, — что ты высказывалась отнюдь не метафорически, когда заявила, что твой гнев должен быть вооружен, чтобы иметь какое-то значение. Я — тоже, когда сказала это про свою совесть. Просто чтобы ты понимала, что я действительно имею в виду то, что говорю. И для того чтобы ты не сделала никаких глупостей по незнанию, мне нужно объяснить, чем ты обладаешь.

— Ты знаешь, как это действует? — У нее были остальные пистолеты в течение тысячи лет. Более чем достаточно времени, чтобы разобраться, что к чему.

— До некоторой степени. — Анаандер криво усмехнулась. — Пуля, как, я уверена, ты уже знаешь, делает то, что она делает, потому что пистолет придает ей большое количество кинетической энергии. Пуля ударяется во что-нибудь, и эта энергия должна куда-то уйти. — Я не ответила и даже не приподняла бровь. — Пули в гарседдианском пистолете, — продолжила пятилетняя Мианнаи, — не пули в полном смысле

слова. Это… устройства. В состоянии покоя, пока пистолет не приводит их в боевую готовность. Не имеет никакого значения, с каким количеством кинетической энергии они покидают пистолет. Начиная с момента столкновения пуля-устройство производит столько энергии, сколько необходимо, чтобы насквозь пробить цель на глубину один и одиннадцать сотых метра. И затем оно останавливается.

— Останавливается. — Я была ошеломлена.

— Один и одиннадцать сотых метра? — озадаченно переспросила Сеиварден, стоя на коленях рядом со мной.

Мианнаи пренебрежительно махнула ручонкой:

— Пришельцы. Другие стандартные единицы измерения, полагаю. Теоретически после приведения в боевую готовность можно спокойно бросить такую пулю во что-нибудь, и она прожжет это насквозь. Но их можно привести в боеготовность только пистолетом. Насколько я понимаю, во вселенной нет ничего такого, что эти пули не могли бы пробить.

— Откуда же берется эта энергия? — спросила я. Все еще пораженная. Потрясенная. Неудивительно, что мне понадобился всего лишь один

выстрел, чтобы уничтожить тот бак с кислородом. — Она должна откуда-то браться.

— Надо думать, — сказала Мианнаи. — И ты вот-вот спросишь меня, как оно понимает, сколько ему нужно, или разницу между воздухом и тем, во что стреляешь. И этого я не знаю тоже. Ты понимаешь, почему я заключила тот договор с Прегер. И почему я так тревожусь за соблюдение его условий.

— И так хочешь их уничтожить, — добавила я. Эта цель — это пылкое желание другой Анаандер, как я догадалась.

— Я не забралась бы туда, где нахожусь сейчас, ставя перед собой разумные цели, — сказала Мианнаи. — Тебе не следует говорить об этом ни с кем. — Не успела я и рта раскрыть, как она продолжила: — Я *могла бы* заставить тебя хранить молчание. Но я не стану этого делать. Ты явно существенная часть этого метания знаков, и с моей стороны неуместно влиять на твою траекторию.

— Не думала, что ты суеверна, — заметила я.

— Я бы не говорила о суеверии. Но у меня есть другие дела, которыми нужно заняться. Здесь осталось очень мало меня — настолько мало, что точное число — это секретная информация. А сделать нужно очень много, поэтому у меня на

самом деле нет времени рассиживать здесь за разговорами. «Милосердию Калра» нужен капитан. И лейтенанты, как ни странно. Вероятно, ты сможешь выдвинуть их из своей команды.

— Я не могу быть капитаном. Я не гражданин. Я даже не *человек.*

— Ты — и то и другое, если я так говорю, — заметила она.

— Проси Сеиварден. — (Сеиварден поставила коробку мне на колени и снова опустилась на пол рядом с моим креслом, храня молчание.) — Или Скаайат.

— Сеиварден никуда без тебя не пойдет, — сказала лорд Радча. — Она дала мне это понять, пока ты спала.

— Тогда Скаайат.

— Она уже послала меня куда подальше.

— Какое совпадение!

— И на самом деле, она нужна мне здесь. — Анаандер поднялась на ноги, ее росточка едва хватало, чтобы смотреть мне в глаза, не поднимая взгляда, несмотря на то что я сидела. — Врач говорит, что тебе нужна по крайней мере неделя. Я могу дать тебе несколько дней дополнительно, чтобы произвести осмотр «Милосердия Калра» и загрузить все, что может понадобиться. Будет

проще для всех, если ты просто скажешь «да» сейчас, назначишь Сеиварден своим первым лейтенантом и позволишь ей позаботиться обо всем остальном. Но делай, как хочешь. — Она стряхнула траву и землю со своих ног. — Как только будешь готова, мне нужно, чтобы ты как можно быстрее добралась до базы Атхоек. Она в двух шлюзах отсюда. Или была бы — если бы «Меч Тлина» не уничтожил один шлюз.

«В двух шлюзах отсюда», — сказала старший инспектор Скаайат о сестре лейтенанта Оун.

— Что собираешься делать?

— У меня действительно есть выбор? — Она могла назвать меня гражданином, но и взять назад свое слово ей было столь же легко. — Помимо смерти, имею в виду.

Она неопределенно махнула рукой.

— Так же как у любого из нас. Что означает, возможно, никакого вообще. Но мы можем поговорить на философские темы позже. У нас обеих есть чем заняться прямо сейчас. — И она ушла.

Сеиварден собрала мои вещи, снова уложила их и помогла мне подняться на ноги и выйти. Она не заговорила, пока мы не вышли на главную площадь.

— Это корабль. Даже если это — всего лишь

«Милосердие».

Оказалось, я проспала достаточно времени, чтобы все осколки стекла убрали и на площади снова появились люди, хотя и не очень много. Все выглядели несколько осунувшимися, и складывалось впечатление, что они словно ожидают чего-то непредвиденного. Разговоры велись негромко, приглушенными голосами, поэтому площадь выглядела заброшенной, хотя там и были люди. Повернув голову к Сеиварден, я приподняла бровь.

— Капитан здесь ты. Бери его, если хочешь.

— Нет. — Мы остановились у скамьи, и она опустила меня на нее. — Если я капитан, кто-то должен мне жалование за предыдущие годы. Я официально оставил службу, когда тысячу лет назад объявили о моей смерти. Если я хочу вернуться, мне нужно начать все сначала. Кроме того… — Она заколебалась, а затем села рядом. — Кроме того, когда я вышел из того отсека временной приостановки жизнедеятельности, мне казалось, что всё и вся подвели меня. Радч подвел меня. Мой корабль подвел меня. — Я нахмурилась, и она примирительно повела рукой. — Нет, это нечестно. Все это нечестно, просто я так чувствовал. И я сам потерпел неудачу. А вот

ты — нет. — Я не знала, что на это сказать. Но она как будто и не ожидала ответа.

— «Милосердию Калра» не нужен капитан, — произнесла я после четырех секунд тишины. — Быть может, он его и не хочет.

— Ты не можешь отказаться от своего назначения.

— Могу, если у меня достаточно денег, чтобы себя обеспечить.

Сеиварден нахмурилась, сделала вдох, будто собиралась поспорить, но не стала. Помолчав минуту, она сказала:

— Ты могла бы зайти в храм и попросить метнуть знаки.

Интересно, то ли созданный мною образ благочестивой иностранки убедил ее, что у меня есть некая вера, то ли она просто радчааи до мозга костей и потому думает, что метание пригоршни знаков ответит на любой неотложный вопрос, склонит меня к верному поступку. Легким движением руки я показала свое сомнение.

— Мне это не нужно. Можешь сделать это, если хочешь. Или метни прямо сейчас. — Если у нее есть что-нибудь с лицевой и обратной сторонами, она может это подбросить. — Выпадет орел — перестанешь приставать ко мне с этим и уго-

стишь чаем.

Она удивленно выдохнула: *ха.* И тут же сказала:

— О! — и опустила руку в карман пиджака. — Скаайат дала мне это для тебя.

Скаайат. А не *та Оэр*.

Открыв ладонь, Сеиварден показала мне золотой диск двух сантиметров в диаметре. Бордюр из крошечных листиков окаймлял имя: ОУН ЭЛМИНГ.

— Не думаю, впрочем, что ты захочешь его подбрасывать, — заметила Сеиварден. А когда я промолчала, добавила: — Она сказала, что это на самом деле должно принадлежать тебе.

Пока я пыталась подобрать слова и собраться с силами, чтобы произнести их, осторожно подошла офицер службы безопасности. Сказала почтительно:

— Прошу прощения, гражданин. База хотела бы переговорить с вами. Панель — вон там.

— У тебя нет имплантатов? — спросила Сеиварден.

— Я их скрыла. Некоторые деактивировала. База, вероятно, не может их увидеть. — И я не знала, где мой наладонник. Вероятно, где-нибудь в багаже.

Пришлось подниматься, и идти к панели, и стоять, пока я разговаривала.

— Ты хотела побеседовать со мной, База, я здесь. — Неделя отдыха, о которой говорила Анаандер Мианнаи, становилась все более заманчивой.

— Гражданин Брэк Мианнаи, — произнесла База безжизненным, спокойным голосом.

Мианнаи! Моя рука все еще сжимала памятную брошку лейтенанта Оун, я бросила взгляд на Сеиварден, стоящую за спиной с моим багажом.

— Не было никакого смысла расстраивать тебя еще больше, — сообщила она, словно я что-то сказала.

Лорд Радча сказала *независимая*, и я вовсе не удивилась, обнаружив, что она вовсе не имела этого в виду. Но ход, который она избрала, чтобы подчеркнуть это, меня удивил.

— Гражданин Брэк Мианнаи, — сказала снова База из панели, голос ее был ровным и спокойным, как всегда, но в этом повторе я почуяла некую злонамеренность. Мое подозрение подтвердилось, когда База продолжила: — Я бы хотела, чтобы ты отсюда уехала.

— Неужели? — Ничего лучше мне в голову не пришло. — Почему?

Через полсекунды последовал ответ:

— Посмотри вокруг. — (У меня не было сил сделать это буквально, поэтому я восприняла это метафорически.) — Госпиталь переполнен ранеными и умирающими гражданами. Значительная часть моего оборудования повреждена. Мои жители в тревоге, они напуганы. Я встревожена и напугана. Я даже не упоминаю о беспорядке, царящем вокруг Дворца. И причина всему — *ты*.

— Нет, не я. — Я напомнила себе, что, какой бы ребячливой и ограниченной сейчас ни казалась База, она не слишком отличалась от того, кем являлась я, и в некоторых отношениях работа, которую она выполняла, была значительно сложнее и насущнее, чем моя, ведь она заботилась о сотнях тысяч, даже миллионах граждан. — И мой отъезд ничего не изменит.

— Мне все равно, — сказала База спокойно. Раздражение, которое я заметила, было, несомненно, плодом моего воображения. — Я советую тебе уехать сейчас, пока это возможно. Это может оказаться сложным уже в ближайшем будущем.

База не могла приказывать мне уехать. Строго говоря, она не должна была говорить со мной так, если я на самом деле гражданин.

— Она не может *заставить* тебя уехать, — ска-

зала Сеиварден, повторяя отчасти мои мысли.

— Но она может выразить свое неодобрение. — Спокойно. Незаметно. — Мы постоянно это делаем. По большей части никто этого не замечает, пока не посетит другой корабль или базу и вдруг не поймет, что там ему отчего-то намного комфортнее.

Последовала секунда молчания, и затем Сеиварден произнесла:

— О! — Судя по всему, вспомнила свои дни на «Справедливости Торена» и переезд на «Меч Настаса».

Я уперлась лбом в стену у панели.

— Это все, База?

— «Милосердие Калра» хотел бы поговорить с тобой.

Пять секунд тишины. Я вздохнула, понимая, что не могу победить в этой игре, не стоит даже и пытаться.

— Я буду говорить с «Милосердием Калра» сейчас, База.

— «Справедливость Торена», — произнес голос «Милосердия Калра» из панели.

Это имя поразило меня, на глаза навернулись слезы изнеможения. Я сморгнула их.

— Я — лишь Один Эск, — сказала я. И сглотну-

ла. — Девятнадцать.

— Капитан Вэл арестована, — продолжал голос «Милосердия Калра». — Не знаю, будет ли она перевоспитана или казнена. И мои лейтенанты тоже.

— Мне жаль.

— Это не твоя вина. Они сделали свой выбор.

— Так кто же командует? — спросила я. Рядом со мной Сеиварден застыла в молчании, положив руку на мою. Мне хотелось лечь и уснуть, только этого, и ничего больше.

— Один Амаат Один.

Старший солдат старшего подразделения «Милосердия Калра». Командир. Подразделения из вспомогательных компонентов не нуждались в командирах.

— Тогда она может быть капитаном.

— Нет, — сказал голос «Милосердия Калра». — Из нее получится хороший лейтенант, но она не готова стать капитаном. Она делает все, на что способна, но она ошеломлена.

— «Милосердие Калра», — сказала я, — если я могу быть капитаном, почему ты не можешь стать собственным капитаном?

— Это было бы нелепо, — ответил голос «Милосердия Калра», спокойно, как всегда, но мне

послышалось в нем раздражение. — Моему экипажу нужен капитан. Но с другой стороны, я всего лишь «Милосердие», не так ли? Я уверен, что лорд Радча дала бы тебе «Меч», если бы ты попросила. Не то чтобы капитан «Меча» была бы счастливее, если б ее отправили на «Милосердие», но я полагаю, это лучше, чем вообще без капитана.

— Нет, корабль, это не…

Вмешалась Сеиварден — суровым голосом:

— Прекрати это, корабль.

— А ты — не мой офицер, — сказал голос «Милосердия Калра» из панели, и теперь он прозвучал уже не так бесстрастно, как обычно.

— *Пока* нет, — ответила Сеиварден.

Я начала подозревать здесь ловушку, но Сеиварден не стала бы заставлять меня стоять вот так, посреди главной площади. Не сейчас.

— Корабль, я не могу быть тем, чего ты лишился. Ты никогда не сможешь этого вернуть, мне жаль. — И я тоже не могла вернуть того, что потеряла. — Я больше не могу здесь стоять.

— Корабль, — строго сказала Сеиварден, — твой капитан все еще оправляется от ранений, а База вынуждает ее стоять посреди площади.

— Я отправил челнок, — сказал «Милосердие Калра» после паузы, которая, как я предположи-

ла, должна была выразить то, что он думает о Базе. — Тебе будет удобнее на борту, капитан.

— Я не… — начала я, но «Милосердие Калра» уже отключился.

— Брэк, — сказала Сеиварден, потянув меня от стены, на которую я опиралась, — пойдем.

— Куда?

— Ты знаешь, что тебе будет комфортнее на борту. Гораздо лучше, чем здесь.

Я не ответила, а просто позволила Сеиварден тянуть себя вперед.

— Все те деньги не много будут значить, если выйдут из строя другие шлюзы, станут блуждать в пространстве корабли и прервутся поставки. — Мы направлялись, как я видела, к лифтам. — Все разваливается. И не только здесь, это происходит по всему пространству Радча, не так ли? — Это так, но у меня не было сил размышлять над этим. — Может, ты думаешь, что сможешь стоять в стороне и наблюдать, как все это происходит. Но я не думаю, что ты сможешь.

Нет. Если бы я могла, меня бы здесь не было. И Сеиварден тоже здесь не было бы, я бы оставила ее в снегу на Нильте или никогда не отправилась бы на Нильт.

Двери лифта проворно закрылись за нами.

Несколько быстрее, чем обычно, хотя, возможно, мне лишь показалось, что База выразила свое сильное желание увидеть мой отъезд. Но лифт не двигался.

— К причалам, База, — сказала я. Потерпев поражение. На самом деле мне больше некуда идти. Для этого я была создана, это я и есть. И даже если торжественные заявления тирана были неискренни, каковыми они в конечном счете и должны быть, вне зависимости от ее намерений в эту минуту, тем не менее она была права. Мои поступки несколько изменят ход событий, пусть даже совсем немного. Быть может, и для сестры лейтенанта Оун. А я уже подвела однажды лейтенанта Оун. Сильно. Больше этого не случится.

— Скаайат даст тебе чаю, — сказала Сеиварден, не удивившись, когда лифт тронулся.

Интересно, когда я ела в последний раз?

— Думаю, я проголодалась.

— Это хороший знак, — отметила Сеиварден и взяла меня за руку крепче, когда лифт остановился и двери открылись на заполненный богами зал перед причалами.

Выбираю цель, делаю один шаг, а за ним следующий. Всегда было именно так.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мысль о том, что писательство — это искусство затворника, не блещет оригинальностью, правда и то, что записывать свое сочинение автор должен сам. Тем не менее так много всего происходит до того, как сочинение записывается, а затем — после этого, когда стараешься привести свое произведение в наилучший вид.

Я не стала бы той писательницей, какая есть, без мастерской «Кларион Вест» и моих сокурсников оттуда. И я извлекла большую пользу из щедрой и проницательной помощи многих друзей: Чарли Аллери, С. Хатсон Блаунт, Кэролин Ив Джилман, Анны Швинд, Курта Швинда, Майка Свирски, Рэйчел Свирски, Дэйва Томпсона и Сары Викерс, — все они оказали мне огромное содействие и поддержку, и без них эта книга получилась бы хуже. (Любые допущенные оплошности, однако, целиком и полностью мои.)

Я хотела бы также поблагодарить книжный магазин «Падднхед Букс» в Сент-Луисе, библиотеку Университета Вебстер, библиотеку округа Сент-Луис и Муниципальный библиотечный

консорциум округа Сент-Луис. Библиотеки — колоссальный и ценный ресурс, и я уверена, что слишком много их просто не может быть.

Благодарю своих потрясающих редакторов Тома Боумана и Дженни Хилл, чьи вдумчивые замечания помогли сделать книгу такой, какой она получилась. (Огрехи опять-таки полностью мои.) И спасибо моему поразительному агенту Сэту Фишману.

И последнее, но ни в коем случае не менее важное — я не могла бы даже начать писать эту книгу без любви и поддержки моего мужа Дэйва и моих детей Айдан и Гавэйна.

Леки Э.

Л 43 Слуги правосудия: Роман / Пер. с англ. В. Лушникова. — СПб.: Издательство «Фантастика Книжный Клуб», 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-91878-115-9

Энн Леки

СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ

Когда-то она была огромным космическим кораблем и управляла тысячами солдат, которые служили непобедимой Империи Радча, завоевавшей всю галактику. Однако коварное предательство лишило ее всего. Теперь, девятнадцать лет спустя, она просто Брэк, одинокая странница, обладающая хрупким человеческим телом и движимая непреодолимым желанием отомстить. Отправившись на далекую заснеженную планету в поисках орудия для своей мести, Брэк неожиданно встречает человека, которого знала тысячу лет назад. Она спасает его от гибели и берет с собой, но, возможно, это большая ошибка.

Награды и премии:

Arthur C. Clarke Award, 2014

The Kitschies Award, 2013

BF Award, 2014

Nebula Award, 2013

Locus Award, 2014

Hugo Award, 2014

BSFA Award, 2014

ScienceFiction

16+

ISBN 978-5-91878-195-9

